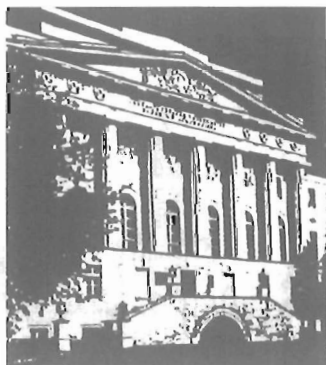

Серия
**КЛАССИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК**

основана в 2002 году по инициативе ректора
МГУ им. М.В. Ломоносова
академика РАН В.А. Садовниченко
и посвящена

**250-летию
Московского университета**

КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ УЧЕБНИК

Редакционный совет серии

Председатель совета
ректор Московского университета
В.А. Садовничий

Члены совета:

Виханский О.С., Голиченков А.К., Гусев М.В.,
Добренчиков В.И., Донцов А.И.,
Засурский Я.Н., Зинченко Ю.П. (ответственный секретарь),
Камзолов А.И. (ответственный секретарь),
Карпов С.П., Касимов Н.С., Колесов В.П.,
Лободанов А.П., Лунин В.В., Лупанов О.Б., Мейер М.С.,
Миронов В.В. (заместитель председателя),
Михалев А.В., Моисеев Е.И., Пушаровский Д.Ю.,
Раевская О.В., Ремнева М.Л., Розов Н.Х.,
Салещкий А.М. (заместитель председателя),
Сурин А.В., Тер-Минасова С.Г.,
Ткачук В.А., Третьяков Ю.Д., Трухин В.И.,
Трофимов В.Т. (заместитель председателя),
Шоба С.А.

Б.И. Есин

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ XIX ВЕКА

3-е издание, исправленное

*Допущено Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебника для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлению 520600 и специальности
021400 «Журналистика»*

УДК 070(47+57)(091)(075.8)
ББК 76.01(2)я73
Е 83

Печатается по решению Ученого совета
Московского университета

Рецензенты:

доктор филол. наук, профессор Г.В. Антиохин,
доктор филол. наук, профессор А.И. Станько

Есин Борис Иванович

Е 83 История русской журналистики XIX века: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Журналистика». — 3-е изд., испр. — М.: Изд-во МГУ; «Печатные Традиции», 2008. — 304 с. — (серия «Классический университетский учебник»).

ISBN 978-5-211-05327-4 (Изд-во Моск. ун-та)

ISBN 978-5-91561-005-6 («Печатные Традиции»)

Учебник состоит из двух частей: первая половина XIX в. и вторая половина XIX в. Рассматриваются различные направления журналистики, содержание литературных, публицистических и сатирических журналов, газет, нелегальная печать, показана журнально-публицистическая деятельность А.С. Пушкина, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.А. Некрасова, М.Н. Каткова, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, А.М. Горького и др.

Для студентов факультетов и отделений журналистики.

УДК 070(47+57)(091)(075.8)
ББК 76.01(2)я73

ISBN 978-5-211-05327-4
(Изд-во Моск. ун-та)
ISBN 978-5-91561-005-6
(«Печатные Традиции»)

© Издательство Московского университета, 2008
© МГУ им. М.В. Ломоносова, художественное
оформление, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Вы открыли одну из замечательных книг, изданных в серии «Классический университетский учебник», посвященной 250-летию Московского университета. Серия включает свыше 150 учебников и учебных пособий, рекомендованных к изданию Учеными советами факультетов, редакционным советом серии и издаваемых к юбилею по решению Ученого совета МГУ.

Московский университет всегда славился своими профессорами и преподавателями, воспитавшими не одно поколение студентов, впоследствии внесших заметный вклад в развитие нашей страны, составивших гордость отечественной и мировой науки, культуры и образования.

Высокий уровень образования, которое дает Московский университет, в первую очередь обеспечивается высоким уровнем написанных выдающимися учеными и педагогами учебников и учебных пособий, в которых сочетаются как глубина, так и доступность излагаемого материала. В этих книгах аккумулируется бесценный опыт методики и методологии преподавания, который становится достоянием не только Московского университета, но и других университетов России и всего мира.

Издание серии «Классический университетский учебник» наглядно демонстрирует тот вклад, который вносит Московский университет в классическое университетское образование в нашей стране и, несомненно, служит его развитию.

Решение этой благородной задачи было бы невозможным без активной помощи со стороны издательств, принявших участие в издании книг серии «Классический университетский учебник». Мы расцениваем это как поддержку ими позиции, которую занимает Московский университет в вопросах науки и образования. Это служит также свидетельством того, что 250-летний юбилей Московского университета — выдающееся событие в жизни всей нашей страны, мирового образовательного сообщества.

Ректор Московского университета
академик РАН, профессор

В.А. Садовничий

ВВЕДЕНИЕ

История русской журналистики входит составной частью в систему учебных дисциплин факультетов и отделений журналистики государственных университетов. Она связана с циклом общественных наук, историей России, теорией и историей русской литературы, социологией, теорией журналистики, является непосредственной предшественницей курса истории отечественных средств массовой информации после 1917 г., современных СМИ.

Основные задачи изучения истории русской журналистики, сформулированные профессором А.В. Западковым (см.: История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1963. С. 8), могут быть нами повторены с небольшими добавлениями. Это прежде всего изучение закономерностей развития периодической печати в России, изучение общественно-политического направления журналов и газет как выразителей идеологии и практики определенных общественных групп, их взаимоотношений и полемики между ними. Это исследование развития журналов и газет как специальных видов печатной продукции, их соотношения на разных этапах истории, изучение организации и судьбы конкретных изданий, деятельности их редакторов, издателей, сотрудников, анализ их публицистического наследия и индивидуального мастерства, изучение распространения печати и взаимоотношения печатных органов с аудиторией, юридических и административных условий, в которых действовала печать на протяжении XIX в. (История русской журналистики XVIII в. в настоящее время подробно изложена в достаточном числе учебных пособий и монографий¹). К этому добавим, что историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать. Особенно опасно приукрашивать действительность дореволюционной России, затушевывать остроту общественных противоречий в стране, хотя вместе с тем XIX в. дал много полезного, доброго для развития страны и ее журналистики. Принцип

¹ См.: Берков П.И. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952; История русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. I; История русской журналистики XVIII—XIX веков / Под ред. А.В. Западова. 3-е изд. М., 1973; Татинова Л.Е. Русская литература и журналистика XVIII в. 3-е изд. М., 2001. См. также хрестоматии русских периодических изданий XVIII в.

правды является главенствующим принципом освещения любых периодов истории отечественной печати.

Изучение прошлого отечественной журналистики способствует развитию самосознания журналиста, формированию профессиональных качеств и навыков, учит, как действовать в той или иной обстановке, методам сбора материала, аргументации и созданию публицистических произведений, т.е. нацелено не только на получение определенных культурно-исторических знаний, но и на реализацию их в практической деятельности.

До недавнего времени история русской журналистики рассматривалась в тесной связи с историей революционного освободительного движения в стране и делилась на три периода: дворянский, разночинский и пролетарский. Эта периодизация была предложена В.И. Лениным, а еще раньше намечена Н.П. Огаревым (ст. «Надгробное слово»).

Сейчас в связи с 300-летним опытом развития печати в России и изменениями в нашем сознании целесообразно предложить другую периодизацию, поскольку наша печать с 1703 по 1917 г. развивалась эволюционно в одних и тех же условиях самодержавного государства и признания частной собственности. Нет основания оставлять весь начальный период с 1703 по 1825 г. без определения, как это предусматривала периодизация по Ленину, а с 1825 г. отсчитывать дворянский период в истории русской журналистики, с 1861 г. — разночинский, а с 90-х годов XIX в. — пролетарский.

Целесообразней журналистику XIX в. рассматривать по десятилетиям как целостное явление. Таким образом, учебник охватывает весь XIX в. как существенную часть истории отечественной журналистики, где знаменательной вехой является эпоха реформ 60-х годов, начиная с отмены крепостного права в 1861 г., и развития капиталистических отношений. На XIX в. падают важнейшие количественные и качественные изменения читательской аудитории, типологические преобразования всей системы периодической печати, ее необыкновенный рост. В этом веке действовали такие одаренные русские критики, публицисты, издатели, как Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой, К.Ф. Рылеев, А.А. Бестужев, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, В.Г. Белинский, А.А. Краевский, Н.А. Некрасов, Н.Г. Чернышевский, А.Н. Добролюбов, Д.И. Писарев, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, М.Н. Катков, Г.И. Успенский, Н.К. Михайловский, В.Г. Короленко и многие другие, без знания наследства которых не может быть образованного журналиста в наше время.

В учебнике основное место отводится общедемократической и либеральной прессе, ибо эти направления объективно были ведущими в истории русской журналистики XIX в. Их органы ставили и разрабатывали наиболее важные вопросы времени,

страны, общества. Конечно, и представители консервативно-монархического, религиозно-философского направлений имели талантливых журналистов, организаторов. И у них была своя аудитория. Но их журналистика, как «казенная», типа губернских ведомостей, «Правительственного вестника», так и частная, не имела, за редким исключением (М.Н. Катков), в XIX в. ни того авторитета в обществе, ни того политического влияния, как пресса оппозиционная: либеральная и демократическая. Поэтому откровенно консервативная, реакционная печать рассматривается менее подробно, только в связи с общими процессами развития журналистики.

Журналистика и ее история включают в себя ряд категорий: тексты, виды и типы изданий, аудиторию, личность журналиста, источники информации, действенность и многие другие. Проследить их все в учебнике невозможно. В нем выделяются лишь главные из них, и часто они рассматриваются не во всех разделах и главах, а только в тех, где проявляются наиболее ярко, оригинально и поучительно.

Курс истории русской журналистики XIX в. занимает в учебном плане два семестра. Этим объясняется деление всего материала и списка рекомендованной литературы на две части.

В отличие от имеющихся пособий, где упор делается в основном на изучении периодики первой половины XIX в., мы стремились по возможности в равной мере излагать историю печати и второй половины XIX в., которая в количественном отношении значительно превышает журналистику первой половины позапрошлого столетия. Кроме того, в учебнике больше внимания уделяется и вопросам индивидуального мастерства ведущих публицистов.

Усвоение курса истории русской журналистики предполагает, кроме слушания лекций и проработки настоящего учебника, чтение текстов публицистических произведений, часть из которых входит в хрестоматии. Основной из них является хрестоматия «История русской журналистики» (М.: Высшая школа, 1991).

Однако для более глубокого и профессионально-полезного усвоения опыта знаменитых публицистов прошлого ряд текстов должен быть прочитан по собраниям сочинений таких писателей-публицистов, как А.С. Пушкин, М.Е. Салтыков-Щедрин, В.Г. Короленко и многих других. Объем этого чтения может носить вариативный характер в связи с личными пристрастиями и указаниями лектора.

Дополнительное чтение произведений авторов, не включенных в хрестоматию, но упомянутых в учебнике (А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, В.С. Соловьев, В.В. Розанов), может также удовлетворить индивидуальные склонности и интересы будущего журналиста.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

1. Журналистика начала XIX века. 2. Журналистика декабристов. 3. Журналистика во второй половине 20-х — в 30-х годах. 4. Журналистика 40-х годов. 5. Журнально-издательская деятельность А.И. Герцена и Н.П. Огарева. «Толлярная звезда», «Колокол». 6. Журналистика второй половины 50-х и начала 60-х годов.

Журналистика начала XIX в. опиралась на традиции и завоевания печати XVIII в.

За сто лет своего развития в рамках XVIII в. русская журналистика достигла немалого. Возникнув по воле царя Петра I, печать, однако, отражала не случайную прихоть одного лица, а явилась следствием роста национального самосознания и культуры, была насущной потребностью общества и государства. Несмотря на строгий надзор правительственных и церковных служащих разного ранга, русская журналистика к середине века встала вровень с возникшей раньше ее по времени печатью развитых европейских стран. Она стала важным фактором общественно-политической и литературной жизни страны. В лице своих лучших представителей (Радищев, Новиков, Крылова и др.) она выражала свое недовольство абсолютизмом, ее отличали протест против помещичьего произвола, сочувствие закрепощенному крестьянству, борьба за просвещение, воспитание высокого патриотизма граждан. Журналистика XVIII в. дала образцы язвительного памфлета («Письма Фалалею» Новикова, «Похвальная речь моему дедушке...» Крылова), показала большие возможности эпистолярного жанра (Крылов, Фонвизин), сформулировала важные положения нравственного кодекса работника печати (Ломоносов, Радищев), завещала передовым русским журналистам правдивость и честность как неперемненные профессиональные качества.

Появились частные журналы, обособились специальные: хозяйственные, медицинские, детские и пр. Родилось совершенно оригинальное явление — сатирическая журналистика. Самой крупной фигурой этого времени, безусловно, был А.Н. Радищев. Возникли первые провинциальные издания.

Вместе с тем общерусская печать нуждалась в значительном усовершенствовании. Газеты носили казенный характер, их было мало, поэтому история печати складывалась преимущественно как история журналов. Журналы часто еще не умели обеспечить единство направления, коллегиальности. Отсюда тяготение к моножурналу, т.е. журналу одного лица.

Предстояло еще совершенствование многих журнально-газетных жанров, а также разработка журнальной теории, видов и форм общения с массовым читателем, выработка типов изданий, дифференциация журналистского труда, преодоление цензурных ограничений, повышение качества информации.

* * *

Журналистика начала XIX в. по своим идеям была весьма неоднородной. В ней участвовали представители самодержавного строя, сторонники неизменности общественных отношений, но были люди, оппозиционно настроенные к существующим порядкам в России, которые стремились к изменению положения в стране, раскрепощению народа, усилению законности, осуществлению свободы прессы и равенства граждан.

В царской России с ее деспотическим строем, грубыми полицейскими формами подавления всякой попытки гражданского объединения и политической деятельности литература и литературная критика сыграли особо важную роль в освободительном движении, духовном развитии и наложили существенный отпечаток на все издания как XVIII, так и первой половины XIX в.

В последние годы XVIII и в первый год XIX в. правительство всячески стремилось подчинить прессу своим интересам. Издание новых газет и журналов строго регламентировалось. В имеющихся изданиях сужалась политическая информация. В официальной печати, частной печати дворянской ориентации, поддерживающей монархизм, острые социальные вопросы не находили места, ничего не говорилось о народе, его нуждах и страданиях. Особенно нетерпимо было правительство ко всему, что напоминало о народных возмущениях, о французской буржуазной революции. Дело доходило до абсурда: при Павле I было запрещено носить широкополые шляпы, определенного покроя платье и т.д., ибо это напоминало о революционной Франции. Именным указом императора были

изъяты из обращения такие слова, как граждане (следовало писать и говорить: жители, обыватели), отечество (надо было употреблять слово «государство»), а слово «общество» предписано было «вообще не писать». Поэтому употребление автором гражданской терминологии в публицистике тех лет уже свидетельствовало о его взглядах, представляло известный акт гражданского мужества.

При Павле I, по существу, впервые устанавливалась официальная правительственная цензура в городах Петербурге, Москве, Риге, Одессе и пограничном местечке Радзивилов. Были назначены цензоры, выделено соответствующее помещение и штаты. Руководили цензурой по-прежнему чиновники из управы благочиния, т.е. полицейские.

Боязнь влияния революционных идей дошла до такой степени, что в 1799 г. Павел I повелел, «чтобы... все книги, коих время издания помечено каким-нибудь годом французской республики, были запрещаемы»¹.

И как бы ни казалась слабой и ограниченной прогрессивная печать начала XIX в., она заслуживает внимания, поскольку именно она пробивала заслоны на пути социальной информации, несла слово правды, ставила социально острые вопросы, прежде всего о тяготах крепостничества, и тем самым как бы «выравнивала» систему печати, хотя и с большим трудом, большими жертвами.

С приходом на престол Александра I в общественной жизни России наблюдается некоторое оживление. В это время несколько смягчается положение прессы и литературы. Облегчаются цензурные правила. Вновь разрешается ввоз книг из-за границы, снимается запрет на открытие частных типографий. Цензура была передана министерству просвещения, а точнее университетам, и цензорами стали профессора Московского и других университетов. В 1804 г. был принят цензурный устав, который сохранял предварительную цензуру, но разрешал, например, спорные места истолковывать в выгодном для автора смысле.

В результате этих мер и некоторого смягчения общего положения образованного общества увеличивается количество периодических изданий в стране, хотя в большинстве своем они по-прежнему остаются недолговечными: за 10 лет появилось более 70 изданий. В их число входят журналы и газеты

¹ Жарков Г.В. История цензуры в России. М., 2001. С. 31.

на иностранных языках как средство официозной внешне-политической контрпропаганды («Russland unter Alexander dem Ersten», «Journal du Nord» и др.).

Однако отмена ряда ограничений в области печати не изменила принципиально положения журналистики и не могла изменить настроения цензоров, в большинстве своем старорежимных слуг царского самодержавия, особенно следивших за атеистическими произведениями, за материалами, связанными с крестьянским вопросом, неустойчива была их позиция по отношению к политике Франции, Наполеона. Все разговоры о конституции остались разговорами, а некоторые перемены и либеральные обещания царя удовлетворили основную массу дворянства, боявшегося серьезных социальных изменений.

В 1797 г. из ссылки был возвращен Радищев. В 1801 г. он хотя и получил права свободного гражданина, но тем не менее был стеснен в своей деятельности. Его литературные сочинения — стихотворная повесть «Бова», неоконченная поэма на сюжет древнерусской истории, — развивавшие национально-героическую тему, не были напечатаны. Вернувшись на государственную службу при Александре I, он был вынужден как бы прикрывать своим именем либеральные поползновения царя, и это было непереносимо. В 1802 г. революционер-мыслитель покончил с собой.

Но его революционные идеи глубоко вошли в русскую литературу и журналистику.

В начале XIX в. оппозиционные и либеральные настроения немногочисленной передовой дворянской интеллигенции нашли выход в организации ряда дружеских, литературных обществ, в издании ими периодических или непериодических печатных органов — журналов, альманахов. Так, возникает «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», в которое входили И.П. Пнин, И.М. Борн, В.В. Попугаев, старшие сыновья Радищева — всего более двадцати молодых поэтов и публицистов. Идейным вдохновителем общества был Пнин. Именно здесь раздалось первое слово горячего сочувствия умершему Радищеву. Никто более не откликнулся на трагическую гибель революционера.

Группу писателей, объединенных «Вольным обществом», часто называют «радищевцами», но термин этот до известной степени надо считать условным. Выступая за просвещение,

свободу, против порабощения человека, т.е. против крепостничества, радищевцы в отличие от Радищева не признавали революционных методов борьбы за народное освобождение. И все-таки показательно, что именно имя Радищева как самое яркое революционное имя XVIII в. сопутствовало передовым изданиям начала XIX в.

Члены «Вольного общества» издавали ряд периодических и неперiodических изданий. В них много интересного с точки зрения развития типа журнала, отдельных жанров публицистики, приемов журнальной борьбы и полемики, но оптимальная форма журнала как общественно-политического издания в это время еще не сложилась.

В числе изданий радищевцев стихотворный альманах «Свиток муз» (1802—1803). Всего вышло две книги альманаха. Во второй обращает на себя внимание некролог Борна «На смерть Радищева». По форме некролог представляет собой ораторскую речь, обращенную к друзьям, где стихи чередуются с прозой. По существу, это открытая апология Радищева как «истинно великого человека», павшего жертвой деспотизма. Борн подчеркивает, что этот великий человек жил в угнетении, в ссылке, пострадал за правду, ибо в деспотическом обществе «участь правды — быть гонимой». В «Свитке муз» печатались также А.Х. Востоков, В.И. Красовский, В.В. Попугаев и др.

Необычность содержания альманаха — наличие гражданских, патриотических стихов — определила его успех у современников. Альманахи на целое двадцатилетие стали равноправным типом в журналистике, хотя альманах, конечно, не журнал в собственном смысле слова. Но прогрессивная общественная мысль удачно его использовала для выработки своих принципов литературы и журналистики. Многие достижения передовых альманахов были восприняты русской журналистикой. (В 30—40-е годы альманах с развитием журнальных форм отойдет за рамки журналистики.)

Члены «Вольного общества» издали также журнал под названием «Периодическое издание» (1804; вышел один номер). Это издание должно было включать в себя не только стихи, но и прозу. Редактором его был В. Попугаев. В журнале были помещены статьи политические, педагогические и отчеты редактора, излагавшие краткую историю «Вольного общества».

Наиболее ярким произведением этого издания является «Негр» В. Попугаева. В то время многие передовые русские писатели выступали против рабства негров, работорговли,

используя эту тему одновременно для пропаганды антикрепостнических взглядов. В основе произведения Попугаева лежит взволнованный монолог негра Амру, захваченного работорговцами в плен. Монолог звучит предостережением всем угнетателям:

«А вы, о варвары! страшитесь гнева небес за коварное сердце ваше — вы погибнете без всякой пощады; глас трубы правосудия загремит на вас по скончании века; вы дадите отчет за отнятие воли нашей! Кто дал вам на сие право? Кто позволит вам делать невольниками собратий ваших? Негр не может принадлежать белому ни по каким правам. Воля не есть продажного, цена золота всего света не в силах оной заплатить, и никакой тиран ею располагать не должен».

Взволнованность, стремление сделать читателя активным участником событий — ценная и поучительная черта публицистики радищевцев. Желание активного воздействия на публику привело к широкому использованию жанров воззвания, письма, послания, диалога, т.е. таких форм публицистики, которые появились раньше журналистики.

В 1805 г. в Петербурге «Вольное общество» начинает издавать **«Журнал российской словесности»**. Редактором его был Н.П. Брусилов. В нем сотрудничали И.П. Пнин, А.П. Бенитцкий, А.Е. Измайлов, Н.Ф. Остолопов и др. «Главный предмет онго, — говорилось в объявлении об издании журнала, — есть российская словесность». Но содержание журнала выходило за рамки указанной программы. Здесь помещались статьи и политического характера.

Особое значение имеет участие в журнале И.П. Пнина — лидера «Вольного общества». В первом номере журнала помещена его ода «Человек» — гуманистическое и глубоко атеистическое произведение. Пнин утверждает, что человек есть не что иное, как создание природы. Он, а не бог, создатель всех ценностей на земле. Человек создал себя, мудрость сыскал через труд и опыт. Человек «на земле, что в небе бог!». Ода Пнина направлена против угнетения человека, против превращения человека в раба.

В журнале были напечатаны также «Ода на правосудие», притча «Царь и придворный» Пнина и др. В номере 12 за 1805 г. посмертно (Пнин умер очень рано) был напечатан памфлет Пнина «Сочинитель и цензор», в котором, обращаясь к общественному мнению, поэт протестует против гонений на его книгу «Опыт о просвещении относительно к России».

Он проводит мысль, что цензура — препятствие для развития прогрессивных идей, помеха для истины.

Н.П. Брусилов ценил участие И.П. Пнина в журнале, тепло относился к поэту. После его смерти он поместил в журнале статью «О Пнине и его сочинениях», в которой поэт охарактеризован как «защитник угнетенных». Кроме того, Брусилов печатает ряд стихотворных откликов на смерть Пнина.

Брусилов являлся автором нескольких фельетонов. В фельетонах «История часов», «Зеркало», «Похвальная речь собачке» он выступал против крайностей сентиментализма, насыщая одновременно свои произведения антидворянским содержанием. В фельетоне «Путешествие на остров подлецов» показана лживость, продажность, аморальность современного Брусилову «культурного» общества, интересы которого подчинены исключительно денежному расчету. Брусиловский фельетон аллегоричен, абстрактен, но имеет явно сатирическую направленность, что и позволяет назвать его фельетоном в современном значении слова.

Итак, аллегория, сатира, широко практиковавшиеся в XVIII в., сохраняются в арсенале публицистических средств журналистики.

Журналом, близким «Вольному обществу», был **«Северный вестник»** (1804—1805). Его редактировал образованный чиновник министерства просвещения И.И. Мартынов. В журнале печатались некоторые члены «Вольного общества», например Н. Остолопов, С. Бобров и др. В «Северном вестнике» была опубликована с измененным названием и без указания автора глава «Клин» из запрещенной книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Глава была напечатана под видом отрывка «из бумаг одного россиянина» и с пропуском слов «Клин», «клинский». Это был поступок по тем временам дерзкий.

Основной тематикой «Северного вестника» было просвещение и законодательство. Журнал выступал сторонником реформ того и другого. Он считал, что хорошие законы в руках монарха суть источник всех благ для человека. Позиция журнала может быть выражена цитатой из напечатанного в нем сочинения Гольбаха «Естественная политика»: «Общества человеческие, подобно телам естественным, подвержены переменам... следственно, одни и те же законы не могут приличествовать им в сих различных обстоятельствах», т.е. реформы необходимы. Благо государства, общества основывается

на мудром законодательстве. Вся программа «Северного вестника» была рассчитана на либерализм молодого царя Александра I.

Издания радищевцев преимущественно были литературными. Тем не менее позиция их по отношению к текущей литературе не была определенной и последовательной. С одной стороны, они относились с сочувствием и уважением к Карамзину как «любимому писателю» своего времени, с другой — критиковали крайности сентиментализма, слепое подражание Карамзину. В большинстве журналов критика была теоретически беспомощна и больше занималась аннотированием, разбором стиля и языка, чем содержанием произведений, их связью с жизнью. Не существовала критика как профессия, не установились еще и многие жанры критики.

Таким образом, даже в период «либеральной весны» Александра I в творчестве левой части «Вольного общества» чувствуется оппозиционность к правительственному курсу, недовольство крепостничеством, но они не были убеждены в необходимости революционной борьбы с самодержавием.

Влияние журналистов «Вольного общества» ограничивалось исключительно средой просвещенного дворянства. Тиражи изданий колебались от 300 до 1000 экземпляров. Речь идет о развитии передовых традиций в самой журналистике, образованном обществе, а не о массовом влиянии или массовой пропаганде.

Наряду с оппозиционной прессой радищевцев в начале XIX в. существуют и либерально-консервативные печатные органы. В первую очередь к ним надо отнести журнал Н.М. Карамзина «Вестник Европы», созданный в 1802 г. Это один из немногих долговечных журналов первой половины XIX в. (издавался до 1830 г.). Карамзину удалось создать примечательный по своему типу ежемесячник. У Карамзина уже был опыт работы в новиковском журнале «Детское чтение», в газете «Московские ведомости», он же был в конце XVIII в. издателем «Московского журнала». До издания «Московского журнала» Карамзин побывал за границей: в Германии, Англии, во Франции, в Швейцарии — и понимал огромное значение журнала в общественной и культурной жизни общества.

Его журнал не был чисто литературным изданием. Значительную роль в нем играла политика. Сам издатель писал в Объявлении об издании «Вестника Европы»: «Литература и политика составят две главные части его. Первая часть

украшится всеми цветами новых произведений ума и чувств в Европе. Извлечения из книг, повести, любопытные анекдоты, разные открытия в искусствах и науках входят в план сего отделения. Политические известия будут сообщаемы в некотором систематическом порядке и как можно скорее».

Журнал выходил выпусками два раза в месяц, всего 24 номера в год. Каждый номер четко делился на два отдела: первый — литература и смесь, второй — политика. В первом отделе помещались оригинальные и переводные произведения сентиментально-элегического характера Карамзина, Дмитриева, Жуковского, переводы из Жанлис, Грея, в том числе его «Сельское кладбище» и др. Статьи и литературные произведения русских авторов печатались в основном анонимно. Много было мелких заметок из иностранных журналов, помещались статьи, рассказывающие об отдельных событиях русской истории. Как историк Карамзин горячо призывал своих читателей к изучению исторического прошлого страны.

Во втором отделе давался обзор политической жизни Европы. Главное внимание уделялось Франции и Англии, стоящим в центре политической жизни того времени. Публиковались письма, речи отдельных политических деятелей, переводы статей с комментариями журнала.

Первый номер «Вестника Европы» открывался программной статьей «Письмо к издателю», которая, вероятно, была написана самим Карамзиным. Это было в традиции того времени. Достоинство журнала автор письма видит в его разнообразии. Наиболее важными отделами признаются отделы политический и исторический. Задача литературного отдела была сформулирована с учетом его воздействия на сознание людей, их нравы. Вместе с тем автор подчеркивал, что в целом журнал должен не поучать, а «занимать» читателя приятным образом. Автор не преминул с осуждением отозваться о Французской революции, о Робеспьере и выразил надежду, что политическая жизнь в Европе дальше будет идти без каких-либо потрясений. К этим мыслям журнал Карамзина возвращался не раз. Желая избежать полемики, журнал в номере 23 открыто провозгласил свое отрицательное отношение к литературной критике.

Карамзин выступает в своем журнале как идеолог дворянства. В «Вестнике Европы» можно найти неприкрытую идеализацию крепостничества и самодержавия. В статье «Приятные виды, надежды и пожелания нынешнего времени» (1802. № 12)

говорилось, что революционная анархия есть ненормальное состояние общества, что равенство состояний — химера, а крепостное право не исключает благоденствия крестьян. Русского крестьянина никак нельзя назвать рабом. В «Письме сельского жителя», в повести «Фрол Силин — добродетельный селянин» проводилась подобная точка зрения. «Для истинного благополучия земледельцев наших желаю единственно того, чтобы они имели добрых господ», — провозглашал автор «Письма сельского жителя» (1803. № 17). В то же время журнал Карамзина подвергает критике отдельных жестокосердных помещиков. Он проповедует гуманное просвещение всех сословий, и в частности помещиков, ибо «просвещение истребит злоупотребление господской власти, которая и по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная» (1802. № 12). Вместе с тем Карамзин требует дальнейшего совершенствования гражданских законов, улучшения воспитания и умерения пустой роскоши. Эти требования в основном укладывались в рамки дворянского либерализма Александра I.

Опорой государства Карамзин неизменно считал дворян, поскольку «дворянство есть душа и благородный образ всего народа» (1802. № 12).

В вопросах внешней политики Карамзин и его журнал также выступают сторонниками монархической формы правления. В 1802—1803 гг. он одобряет действия Наполеона, ставшего монархом-консулом, хотя и порицает его как возможного агрессора.

Карамзин — редактор и журналист способствовал улучшению стиля и языка русской литературы, публицистики. В.Г. Белинский ценил умение Карамзина вести журнал, привлечь симпатии читателей-дворян, его вклад в области совершенствования русского литературного языка: «Карамзин, преобразовав ломоносовскую прозу, приближает ее к естественной русской речи и прививает к русской литературе элементы изящного французского публицизма»².

В практике Карамзина показательно умение использовать журнал для пропаганды своих взглядов без навязчивости, но тем не менее весьма последовательно. Журнал его, конечно, не ограничился только «развлечением» читателя, как обещала программная статья.

² Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1954. Т. 5. С. 650. (Далее см. отсылки в тексте.)

В 1803 г. Карамзин, получив звание придворного историографа, оставил журнал и целиком отдался написанию «Истории государства Российского».

После ухода Карамзина в 1804 г. редактором «Вестника Европы» становится П.П. Сумароков, издатель первого журнала в Сибири «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». С 1805 по 1807 г. и с 1810 по 1830 г. журнал редактировал профессор Московского университета М.Т. Каченовский. В 1808—1809 гг. журнал издавал поэт В.А. Жуковский. Жуковский стремился укрепить журнал за счет нового отдела науки и критики, привлекает К.Н. Батюшкова, Н.И. Гнедича, Д.В. Давыдова, сам печатает много своих сочинений. Но зато в 1809 г. журнал утратил самостоятельную рубрику «Политика», хотя обозрения иностранной жизни печатались.

При Каченовском значение журнала упало, в области литературы «Вестник Европы» занял рутинные, косные позиции. В 1828—1829 гг. журнал особенно отличался выпадами против дворянских поэтов-романтиков, включая Пушкина. Вместе с тем журнал сблизился с университетом и стал проводником науки. В 1803 г. горячо поддерживал языковую практику Карамзина журнал **«Московский Меркурий»**. Всего вышло 12 номеров. Редактор его П.И. Макаров пытался организовать отдел критики. Он смело судил литераторов, но его критика была еще очень слаба в теоретическом отношении. Журнал, защищая «новый слог» Карамзина, критиковал «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» А. Шишкова как выражение рутины и косности. Политические идеи Макарова не выходили за пределы монархического либерализма, реформаторства сверху.

Из откровенно консервативных журналов начала века надо назвать журнал **«Русский вестник»** (1808—1820) С.Н. Глинки и «Чтение в Беседе любителей русского слова» (1808—1816) адмирала Шишкова. Попытка борьбы с вольнодумством под прикрытием «квасного патриотизма», противоборство языковой практике карамзинистов успеха этим изданиям не принесли.

* * *

В начале века газет было мало, и они не играли сколько-нибудь заметной роли в формировании общественного мнения, сознания. К двум старым газетам — «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» — в 1809 г. присоединилась газета министерства внутренних дел «Северная почта».

Выходили они два раза в неделю и носили официальный характер, уделяя много места династическим новостям, наградам, чиновничьему производству и тому подобным сведениям. У газет не было еще своего массового читателя, и это тормозило развитие газетного дела.

В начале XIX в. появились в России новые отраслевые журналы: «Журнал полезных изобретений», «Экономический журнал», «Артиллерийский журнал». В 1811 г. стала выходить первая провинциальная газета «Казанские известия».

Журналистика Отечественной войны 1812 года

Правительство Александра I, несмотря на весь свой либерализм, в условиях обострения международной обстановки в 1811 г. снова ввело ряд ограничений в области печати. А начавшаяся война 1812 г. сократила и без того незначительное число русских периодических органов.

За время войны сохранилось только три журнала консервативного направления: «Русский вестник», «Чтение в Беседе», «Вестник Европы».

Подъем национального самосознания, вызванный войной 1812 г., позволил монархической печати уйти от острых социальных проблем внутренней жизни. Тема патриотизма, защиты своего дома, своей страны от захватчиков выдвинулась на первый план. Поэтому нельзя отказать в патриотическом воодушевлении С.Н. Глинке, издателю «Русского вестника», Ф.В. Ростопчину, автору прокламаций для москвичей, и др. Однако и в защите идей патриотизма было достаточное различие между журналистами-монархистами и журналистами прогрессивного лагеря: первые стремятся воспитывать читателей в духе героического самопожертвования ради царя-батюшки и православной веры, а вторые — чувство собственного достоинства граждан, больше всего ценящих свою свободу. Эти две тенденции ясно обнаружились в журналистике периода Отечественной войны 1812 г.

В октябре 1812 г. в Петербурге начал выходить новый журнал «Сын Отечества», вызванный к жизни событиями войны 1812 г. Редактором его был утвержден Н.И. Греч, образованный, грамотный и способный, хотя и неустойчивый в идейном отношении человек. Тираж журнала достигал 600—1000 экземпляров. Выходил он один раз в неделю и посвящался истории и политическим новостям. Журнал, создан-

ный с одобрения царя и будущего министра просвещения С.С. Уварова, интересен тем, что в нем нашли яркое выражение идеи гражданского патриотизма, отразился общенародный патриотический подъем. В журнале сотрудничали многие передовые, прогрессивные деятели своего времени.

С 1813 г. стала выходить с благотворительной целью газета «Русский инвалид».

При штабе главнокомандующего русской армией Барклая де Толли, а затем и при штабе Кутузова были созданы походные типографии, которые обслуживали нужды армии. Но самым важным изданием оставался «Сын Отечества».

«Сын Отечества» много рассказывал о храбрости русских солдат, офицеров и партизан, показывал превосходство русских воинов над французами. По количеству информации журнал соперничал с газетами. При нем с 1813 г. издавался специальный «Политический листок», т.е. бюллетень последних новостей.

Активное и заметное участие в журнале принял прогрессивно настроенный профессор Царскосельского лицея и Петербургского университета А.П. Куницын, учитель Пушкина и многих будущих декабристов. Высокая образованность, эрудиция позволили ему стать неплохим журналистом. В пятом номере журнала была напечатана его статья «Послание к русским». В ней Куницын выступает как патриот, призывая русское общество «сохранить единую только свободу», в результате чего «все бедствия прекратятся». А если придется умирать, говорит он, то умирать «свободным в свободном отечестве». Война — это вовсе не жизнь, отданная за царя. Куницын отличает «тирана» Наполеона, которому нельзя делать никаких уступок, от его солдат, «проливающих кровь за дело их тирана», от его народа, «проклиняющего варварство тирана и безумие соотечественников». Он высказывает сочувствие испанским партизанам, успешно боровшимся с захватчиком Наполеоном, тем самым поддерживая дух сопротивления русского народа.

Перу Куницына принадлежит не менее значительная, чем «Послание к русским», статья-обозрение «Замечания на нынешнюю войну». Появилась она в тяжелый момент военных действий, когда войска Наполеона подходили к Москве. В яркой образной форме рисует Куницын положение на фронтах. Наполеон вклинился глубоко в русскую землю, уподобившись легендарному Самсону, разорвавшему пасть льва. Но захватчик

явно не рассчитал свои силы, челюсти русского льва неизбежно начнут сжиматься, и тогда новоявленному Самсону придется думать о том, как бы спасти себя бегством.

Со статьями Куницына перекликается стихотворение А.Ф. Воейкова «К отечеству». Вдохновленный войной за независимость страны поэт обращается к ее прошлому. Для него древняя Россия — это не оплот самодержавия и православия, а «мать бранных скифов, мать воинствующих славян», которые и в древности были способны на героизм, умели предпочесть смерть «цепям позорным рабства».

В журнале печатаются небольшие заметки из действующей армии, патриотические стихи песенного склада, воспевавшие гражданские и воинские доблести народа, рисунки и карикатуры И.И. Терebeneва, А.Н. Венецианова и других художников, в которых запечатлен героизм русского народа, бесславное поражение французской армии. Многие жанровые формы рассчитаны на восприятие людьми, недостаточно образованными.

Разоблачая захватнические планы Наполеона, журнал систематически помещает серьезные статьи о героической борьбе испанского народа против Наполеона («Осада Сарагоссы», «Прокламация Верховной Юты испанской» и другие материалы), рассказывает об историческом опыте борьбы народов против захватчиков («Поход Дария в Скифию», «Речь скифского посла Александру Македонскому»), оправдывает историческими примерами партизанскую войну.

Басни И.А. Крылова «Обоз», «Ворона и курица», «Волк на псарне» сатирически изображали Наполеона, захватчиков, защищали военную стратегию мудрого Кутузова.

По сравнению с «Русским вестником», с его шовинистически-монархическим патриотизмом «Сын Отечества» является прогрессивным журналом, хотя Греч в это время печатал охранительные статьи, направленные против идей французской революции, материалистической философии, пытался подчас истолковать патриотизм и героизм русского народа как проявление верноподданнических чувств. Однако окончательный поворот Греча к реакции произойдет несколько позже, в год восстания декабристов.

С окончанием военных действий военная информация уходит со страниц журнала. Издание претерпевает реорганизацию. Литература и литературная критика вытесняют вопросы политики. Уже в 1813—1814 гг. в журнале публикуются литературно-критические статьи декабристов.

В 1813—1814 гг. отец декабристов И.М. Муравьев-Апостол поместил здесь «Письма из Москвы в Нижний Новгород». В них критиковалось низкопоклонство знати перед иностранщиной, выдвигалось требование создания национальной культуры, верности искусства жизни: давать природе «несродные ей прикрасы — значит портить ее». Эти статьи как бы открывали серию последующих литературно-критических материалов, придавших новый интерес журналу в 20-е годы. В журнале все шире защищается идея национальной самобытности русской литературы, горячо обсуждаются проблемы классической и романтической поэзии. Развивается жанр годового обозрения литературы и политики.

2.

ЖУРНАЛИСТИКА ДЕКАБРИСТОВ

В 1825 г. Россия впервые увидела революционное движение против царизма. Декабристы были первыми русскими революционерами, с оружием в руках, организованно выступившими против самодержавия.

Движение декабристов было порождено объективными условиями исторического развития России. Только придворные историки могли доказывать по прямой указке царя Николая I, что восстание декабристов было следствием революционных идей, занесенных «извне», что возникновение тайных обществ обусловлено исключительно пребыванием русских офицеров — будущих декабристов за границей. Сами декабристы (Лунин, Муравьев, Давыдов) отрицали это как неумную выдумку.

Надо иметь в виду, что конец XVIII — начало XIX в. были эпохой ломки феодально-абсолютистских учреждений в Европе. Не осталась в стороне от этого процесса и Россия, хотя ей и не суждено было сбросить иго самодержавия в 1825 г. Крепостное право, самодержавно-феодальный абсолютизм тормозили общественное развитие России. Это было ясно еще Радищеву. Отечественная война 1812 г. обострила общественные противоречия. Героизм солдат был безмерен, и возвращение к крепостничеству после самоотверженной борьбы

в войне 1812 г. казалось диким и невозможным. «Невозможно было сразу перейти от волнений национальной войны... к мертвому штилю петербургского деспотизма»³. — писал А.И. Герцен. У многих простых людей война обострила чувство чести и личного достоинства, у военачальников — уважение к солдатской массе.

«Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу, тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России»⁴ — писал А. Бестужев.

Пустые обещания политических преобразований царя Александра I и консервативная политика правительства вызывали недовольство передовых людей. Создавались тайные общества, вырабатывались программы действий против крепостничества и самодержавия. Недалек был от истины царь Николай I, когда тотчас же после подавления восстания на Сенатской площади заявил: «Революция на пороге России».

Правда, не все участники декабристского движения были сторонниками уничтожения самодержавия. Среди них были и более умеренные люди, которые хотели лишь ограничения власти монарха конституцией.

Важной особенностью декабристского движения было то, что его участники, продолжая традиции Радищева, стали рассматривать литературу, журналистику как часть организованной революционной борьбы и внесли много нового в развитие журналистики.

Именно в связи с декабристами Герцен сказал, что литература у народа, не имеющего политической свободы, «единственная трибуна», с высоты которой он может заставить «услышать крик своего возмущения и своей совести» (Т. 7. С. 198).

Возникшие тайные общества — «Союз спасения» (1816) (с 1817 г. «Общество истинных и верных сынов Отечества») и «Союз благоденствия» (1818) влияли на легальные литературные объединения: «Арзамас», «Общество зеленой лампы», — пытались издавать журналы и литературные сборники.

В 1816 г. группа передовых литераторов организовала легальное «Вольное общество соребнователей просвещения

³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 194. (Далее см. отсылки в тексте.)

⁴ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 491.

и благотворения», которое позднее стало называться «Обществом любителей российской словесности». Главной задачей общества было поощрять желание к обмену мыслями, развивать жажду знаний, любовь к отечеству. Общество находилось под непосредственным влиянием «Союза благоденствия». В уставе «Союза благоденствия» большое значение придавалось литературе, литературной пропаганде. Литература признавалась могучим средством воспитания гражданственности, и это широко отразилось в журналах. Литература должна была помочь сломать психологию подчинения и безгласности. Рылеев, братья Бестужевы, Ф. Глинка, Кюхельбекер, Корнилович и другие превратили «Вольное общество» в свой легальный литературный центр. С 1818 г. общество издавало журнал **«Соревнователь просвещения и благотворения»** (до 1825 г.).

Журнал «Вольного общества» представляет значительный интерес как легальный выразитель умеренной декабристской идеологии и занимает важное место в истории русской журналистики.

Тираж журнала был невысок — 200—300 экземпляров. Распространялся он среди образованного дворянства.

Журнал «Соревнователь» много места отводил изящной словесности. В журнале печатались думы Рылеева, произведения бр. Бестужевых, Ф. Глинки, Кюхельбекера и др. Вместе с тем в нем помещались статьи о героическом прошлом русского народа. На исторических примерах воспитывалось гражданское мужество современников, активно разрабатывалась история Отечественной войны 1812 г., комментировались отдельные сражения, причем своя внутренняя цензура, т.е. редакция следила за идейностью и художественными достоинствами материалов. Печатались статьи о просвещении, речи о назначении писателя, путевые записки.

Законная благоразумная свобода провозглашалась условием счастья народа, перемены, революции в жизни человечества признавались фактором прогресса. Подобные мысли и рассуждения об аракчеевщине, деспотизме приходилось, конечно, облекать в иносказания, давать в форме переводов, прибегать к аналогиям, подчеркнуто научному изложению, но от этого дело не менялось.

В одном из номеров за 1822 г. в статье «О влиянии монголов на Россию», подписанной литератами А.Р., говорилось, что деспотизм не свойствен русскому народу, а исключительно

привит татарами, поэтому от деспотизма следует освободиться. Можно отказать в научности такому рассуждению, но нельзя не признать его агитационного значения. Не случайно подобная мысль о природе тиранской власти князей дома Романовых нашла отражение и в нелегальном произведении Н. Муравьева «Любопытный разговор». Само собой разумеется, что в журнале не было статей в защиту крепостничества. Вместе с тем умеренность политических идей журнала не подлежит сомнению: сотрудники его чаще настаивали на мирном развитии просвещения, ведущего к совершенствованию человеческого общества.

В литературно-критических статьях отстаивался тезис национальной самобытности литературы, защищался романтизм.

В «Соревнователе» на эту тему много писал оригинальный критик, близкий к декабристам, О.М. Сомов. Вместе с А. Бестужевым Сомов страстно стремился разрушить каноны классицизма. Романтизм, считал он, раскрепощает человека, новое в литературе всегда прогрессивно. Античная поэзия прекрасна, так как отражает глубоко дух своего времени, но историческая жизнь народа меняется, и нельзя без конца подражать античной или средневековой поэзии, как это делают староверы, классицисты. Литература должна отражать дух своего народа, должна стать самобытной. Век богатырей, самобытность нравов, поэтичная и разнообразная природа России — вот основания русской поэзии, поэзии романтической и народной, утверждал Сомов.

В 1820—1821 гг. многие члены «Вольного общества любителей российской словесности» сотрудничали в «Невском зрителе». Редактировал журнал И.М. Сниткин. Он не был декабристом, но известный либерализм его первых статей, интерес к литературе позволили декабристам (Кюхельбекер, Ф. Глинка и др.) принять участие в этом органе. Это был литературно-публицистический журнал. В каждом номере публиковалась историко-политическая статья, в которой высказывалось общественное мнение, но из-за цензуры статьи писались не о России, а применительно к ней. В исторических статьях освещались эпохи переворотов, которые решали судьбы царств, республиканский период в истории Древней Греции.

В журнале перепечатывались конституции некоторых европейских стран, а в экономических статьях в завуалированной форме говорилось о необходимости освобождения крестьян, выдвигалось требование развития образования, поддержки

отечественной торговли, промышленности с помощью высоких пошлин на иностранные товары.

В целом эти материалы были близки взглядам умеренной части декабристов, сторонников конституционного ограничения монархической власти.

В «Невском зрителе» приняли участие и декабристы-республиканцы. В 1820 г. в журнале была опубликована сатира Рылеева «К временщику», в которой, обходя цензуру, поэт пропагандировал идеи гражданского патриотизма, политической свободы, учил ненавидеть деспотизм. Это стихотворение было первым произведением Рылеева, опубликованным за полной подписью автора. Оно воспринималось как вызов самодержавию, Аракчееву:

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами, злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь,
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь.
Твоим вниманьем не дорожу, подлец!..

Н.А. Бестужев в воспоминаниях о Рылееве писал:

«В сатире на временщика» открывается все презрение к почестям и власти человека, который прихотям деспота жертвует счастьем своих сограждан. В том положении, в каком была и есть Россия, никто еще не достигал столь высокой степени силы и власти, как Аракчеев... Все государство трепетало под железною рукою любимица-правителя. Никто не смел жаловаться: едва возникал малейший ропот — и навечно исчезал в пустынях Сибири или в смрадных склепах крепостей.

В таком положении была Россия, когда Рылеев громко и всенародно вызвал временщика на суд истины, когда назвал его деяния, определил им цену...

Нельзя представить изумления, ужаса, даже, можно сказать, оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном. Все думали, что кары грянут, истребят и дерзновенного поэта, и тех, которые внимали ему: но изображение было слишком верно, очень близко, чтобы обиженному вельможе осмелиться узнать себя в сатире.

Он постыдился признаться явно, туча пронеслась мимо; оковы оцепенения пали... и глухой шепот одобрения был наградою юного правдивого поэта. Это был первый удар, нанесенный Рылеевым самовластью»⁵.

⁵ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 12.

Литературные позиции журнала не были последовательными и постоянными. Сниткин отдавал предпочтение то мнениям Кюхельбекера и Рылеева, то консерватору Хвостову.

Тем не менее в конце 1820 г. Рылеев и Сомов на его страницах активно защищают романтическую поэзию от нападок справа, критикуют мечтательность, мистицизм Жуковского, осмеивают подражательность в литературе.

В начале 1821 г. декабристы и близкие к ним авторы сосредоточились в «Соревнователе» и «Сыне Отечества». «Невский зритель» остался за консерваторами, что обрекло его на скорое закрытие.

Уже в период создания первых тайных обществ, начиная с 1816 г., декабристы все чаще сотрудничают в журнале «Сын Отечества». Греч ищет авторитетных сотрудников, способных поддержать популярность журнала, практикует приглашение в помощники — соредакторами литераторов А.Е. Измайлова, затем А.Ф. Воейкова, П.А. Вяземского и даже Ф.В. Булгарина. Журнал наполняется стихами, много места отводится театральной и литературной критике, полемике.

Декабристы и прогрессивно настроенные авторы не перестают ставить в журнале политические вопросы, хотя очень осторожно, рассуждая преимущественно о европейских государствах, разбирая проблемы сугубо в теоретическом плане. Тема конституции проходит в ряде внешнеполитических обзоров за 1816—1817 гг. В 1818 г. Куницын — снова сотрудник журнала — печатает статью «О конституции», используя туманные обещания царя Александра I о введении твердых законов в Польше. В статье Куницын развивает мысль о пользе, благодетельности конституционного, парламентского правления. В 1820 г. в «Сыне Отечества» печатается статья Н. Кутузова «О причинах благоденствия и величия народов», где заключались мысли о свободе граждан, о неизбежном падении государств, в которых не считаются с интересами народа. Поднимается и тема крепостничества.

Куницын в статье «О состоянии иностранных крестьян» опровергает мысли реакционеров о том, что крепостному крестьянину в России живется лучше, чем свободному в зарубежных странах. «Легко проповедовать благополучие неволи за чужой счет...»⁶, — писал он.

⁶ Хрестоматия по истории русской журналистики XIX в. М., 1965. С. 17.

Крестьянский вопрос в 1818—1820 гг. находит отражение в ряде других статей А. Бестужева, Н. Тургенева. В своих выступлениях против крепостничества «Сын Отечества» ведет целенаправленную полемику с реакционным изданием «Дух журналов», но цензурные преследования и осторожность Греча заставили сократить политические выступления и сосредоточиться в 20-е годы на вопросах литературы. В журнале в канун восстания печатаются Рылеев, Бестужев, Кюхельбекер, Ф. Глинка. К активному участию привлекаются Пушкин, Вяземский, О.М. Сомов, П.А. Катенин — наиболее просвещенные люди России.

«Сын Отечества» выступает против литературных мнений «Вестника Европы» Каченовского, против староверов и приверженцев классицизма. В литературе защищается создание самобытного искусства, высоких гражданских жанров и стиля. Кюхельбекер настаивает на использовании оды в целях развития гражданской поэзии. Сквозь пыл полемики о классицизме и романтизме возникает осознание того, что дело не в направлении, жанре, а в содержании, идее произведения, позиции автора.

Журнал берет под защиту поэму Пушкина «Руслан и Людмила», хотя некоторые критики (Катенин, например) высказали ряд упреков Пушкину по поводу недостаточного колорита старины, народности произведения. Высказались критики журнала о других крупных произведениях русской литературы: «Кавказском пленнике», «Горе от ума». Некоторая неустойчивость, противоречивость, полемичность в литературных мнениях объяснялась сложностью и подвижностью самой литературной жизни 20-х годов.

Тираж журнала превышал тысячу экземпляров. Популярность его росла. Для Пушкина, находящегося в ссылке, и других читателей журнал стал незаменимым источником сведений о литературной и общественной жизни своего времени.

Особое значение в журнале этого периода имеет статья Рылеева «Несколько мыслей о поэзии» (1825. № 22), напечатанная накануне восстания. В ней Рылеев ставит обоснованно вопрос: спор о романтизме и классицизме — это спор о форме, но ведь в той и другой форме можно создать истинно значительные произведения для своего народа. Содержание, а не форма определяет значение художественного произведения. Главный вопрос — это вопрос оригинальности творения, его самобытности, а не формы. Подражание иностранным образцам одинаково плохо и для классиков, и для романтиков.

После восстания декабристов Греч и его компаньон Булгарин поворачивают вправо, а журнал «Сын Отечества» становится рупором правительственной политики, самодержавных идей, теряет постепенно популярность и литературное значение.

Альманах «Полярная звезда»

Самым замечательным, самобытным изданием декабристов стал альманах «Полярная звезда», издававшийся в 1823—1825 гг. Альманах, т.е. сборник литературных произведений, было легче издать по цензурным условиям, и декабристы, не добившись права на издание своего журнала, обратились к альманаху. Альманах издавался в годы усиления правительственного надзора за передовыми людьми общества. Недовольство деспотическим режимом среди декабристов в этих условиях нарастает. Наиболее решительные из них, такие как П.И. Пестель, не ограничиваются требованиями конституции, а ставят вопрос об уничтожении монархии, учреждении в России республики. В 1821 г. «Союз благоденствия» распускается, чтобы, освободившись от случайно попавших в него людей, перейти к активной борьбе. На его основе возникают тайные «Южное» и «Северное» общества. Отбор людей в эти организации идет более тщательно, строго. В «Северное» общество в 1823 г. вступает К.Ф. Рылеев, в 1824 г. — А.А. Бестужев. Их усилиями в значительной степени и был создан декабристский альманах «Полярная звезда». Их имена значились на обложке альманаха как издателей.

Альманах 1823 г. представлял собой книжку карманного формата в 391 страницу. Иллюстраций в первой книге, кроме заглавной виньетки, не было. Цензурное разрешение помечено 30 ноября 1822 г. «Полярная звезда» состояла из двух отделов: прозы и стихов. Но в начале отдела прозы первого и последующих томов помещались обзорные статьи Бестужева о литературе.

Умно составленная первая книжка альманаха имела огромный успех. Ее распространение дало 2 тыс. чистого дохода издателям.

Как прозаики в альманахе участвовали: А.А. Бестужев, Ф.Н. Глинка, Н.И. Греч, А.О. Корнилович, Ф.В. Булгарин, О.М. Сомов и др. В отделе поэзии печатались Е.А. Баратынский, П.А. Вяземский, С.Н. Глинка, Н.И. Гнедич, Д.В. Давыдов, А.А. Дельвиг, В.А. Жуковский, И.А. Крылов, П.А. Плет-

нев, А.С. Пушкин, К.Ф. Рылеев, т.е. весь цвет русской литературы. Важное место среди материалов альманаха занимали думы Рылеева, в том числе «Иван Сусанин», «Рогнеда» и др., пронизанные высокими патриотическими, гражданскими чувствами, ненавистью к тирании, любовью к свободе отечества. История России, Украины служила источником сюжетов его произведений.

Рылеев реально представлял жестокость предстоящей борьбы с самодержавием, возможность поражения декабристов. Но это только возвышало в его глазах смысл гражданского подвига борцов за свободу. Эти сложные чувства нашли отражение в его поэмах «Войнаровский», «Наливайко», особенно в «Исповеди Наливайки», опубликованной в третьей книге альманаха за 1825 г.

В альманахе печатались басни Крылова «Крестьянин и овца», «Мельник», «Ворона», отрывки из поэм Пушкина «Цыганы» и «Братья-разбойники», повести Бестужева «Вечер на бивуаке», «Роман и Ольга», «Ревельский турнир». Многие из них несли в себе антифеодальные мотивы, как, например, «Ревельский турнир».

Обращало внимание читателей отсутствие переводов: в альманахе печатались только оригинальные произведения русских авторов.

Альманах «Полярная звезда» за 1823 г. открывала статья-обзор Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России». Обзор как бы организовывал всю книжку и был в известном смысле программой издания. Статья начинается с призыва изучать древность нашего слова, чтобы правильно понять исторические черты русского народа. Словесность эта невелика, но значительна по содержанию и оригинальна по форме. Особенно выделено «Слово о полку Игореве». Но в XVIII в., утверждает автор, начинается время заимствований, подражаний, и это ослабляет русскую литературу. И только в первые годы после Отечественной войны против Наполеона намечается попытка освобождения от чужих влияний. Автор выделяет из числа писателей прошлого Кантемира, Фонвизина, Державина, Карамзина; одобряет творчество Крылова как народного баснописца; высоко оценивает Жуковского как переводчика и как оригинального поэта, однако не может удержаться от упреков в излишнем мистицизме, в немецком колорите его произведений, высоко ценит Пушкина. «Новым Прометеем» назвал Бестужев Пушкина. Отмечены Ф. Глинка, Грибоедов,

Катенин, Кюхельбекер, Рылеев и др. Рылеева Бестужев ценил выше Пушкина, но в альманахе, который издается совместно с Рылеевым, он не считал возможным хвалить достоинства поэзии декабриста, поставившего своей целью «возбуждать доблести сограждан подвигами предков».

И все же общий уровень литературы не удовлетворяет критика. Особо он отмечает скудость прозы. Бестужев утверждает, что рост словесности замедляется многими причинами, в том числе необъятностью страны, недостатком образования, дороговизной книг и малым числом журналов, пренебрежением к родному языку, а «феодалская умонаклонность многих дворян усугубляет сии препоны».

В обзоре читатели «Полярной звезды» могли найти многозначительные намеки, связанные с деятельностью декабристов, их тайных обществ. «Время невидимо сеет просвещение, — заявляет Бестужев, — и туман, лежащий теперь на поле русской словесности... обещает богатую жатву»⁷.

Обзор не оставил равнодушными читателей альманаха. Споры разгорелись вокруг творчества Жуковского, Пушкина, разбору подверглись думы Рылеева.

Во второй книжке альманаха «Полярная звезда», вышедшей в 1824 г., Бестужев печатает очередной обзор под названием «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года». Здесь уже нет широкого исторического очерка развития литературы. На первый план выдвигается анализ причин успехов и неудач текущей словесности. Спад литературы Бестужев связывает с окончанием Отечественной войны: «...политическая буря утихла; укротился и энтузиазм»⁸. Спустя некоторое время после войны общество перестало интересоваться своим, отечественным, как было в 1812 г., снова проявилось пренебрежение к русскому языку, словесности.

Характерно, что обзор литературы ведется через призму периодических изданий. «Во всех почти журналах число оригинальных произведений к числу переводов относилось как два к десяти», — констатирует он. «Застой» в литературе объясняется отсутствием «течения воздуха» в общественной жизни. И год 1823-й Бестужев признает самым бледным в истории русской литературы.

⁷ Бестужев-Марлинский А.А. Собр. стихотв. Л., 1948. С. 170.

⁸ Там же.

Обзор литературы, появившийся в 1825 г., был последним в этой серии. Он назывался «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов». Его пафос — в защите самобытности, народности русской литературы, в борьбе против подражательности. Истинной поэзией провозглашается поэзия свободолюбивая, поэт расценивается как апостол, носитель гражданских идеалов. Он не нуждается в меценатстве, в одобрении света, толпы, в убаюкивающих похвалах. «Когда молния просила людской помощи, чтобы вспыхнуть и реять в небе!», — восклицает критик. Наоборот, гонения, трудности жизни порождают бессмертные творения. «Скорбь есть зародыш мыслей, уединение их горнило. Порох на воздухе дает только вспышки, но сжатый в железе он рвет выстрелом и движет и рушит громады...»⁹

Уже на второй странице обзора Бестужев утверждает: «У нас есть критика и нет литературы»¹⁰. Он хвалит поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Горе от ума» Грибоедова. Снова оговаривается, что не может по этическим соображениям воздать должное Рылееву. Но этого мало. Он хотел бы видеть всю литературу во главе освободительного движения.

Бестужев делает ряд справедливых замечаний в адрес журналов, критикует «Вестник Европы», «Северную пчелу», отмечает смелость нового журнала «Московский телеграф» Полевого и делает вывод: «Журналы наши не так, однако ж, дурны, как утверждают некоторые умники, и вряд ли уступают иностранным»¹¹.

Эти статьи-обзоры занимают важное место в истории русской демократической критики, в развитии самого жанра литературного обзора, особенно если учесть их простой, чистый и меткий язык, доступный широкому кругу читателей.

Многие видят в годичных обзорах Бестужева явление, предшествующее обзорам русской литературы Белинского. Это верно, но не менее важно увидеть сходство тезиса «у нас... нет литературы» в третьем обзоре Бестужева с главной мыслью статьи Белинского «Литературные мечтания».

⁹ Бестужев-Марлинский А.А. Собр. стихотв. Л., 1948. С. 179.

¹⁰ Там же. С. 177.

¹¹ Там же. С. 187.

Литературные обзоры Бестужева, представляющие собой, по его словам, как бы «предисловия» к каждому альманаху, цементировали книжки альманаха, придавали им программный смысл, что наряду с другими признаками (наличие редколлегии, оплата труда сотрудников, принципиальное отсутствие переводов) сближало альманах декабристов с целенаправленным журналом.

Успех первых книг «Полярной звезды», как отмечал сам Бестужев, породил подражания. В 20-е годы стали выходить альманахи «Мнемозина», «Русская талия», «Северные цветы» и пр.

Альманах, не являясь, строго говоря, периодическим изданием, в истории русской журналистики вслед за «Полярной звездой» и позднее часто оказывался удобной формой провозглашения литературных манифестов и школ.

Появление альманаха декабристов не прошло незамеченным не только в России, но и за границей. Переводы, выдержки из «Полярной звезды» появлялись в 20-е годы в немецких, польских, французских изданиях. Тираж альманаха составлял от 600 до 1500 экземпляров.

Рылеевым и Бестужевым была подготовлена и четвертая книга альманаха, правда, меньшего объема. Ее называли «Звездочка». Однако уже отпечатанный тираж ее был конфискован правительством в связи с восстанием декабристов в 1825 г.

* * *

В 1824 г. В.К. Кюхельбекер совместно с В.Ф. Одоевским предпринял издание в Москве альманаха «Мнемозина». Всего вышло четыре книги альманаха: три книги в 1824 г. и одна в 1825 г. Кюхельбекер активно использовал издание для пропаганды самобытной национальной литературы героического, тираноборческого характера. Его статья «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» призывала сбросить цепи подражательности, критиковала мистицизм, унылую элегичность нашей поэзии, в частности Жуковского. В духе декабристских установок Кюхельбекер защищал героические свободолюбивые республиканские мотивы в драматургии.

Знаменательно, что в период подготовки восстания декабристы приступили к созданию нелегальной революционной публицистики. Сюда надо отнести и агитационные солдатские

песни Рылеева и Бестужева, и такие серьезные документы, как «Русская правда» Пестеля — проект будущей конституции.

Еще в 1820 г. получили распространение прокламации по поводу восстания в Семеновском полку. Государь в них был назван угнетателем Отечества, разбойником, дворяне — тиранами. Ярко было обрисовано тяжелое положение солдат и крепостных крестьян, выражалось требование замены царской «вредной» власти властью выборной. Подобные идеи возродились и в нелегальных произведениях декабристов.

Явно пропагандистское значение приобрели некоторые приказы генерала М.Ф. Орлова по 16-й дивизии. Будучи противником крепостнических порядков, Орлов в своих приказах порицал жестокое отношение дворян-офицеров к солдатам и предупреждал их о наказаниях за несправедливое обращение с нижними чинами. Приказы эти зачитывались перед воинским строем, и таким образом антагонизм дворян-офицеров и солдат получал публичную огласку, настраивал определенным образом солдатскую массу, передовых офицеров. Нелегальными произведениями оказались и специальные солдатские разговорники, рассчитанные на пропаганду среди некоторой части солдат свободолюбивых, антицаристских убеждений. Один из них назывался «Любопытный разговор», другой — «Православный катехизис».

«Любопытный разговор» Н. Муравьева в элементарной форме должен был подготовить солдат, верных декабристам полков, к участию в выступлении против царя.

«Что есть свобода?» — задавался вопрос солдатам. И тут же давался ответ: «Жизнь по воле».

«Стало быть, все люди должны быть свободными?» — ставился вопрос.

«Без сомнения», — следовал ответ.

«А все ли люди свободны?» — продолжался разговор.

«Нет. Малое число поработило большее».

«Почему же малое число поработило большее?» — с неизбежной логикой продолжалась серия вопросов.

Ответ гласил: «Одним пришла несправедливая мысль господствовать, а другим подлая мысль отказаться от природных прав человеческих...»

Дальше — больше:

«Вопрос. Надобно ли добывать свободу?»

Ответ. Надобно.

Вопрос. Каким образом?

Ответ. Надлежит утвердить постоянные правила или законы, как бывало в старину на Руси.

Вопрос. Как же бывало в старину?

Ответ. Не было самодержавных государей!..»¹²

«Православный катехизис» С. Муравьева-Апостола в целях революционной пропаганды использовал религиозные представления солдат. Построен он также в виде вопросов и ответов:

«Во имя отца и сына и святого духа.

Вопрос. Для чего бог создал человека?

Ответ. Для того чтобы он в него веровал, был свободен и счастлив.

.....

Вопрос. Для чего же русский народ и русское воинство несчастно?

Ответ. Оттого, что цари похитили у них свободу.

.....

Вопрос. Что же, наконец, подобает делать христолюбивому российскому воинству?

Ответ. Ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России. А кто отстанет, тот, яко Иуда, предатель, будет анафема проклят, Аминь!»¹³

Конечно, подготовка таких разговорников говорит о желании декабристов привлечь к своему выступлению определенную часть солдат. Однако эти пропагандистские материалы рассчитаны были на незначительную часть простых людей: широкого участия масс в революции декабристы боялись.

Таким образом, в ходе подготовки восстания против самодержавия декабристы создали достаточно разнообразную сеть периодических изданий, использовали формы нелегальной публицистики и тем самым способствовали развитию революционной пропаганды следующих поколений борцов с самодержавием.

Они охотно использовали в своей публицистике исторические параллели, умели с помощью литературы и литературной критики заострить общественно-политические вопросы, успешно употребляли приемы ораторского красноречия, умели писать просто и понятно для солдат и народа. Широкий и оригинальный был их жанровый поиск.

¹² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов Т. I. С. 330—331.

¹³ Там же. Т. II. С. 191—193.

3.

ЖУРНАЛИСТИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х — в 30-х годах

После подавления восстания декабристов политическая реакция привела к серьезному ослаблению демократической печати. Н.И. Греч занял охранительную позицию и в союзе с Ф.В. Булгариным, а затем и О.И. Сенковским начал борьбу против прогрессивной печати и литературы. Особенно усердствовали Булгарин и Греч в травле Пушкина. Правительство всячески поощряло деятельность Булгарина и Греча, ставших тайными слугами николаевских жандармов, а Булгарин — прямым агентом вновь созданного III Отделения собственной его императорского величества канцелярии во главе с А.Х. Бенкендорфом. Булгарин не раз был на личной беседе у помощника Бенкендорфа генерала Дубельта и получал выговоры и замечания. Лицемерно провозглашая развитие просвещения и науки, правительство на самом деле преследовало и то, и другое. Жестко подавлялись всякие проявления недовольства крестьян. Общество и народ угнетались самодержавием безмерно. Журналистика должна была развиваться в атмосфере репрессий и страха. Нужно было большое мужество, чтобы издавать независимый от правительства журнал. Не случайно лучшие периодические органы теперь издаются в Москве, подальше от царского двора.

Первый же год царствования Николая I ознаменовался усилением полицейских и цензурных репрессий в области печати. Полностью изгоняется политика со страниц газет и журналов. Вводится новый устав о цензуре (1826), прозванный «чугунным». В отличие от цензурного устава 1804 г. было запрещено пропускать в печать места, «имеющие двоякий смысл», если один из них противен цензурным правилам. Запрещено было обозначать точками вычеркнутое цензорами.

В 1828 г. были сделаны некоторые изменения в цензурном уставе, но формулировки были так расплывчаты и гибки, что позволяли вкладывать в них любой смысл. И действительно, после 1830 г., когда произошли революционные волнения во Франции и Польше, этот обновленный устав был истолкован

в самом крайнем понимании для удушения прогрессивной печати.

В 30-е годы вводится ряд дополнительных ограничений в области печатного слова. С 1832 г. разрешения на новые издания давались только самим царем. В 1836 г. после отказа Краевскому и Одоевскому в издании нового журнала (царская резолюция на прошении гласила: «И без того много») министр просвещения Уваров издает циркуляр о том, что «представление о дозволении новых периодических изданий на некоторое время запрещается». Эта мера вынудила многих русских журналистов в дальнейшем перекупать право на издание журналов. Но подавление всех форм гражданской жизни после 1825 г. обусловило и особенную ценность, значение каждого существующего периодического издания, прогрессивного журнала особенно.

В конце 20-х — начале 30-х годов одним из очагов передовой мысли стал Московский университет. В Москве действовали кружки А.И. Герцена и Н.В. Станкевича, где изучалась немецкая классическая философия. Профессора университета издавали журналы учено-философского содержания — «Московский вестник» (1827—1830), «Атеней» (1828—1830), журнал «современного просвещения» «Телескоп» (1831—1836). В Москве выходил журнал «Московский телеграф» (1825—1834), была сделана попытка в 1832 г. издавать журнал «Европеец» (закрыт правительством на втором номере). В 30-е годы университетская молодежь вместе с профессурой становится активным участником московских журналов. Но ни одному из названных журналов не удалось пережить 30-е годы: все они прекращались или запрещались правительством.

В 30-е годы усиливалась и правительственная печать. В 1829 г. появился «Журнал Министерства внутренних дел», в 1834 г. — «Журнал Министерства народного просвещения», с 1837 г. начала формироваться система «Губернских ведомостей» — официальных газет местной администрации. Журналистика становилась все более профессиональной. Расширялась читательская среда.

«Московский телеграф»

В тяжелое время николаевской реакции наиболее интересным и передовым после декабристских изданий был журнал Н.А. Полевого «**Московский телеграф**», возникший

в 1825 г. незадолго до восстания. Журнал этот — явление примечательное в истории русской журналистики. В.Г. Белинский писал: «“Московский телеграф” был явлением необыкновенным во всех отношениях... журнал с первой же книжки изумляет всех живостью, свежестью, новостью, разнообразием, вкусом, хорошим языком, наконец, верностью в каждой строке однажды принятому и резко выразившемуся направлению. Такой журнал не мог бы не быть замеченным и в толпе хороших журналов...» (Т. 9. С. 687).

Издатель журнала — также личность неординарная. Человек, почти неизвестный в литературе, без связей, без систематического образования, самоучка, купец званием. Но он, по словам А.И. Герцена, «родился быть журналистом». Это был журналист «не по случаю», «не из расчета», а по призванию. «Он никогда не negliжировал изданием своего журнала, — писал Белинский, — каждую книжку его издавал с тщанием, обдуманно, не жалея ни труда, ни издержек. И при этом он владел тайною журнального дела, был одарен для него страшною способностью. Он постиг вполне значение журнала, как зеркала современности... Без всякого преувеличения можно сказать положительно, что “Московский телеграф” был решительно лучшим журналом в России от начала журналистики» (Т. 9. С. 693).

Не имея высоких покровителей, в атмосфере преследований и конкуренции, Полевой, отказавшись от уклончивого тона, нападал на все литературные авторитеты, касался самых щекотливых вопросов науки и общественной жизни, вносил свежую струю в жизнь и журналистику. Его девиз, отметил Бестужев еще в «Полярной звезде», — «Смелым владеет бог!»

Журнал выходил два раза в месяц (15-го и 1-го числа каждого месяца). Он состоял из отделов: изящной словесности, науки и искусства, критики и библиографии, известий и смеси. Казалось бы, немного. Но по содержанию журнал имел вполне энциклопедический характер. Полевой правильно понял, что время чисто литературного журнала прошло. Грамотный читатель интересовался уже и литературой, и политикой, и хозяйством, и торговлей, и достижениями науки.

Все новинки были предметом статей журнала вплоть до последних парижских мод. Каждый номер открывался статьей, затрагивающей все новые и новые области знаний. Впервые Полевой стал печатать репродукции с картин и скульптур

великих художников, комментировать их. В журнале даются жизнеописания замечательных современников, путешествия, статьи по математике и медицине.

С 1826 г. «Московский телеграф» регулярно помещает обзоры важнейших событий международной жизни (Греция, Южная Америка), широко знакомит читателей с французской, английской литературой, русским фольклором и т.д.

Полевой понял и другое: для успеха журнала необходим свой массовый читатель. Еще Карамзин знал, что успех журнала зависит от числа его читателей, подписчиков, но не смог выйти за рамки дворянского круга. В 30-е годы это становится всеобщей истиной. Однако одни, такие, как Булгарин, Сенковский, шли навстречу широкому читателю путем потакания его вкусам; другие — издатели «Московского наблюдателя», «Московского вестника» (так называемые философы-любомудры) — сознательно шли на разрыв с массовым читателем и пытались завоевать авторитет, опираясь на узкий круг светской аудитории.

Всех их победил Н.А. Полевой. Приняв заказ публики на массовый энциклопедический журнал, он не отказался от того, чтобы идти впереди читателя, воспитывать его вкус, печатать высокохудожественные произведения, и на этом пути добился успеха.

Журнал и по своей организации был явлением необычайным. Во главе отделов стояли заведующие — известные ученые, литераторы. К сотрудничеству привлекаются крупные писатели, в том числе Пушкин, Бестужев-Марлинский, А. Мицкевич и др. Активно работают Вяземский, С.Д. Полторацкий, Ф. Глинка и др. Вообще круг сотрудников необычайно расширился. Приобретается первый опыт работы с письмами читателей-непрофессионалов.

В первом номере «Московского телеграфа» Полевой поместил «Письмо издателя к NN». Не письмо к издателю, как принято было до того, а свое открытое заявление. В этой статье говорилось, что журнал должен быть зеркалом, отражающим все стороны русской жизни. Журнал должен отражать мир нравственный, политический, физический и т.д., отличаться от научных изданий доходчивой формой, разнообразием статей, быть журналом для *всех*, возбуждать деятельность в своих читателях. Журналист назван Полевым разносчиком вестей. Чтобы быть достойным имени журналиста, ему следует обладать трудолюбием и терпением. Немного позднее

Полевой дополнит свое представление о журнале и журналисте. Журналист, утверждал он, должен помнить, что журнал — не собрание «занимательных статей». «Журнал должен составлять нечто целое; он должен иметь в себе *душу*, которую можно назвать его целью... Журналист в своем кругу должен быть *колонновожатым*».

Последние слова могли быть истолкованы двояко.

В Москве в 20-е годы была организована Н.Н. Муравьевым «Школа колонновожатых», где учились некоторые будущие декабристы, С. Полторацкий и др. Школа готовила офицеров-квартирмейстеров. Полевой, когда говорил о колонновожатых, имел в виду людей, идущих впереди основной части войск и обеспечивающих им досуг и отдых. Но можно было понимать это сравнение и более широко: как идейное руководство. Не случайно указанные слова позднее фигурировали в доносе министра Уварова на Полевого.

Успех «Московского телеграфа» был скор и несомненен. Первые книжки журнала потребовалось переиздать «вторым тиснением». Тираж быстро поднялся с 700 до 1500 экземпляров. Широта диапазона, принципиальность позиции, доходчивая форма, острые заголовки обратили внимание всех. Друзья и враги согласно решили, что «Московский телеграф» — «явление замечательное». Но этот же успех породил конкуренцию и вражду. Высмеивали все: происхождение, фамилию Полевого, название журнала. В числе врагов сразу же оказались журналы «Сын Отечества» Греча и Булгарина, «Вестник Европы» Каченовского, газета «Северная пчела». Она первая выступила против журнала Полевого, придираясь ко всяким мелочам, опечаткам.

В первые годы издания (1825—1828) в журнале еще было сильно идейное влияние дворянских писателей. В редакции журнала заметную роль играл Вяземский. Он писал критические статьи, фельетонные заметки, стихи. «Я стоял на боевой стене, — писал о себе Вяземский, — стрелял из всех орудий, партизанил, наездничал и под собственным именем и под разными заимствованными именами и буквами».

Придавая большое значение литературному развитию, Полевой уже в первом номере объявил критику необходимым отделом журнала. Ему вместе с Вяземским удалось создать настоящую оперативную разностороннюю критику. Хорошо была поставлена и библиография: до 20 рецензий в номере. Его журнал смело повел борьбу против Булгарина и Греча,

разоблачал плагиаторов и компиляторов более мелкого пошиба, критиковал староверов из «Вестника Европы».

«Московский телеграф» целиком встал на сторону романтизма. Полевой высоко оценил вклад Жуковского в новейшую русскую литературу, но критиковал за недостаток народности в его сочинениях, одностороннее пристрастие к мечтательности. Выше других он оценил поэзию Пушкина, охотно печатал его стихи. Не уклоняясь от критических замечаний в адрес поэта, Полевой все же утверждал, что творчество Пушкина лучше всех отвечает требованиям времени, самобытности и народности русской литературы.

В 30-е годы усиливается пропаганда творчества В. Гюго как представителя молодой французской литературы романтического направления. В защите романтизма Полевой исходил из того, что характер литературы избирается обществом не произвольно и романтизм порожден новыми историческими условиями жизни народов.

«Московский телеграф» — первый пробуржуазный журнал в России. Это проявилось и в защите интересов буржуазных элементов в России, и во внимании к практическим вопросам ведения хозяйства, хотя буржуазность как классовая позиция вряд ли осознавалась ясно самим издателем. Журнал постоянно печатал обширные статьи: «О нынешнем состоянии химической промышленности в Англии», «О выставке российских мануфактурных изделий», «О производстве тонкой шерсти в Европе» и т.п. В 1827 г. вводится рубрика «Хозяйственные советы».

В журнале уделяется внимание практическому использованию достижений наук (химии, физики и др.). Публикуются такие «прозаические» материалы, как, например, статья «О досчатых стропилах». Часто вклеиваются между страницами образцы мануфактуры.

Полевой был идеологом развивающейся, формирующейся буржуазии, пропагандистом идеи свободного капиталистического развития России, расширения прав купечества. В его лице выступала буржуазная оппозиция, организационно неоформленная, лишь иногда окрашенная в революционные тона, что отразилось в статьях об освободительной борьбе в Греции, латиноамериканских странах, в очерке о Боливаре. Но революционность, оппозиционность эта была мнимой, неглубокой, ибо свержение самодержавия никак не входило в программу действий русского третьего сословия. Наоборот, речь шла о мирном сотрудничестве с монархией.

Тем не менее Полевой с жаром доказывал, что благо государства — в развитии промышленности и возвышении «среднего звания» людей. «Купеческое звание стоит в ряду других званий российского гражданства как почетное и заслуживающее уважения» (1826. № 2). Даже в статьях о литературе Полевой подчеркивал ту же мысль: «Около конца осмнадцатого столетия, — писал он, — не ближе... начал образовываться у нас класс среднего между **барином и мужиком** существ, то есть тех людей, которые везде составляют истинную прочную основу государства. Из среды сего-то класса вышел Новиков» (1830. № 2).

В основу многих публицистических высказываний подобного рода Полевым была положена теория двух капиталов: вещественного и невещественного, органической связи промышленности и просвещения.

«Только при соединении **вещественного и невещественного** капиталов государство является в полноте народного бытия. Признаком достижения к сей полноте со стороны вещественной бывает **промышленность**, со стороны умственной — **литература**», — писал Полевой (1828. № 18). Об этом он заявлял неоднократно и в отделе «Смесь», и в статье «О невещественном капитале», и в литературной критике, говорил в устных выступлениях и брошюрах. «Просвещение есть главнейшее основание благосостояния каждого государства, ибо оно составляет часть народного богатства, более важную, нежели богатство вещественное; оно есть невещественный капитал, без коего капитал вещественный не только маловажен, но совершенно ничтожен», — говорил Полевой в одной из речей в 1828 г. Полевой стремился к разностороннему просвещению русского купечества, ибо от этого зависел успех отечественной промышленности и положение самого сословия. Он призывал купечество служить делу прогресса производительных сил и тем самым доказать свою важную роль в государстве. Образование, просвещение — гарантия возвышения буржуазии, вообще незнатного человека, в государстве.

В условиях, когда крепостничество, привилегии дворян на образование, достижения культуры мешали историческому прогрессу страны, эта программа при желании могла быть истолкована и как революционная. Однако Полевой не шел дальше идеи равенства сословий: дворян и купечества.

В 1827 г. Полевой сделал попытку преобразовать журнал с целью более широкого охвата среднего сословия. Но его

планы встретили противодействие со стороны правительства. Ему не разрешили издавать ни приложений к журналу, ни газеты с политической информацией.

К этому времени у Полевого с дворянскими писателями возникли противоречия. Если раньше он успешно сотрудничал с ними, то теперь открыто полемизировал. Полевого задевает их аристократизм, карамзинские «предрассудки» и т.п. В 1829 г. Полевой выступил с критикой Карамзина, заявив, в частности, что его «История государства Российского» устарела, и пообещал вскоре написать и издать свою «Историю русского народа». Писатели дворянского лагеря были возмущены нападками на Карамзина. Из журнала ушел Вяземский, перестал печататься Пушкин.

В 1829 г. с 13-го номера в «Московском телеграфе» был введен отдел под названием «Новый живописец общества и литературы», направленный в основном против дворянской аристократии. В «Письме к издателю «Московского телеграфа»» говорилось, что толстые стены, важное звание — не защита от сатиры. Однако сатира была обещана умеренная («мы не судьи, а живописцы»), как «приправа» к статьям серьезного содержания. Тем не менее в статьях осуждалось мотовство, вырождение дворянства, неумение вести хозяйство, взяточничество чиновников. В 30-е годы в этом отделе помещались пародии на стихи дворянских поэтов: Дельвига, Языкова, Пушкина и др.

В 1830 г. журнал Полевого критиковал «Литературную газету» Дельвига за узость ее программы. «Литературная газета» раздраженно отвечала Полевому. Пушкин, Вяземский резко высказывались в связи с критикой дворянских литераторов.

В 30-е годы Полевой стремится как бы разрушить монополию дворянского общественного мнения в литературе, разделить дворянство от руководства общественным мнением. Полевого поддержал Булгарин, и издатель «Московского телеграфа» не отклонил поддержки. Этот временный союз с Булгариным показал неустойчивость Полевого как идеолога буржуазии, купечества.

Одновременно Полевой был вынужден вести полемику с «Вестником Европы», «Московским вестником». До 1828 г. «Вестник Европы» не был опасным противником для Полевого. Но с приходом в журнал молодого критика, будущего издателя «Телескопа» Н.И. Надеждина положение изменилось.

Надеждин за подписью «экс-студент Никодим Надоумко» публикует ряд фельетонных статей, направленных против романтической поэзии, на защите которой Полевой сделал себе имя. Первая статья Надеждина «Литературные опасения за будущий год» была сильным ударом по литературной позиции Полевого. Критик правильно уловил ограниченность литературных взглядов Полевого. Его нападки были опасны потому, что он не был приверженцем классицизма. Надеждин первым заметил отмирание романтизма, появление реализма. В форме диалога с поэтом Тленским (явная пародия на Ленского) Надеждин разоблачает, критикует самые слабые стороны романтизма: условность, неестественность, манерность, излишнюю экзальтацию.

В 1829 г. Надеждин публикует статью «Сонмище нигилистов», под которыми подразумевает Полевого и других сторонников романтизма, ряд рецензий на произведения Пушкина и Баратынского, где обвиняет романтиков в недостойности отдельных сюжетов, в безвкусице, в бессвязности их поэм («Граф Нулин», «Наложница», «Бал»). Он как бы предчувствует новое направление в литературе — реалистическое, которое больше соответствует потребностям времени.

«Московский телеграф» был популярен не только в России, но и за ее пределами, из него делались перепечатки журналами европейских стран («Revi Encyclopedique»). Сам «Московский телеграф» нередко вступал в полемику с иностранными журналами.

В 1833 г. главой министерства просвещения, которому непосредственно подчинялась печать, стал старый враг Полевого граф Уваров. Цензура усиливает наблюдение за журналом. Повышенный интерес «Московского телеграфа» к революции 1830 г. во Франции, полемика с дворянской аристократией, сатирические выпады — все учитывается в правительственных органах. Уваров дает задание чиновникам подобрать предосудительные материалы, высказывания журнала за последние годы. Доносчики находят в материалах журнала косвенное сочувствие идеям декабристов, революции. Уваров потребовал закрыть журнал Полевого. Поводом для этого послужила опубликованная в 1834 г. рецензия Полевого на драму придворного писателя Н.В. Кукольника «Рука всевышнего Отечество спасла». Полевой критиковал литературные недостатки пьесы, возмущался, что ей аплодировала публика. Он снова проводил излюбленную мысль о том, что Отечество в 1612 г.

спасли не дворяне, а купец Минин. Полевому запретили издавать журнал, а также и самому что-либо печатать за своей подписью.

Дальнейшая жизнь журналиста была весьма печальной. Полевой нравственно сломался и стал поденщиком, черно-рабочим в изданиях, которые критиковал («Сын Отечества», «Северная пчела»), а в конце жизни занялся драматургией. «Замолчать вовремя — дело великое. Мне надлежало замолчать в 1834 году», — писал от брату. Умер Полевой в 1846 г.

Издания «триумвирата»

(Греч, Булгарин, Сенковский)

После событий 14 декабря 1825 г. правительство не только перешло к политике подавления русской передовой журналистики, но постаралось с помощью консервативной печати укрепить свое влияние на общественное сознание. Здесь верным помощником самодержавия стал журнал «Сын Отечества», редактируемый Булгариным и Гречем, которые преследовали при этом свои корыстные цели.

Ряд реорганизаций, участие Полевого в журнале после 1834 г. ничего не изменили в содержании и направлении «Сына Отечества». Он ожесточенно боролся с передовой литературой и журналистикой, что, конечно, не прибавляло ему популярности.

Более влиятельной и распространенной оказалась в это время газета Булгарина и Греча «Северная пчела». Разрешение на ее издание в 1825 г. получил Булгарин. Особенностью газеты было то, что она одна (не считая правительственных изданий) имела право печатать политическую информацию. Это было следствием особого доверия правительства и III Отделения к Булгарину.

Булгарин — личность крайне непривлекательная. В прошлом — офицер-перебежчик, служивший в русской армии, а в годы Отечественной войны 1812 г. — у Наполеона, человек без родины, приспособленец, добровольный шпион и доносчик, сделавший для себя литературу, журналистику после войны 1812 г. средством существования. Этот человек, потеряв возможность сделать военную карьеру, понимал необходимость войти в доверие к передовым литераторам-дворянам, в частности к декабристам. У него были полудружеские отношения с Рылеевым, Кюхельбекером, а также с Грибоедовым и другими.

Но истинное лицо Булгарина было разгадано наиболее проникательными из декабристов. Когда вечером 14 декабря перепуганный Булгарин пришел на квартиру Рылеева, где собралась группа участников восстания, хозяин квартиры встретил его словами: «Тебе здесь не место. Ты будешь жив, ступай домой».

План романа «Настоящий Выжигин», приведенный Пушкиным в фельетоне «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», достаточно ярко характеризует поведение этого бесчестного человека и журналиста, истинного «мошенника пера».

Неудивительно, что, добившись особого доверия III Отделения, Булгарин повел газету «Северная пчела» в охранительном тоне. «Северная пчела» в своих политических мнениях направлялась III Отделением и приобрела значение правительственного официоза. Всякая попытка выйти за эти рамки немедленно пресекалась, а сам Булгарин становился предметом неоднократного унижения Бенкендорфом и его помощником Дубельтом.

В 1831 г. газета официально издавалась и редактировалась совместно Булгариным и Гречем, хотя связаны эти люди между собой были гораздо раньше. Греч после 1825 г. как журналист был не намного порядочнее, чем Булгарин. Белинский раздраженно писал в одном из писем о Грече: «...это литературный Ванька-Каин, это человек, способный зарезать отца родного и потом плакать публично над его гробом, способный вывести на площадь родную дочь и торговать ею... это грязь, подлость, предательство, фискальство, принявшие человеческий образ...» (Т. 7. С. 9—10).

«Северная пчела» занимала особое место в русской печати именно потому, что была единственной частной газетой политического содержания. Выходила она сначала 3 раза в неделю, а с 1831 г. стала выходить ежедневно. «Северная пчела» оказалась источником информации для всех, что создавало ей монопольное положение в стране. Тираж ее доходил до 3000 экземпляров.

Газета издавалась по широкой программе. В ней имелся отдел внутренних известий, заграничных новостей, им отводилась первая и вторая полосы газеты; третья и четвертая полосы заполнялись критикой, там же печатались фельетоны, рассказы, стихи, моды и другие мелочи. Много места уделялось производству в чины и наградам.

В течение первого года издания здесь еще печатались передовые общественные деятели и писатели, такие, как Крылов, Пушкин. Но после декабрьского восстания они стали сторониться газеты. В конце 20-х годов она открыто порочит революционное движение, проповедует принципы самодержавия, которые поколебали декабристы.

Булгарин умел приспосабливаться к вкусам невзыскательной публики, стремился преподносить политические материалы, новости в занимательном, хотя и в несколько вульгаризированном виде. Вот, например, некоторые высказывания Булгарина о газетной работе: «Газета! Помните, что «Пчела» газета!.. Большинство публики любит легкое»; «Помните, что заглавие иногда, и даже часто, заменяет дело»; «Публика наша любит только тогда политику, когда в политике таскают друг друга за волосы и бьют по рылу!»¹⁴

Булгарин был не только газетчиком, но и беллетристом, определенной популярностью пользовался его мещанский роман «Иван Выжигин». Надеждин, редактор журнала «Телескоп», метко заметил, что роман «приходится не только **по сердцу**, но и **по плечу** читающей нашей публике» (Телескоп, 1831).

Эта оценка романа может быть распространена и на газету. Булгарин старался развлекать подписчика: печатает большое число нравоучительных романов и фельетонов под рубрикой «Нравы». В статьях Булгарин славит самодержавие, удивительно точно попадая в нужный правительству тон. Лучше писать мелочи, считал Булгарин, чем догадки и рассуждения о судьбе царств. Недаром серия его фельетонов носила название «Комары и мухи», «Комарики». Он старался всеми силами успокоить умы, пропагандировать охранительные идеи. В 30-е годы «Северная пчела» проповедует уваровские принципы официальной идеологии: самодержавие, православие и народность. Булгарин выступал против Пушкина и всего передового дворянства.

В то же время Булгарин признает неизбежность вторжения буржуазных отношений в русскую жизнь и стремится к сближению с буржуазными элементами, что в свою очередь усиливает его вражду к «литературной аристократии». Газета восхваляла политику правительства по отношению к торговле, промышленности. Специально введенный отдел «Наблюдения в отечестве» посвящался этим вопросам.

¹⁴ Цит. по: *Энгельгардт Н.* Очерк истории русской цензуры. СПб., 1904. С. 357.

Политический консерватизм у издателей сочетался с делачеством и корыстью. «Северная пчела» как нельзя лучше вместе с появившейся в 1834 г. «Библиотекой для чтения» иллюстрировала превращение журналистики в отрасль «торговли». Булгарин через газету шантажировал купцов и заводчиков, брал взятки за рекламу товаров. В русских газетах торговой коммерческой рекламы тогда еще не было (появилась в 60-е годы), но Булгарин умело обходил это неудобство. В статье «О выставке российских изделий» он хвалил табак одной из петербургских фабрик (1829. № 69), в статье «Хирургия» рекламировал врача-дантиста и даже сообщал его адрес (1831. № 30) и т.д.

«Северная пчела» несла в себе черты коммерческого предприятия и обеспечивала достаточный доход издателям. Тем не менее Булгарин и Греч боялись конкуренции, соперничества. Стоило Полевому возбудить дело об издании своей газеты, как Булгарин тут же пишет донос о его неблагонадежности. Так же он поступает с издателем «Литературной газеты» Дельвигом.

В 30-е годы складывается журнальный «триумвират»: Булгарин, Греч, Сенковский.

О.И. Сенковский пришел в газету в 1830 г. в качестве сотрудника. Он писал для газеты фельетоны, и хотя они были талантливее и остроумнее «Нравов» Булгарина, но также носили развлекательный характер.

Освещая в газете вопросы текущей литературы и искусства, Греч постоянно придирался к мелким ошибкам орфографии и стиля писателей. Булгарин требовал от них нравоучительных сентенций, Сенковский балагурил, высмеивал и вышучивал всех и все. Poleмика часто носила мелочный характер, но общий ее смысл был ясен: уронить в глазах читателя все выходящее за рамки благонамеренной посредственности, псевдонародности.

В 30-е годы они выступают против Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Особой беззастенчивостью в этом плане отличался Булгарин. Он обвинил, например, Пушкина в связи с первыми главами «Путешествия в Арзрум» в непатриотичности и разглашении военных тайн. Злобу и раздражение вызвала комедия Гоголя «Ревизор». Вообще «Северная пчела» всячески старалась унижить новое течение в литературе — критический реализм.

В 1833 г. профессор-востоковед О.И. Сенковский совместно с крупным книготорговцем А.Ф. Смирдиным приступили к организации большого энциклопедического ежемесячного журнала «**Библиотека для чтения**» (1834—1865). Журнал не был чисто литературным, хотя оценки ему давались и современниками, и последующими исследователями именно как литературному. В нем имелся неплохой научный отдел. Имя Смирдина было гарантией денежной состоятельности и аккуратности нового издания, имя Сенковского — ученой солидности. Официальными редакторами были названы Сенковский и Греч. Привлечение на первых порах Греча обеспечивало политическую благонамеренность журнала. В качестве сотрудника здесь оказался и Булгарин.

Поначалу казалось, что журнал объединил всю русскую литературу. В нем было обещано участие около 60 видных писателей, включая Пушкина, Жуковского, Д. Давыдова и др. Вместе с тем в основу его издания были положены откровенно коммерческие принципы. Это сказалось в организации работы редакции и во взаимоотношениях с сотрудниками. Во главе журнала стоял сам Сенковский, энергичный человек, способный литератор и неутомимый работник. Он по согласию со Смирдиным назначил себе годовой оклад 15 000 руб. Были введены постоянные гонорары авторам: 200 руб. за печатный лист оригинального произведения и 85 руб. за переводы. Знаменитые писатели получали еще больше. Но зато Сенковский считал себя полным хозяином рукописи, которая была им оплачена.

Журнал отличался большим объемом, аккуратностью выхода, хорошей бумагой, переплетом и другими внешними достоинствами. Тираж его очень скоро достиг 7000 экземпляров, что по тем временам было делом неслыханным.

Основная причина успеха журнала заключалась в его занятости, забавности для определенного круга читателей. Белинский писал, что «тайна постоянного успеха “Библиотеки” заключается в том, что этот журнал есть, по существу, журнал **провинциальный** и в этом отношении невозможно не удивляться той ловкости, тому уменью, тому искусству, с каким он принаровливается и подделывается к провинции» (Т. 2. С. 19). В понятие «провинциальный» Белинский в значительной степени вкладывает значение «помещичий». Он рисует далее картину, как принимают, читают журнал в семье степного помещика. Все члены семьи находят что-то занятное для себя:

отец читает статьи по земледелию, мать — хозяйственные советы, дочь — романтические стихи и повести, сынок — комические фантастические повести барона Брамбеуса и для всех приготовлена смесь, литературная летопись, где можно черпать безапелляционные готовые суждения о литературе, разные разности и новости иностранных литератур.

Время, потраченное на чтение журнала, равнялось времени выхода очередного номера. Журнал оказался действительно библиотекой чтива для невзыскательного читателя. Популярным оказался журнал и в кругах провинциального чиновничества. Конкурировать с ним было очень трудно.

«Библиотека для чтения» имела традиционные для того времени семь отделов: русская словесность; иностранная словесность; наука и художества; промышленность и сельское хозяйство; критика; литературная летопись; смесь.

В беллетристическом отделе господствовала повесть. За редким исключением печатались произведения второстепенных и третьестепенных писателей: В.А. Ушакова, М.Н. Загоскина, Рахманного (Н.Н. Веревкин) и других подчас анонимных авторов. В стихах отдавалось предпочтение Н.В. Кукольникову, А.В. Тимофееву, В.Г. Бенедиктову. Большинство литературных произведений отличалось вульгарным характером, ходульностью, внешней занимательностью и пустым внутренним содержанием. К литературе с острой социальной проблематикой Сенковский относился враждебно.

Иностранная литература, особенно французская, служила поводом для насмешек и переделок.

Отдел науки сообщал русскому читателю множество сведений по всем отраслям знаний — технике, истории, естествознанию, медицине, — но материалы в этом отделе никогда не были оригинальными, никогда не были трудами передовых русских ученых. Это были, как правило, популярные компиляции, составленные по иностранным источникам: журналам и книгам. Из научных статей выхолащивалось всякое философское содержание, теоретические обобщения. Наука для Сенковского — это собрание любопытных фактов, не более. Иногда, правда, его интересовало практическое применение открытий. Буржуазность Сенковского сказывалась и здесь: выводов передовой науки он боится, хотя отдельными достижениями науки не прочь воспользоваться.

Отдел промышленности и сельского хозяйства давал особенно много подписчиков. В нем внимание читателей привлекали

узкопрактические советы, пригодные в хозяйстве, вплоть до соления грибов и борьбы с насекомыми. Вот как выглядел, например, этот отдел в одном из номеров за 1834 г.:

«Легкий способ золотить и серебрить разные вещи.

Состав ароматической горчицы, известной у нас под названием французской.

Приготовление вишневой водки или киршвассера.

Саксонский способ унаваживать землю.

Лак для предохранения дерева от гнилости.

Клоквенные выморозки.

Способ наклеивать на стены бумажные обои так, чтоб в них не заводились клопы...»

Интересен, а подчас и сенсационен был отдел «Литературная летопись». Его главной фигурой стал сам Сенковский, или барон Брамбеус. Легкие фельетонные рецензии, в которых он заставлял книги ездить в каретах, драться на шпагах и т.п., парадоксальные мнения, скептические насмешки и издевательства над незадачливыми литераторами заполняли этот отдел. Публику Сенковский олицетворял с кровавым султаном из сказки «Тысяча и одна ночь», которого надо было развлекать любым способом. В критике Сенковский возвел беспринципность в принцип. Его статьям и отзывам присущ стиль подчеркнутой парадоксальности, вплоть до литературного озорства. Он мог опубликовать в своем журнале заведомо слабое произведение и затем потешаться над невежеством автора, развлекая таким образом читателя-обывателя. Пушкина он мог сравнить с Тимофеевым, Гоголя ставить ниже Поль де Кока и т.д. Критическая статья превращалась в его руках подчас в орудие сведения счетов с конкурентами.

Как замечал В. Стасов, Сенковский, Кукольник, как и Булгарин, превозносили далекое от жизни «академическое» изобразительное искусство тех лет в противовес передовой русской литературе. «Оно и понятно, — писал он, — и Кукольник, и Сенковский, и Булгарин, и все их товарищи не выносили ни Лермонтова, ни Гоголя — эти новые наши писатели и созданные ими новые школы были им противны и непонятны, они ненавидели их от всей души за ту искреннюю правду, которую те вносили в искусство, и с восхищением готовы были превозносить, им в пику... даже самых посредственных или плохих тогдашних наших живописцев и скульпторов. Да, и именно за то, что эти художники были

бесцветны своим направлением, никого и ничего не затрагивали своими полотнами и статуями, не будили никакой мысли и никакого чувства»¹⁵.

Занятен и обширен в «Библиотеке для чтения» и отдел «Смесь». Здесь печатались юмористические заметки, анекдоты, сообщения о новинках литературы. Все было обильно уснащено насмешкой, шуткой и остротами барона Брамбеуса, причем часто просто-напросто дурачившего читателя.

При всем разнообразии материалов журнала «Библиотека» отличалась завидным единством. Это единство обеспечивалось самим Сенковским, и весьма оригинальным способом. Редактор бесцеремонно переделывал все материалы, поступавшие в редакцию. Переделки предпринимались ради выхолащивания социально-острых моментов, во имя большей развлекательности. И когда Гоголь в «Ревизоре» в знаменитой сцене вранья заставляет Хлестакова говорить от лица Брамбеуса, что он «всем им статьи правит», это была критика «Библиотеки»; когда Хлестаков похваляется, что он и «Юрия Милославского» и «Фрегат “Надежда”» написал, и с Пушкиным на дружеской ноге, это все было сатирой на Сенковского с его бесцеремонностью и рекламой.

Сенковский изгнал со страниц своего журнала всякий намек на политику, хотя от этого «Библиотека» не стала журналом аполитичным. Своим шутовством, скептицизмом он как бы успокаивал умы, отвлекал от острых проблем действительности, потрафлял вкусам помещиков, напуганных декабрем 1825 г., революцией во Франции 1830 г.

Подражая внешне новой французской литературе, романтизму, Сенковский отвергал всякое революционное содержание ее. Он издевается над Егором Зандовым (т.е. Жорж Санд) за якобы безнравственность, негодует на В. Гюго за его либерализм, нападает на утопический социализм.

В 1834 г. в «Библиотеке» была помещена повесть В.А. Ушакова «Пиюша», направленная против личности и демократических взглядов Белинского. В том же году печатаются повести Тимофеева «Утрехтские события» и Булгарина «Петербургская чухонская кухарка», направленные против женской эмансипации и сен-симонизма.

В конечном счете Сенковский и его журнал проповедовали полное примирение с самодержавием, незыблемость существующего строя и вместе с Булгариным и Гречем выступали

¹⁵ Стасов В.Д. Избранное: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 594.

конкурентом и противником передовой журналистики и литературы. В 40-е годы журнал пришел в упадок и потерял подписчиков. В 1865 г. журнал прекратил свое существование.

Журналистская деятельность А.С. Пушкина

А.С. Пушкин — один из виднейших русских журналистов. Его журналистская деятельность началась еще в 20-е годы XIX в. В канун восстания декабристов он выступал как поэт и публицист в журналах «Сын Отечества», «Московский телеграф», в альманахе «Полярная звезда». Темы его публицистических выступлений — борьба против консервативных мнений «Вестника Европы» Каченовского. Особо отметим его участие в «Полярной звезде». Сотрудничая в декабристском альманахе как поэт, Пушкин тем не менее был вовлечен в журнальную жизнь и борьбу. Здесь он впервые понял, какой силой в утверждении тех или иных истин, понятий является периодическая печать.

Горячо, близко к сердцу принял поэт-журналист литературные обзоры Бестужева в «Полярной звезде», статьи Кюхельбекера в «Мнемозине». Пушкин спорил в беседах, в письмах с отдельными положениями этих статей, проявляя подчас более зрелый историзм в оценках литературных явлений, чем Бестужев или Кюхельбекер. Поэт оставил несколько черновых набросков по этому поводу, которые характеризуют его как вдумчивого полемиста и критика.

Еще будучи в южной ссылке, Пушкин мечтал о своем журнале или газете, но реализовать это желание очень долго не мог по политическим причинам.

В течение 1825 г., некоторое время после разгрома декабристов, Пушкин участвует в «Московском телеграфе» Полевого, защита романтизма на страницах которого вполне устраивала поэта. Здесь было напечатано несколько стихотворений и замечательная статья о баснях Крылова.

Поэт продолжает участвовать в борьбе против «Вестника Европы», а вскоре активно включается в борьбу против Булгарина и Греча.

Однако длительное сотрудничество с Полевым оказалось невозможным, и поэт ищет себе новых союзников.

В 1827 г. Пушкин принимает активное участие в организации журнала «**Московский вестник**». Это недолговременное издание, душой которого на первых порах был рано умерший

поэт и философ Д.В. Веневитинов. Лицо журнала определяли философы-идеалисты: сам Веневитинов, С.П. Шевырев, Н.М. Рожалин и др. Официальным редактором журнала был М.П. Погодин. Разработка философских основ литературной критики и эстетики явилась главным содержанием журнала. Но Пушкин настойчиво боролся за влияние в журнале, за превращение его из сугубо философского издания в литературно-общественный журнал, доступный широкому кругу читателей. В 1827 г. он поместил здесь не один десяток поэтических произведений. Однако союз с философами-любоумудрами не удовлетворял Пушкина, друзья поэта по «Арзамасу» — А.А. Дельвиг и другие — не поддерживали его и не приняли участия в «Московском вестнике», и сам Пушкин вскоре покидает журнал. Со смертью Веневитинова в 1827 г. журнал постепенно теряет влияние среди читателей и в 1830 г. закрывается.

Таким образом, и эта попытка Пушкина создать «свой» журнал не увенчалась успехом. Его уже не удовлетворяет участие в периодических изданиях только в качестве поэта, он хотел иметь возможность влиять на общественное мнение, выступать с острым словом публициста. Борьба с продажной журналистикой, Булгариным и Гречем становится насущной задачей. Органом печати, где Пушкин мог в начале 30-х годов выступить против Булгарина и Греча, стала «Литературная газета».

«**Литературная газета**» издавалась друзьями Пушкина и редактировалась А.А. Дельвигом. Выходила она в 1830—1831 гг., один раз в пять дней. Это одно из интереснейших изданий первой половины XIX в. Главная заслуга этого периодического органа — смелая борьба против Булгарина и Греча, против засилья реакционеров и циников в отечественной литературе. В «Литературной газете» Пушкин приобщился к редактированию периодического издания. В 1830 г. во время отъезда Дельвига из Петербурга Пушкин как редактор подготовил и выпустил ряд номеров газеты.

В «Литературной газете» участвовали кроме Пушкина и Дельвига такие литераторы, как О. Сомов, П. Вяземский, Д. Давыдов, Е. Баратынский, П. Катенин, Н. Языков, Ф. Глинка, Н. Гоголь и др. «Литературная газета» была у нас необходима, — писал Пушкин, — не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербург-

ских или московских изданий»¹⁶. В Петербурге главенствовали Греч и Булгарин, в Москве — Каченовский.

По своему характеру новое издание друзей Пушкина было литературным и литературно-критическим. Соответственно имелось и два отдела: литературный и критики. «Цель сей газеты, — говорилось в редакционной статье первого номера, — знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской и в особенности российской».

«Литературная газета» стояла на позициях романтизма, но уже трезво и критически оценивала крайности этого направления. В качестве основного требования к литературе выдвигается требование правдивости в изображении жизни. Сам Пушкин переходит в это время от романтизма к реализму. В связи с этим в «Литературной газете» начинают отводить больше места прозе, жанру путевых очерков и путевых записок.

Политический отдел не был разрешен газете Дельвига. Только наличие такого отдела позволило бы успешно конкурировать с «Северной пчелой» Булгарина и Греча. В условиях строгого контроля со стороны правительства и цензуры, при отсутствии в газете политического отдела ей трудно было стать влиятельной и независимой газетой с большим кругом подписчиков. Тем не менее газета смело выступала против «Вестника Европы», «Северной пчелы» и «Сына Отечества». Не нашла она общего языка в 30-е годы и с Полевым. Вяземский, Пушкин, с одной стороны, Полевой — с другой, ведут резкую полемику между собой, не избегая личных выпадов и упреков в неблагонадежности.

Но главное направление литературной борьбы — это разоблачение полицейской роли в литературе Булгарина и Греча, насаждения ими пошлых вкусов, безыдейности в литературе.

В третьем номере «Литературной газеты» в отделе «Смесь» была опубликована заметка Пушкина, в которой отрицательно оценивался модный мещанский роман Булгарина «Иван Выжигин». Заметка вызвала бурную реакцию со стороны Булгарина. Он пишет донос на «Литературную газету», резко критикует седьмую главу «Евгения Онегина». На это Пушкин отвечает рядом эпиграмм и памфлетом «О записках Видока».

¹⁶ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 6. С. 30. (Далее см. отсылки в тексте.)

В этом произведении Пушкин разоблачает продажную сущность болгаринской прессы и самого Булгарина. Под видом рецензии-отклика на книжку французского сыщика Видока Пушкин клеймит самые низменные, самые отвратительные черты Булгарина и всей болгаринской прессы. Он говорит о полицейской роли, которую играет Булгарин в литературе, уподобляя его тайному французскому полицейскому агенту — Видоку.

Булгарин и Греч изображали «Литературную газету», ее сотрудников как некую «литературную аристократию», как особую партию аристократов в литературе, недвусмысленно намекая на недавнюю организацию дворян-декабристов. Это был обычный полемический прием болгаринской печати, подчиненный определенным политическим целям — опорочить Пушкина, посеять недоверие к группе литераторов, объединившихся вокруг «Литературной газеты».

Острый характер полемики «Литературной газеты» с Булгариным, Гречем и Полевым не нравился правительству, Бенкендорфу. Разоблачая Булгарина и Греча, Пушкин добивался недоверия читателя к их изданиям, которые шли в русле официальной политики, поэтому III Отделение ищет повод запретить газету Дельвига. Этим поводом стала публикация в газете в октябре 1830 г. перевода четверостишия, посвященного жертвам июльской революции 1830 г. во Франции. Другам Пушкина удалось, используя свои связи при дворе, добиться возобновления газеты, но при категорическом условии отказа Дельвига от ее редактирования. Редактором был утвержден О. Сомов.

Пушкин печатается здесь реже и реже, теряет в известной степени интерес к этой газете, а само издание из-за цензурных стеснений в 1831 г. прекращается.

Одновременно с сотрудничеством в газете Дельвига Пушкин использовал в борьбе против Булгарина и Греча московский журнал «Телескоп», поскольку тот благоволил к поэту, одобряя его переход от романтизма к реализму.

В 1831 г. Пушкин помещает там две фельетонные статьи: «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», — направленные против Булгарина и Греча. Они перекликаются с басней Крылова «Кукушка и Петух», которая тоже была направлена против Булгарина и Греча, против их восхваления друг друга.

За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

В статье «Торжество дружбы» Пушкин иронизирует над Булгариным и Гречем в связи с их отзывом о романисте Орлове — бездарном бульварном писателе. Орлов построил свою литературную репутацию на том, что сделал несколько ловких подделок под роман Булгарина «Иван Выжигин», благодаря которым прославился и сам. Пушкин приравнивает творчество Булгарина к творчеству Орлова — заведомо бездарного человека — и тем самым низводит Булгарина до Орлова. Пушкин сравнивает с издевкой «сии два блистательных солнца нашей словесности» и высмеивает «оборотливость» в деле самовосхвалений Булгарина и Греча, которой следует и Орлов. Пушкин воспользовался отрицательным отзывом Булгарина об Орлове, чтобы спросить: «Чем же он хуже вас?» Он не рекламирует себя перед иностранными писателями. Его некому рекламировать в России, но тем не менее его книжки расходятся.

Пушкин в ироническом тоне порицает Булгарина за выпады против Орлова: ведь принципы Орлова — это принципы и Булгарина. Так зачем же быть неосмотрительным? — издевательски предупреждает Пушкин своего противника. Эта статья была чувствительным ударом по авторитету и самолюбию Булгарина и Греча.

Вторая статья написана в духе сатирического фельетона. Статья «Несколько слов о мизинце г. Булгарина» построена на высказывании Греча, который утверждал, что в одном мизинце господина Булгарина ума больше, чем в головах некоторых литераторов, намекая на Пушкина. Пушкин снова дискредитирует Булгарина как писателя-беллетриста и дает в конце статьи план якобы своего будущего романа «Настоящий Выжигин», пронизанный намеками на неблагоприятность поведения Булгарина как человека и литератора, на его аморальность. Плохое воспитание, пьянство и воровство на военной службе, переход во французскую армию в период войны 1812 г., возвращение в Россию, связь с полицией, дружба с Гречем (Высухиным), литературная спекуляция и исполнение полицейских обязанностей в литературе — далеко не полный набор фактов, характеризующих нравственные и политические качества настоящего Выжигина, т.е. Булгарина.

Вот как звучит план обещанного романа:

«Глава I. Рождение Выжигина в кушлашной конуре. Воспитание ради Христа. Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизон. Глава III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться! Глава IV. Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство. Глава V. Ubi bene ubi patria. Глава VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву. Глава VII. Выжигин перебегает. Глава VIII. Выжигин без куска хлеба. Выжигин ябедник. Выжигин торгаш. Глава IX. Выжигин игрок. Выжигин и отставной квартальный. Глава X. Встреча Выжигина с Высухиным. Глава XI. Веселая компания. Курьезный куплет и письмо-аноним к знатной особе... Глава XV. Семейственные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы. Глава XVI. Видок или маску долой!».» (Т. 6. С. 79—80).

Этот заключительный аккорд читателю уже известен по «Литературной газете».

«Современник»

Стремясь к созданию собственного печатного органа, А.С. Пушкин безуспешно пытается организовать в 1832 г. газету «Дневник» с правом публикации политической информации. Только в 1836 г. ему удается наконец организовать свой собственный журнал под названием «**Современник**». Но и этот журнал был чрезвычайно ограничен в своей программе, в своих возможностях. Журнал был разрешен как чисто литературный, с невыгодной периодичностью: четыре номера в год.

К моменту выхода «Современника» положение на журнальном фронте было особенно трудным. Всего издавалось менее десяти журналов общего содержания. Цензурные условия были тяжелыми. В этих условиях Пушкин обещал придать безобидный характер программе журнала, лояльный по отношению к правительству. Журнал был разрешен правительством, надеявшимся привлечь Пушкина на свою сторону, показать обществу, что Пушкин пошел на компромисс с правительством. Но все же желаемого результата правительство не достигло. Журналистов «Современника» не удалось приблизить к официальной линии.

В первом номере журнала никакой программы опубликовано не было, и это вызвало нарекания. «Современник» в статье от редакции писал: «Издатель “Современника” не печатал никакой программы своего журнала, полагая, что слова *литературный журнал* уже заключают в себе достаточное объяснение»

(Т. 6. С. 186). Действительно, Пушкину было трудно расшифровать свою программу, когда журнал был поставлен в узкие рамки литературного сборника.

Начинающий журналист В.Г. Белинский в заметке «Несколько слов о “Современнике”» в «Телескопе» доброжелательным отзывом встретил выход нового журнала, во главе которого стоял Пушкин. Однако второй номер вызвал его критические замечания за салонный, аристократический тон некоторых статей и литературных произведений Вяземского, Одоевского: все окружение поэта Белинский оценивал критически.

Пушкин, выступая руководителем издания, сосредоточивает все свое внимание на литературной части журнала. В «Современнике» почти нет переводов. Это традиция «Поллярной звезды» Бестужева и Рыльева. Редактор предпочитает печатать своих, русских литераторов. Пушкин очень серьезно относился к литературной работе и принял решение платить твердый гонорар, такой же, как у Сенковского — 200 руб. за печатный лист. Это было нелегко для Пушкина, ибо его журнал не давал значительного дохода. Тираж его колебался от 2400 до 900 экземпляров.

Пропаганда отечественной литературы, новой литературной школы, особенно прозы, — вот что стало предметом заботы Пушкина. И в этом отношении важно отметить его исключительное внимание к творчеству Гоголя. Пушкин пишет и печатает ряд послесловий, примечаний к отдельным произведениям Гоголя, печатает критические заметки, в том числе о «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Это проникновенная доброжелательная рецензия, в которой высоко оценивается талант Гоголя: «Как изумились мы русской книге, которая заставила нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фон-визина!.. “Старосветские помещики” — эта “шутливая, трогательная идиллия”, по определению Пушкина, “заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти...”» (Т. 6. С. 97). Пушкин предсказывает успех Гоголю как писателю и в будущем предвидит успех его «Ревизора», дает в журнале специальное сообщение о постановке «Ревизора» на петербургской сцене.

Не случайно самая острая статья в «Современнике» принадлежала Гоголю. Она называлась «О движении журнальной литературы...» (№ 1). В этой статье отразились взгляды молодого Гоголя на журналистику. В ней дается обстоятельная оценка журналистики его времени, отмечается высокая

роль периодической печати в жизни общества. В ходе рассуждений о русской журналистике Гоголь выдвигает требование внутреннего единства в журнале, подчиненности всех его материалов одной главной цели: «Даже множество помещенных в журнале статей ничего не значит, если журнал не имеет своего мнения и не оказывается в нем направления»¹⁷. Считая журналистику голосом общества, «верным представителем мнений целой эпохи и века», Гоголь не удовлетворен современным состоянием русской печати. Он резко и обстоятельно критикует «Библиотеку для чтения» Сенковского за отсутствие ясного направления, постоянства мнений. Осуждает он привлечение Греча в качестве соредактора, рекламность программы и характер творчества самого Сенковского — барона Брамбеуса. Отсутствие истины, естественности и вероятности, множество «похищений», сделанных наскоро, т.е. факты плагиата, порицает Гоголь в работе Сенковского. Резко критикует он бесцеремонность, с какой поступает Сенковский по отношению к рукописям других авторов. Гоголь выступает противником монопольного положения «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы» в журналистике. Он подвергает критике и новый журнал «Московский наблюдатель», в частности за неудавшуюся атаку на «Библиотеку для чтения», на торговое направление в журналистике вообще.

Многими читателями статья Гоголя была принята за программную. Это обеспокоило Пушкина, и в третьем номере «Современника» он, признавая достоинства статьи, все же отверг ее программность. Эта позиция издателя еще раз демонстрирует трудное положение прогрессивного журнала в николаевской России.

Кроме Гоголя в журнале печатались Жуковский, Вяземский, Баратынский, Тютчев, Одоевский и др. Пушкин-редактор широко привлекал в журнал наряду с опытными литераторами молодежь, новых неизвестных авторов, в том числе участников Отечественной войны 1812 г., офицеров армии, бывших партизан (Н. Дурову, Д. Давыдова и др.).

Отдел прозы пополнялся воспоминаниями, документальными материалами, отражавшими интерес Пушкина к русской истории. Сам поэт печатает «Капитанскую дочку», «Скупого рыцаря», «Путешествие в Арзрум», статью «Джон Теннер» и другие произведения.

¹⁷ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. М., 1953. Т. 6. С. 101.

Статья «Джон Теннер», написанная как рецензия на книгу американского автора, резко порицает североамериканское общество за отношение к коренным местным жителям — индейцам. В предисловии к этой книге Пушкин обратил внимание на негативную характеристику всей американской демократии в целом. «С изумлением увидели демократию, — пишет он, — в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее неистребимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)» (Т. 6. С. 148).

«Путешествие в Арзрум» — один из первых очерковых циклов в нашей литературе и журналистике. «Путешествие» — это яркие дорожные впечатления, рассказ о живых событиях и живых людях. Фактичность, точность воспроизведения подлинного объекта, стремление охватить сумму очень важных, злободневных вопросов — все это публицистические элементы, составляющие существенную сторону очерка как жанра. Обобщения сделаны на материале конкретных событий и судеб людей без участия творческого воображения.

«Путешествие в Арзрум» отличается простым и глубоким изображением жизни Востока. Ему свойственны ясная четкая фраза, свободная от всяких украшений, тон, не допускающий никакой «восточной» экзотики. Автор поднял изображение событий на Кавказе до обобщений, имевших огромный смысл: он оправдывал присоединение Кавказа к России.

Первые две главы складываются из впечатлений, полученных автором во время поездки по Кавказу до прибытия к театру военных действий. Две последующие главы представляют собой военный очерк. Пятая глава дает характеристику некоторых сторон турецкой действительности, где автор еще раз обосновывает прогрессивный характер присоединения Кавказа к России, а не к Турции.

Кавказ — место длительной войны во всей ее неприглядности. Читатель еще не видит самой войны, но уже чувствует ее дыхание с начальных страниц очерков: «Первое замечательное место есть крепость Минарет. Приближаясь к ней, наш караван ехал по прелестной долине, между курганами, обросшими липой и чинарами. Это могилы нескольких тысяч умерших чумою. Пестрели цветы, порожденные зараженным пеплом. Справа сиял снежный Кавказ; впереди возвышалась

огромная, лесистая гора; за ней находилась крепость; крутом ее видны следы разоренного аула... еще курганы, еще развалины» (Т. 5. С. 352).

Война изображена без всякой романтизации. Она предстает во всем своем будничном виде, со всеми ее ужасами, страданиями, смертями. Но Кавказ не только место военных действий. Это и арена жестокого колониального разбоя, колонизаторских притязаний европейских государств. Поэтому автор рад победам русского оружия, верно понимая их исторический смысл.

Пушкин сознавал некоторые недостатки своего журнала и в конце 1836 г. задумал его реорганизацию. Хотел пригласить в отдел критики Белинского — «талант, подающий большую надежду» (Т. 6. С. 180), других сотрудников, но смерть оборвала его планы.

При жизни Пушкина вышло всего четыре номера «Современника». Пятый номер был издан уже после смерти поэта его друзьями Жуковским, Вяземским, П.А. Плетневым.

Тем не менее журналу, основанному Пушкиным, суждено было после девятилетнего забвения стать лучшим журналом, когда-либо издававшимся до того в царской России.

«Телескоп». «Московский наблюдатель».
Начало журналистской деятельности
В.Г. Белинского

Ежемесячный журнал «Телескоп» начал издаваться с 1831 г. в тяжелое для русской журналистики время. Главное место в системе печати занимали тогда издания «триумвирата» — Булгарина, Греча и Сенковского. Цензура руководствовалась уставом 1828 г., который, несмотря на внешний либерализм, усугубил строгости «чугунного» устава 1826 г., узаконил вмешательство в дела печати III Отделения. Министр просвещения Уваров в 30-е годы сформулировал теорию «официальной народности», которая насаждалась в качестве государственной идеологии. Теория «официальной народности» провозглашала самодержавие и православие оплотом России и стремилась теоретически обосновать незыблемость самодержавно-крепостнического строя. Сторонники ее утверждали, что лучше самодержавия, тем более русского, ничего нет и быть не может, что русский мужик предан престолу, церкви и samozабвенно любит царя.

Журнал «Телескоп» издавался при Московском университете, но на правах частного журнала. Его издателем был Н.И. Надеждин — профессор университета, литературный критик, известный своими статьями против романтизма в «Вестнике Европы». Надеждин, как и Полевой, был человеком недворянского происхождения, добившийся упорным трудом образования и почетного звания профессора Московского университета.

Журнал «Телескоп», подобно «Московскому телеграфу», был задуман как энциклопедический, рассчитанный на достаточно широкий круг читателей, способных систематически усваивать научные понятия. Менее всего он стремился развлекать читателя.

В «Телескопе» имелись отделы: изящная словесность, критика, наука, современная летопись, смесь, знаменитые современники и др. Но литература и искусство занимали все же главное место. Журнал имел приложение в виде газеты под названием «Молва», которая выходила то самостоятельно, то как критико-библиографический отдел «Телескопа». В «Молве» печатались полемические статьи, фельетоны, театральные рецензии, стихи, а также моды. Впервые в русской журналистике заглавие журнала, титульный лист «Телескопа» печатаются без знаков препинания, что вызвало первоначально непонимание и насмешки, упреки в неграмотности, но затем это привилось и в других изданиях. Тираж журнала колебался от 1000 до 2000 экземпляров.

В литературном отделе приняли участие прозаики М.Н. Загоскин, И.И. Лажечников, поэты Ф.И. Тютчев, А.И. Полежаев, В.И. Красов и др. В отделе иностранной литературы особое место заняли переводы произведений О. Бальзака. Надеждин первым широко познакомил русского читателя с великим французским реалистом. Переводчиками привлекалась университетская молодежь — Н. Огарев, И. Гончаров, К. Аксаков.

Издатель искренне стремился через журнал дать систематические знания читателю. Он широко использовал связи с Московским университетом. В журнале постоянно печатались научные статьи профессоров М.П. Погодина, М.Г. Павлова, М.А. Максимовича, Ф.Л. Морошкина, А.Х. Востокова и других: философские, исторические, филологические, юридические. Большое место отводилось переводам из французских журналов. Медицина, география, техника также были представлены в журнале.

«Телескоп» имел подзаголовок «Журнал современного просвещения». Соответственно с ним программная статья редактора — сторонника «мирного просвещения» — называлась «Современное направление просвещения».

Еще в конце 20-х годов Надеждин горячо выступал против романтизма, упорно и не без успеха доказывая его эстетическую несостоятельность для своего времени. Позиции Надеждина усиливались тем, что он не был при этом сторонником классицизма, как Каченовский. Критикуя романтизм с эстетической точки зрения, Надеждин в то же время подчас смотрел на него как на бунтарское направление в литературе, искусстве. С этих излюбленных рассуждений о несостоятельности романтизма и классицизма начинается он и свою программную статью в «Телескопе». Одновременно на примере искусства как наиболее близкой ему области знаний он пытается решать и вопросы общественно-политические. Доказывая, что настоящей жизни чуждо как господство природы над духом (как было в античном мире), так и господство духа над природой (как было в средние века), он требует гармонии вещества и духа, отрицает прежнюю односторонность классиков и романтиков. Надеждин провозглашал, что наступает торжество **новой поэзии**, поэзии жизни. Успешное развитие просвещения, новой поэзии (как и все развитие России) зависит от правительства. Россия отстала от Запада, но она может «при заботе» правительства быстрее Запада достичь вершин нового искусства, новых достижений просвещения. Этим-то достижениям и призван способствовать «Телескоп»: «Тучи бродят над Европой, но на чистом небе русском загораются там и здесь мирные звезды, утешительные вестницы утра. Всегда ли должно будет их разглядывать в телескоп?» — восклицает редактор (1831. № 1).

Надеждин чувствует необходимость улучшений в жизни русского народа, но надеется достичь их при монархическом правительстве. Его просветительские идеи носили либерально-монархический характер. Не случайно его политическая программа привлекла в журнал таких литераторов и публицистов, как М. Погодин и С. Шевырев, ставших сторонниками официальной народности, И. Киреевский, А. Хомяков (будущие славянофилы), и некоторых других весьма умеренных сотрудников.

Но Надеждин — личность противоречивая. Наряду с монархическими настроениями у него уживались прогрессивные

взгляды на искусство и литературу, что не раз отмечали Белинский и Чернышевский. Они характеризовали Надеждина как серьезного, наблюдательного и подготовленного теоретика литературы и критика, понявшего узость романтической и классицистической эстетики и провозгласившего необходимость верности жизни, соответствия идеи и формы художественного произведения. Заслуга Надеждина в обоснованной критике романтической поэзии 20-х годов, подражательного байронизма. Эта критика подготовила, облегчила возможность дальнейшего литературного развития, прогресса.

Будучи по происхождению разночинцем, Надеждин верил в таланты широких слоев населения, а не только дворянства. Он охотно принял в журнал разночинца Белинского.

«Телескоп» Надеждина выступил против Булгарина и Греча как литературных поденщиков, насаждающих вульгарные вкусы в литературе и обществе. Его не удовлетворял дидактический характер их творчества. В свою очередь это привлекло Пушкина, который опубликовал в «Телескопе» две статьи против Булгарина и Греча как литературных дельцов, политических двурушников. Такая критика нашла впоследствии полную поддержку и сочувствие Белинского.

Однако в своем журнале Надеждин никогда не выступал с критикой крепостничества и самодержавия. В политическом отношении показательно, что Надеждин отрицательно отзывался о французской революции 1830 г. и ее поэте В. Гюго. В статьях Надеждина и Погодина явно осуждалось польское восстание 1830 г. В итоге Надеждин практически принял уваровскую формулу «самодержавие, православие и народность», т.е. как общественный деятель он примирился с существующим политическим строем, хотя устно и в письмах не переставал возмущаться дворянскими привилегиями, словным неравенством.

В истории «Телескопа» знаменательными оказались 1833—1834 гг. В это время в журнал приходит Белинский, сначала как студент-переводчик, а с 1834 г. — как самостоятельный и оригинальный литературный критик и журналист. Статьи его бесспорно являются наиболее ценными и интересными в «Телескопе» за всю историю существования этого издания. При Белинском центр тяжести переносится на борьбу против реакционной прессы, на разработку реалистической эстетики, принципов передового журнализма.

Ненависть к угнетению, крепостничеству, а затем и к самодержавию — вот пафос его деятельности как начинающего журналиста. Его мировоззрение было противоположно с самого начала мировоззрению сторонников «официальной народности» Погодина, Шевырева, которые также участвовали в «Телескопе», хотя разногласия проявились не сразу. Белинский был воспитан в революционной среде Московского университета. Написанная им драма «Дмитрий Калинин» — первый отзыв на русскую действительность, отражение антикрепостнических демократических настроений молодого Белинского. Изгнанный из университета в 1832 г., в следующем году он уже сотрудничает в журнале Надеждина. В 1834 г. «Молва» публикует частями в десяти номерах его первую большую работу «Литературные мечтания». Статья отличалась хорошим полемическим азартом. Белинский уже тогда ценил полемику, считая, что она «составляет жизнь журнала» (Т. 1. С. 89). Основной тезис, который развивает его статья, — «у нас нет литературы» (Т. 1. С. 22). Такая парадоксальная оценка обоснована тем, что русская литература, по мнению молодого журналиста, далека от народа, не отражает духа народа. Исключением являются лишь Державин, Пушкин, Крылов и Грибоедов, но четыре имени не составляют литературы, утверждал он. Конечно, отрицание русской литературы было мыслью неверной, неисторичной. Но как отрицается русская литература в статье Белинского? Насколько велико его действительное заблуждение? Всем писателям, которых ценили декабристы, Пушкин, — Ломоносову, Новикову, Кантемиру, Фонвизину и другим — дается меткая и, как правило, положительная характеристика, хотя критик не преклоняется перед ними, указывает на недостатки их произведений.

В статье намечается четыре периода в развитии русской литературы, и, по существу, Белинский не отрицает прогрессивной русской литературы, ее развития, но его основной тезис: «У нас нет литературы» — позволял ему смелее и политически безопаснее отрицать литературу реакционную, пошлую, расцветшую у подножия царского трона. Критик как бы прикрылся общим отрицанием литературы для того, чтобы провести именно эту мысль, расчистить путь писателям новой ориентации. Белинский критикует писателей «официальной народности», свергает кумиры официальной критики. Он критикует Кукольника, высмеивает Булгарина и Греча.

Все симпатии молодого журналиста на стороне Пушкина и Гоголя.

Желание видеть литературу высокохудожественной, близко стоящей к жизни, реалистической бесспорно повлияло на оценку ее прошлого. Белинский подошел к оценке прошлого с критерием нового, нарождающегося направления, и, естественно, прошлое не выдержало такой проверки.

Белинский остро поставил вопрос о смешении народности и простонародности в литературе, чем грешили многие, в том числе и Надеждин. Белинскому предстояло отвоевать термин «народность» у формулы «официальной народности» Уварова.

С приходом Белинского в журнал растут противоречия внутри «Телескопа». Надеждин поддерживал критика в его борьбе против староверов «Вестника Европы». Погодин, Шевырев понимают, что им с Белинским не по пути и с 1834 г. один за другим покидают журнал. В середине 1835 г. Надеждин в связи с отъездом за границу для лечения оставляет Белинского в качестве руководителя, редактора журнала. Назначение Белинского на пост временного редактора журнала не обошлось без придирок цензуры. Однако хлопоты Надеждина увенчались успехом, и в первых числах августа в «Молве» было объявлено о продолжении издания под новой редакцией. Выбор Надеждина говорил о признании способностей Белинского-журналиста.

Став редактором, Белинский повел журнал в ясном и боевом демократическом направлении. Изучая содержание «Телескопа» в 50-е годы, Чернышевский отметил, что «различие в характере книжек “Телескопа”, изданных в отсутствие Надеждина его сотрудником, от предыдущих номеров бросается в глаза»¹⁸.

В журнале появляются Кольцов, Станкевич, Боткин, Кудрявцев, активно печатается К. Аксаков. Но самое главное, резко увеличивается продуктивность самого Белинского. Он пишет статьи о Гоголе, Баратынском, Бенедиктове, Кольцове, выступает как переводчик и рецензент. Закладываются основы теории критического реализма, идет критика эпигонов романтизма, дворянской салонной литературы.

В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (№ 7, 8 «Телескопа») Белинский дает оценку Гоголя и его места в рус-

¹⁸ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 195. (Далее см. отсылки в тексте.)

ской литературе как «поэта жизни действительной». Критик назвал Гоголя главой русской прозы.

В оценке Гоголя проявилась удивительная критическая прозорливость Белинского. Это было возможно потому, что у критика был объективный критерий в оценке литературных фактов: соответствует ли литературное произведение народным интересам или нет. Критик в текущем потоке литературы сумел увидеть новое, то, за чем было будущее, — реалистическую повесть, роман.

Непосредственно в творчестве Гоголя Белинский выявил три главные черты: простота вымысла, будничность изображаемого; народность и комическое одушевление; глубокое чувство грусти, пробуждаемое им.

В пылу борьбы Белинский ставил Гоголя выше Пушкина: обличительное направление гоголевской прозы казалось ему более плодотворным.

В конце 1835 г. в Москву возвратился Надеждин и публично выразил удовлетворение деятельностью Белинского в свое отсутствие.

Белинский, в свою очередь, публикует статью «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю “Телескопа” за последнее полугодие (1835) русской литературы», где, рассматривая состояние русской литературы и журналистики, дает бой «Библиотеке для чтения», «Северной пчеле», «Сыну Отечества». Белинский показывает, что мелочная полемика между «Северной пчелой» и «Библиотекой» — изданиями одного идейно-политического лагеря — больше показная, не затрагивающая острых проблем жизни. Особенно подробно критик анализирует причину успеха «Библиотеки для чтения», которая заключается в умелой организации журнала и подделке под вкусы провинции. Белинский раскрыл пустоту и вульгарность большинства произведений журнала и характеризовал их как кучу «перепрелого навоза» (Т. 2. С. 32).

В литературной критике, которая должна составлять душу журнала, он отметил беспринципность, цинизм, дешевое остроумие и пристрастные бездоказательные суждения.

Не может одобрить критик и платформу нового журнала «Московский наблюдатель». «Мы ждали “Наблюдателя” с нетерпением, как торжества Москвы над Петербургом, — пишет Белинский, — как победы честной литературной деятельности над литературною промышленностью» (Т. 2. С. 47), но буря прошла мимо петербургских журналов. Критика «Московского

наблюдателя» оказалась «странной» и метила совсем не в «Библиотеку для чтения». Впрочем, критик пообещал более подробно поговорить о новом журнале в очередной статье.

Статья Белинского «Ничто о ничем» важна еще и тем, что в ней Белинский высказал свои взгляды на журнал, журналистику. Они сводятся к признанию большой роли журналистики в общественной жизни, к требованию идейности, ясности направления каждого печатного органа. Он говорил, что «альманажная безличность» для журнала хуже всего, «Физиономия и характер журнала состоят в его направлении» (Т. 2. С. 46). В журнале Белинский видел прежде всего орган, задачей которого является не снабжение определенного круга людей чтивом, а формирование передового общественного и эстетического сознания, воспитание борцов со злом. Отсюда вытекало, что журнал должен иметь совершенно четкое направление, лицо. «Журнал, будучи сборником хороших статей, должен быть еще и журналом, то есть иметь свое направление, свой характер, словом, быть выразителем своей мысли» (Т. 4. С. 176).

Вскоре Белинский сдержал свое слово и опубликовал статью с подробным анализом журнала «Московский наблюдатель».

«**Московский наблюдатель**» был организован в 1835 г. В.П. Андросовым, М.П. Погодиным и С.П. Шевыревым. Политическое кредо «Московского наблюдателя» сводилось к единению сословий, отрицанию западного типа развития, чреватого противоборством сословий, революциями. Андросов не чужд был идей смягчения положения крестьян, но, разумеется, только путем реформ «сверху». Шевырев открыл журнал знаменитой программной статьей «Словесность и торговля», направленной против Сенковского, против торгового направления в журналистике. Однако Сенковскому это нападение нисколько не повредило. Шевырев нападал на торговое направление с консервативных позиций, он не раскрыл антихудожественности произведений, печатающихся в журнале «Библиотека для чтения», а напал на новый принцип ведения журнального дела, на оплату труда писателя. Всех писателей, работающих за гонорар, он изобразил богачами, дельцами и приспособленцами. Он доказывал, что новые отношения в журналистике характерны для Запада, а не для России. Торговое направление подрывает поэзию, считал он, порождает чуждое русской литературе явление — роман (стремятся писать больше).

Другие материалы первого номера подчеркивали ту же мысль, что XIX век — железный век, когда многие предались денежным расчетам.

Казалось, что статья Шевырева — удар по торговому направлению, которое олицетворял Сенковский, однако вскоре «Московский наблюдатель» отошел от критики экономически преуспевающих журналов, стал пропагандировать консервативные представления о литературе, культивировать светскую повесть. Вместо борьбы с безыдейной журналистикой и продажными писателями вышло нечто другое, а именно: проповедь чистого искусства, салонности в литературе и вкусовщины в критике. Шевырев повел борьбу с идеями Белинского. Народному искусству, которого требовал Белинский, Шевырев противопоставил искусство замкнутое, антидемократическое, отвечающее вкусам аристократических салонов. Все это было направлено против теоретических основ реалистического искусства, которому служил Белинский. Не согласился Шевырев и с высокой оценкой Гоголя. Таким образом, Белинский приобрел нового врага в лице «Московского наблюдателя».

В статье «О критике и литературных мнениях “Московского наблюдателя”» Белинский отметил целый ряд организационных недостатков в журнале Погодина и Шевырева: слабый отдел критики, отсутствие отдела библиографии, что сказывалось на подписке. В условиях николаевского режима литература, литературная критика оставались важным средством передовой пропаганды, воспитания читателя. А критика «Московского наблюдателя» шла по ложному пути. Белинский высмеивал салонность Шевырева, который требовал, чтобы литература была одета «в модный фрак и белые перчатки». «Мы уважаем *благородство* в литературе, — писал он, — но не терпим *паркетности*, высоко ценим *изящество*, но ненавидим *щегольство*» (Т. 2. С. 136). Белинский оспаривает мнение Шевырева о Гоголе как о писателе только комическом и о содержании его произведений как о «безвредной бессмыслице». Нет, Гоголь — писатель первоклассный, подлинно народный, «комизм отнюдь не есть господствующая и перевешивающая стихия его таланта. Его талант состоит в удивительной верности изображения жизни» (Т. 2. С. 137).

Деятельность Белинского в «Телескопе» прекратилась совершенно для него неожиданно. В № 15 «Телескопа» за 1836 г. было помещено «Философическое письмо» П.Я. Чаадаева.

Это произведение, по словам Герцена, «...потрясло всю мыслящую Россию. Оно имело полное право на это. После “Горя от ума” не было ни одного литературного произведения, которое сделало бы такое сильное впечатление. “Письмо”... становится мрачным обвинительным актом против России, протестом личности, которая за все вынесенное хочет высказать часть накопившегося на сердце» (Т. 9. С. 139).

«Философическое письмо» Чаадаева, содержащее в себе беспощадную критику царской России, резко порицающее православие, одновременно было проникнуто крайним пессимизмом и мистицизмом. Чаадаев отрицал историческую роль России среди других народов, отрицал прошлое русского народа. «Ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почве», — утверждал он. Выход из этого тяжелого положения он видел в приобщении к более высокой, по его мнению, западноевропейской культуре и католицизму. Сотрудники «Московского наблюдателя» (Погодин, Хомяков и др.), Пушкин в переписке с друзьями, каждый по-своему, оспаривали идеи «Философического письма» Чаадаева.

Царизм увидел в письме дерзкую попытку подорвать российское самодержавие. Поэтому журнал был закрыт, Надеждин сослан, а Чаадаев объявлен сумасшедшим.

Белинский, оставшись неожиданно без журнальной трибуны, без средств к существованию, тяжело переживал случившееся. Он составляет и издает грамматику русского языка, ищет издание, где мог бы публиковаться как критик. Только в 1838 г. Белинский начинает печататься в реорганизованном журнале «Московский наблюдатель» и в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» А.А. Краевского.

Журнал «**Московский наблюдатель**» в 1837 г. перешел в руки книготорговца и типографа Н.С. Степанова, который взялся финансировать убыточный журнал. Он же привлек в журнал Белинского, который добился согласия Степанова на невмешательство в его статьи. Помня успех Полевого, Белинский вводит отдел библиографии и литературную хронику, чего не было в «Московском наблюдателе». Журнал становится более современным. Погодин и Шевырев покидают его. Вместе с Белинским в журнал приходят молодые друзья критика по кружку Станкевича. Печатаются Кольцов, Красов, К. Аксаков. (Позднее Чернышевский с большой похвалой отзывался о поэтической части журнала этих лет.)

Большое внимание уделяется философии и театру, анализу текущей литературы. Белинский много пишет о репертуаре и игре актеров Малого театра, о драме Шекспира «Гамлет». В конце 30-х годов Белинский переживает тяжелый идейный кризис. Не видя сил для борьбы, но и не умея жить без высокой идеи, он обратился к философии Гегеля, пытаясь найти в ней объективные законы исторического и литературного развития. Исходя из формулы Гегеля: «Все действительное разумно, а все разумное действительно», — Белинский попытался примириться с российской действительностью. Это отражало признание критиком объективного характера исторического процесса, привело к отрицанию роли сатиры в русской литературе, к нападкам на Шиллера, к некоторым другим ошибочным мнениям, суждениям. Тезис Гегеля, казалось, освобождал историю от воли отдельных лиц и правителей, от их субъективных желаний, но и лишал энергии, надежд борцов с несправедливостью. Некоторое время Белинский защищает тезис о примирении с действительностью как единственно верный, отстаивает его с молодой горячностью.

Но окружающая действительность, жизненный опыт самого Белинского, его стремления и желания вступают в противоречие с философией Гегеля. Тезис Гегеля не выдержал проверки жизнью, и критик скоро сам же осудил, «проклял» свое увлечение гегелевскими идеями, обрекавшими его на бездеятельность и пассивность. Но и в этих своих заблуждениях Белинский оставался оригинальным, ярким, честным и самобытным публицистом и критиком. Временное увлечение немецкой идеалистической эстетикой, например, не помешало ему дать глубокую оценку комедии Гоголя «Ревизор», предсказать успех М. Лермонтова. Чем прямее, честнее он защищал гегелевский тезис, тем очевиднее для него самого становилась его нелепость, его ложность.

Философское направление журнала «Московский наблюдатель», сохранившееся при Белинском, не способствовало увеличению числа подписчиков. Журнал был сложен для широких читательских кругов. В начале 1839 г. «Московский наблюдатель» был прекращен из-за материальных затруднений, которые не сумел преодолеть новый издатель.

Белинский переходит в «Отечественные записки» А. Краевского. Здесь начинается новый, более яркий и значительный период в деятельности критика, период преодоления «примиренческих» настроений, период активной революционно-демократической деятельности и борьбы за социализм.

4.

ЖУРНАЛИСТИКА 40-х годов

В 40-е годы XIX в. продолжают расти противоречия феодальной системы в России. Крепостничество тормозило экономическое и культурное развитие страны, самодержавная форма правления усугубляла тяжелое положение народа. Крестьянство стихийно поднималось на восстания и бунты. Самосуд над помещиками, поджог имений становились обычным явлением в русской деревне. Положение было настолько серьезным, что правительство в конце 1839 г. создает особый комитет для рассмотрения мероприятий, связанных с облегчением положения крепостных крестьян.

Государственные учреждения, идеологи самодержавия всеми силами старались задержать распад крепостничества, сохранить и упрочить помещичий строй. На это была направлена реакционная внутренняя политика царя Николая I.

Активными защитниками «официальной народности» в печати во второй половине 30-х — в 40-х годах стали историк и журналист М.П. Погодин, литератор и журналист С.П. Шевырев.

Происходят изменения общественных настроений. Лучшие люди своего времени не хотели больше мириться с вековой отсталостью родины, с невыносимым положением основной массы русского населения. Пример декабристов вдохновлял их на борьбу за свободу. Уничтожение крепостного права, демократические преобразования в стране стали исторической необходимостью. С 1840 по 1860 г. все общественные вопросы в России сводились к борьбе против крепостничества.

Углубляющийся кризис крепостного строя все настойчивее ставил вопрос о путях дальнейшего развития страны: его движущих силах, методах и средствах его осуществления. Именно по этим вопросам расходились западники и славянофилы.

Славянофилы (братья К.С. и И.С. Аксаковы, А.С. Хомяков, братья И.В. и П.В. Киреевские и др.) не удовлетворяло современное состояние страны, крепостничество. Если сторонники теории «официальной народности» безоговорочно защищали самодержавие и крепостное право, то славянофилы

критиковали отдельные стороны самодержавного режима, крайности крепостничества, бюрократизм, чиновничий произвол, взяточничество. Во всех этих крайностях царизма они видели отступление от истинных традиций доброго старого времени.

Россия должна идти самобытным путем прогресса, полагали они. Славянофилы идеализировали старину, смирение народа, патриархальность жизни. В возвращении к порядкам допетровской Руси видели они выход из трудного политического и экономического положения. Робкая идея народо-властия придавала им незаслуженную славу оппозиции. Это была дворянская реакция на капитализацию страны. Славянофильство могло родиться только в конкретных условиях социально-политического перепутья. Попытки славянофилов найти какие-то особые положительные свойства, качества народного духа носили абстрактный характер. Практически теория особого развития России была не менее консервативна, чем теории «официальной народности», несмотря на критику отдельных сторон самодержавия. Объективно и они защищали существующее, только в идеализированном, очищенном от недостатков виде. Славянофилы мечтали о патриархальных, мирных отношениях между крестьянами и дворянством, монархией, церковью. Но патриархальность не могла спасти страну от общественных противоречий. Фактически они стремились увековечить отсталость России.

«Консервативная прогрессивность» славянофилов находила подтверждение в их враждебном отношении к идеям буржуазного либерализма, европеизации, к революционным формам классовой, сословной борьбы.

В вопросе об отношении к капиталистическому, западно-европейскому развитию славянофилы коренным образом отличались от западников.

Западническая концепция характера будущего развития России наиболее полно была развита в трудах историков Т.Н. Грановского, С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, писателей и публицистов В.П. Боткина, В.Ф. Корша, Б.Н. Чичерина и др. В противоположность славянофилам они считали, что спасение России не в возврате к патриархальной старине, а в развитии западноевропейской цивилизации. Либералам-западникам было свойственно явное преклонение перед западноевропейской буржуазной цивилизацией, правом порядком.

Но западники не были с самого начала единым течением. В 40-е годы в него входили и буржуазные либералы, и демократы-революционеры, сторонники утопического социализма — В.Г. Белинский, А.И. Герцен. Будучи едины в признании необходимости отмены, уничтожения крепостного права как главного тормоза на пути прогресса, они существенно различались во взглядах на средства борьбы против крепостничества, в оценках западноевропейского общества, капитализма, буржуазного парламентаризма, новейших философских концепций.

Выступая противниками теории «официальной народности», славянофильства, сходясь со славянофилами в признании необходимости отмены крепостного права, порабощения личности, различные отряды западников при этом склонны были защищать интересы разных социальных слоев русского общества: одни, революционные демократы, — крестьянства, другие, либералы, — помещиков. Это очень важное обстоятельство, хотя реально общественные деятели того времени до поры до времени еще не осознавали этого различия.

В.И. Ленин отмечал, что 40-е годы были такой эпохой, «...когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции, создавая иллюзию об особом демократизме нашей интеллигенции, об отсутствии глубокой розни между идеями либералов и социалистов»¹⁹.

Таким образом, не борьба западников и славянофилов была главным в общественной борьбе 40-х годов, а борьба между защитниками интересов народных масс и социализма, с одной стороны, и защитниками интересов помещиков, капиталистов, самобытности России — с другой. Борьба западников и славянофилов оказывалась борьбой в одном лагере сторонников интересов господ. Революционные демократы Белинский, Герцен в 40-е годы заложили, а Чернышевский и Добролюбов в 60-е годы развили традицию непримиримого отношения к либерализму во всех его облициях.

В начале 40-х годов монархическая журналистика испытывала определенное беспокойство. Ее издания были несколько ослаблены. Булгарин, Греч, Сенковский постепенно теряли доверие у общества, хотя «Библиотека для чтения» все еще оставалась наиболее распространенным изданием.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 305—306.

Наряду с изданиями старых консервативных журналов в 40-е годы создаются два новых журнала «Маяк» и «Москвитянин», защищавшие официальную идеологию.

Представители прогрессивных общественных течений не могли рассчитывать на разрешение новых изданий, и им пришлось использовать уже существующие журналы: «Отечественные записки» Свинина — Краевского, «Современник» Пушкина — Плетнева, «Финский вестник», где в 1845—1847 гг. печатались некоторые петрашевцы.

Что же представляли собой журналы официальной идеологии? «Маяк» (полное название — «Маяк современного просвещения и образования») начал издаваться в 1840 г. Это был орган воинствующего мракобесия, ханжества и обскурантизма. Самодержавие, православие защищались здесь совершенно открыто, грубо, и это удовлетворяло реакционное поместное дворянство, столичную бюрократию. Подделываясь под народность, журнал славил царя в стихах и прозе, печатал лжемужичские повести «Огородника», «Маячного сторожа», написанные «русским умом-разумом и деревенским складом». «Маяк» особенно рьяно ополчался на передовую литературу, философию.

Журнал утверждал, что русской литературе явно недостает религиозности, патриотизма и народности. Произведения Пушкина назывались «мишурными», хотя, уступая общему мнению, его зачисляли в «портретные» писатели, т.е. в классики. «Не ищите у Пушкина религиозности: его умели отвратить от нее», — писал журнал. Лермонтова с его поэтизацией борьбы и Гоголя с его критикой действительности подвергали самым вульгарным и озлобленным нападкам.

Постоянным сотрудником журнала был литературный шпион и доносчик, баснописец Б. Федоров, враг В.Г. Белинского. В одной из басен под названием «Крысы» (опубликованной в журнале «Москвитянин») он прямо призывал правительство, жандармов к расправе над критиком. В басне шла речь о крысах, которые «поэзию зубами рвали, и на Державина напали». (В это время именно Белинский обвинялся в неуважении к Державину.) Мораль басни такова:

Литературных крыс я наглости дивился,
Знать, Васька-кот запропастился!

Злобно отзывался «Маяк» о французской литературе: В. Гюго, Ж. Санд. Вся передовая европейская литература

за ее демократизм и гуманизм характеризовалась словом «короп» (т.е. порок) и тому подобными штучками, нарочито грубыми псевдонимами критиков («Софья Пантюха»), комикованием в подражание Сенковскому.

Философия полностью подчинялась религии. Без религиозного содержания она признавалась «одним пустословием». Критики журнала хотели доказать, что передовые идеи европейской культуры якобы чужды русскому народу.

У журнала было всего 800 подписчиков. Испытывая материальные трудности из-за малой популярности, «Маяк» пытался объединиться в 1844 г. с «Сыном Отечества», но и это не спасло его. Через год журнал закрылся. Остался он памятен лишь эпиграммой, в которой обыгрывались фамилии его редакторов-издателей П.А. Корсакова и С.А. Бурачка:

Просвещения Маяк
Издает большой дурак,
По прозванию Корсак;
Помогает дурачок
По прозванию Бурачок.

С известной долей основания к журналам консервативного направления можно отнести **«Москвитянина»**. Он был организован Погодиным и Шевыревым после потери ими «Московского наблюдателя». Разрешение на издание журнала было получено (не без помощи Уварова) уже в 1837 г., но реализовано только в 1841 г.

«Москвитянин», по замыслу его создателей, должен был противостоять торговому направлению в журналистике, но в 40-е годы на арене появилось более опасное для Погодина и Шевырева направление — демократическое. Борьба угнетенного крестьянства против крепостничества нарастала. Рос и авторитет передовой журналистики. Сторонникам монархии, православия нужно было что-то противопоставить демократическому движению. Такую роль идеологического заслона должен был сыграть новый «патриотический» журнал Погодина и Шевырева. Открывался первый номер «Москвитянина» отделом «Духовное красноречие», что само по себе достаточно ярко характеризовало журнал, его направление: такого отдела не было ни в одном передовом журнале. Программные установки, официальный патриотизм журнала отразились в ряде материалов первого номера: в статье Шевырева «Взгляд русского на образование Европы», в статье Погодина «Петр Великий», в стихотворении Ф. Глинки «Москва».

В статье Шевырева Россия противопоставлялась Западу, Европе. Автор утверждал, что Запад гниет и разлагается: Франция заражена революционностью, Германия — реформацией, философия оторвалась от религии, а это ведет к упадку всей европейской культуры. Только в патриархальной России жизнь гармонична, народ и царь едины, мятежей не было и нет, духовно Россия должна послужить возрождению развратившегося человечества.

Преданность царю и престолу, смирение всячески навязывались в журнале русскому народу как его исконные качества. Погодин пропагандировал так называемую теорию норманского происхождения Руси, утверждая при этом, что русский народ сам, добровольно уступил свои права государям. Он утверждал, что у России особые исторические пути, у нее не было ни рабства, ни феодализма, а следовательно, и почвы для ненависти, все в прошлом делалось полубовно. И в настоящем журнал видел только благодать.

Не случайно во время европейской революции 1848 г. русский народ был провозглашен, в соответствии с желаниями участников «Москвитянина», оплотом контрреволюции. Сведения о революционных событиях редакция черпала, как правило, из реакционнейших европейских изданий. В философских статьях сотрудники журнала выступают противниками материализма, в литературе — против критического реализма.

Программной статьей по литературным вопросам являлся обзор Шевырева «Взгляд на современное направление русской литературы. Сторона черная» (1842. № 1).

К темной стороне русской литературы наряду с торговой литературой (Булгариным, Гречем, Сенковским) были отнесены «Отечественные записки» и Белинский, вся демократическая литература и критика, формировавшаяся в это время вокруг журнала «Отечественные записки» и Белинского. Деяческие склонности издателя «Отечественных записок» Краевского давали некоторый повод для критики, но принципиально неверно было отрицать прогрессивный характер литературного отдела журнала «Отечественные записки», отождествлять личность издателя с журналом. Шевырев ложно истолковывал творчество Пушкина, Гоголя, принижал, искажал значение произведений Лермонтова, враждебно отнесся к Герцену и Некрасову. Новая литература оценивалась им с позиций «официальной народности», т.е. с позиций полного отсутствия критики существующего.

К светлой стороне русской литературы Шевырев отнес Хомякова, Языкова, Бенедиктова, Загоскина, Вельтмана — второстепенных литераторов, подчас не способных и не желающих подняться до критики современного положения в стране. Шевырев возложил особые надежды по части изящной словесности на вкусы светских женщин-писательниц.

Отдельные удачные литературные произведения, опубликованные в «Москвитянине», содержательные материалы о прошлом русской истории и литературы не могли существенно изменить лица журнала, приблизить его к современности. Критика Белинского и его друзей в адрес «Москвитянина» (памфлет Белинского «Педант», фельетон Герцена «Путевой дневник Ведрина» и др.) не способствовала успеху журнала. Тогда Погодин и Шевырев, стремясь удержаться в журналистике, идут на союз со славянофилами.

Платформа «Москвитянина» в 40-е годы мало чем отличалась от сути славянофильских взглядов. «Москвитянин» и славянофилы удивительно сходились в ряде вопросов. «Семейные» разногласия не помешали им обрушиться на натуральную школу, на Белинского, своеобразно трактовать «Мертвые души», искажая их критический пафос. Их разделяло только угодничество «Москвитянина» перед царизмом. Но это не помешало издателям «Москвитянина» вступить в соглашение со славянофилами и передать редактирование журнала И.В. Киреевскому. Несмотря на отдельные разногласия и размолвки, оба направления в борьбе против демократии, против «Отечественных записок» выступали вместе.

В 1848 г. «Москвитянин» приходит в упадок, хотя его редакция не могла пожаловаться на неблагоприятность цензуры. Число подписчиков снижается до критического уровня: 400, 300, 200 абонентов. Журнал неожиданно поднялся с приходом в него в 1850 г. так называемой молодой редакции во главе с драматургом А.Н. Островским, критиком Ал. Григорьевым, А.Ф. Писемским и другими писателями. Ал. Григорьев как критик не примыкал ни к лагерю Белинского, ни к сторонникам аристократического, эстетического направления, считая, что литература, искусство отражают жизнь, передают цвет и запах эпохи, а критика ищет в произведениях искусства связь с действительностью. Однако идеалом он считал не прогресс, а патриархальную самобытность, нравственную чистоту героев. Григорьев был проникновенным истолкователем пьес Островского, женских образов русской литературы.

Его объективная оценка купечества, высоких нравственных качеств купцов, их жен, дочерей существенно дополняли привычную негативную картину жизни этого сословия. Авторитет журнала вырос в связи с улучшением литературно-художественного отдела. Тираж достиг 1500 экземпляров, но с распадом редакции в 1853 г. «Москвитянин» вновь пришел в упадок и в 1857 г. выпуск его прекратился.

Таким образом, только в 40-е годы он был действительным противником, и довольно опасным, для демократической журналистики.

«Отечественные записки».

Публицистика В.Г. Белинского

В обстановке растущего демократического движения 40-х годов главное место в печати занимает журнал **«Отечественные записки»**.

В 1818—1819 гг. чиновник-дипломат П. Свиньин опубликовал отчет о состоянии Бессарабской губернии в двух книгах под общим названием «Отечественные записки». Отчет был написан в духе восхваления самодержавия. Это позволило в 1820 г. получить разрешение на выпуск в Петербурге журнала «Отечественные записки». Издавался он форматом карманной книжки. В журнале печатались путешествия, описания военных кампаний, балов и фамильных обедов, статьи о русских самоучках и умельцах, о домашней мудрости простолюдинов.

В 1831 г. Свиньин приостанавливает издание из-за отсутствия достаточного количества средств, а в 1838 г. сдает журнал за 5000 руб. в год на правах аренды литератору А.А. Краевскому.

Краевский как человек практической складки, спекулируя на либеральных настроениях вплоть до 1848 г., сумел поднять журнал. Но только с приходом Белинского (сентябрь 1839 г.) у журнала определилось лицо, направление.

Приступая к изданию, Краевский объявил, что увеличивает объем ежемесячника, что в журнале будут участвовать 127 писателей. Это вызвало энтузиазм в передовых кругах русских литераторов. Все, кто был обижен журнальным «триумвиратом», кто пострадал от репрессий цензуры и правительства, сотрудники закрытых и обанкротившихся изданий нашли здесь прибежище. Всех подкупала антибулгаринская

позиция Краевского. Многие справедливо увидели в «Отечественных записках» серьезного конкурента «Библиотеке для чтения».

В объявлении об издании журнала Краевский подчеркивал, что его журнал «возможно полный, не принадлежащий ни к какой литературной партии» и бескорыстный.

Несмотря на энергичные меры, предпринятые издателем, положение журнала в 1839 г. было трудным. Журнал походил еще на сборник, был рыхлым. О его направлении ничего не говорилось в программе Краевского. Задачи журнала в программе определялись так: «Цель “Отечественных записок” — споспешествовать, сколько позволяют силы, русскому просвещению по всем отраслям, передавая отечественной публике все, что только может встретиться в литературе и в жизни замечательного и приятного...» Однако благодаря общим усилиям в сентябре 1840 г. наметился перелом к лучшему. Число подписчиков к концу года дошло до 4000. Краевский был абсолютно прав, когда писал в объявлении о подписке на 1841 г.: «...мнение публики — на стороне “Отечественных записок”».

Учитывая издательскую практику Полевого, Сенковского, Краевский заявил в объявлении об издании журнала, что «...“Отечественные записки” должны сделаться и сделаются *журналом энциклопедическим* в полном значении этого слова».

Журнал был действительно очень разнообразен. В нем имелось восемь отделов: современная хроника России; наука; словесность и искусства; домоводство; сельское хозяйство и промышленность; критика; библиография и смесь. В 1840 г. отделы науки и искусств объединяются, открывается отдел мод.

Читатели могли найти в журнале изложение официальных документов, обзоры событий в отечестве, отчеты о выставках, статьи о русском языке и падающих звездах, стихи и художественную прозу, обширную библиографию. Редактировали журнал Краевский, поэт В.Ф. Одоевский и экономист А.П. Заблоцкий-Десятовский.

Отделы критики и библиографии не играли сколько-нибудь заметной роли в журнале при его организации. Приглашенный Краевским в качестве ведущего критика литератор А.Д. Галахов не оправдал возложенных на него надежд и вскоре занялся составлением хроник и рецензированием научной литературы.

Уже в это время в журнале сотрудничали такие писатели и публицисты, как М.Ю. Лермонтов, А.В. Кольцов, В.Г. Бенедиктов, В.А. Сологуб, Н.И. Надеждин, И.И. Панаев, М.Н. Катков, Д.М. Перевошиков, Э.И. Губер и многие другие.

Осенью 1839 г. после длительных переговоров в Петербург приезжает В.Г. Белинский и становится сотрудником журнала. По условиям договора с Краевским Белинский должен был вести отдел критики и рецензировать книги для библиографической хроники. В силу энциклопедического характера отдела это было тяжелое условие. Но Белинский был полон сил и, имея возможность распоряжаться содержанием отделов критики и библиографии, получал важное средство борьбы с журналистами и литераторами реакционного направления. Участие в журнале Краевского оказывалось единственным средством практической деятельности в условиях николаевской России, позволяло вести работу по объединению передовых литературных сил. Именно в «Отечественных записках» у критика созрела идея преобразования действительности революционным путем.

Белинский очень скоро после прихода в «Отечественные записки» окончательно преодолевает «примирение с действительностью». Бесправие человека в России было непереносимо. Если первые три крупные его статьи в журнале — «Очерки Бородинского сражения», «Менцель — критик Гете», «Горе от ума» — еще отражают примирение Белинского, то последующие — «Стихотворения М. Лермонтова», «Герой нашего времени», обзоры литературы за 1840 и 1841 гг. — знаменуют постепенный разрыв с ним.

В конце 1840 г. Белинский писал в письме Боткину: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусною действительностью! Да здравствует великий Шиллер, благородный адвокат человечества, яркая звезда спасения, эмансипатор общества от кровавых предрассудков предания! Да здравствует разум, да скройся тьма! — как восклицал великий Пушкин! Для меня теперь *человеческая личность* выше истории, выше человечества. Это мысль и дума века! Боже мой, страшно подумать, что со мною было — горячка или помешательство ума, — я словно выздоравливающий» (Т. 9. С. 556).

В «Отечественных записках» в неустанной работе, в тесной связи с революционно-демократическим мировоззрением развиваются взгляды Белинского на искусство, литературу. В основу оценки художественного произведения он кладет

его идейную направленность и общественное значение. С приходом Белинского «Отечественные записки» стали журналом, действительно способным не только конкурировать, но и бороться с торговым (вернее — торгашеским), вульгарным, охранительным направлением в литературе и журналистике.

Белинский в это время был уже вполне сложившимся профессиональным журналистом. Опыт работы в «Телескопе» и других изданиях не прошел даром. Участие же в одном из самых популярных журналов вдохновляло критика и публициста, наполняло его кипучей энергией. Белинский понимал, что слово есть тоже дело, что в России есть только два средства действовать: кафедра или журнал. «Журналистика в наше время все: и Пушкин и Гете, и сам Гегель были журналисты» (Т. 11. С. 453). «...Если я еще хочу жить, так это для “Отечественных записок”» (Т. 11. С. 566). «Умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку “Отечественных записок”» (Т. 11. С. 494). Такими высказываниями полны его письма той поры.

Белинский не был обычным сотрудником. Это журналист особого склада. Преданность его журналистике беспредельна. Ей он отдавал все: силы, время, способности. Он считал важнейшим качеством журналиста активный характер, боевитость, поэтому любил борьбу, полемику. Энциклопедичность журнала он одобрял, но считал, что одной энциклопедичности мало. Передовой журнал должен систематически проводить серьезную программу, подчинять ей все материалы. Журнал должен быть органом определенного мнения, направления. Об этом он говорил еще работая в «Телескопе»: «Журнал, будучи сборником хороших статей, должен быть еще и журналом, то есть иметь свое направление».

В конкретных исторических условиях 40-х годов по условиям политического и цензурного режима выразить направление журнала лучше всего можно было в литературной части издания, в литературной критике, библиографии. Это хорошо понимал Белинский и поэтому так горячо ратовал за повышение качества беллетристики и литературно-критических материалов журнала.

Белинский оказался в «Отечественных записках» той силой, которая изнутри перестроила расплывчатую, в основном подчиненную коммерческим расчетам программу Краевского, собрала вокруг журнала все живое и прогрессивное в русской литературе.

Литературная часть журнала стала особенно хороша. Здесь печатаются Огарев, Герцен, Панаев, Боткин, Бакунин, Кудрявцев. Из журнала уходят Бенедиктов, Туманский, изредка печатавшийся Хомяков.

В 40-е годы в «Отечественных записках» публикуются лучшие произведения русской литературы — сочинения Лермонтова, Кольцова, Баратынского, Красова, Сологуба, Даля, Гребенки, Фета, Григоровича, широко представлена западноевропейская литература: Шекспир, Гете, Ж. Санд, Гейне, Диккенс. С января 1842 г. отдел «Словесность» переносится в начало журнала.

Большое значение с 1842 г. приобретают критический отдел и отдел библиографии. В отделе критики и библиографии наряду с Белинским первое время работали Боткин, Галахов, Кудрявцев, Катков (до середины 1842 г.), т.е. московские друзья Белинского. Отдел библиографии не только давал оценку писателям-современникам, но и руководил самостоятельным чтением публики. «...Библиографическая хроника в “Отечественных записках”, — скажет позднее (в 1843 г.) Белинский, — всегда была живою современною летописью русской литературы... полнотой она превосходила все подобные отделы в других журналах» (Т. 6. С. 541).

Статья Белинского «Речь о критике» провозгласила новые принципы рассмотрения литературных произведений. Критика открыто названа выразительницей общественного мнения, составным элементом искусства, орудием воспитания.

Вскоре Белинский пишет статью о Державине, начинает серию статей о Пушкине и другие; регулярно делает годовые обзоры русской литературы.

В 1842—1843 гг. Боткин дал ряд хороших обзоров новейшей германской литературы, в том числе философской.

В статьях, рецензиях, годичных обзорах русской литературы на основе опыта писателей-реалистов была разработана теория критического реализма, эстетические принципы, взятые на вооружение революционной демократией. Годовые обзоры Белинского обращают на себя внимание фактическим богатством, публицистической насыщенностью. Здесь проявилось исключительное умение критика выявлять связь литературы с жизнью, делать из литературных фактов обширные социологические выводы.

Защита реализма для Белинского неразрывна с защитой народности в литературе. В понимании народности он неизмеримо выше Надеждина и других. Белинский преследует

всякую подделку под народность. Для него народность — это воплощение идеалов народа, правдивость в изображении любых сторон действительности, в конечном счете защита интересов народа. Критик отрицал и квасной патриотизм, восхвалявший русские самодержавные порядки, и славянофильскую идеализацию прошлого, смирения, патриархальности как выражения народности.

Велика заслуга Белинского в глубоком истолковании национального значения, народности творчества Пушкина. На протяжении трех лет печатаются его знаменитые одиннадцать статей о Пушкине, в которых заключена целая история русской литературы и дается проникновенный разбор творчества поэта.

Не менее глубокое истолкование получило на страницах «Отечественных записок» творчество Лермонтова.

Много сил отдал критик защите творчества Гоголя и всей натуральной школы. Гоголь сделал немало для становления реализма в русской литературе. Но гоголевское направление не восторжествовало бы без статей Белинского — организатора, воспитателя его последователей. Здесь было важно все: и первая статья о Гоголе в «Телескопе» «О русской повести и повестях г. Гоголя», и полемика 1842 г. вокруг «Мертвых душ» с Полевым, Сенковским, Аксаковым, и годовичные обзоры русской литературы, и, разумеется, «Письмо к Гоголю».

Белинский сумел отстоять натуральную школу от нападков критики. Опираясь на творчество Гоголя, его сильные стороны, Белинский направлял развитие русской литературы, искусства по пути критического реализма и народности. Его статьи воспитали целое поколение писателей школы критического реализма, имели решающее значение для развития реалистической живописи и скульптуры.

Борьба в области литературы была борьбой против официальных ценностей, официальной идеологии. Строгое отношение к литературным поделкам, борьба с критическими мнениями булгариных и шевыревых, против славянофильской идеализации прошлого — все это было отрицанием крепостничества, крепостнической идеологии.

С отходом Белинского от примирения с действительностью весь журнал постепенно приобретает ясное антикрепостническое направление. Журнал, умело обходя цензуру, выступал за просвещение и свободу, за прогрессивные формы политической, культурной жизни, за всестороннее развитие России.

Повесть, роман становятся любимыми жанрами читателей. В журнале печатается большинство лучших произведений того времени. Герцен публикует повесть «Из записок одного молодого человека», главы из романа «Кто виноват?». Панаев в ряде повестей критикует паразитизм дворянства; Григорович в повести «Деревня» рассказывает о простой русской крестьянке, ставшей жертвой крепостничества; повести печатают Тургенев, Достоевский, Салтыков-Щедрин. Стихи рисуют яркую картину бедности русской деревни.

Отделы «Смесь», «Наука» включаются в антикрепостническую борьбу. В отделе «Смесь» печатаются заметки о рабстве негров в Америке; нарочито перепечатывается старый закон о запрещении продажи семей крепостных вразбивку, в статье о железных дорогах доказывается экономическая несостоятельность крепостного труда и т.д.; появлялись материалы о социалистах-утопистах. В отделе «Наука» замаскированно хвалят Фейербаха, подрывают православие («Верования индусов», 1845). Булгарин не зря доносил: «“Отечественные записки” фальшиво рассказали мифологию индусов о божестве Кришны для того только, чтоб сказать, что история Иисуса Христа взята оттуда. Это целиком из безбожного... Фейербаха»²⁰.

Критика общественных отношений в России, стремление к их преобразованию на справедливых началах делали необходимым борьбу с идеологией квасного патриотизма. Патриотизму представителей «официальной народности» журнал противопоставлял патриотизм, связанный с борьбой против самодержавия, помещика, церкви. «...Патриотизм состоит не в пышных возгласах и общих местах, но в горячем чувстве любви к родине, которое... обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному», — говорил Белинский (Т. 8. С. 46). Отсюда постоянная полемика с реакционной журналистикой, превозносившей русские самодержавные порядки и православие.

Критикуя положение дел в крепостной России, журнал, однако, в лице своих лучших представителей не преклонялся и перед западноевропейским капиталистическим строем, буржуазной цивилизацией. Отмечая прогрессивный характер европейских форм жизни, многие публицисты «Отечественных записок» достаточно критически относились к капитализму.

²⁰ Лемке М. Николаевские жандармы и литература. 2-е изд. СПб., 1909. С. 305.

В статье «Парижские тайны» Белинский раскрыл непримиримые противоречия между трудом и капиталом, фальшь буржуазной демократии: «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником... и капиталистом... но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче» (Т. 8. С. 171—172). Не менее резко отзывался Белинский о буржуазном парламентаризме, о всеобщих выборах в статье «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке». Эти суждения критика вносили существенные поправки к статьям либералов-западников. В письмах Белинский уточняет свое отношение к буржуазности, капитализму: «...владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором», у капиталистов нет «чувства национальной чести, национальной гордости». «Я сказал, что не годится государству быть в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят» (Т. 12. С. 449).

Оригинальными являются статьи В.А. Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции», разоблачающие экономические основы капиталистического общества, порождающего нищету и бесправие (1847).

Сочувствуя идеям утопического социализма и сами будучи социалистами-утопистами, ведущие сотрудники «Отечественных записок» были, однако, не созерцателями. Они связывали идеи социализма, справедливости с идеей революционной борьбы. В письме от 8 сентября 1841 г. Белинский писал, что «золотой век» невозможен без насильственного переворота.

Белинский стоял к народу ближе, чем кто-либо из деятелей современного ему освободительного движения. Отсюда проистекает последовательный демократизм, его революционность. Белинский был предшественником нового, более яркого периода революционно-демократического движения в стране, и это не могло не наложить отпечатка на журнал, где он работал.

В связи с борьбой против идеологии «официальной народности» журнал проявлял большой интерес к философским вопросам. Особенно аккуратно следил он за работой философской мысли в Германии. Журнал информировал своих читателей о новинках и давал оценку отдельным работам немецких философов. Боткин в статье «Германская литература» изложил, а местами дал перевод работы молодого Ф. Энгельса

«Шеллинг и откровение», не указав, правда, на источник. Боткин весьма сочувственно отнесся к работе Энгельса, к его критике Шеллинга и Гегеля. Белинский восторгался отдельными местами в статье Боткина, считал ее чрезвычайно умной и полезной для журнала.

Сотрудники «Отечественных записок» не ограничивались только пересказом, рецензированием западноевропейских философских работ. Для характеристики философских позиций журнала громадное значение имели оригинальные философские труды А.И. Герцена.

Герцен в силу своего образования, жизненного опыта в 40-е годы был исключительно зрелым философом, несмотря на свою молодость.

В «Отечественных записках» Герцен опубликовал два цикла статей: «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». «Дилетантизм в науке» — это критика сытых дилетантов и романтиков в философии, защита практического назначения философии. Герцен высмеивал тех, кто занимается философией от нечего делать, кто отрывает теорию от действия, философию от жизни, от революционной борьбы. Белинский назвал первую статью цикла прекрасной. Восторженно отнесся к ней Грановский: ездил из дома в дом и читал статью вслух.

Если в «Дилетантизме» Герцен сосредоточил внимание на разоблачении врагов передового мировоззрения, философии крепостников, то во втором цикле он главное внимание уделяет передовым взглядам. Защита диалектики и материализма, пропаганда естественных наук и связи их с философией составляют основное содержание статей этой серии.

Статьи Герцена по философии — серьезный вклад в русскую материалистическую философию XIX в., в дело борьбы против мировоззрения крепостников.

Таким образом, «Отечественные записки» были в 40-е годы боевым, воинствующим журналом. Союзников у него практически не было. Противниками были все: «Сын Отечества», «Северная пчела», «Библиотека для чтения», «Русский вестник», «Маяк», «Москвитянин» и даже «Финский вестник» после ареста петрашевцев. Один только «Современник» оставался в стороне от полемики, что дало возможность позднее использовать это издание революционными демократами в своих целях.

«Отечественные записки» оставались самым популярным изданием 40-х годов. Каждый номер журнала прочитывался

не одним десятком человек, в том числе студентами, бедными литераторами, чиновниками, семинаристами. Редакция постоянно заботилась о лучшем удовлетворении читательских интересов. В 1844 г. «Отечественные записки» стали печататься в новой типографии, на специально купленной скоропечатной машине, дающей тысячу листов в час, и обновленным шрифтом. «Скорость печатания, — писал Белинский, — доставит нам возможность ранее рассылать книжки для иногородних читателей» (Т. 8. С. 42).

Прямые и косвенные оценки журнала говорят о его популярности и глубоком влиянии на общество. Противник журнала Шевырев признавался в 1846 г. в письме к Гоголю, что публика «обворожена» «Отечественными записками». Булгарин писал в своей записке-доносе «Социализм, коммунизм и пантеизм»: «...кантониисты, семинаристы, дети бедных чиновников и проч. и проч. почитают “Отечественные записки” своим Евангелием». Герцен в «Былом и думах» вспоминал: «Статьи Белинского судорожно ожидалась молодежь в Москве и Петербурге с 25-го числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли “Отечественные записки”; тяжелый номер рвали из рук в руки. — “Есть ли Белинского статья?”. — “Есть” — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырех верований, *уважений* как не бывало» (Т. 9. С. 29). Известный лингвист Булич свидетельствовал, что каждая новая книжка журнала ожидалась студентами в Казани «с нетерпением». Искусствовед и художественный критик Стасов писал: «Я помню, с какой жадностью, с какой страстью мы кидались на новую книжку журнала, когда нам ее приносили... Мы брали книжку чуть не с боя, перекупали один у другого право ее читать раньше всех...»²¹

Однако, несмотря на успех, «Отечественным запискам» не суждено было долго оставаться лучшим русским журналом. Доносы Булгарина, преследования цензуры (от цензуры сильно пострадали статьи Белинского, Герцена, роман «Кто виноват?», поэма Лермонтова «Демон» и другие произведения), растущая с годами осторожность Краевского, который, добившись материального успеха, склонен был сдерживать Белинского, привели в середине 40-х годов к серьезным противоречиям в журнале. Чтобы ослабить политическую

²¹ Стасов В.В. Избр. соч.: В 3 т. М., 1952. Т. 2. С. 384.

остроту выступлений Белинского, редактор буквально заваливал критика массой изматывающей черновой работы, к тому же скупо платил ему. Белинский начинает подумывать об уходе из журнала Краевского. Он жалуется в письмах, что Краевский делает его «чернорабочим», «водовозною лошадью» и даже «шарлатаном», заставляя рецензировать книги, которые его совсем не интересовали: всевозможные сонники, азбуки, справочные издания, математическую литературу и т.п.

Панаев называет Краевского «литературным промышленником». Белинский начинает понимать, что Краевский — эгоист, предприниматель, «для которого люди — средство и либерализм — средство».

Да и слишком широкий энциклопедизм журналистики начинает устаревать. В обзоре русской литературы за 1844 г. критик напишет: «Правда, теперешние журналы слишком энциклопедичны, слишком разнообразны; но это не их вина, а дело необходимости. Чтоб журнал был читаем, не гонясь за разнообразием содержания, — нужно, чтоб он выиграл *мнением...*» (Т. 8. С. 488).

В 1845 г. Некрасовым при активном участии Белинского было предпринято издание сборников «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник». В них приняли участие Некрасов, Даль, Григорович, Достоевский и др. Вступительная статья Белинского к первому сборнику явилась как бы манифестом, а сами сборники — чем-то вроде периодических органов натуральной школы. Они сыграли особую роль в утверждении гоголевского направления в русской литературе с его вниманием к маленьким людям.

Именно в полемике с этими сборниками и родилось название «натуральная школа». Впервые оно было употреблено Булгариным в «Северной пчеле» для дискредитации нового направления в литературе. Но очень скоро этот термин стал почетным и обернулся против самого же Булгарина и всех противников критического реализма.

Издание сборника «Физиология Петербурга» свидетельствует о разногласиях, расхождении Белинского, Некрасова с Краевским, о попытке найти замену «Отечественным запискам». Но сделать это было не так-то просто; сборники, альманахи не могли заменить журнала.

Окончательное решение об уходе из «Отечественных записок» созрело у Белинского в начале 1846 г. «Я твердо решил оставить “Отечественные записки” и их благородного, бес-

корыстного владельца», — иронически писал Белинский Герцену.

«Отечественные записки» после ухода Белинского некоторое время сохраняли свое общественное значение, пользовались успехом у читателей. Здесь печатались Боткин, Даль, Достоевский, около года успешно вел критику В. Майков.

Однако скоро на первое место в журналистике выходит «Современник».

Напуганный революционными событиями 1848 г., Краевский придает журналу «Отечественные записки» либерально-охранительное направление. Он восхваляет самодержавие, православие, боясь в противном случае потерять журнал или, как он говорил, «фабрику», которой кормится. С сомнительным успехом Краевский издавал «Отечественные записки» вплоть до 1867 г., когда он передал журнал в аренду демократическим журналистам.

«Современник» в 1847—1848 гг. Завещание В.Г. Белинского

Летом 1846 г. выяснилось намерение Некрасова и Панаева купить пушкинский «Современник». Белинский горячо поддерживал эту идею и принял энергичные меры к привлечению лучших сотрудников из журнала Краевского. Однако либеральные друзья Белинского (Боткин, Кавелин, Грановский и др.) колебались. Только Н.А. Некрасов, А.И. Герцен, И.И. Панаев, Н.П. Огарев оказались настоящими единомышленниками Белинского. Это было начало организационного размежевания демократов и либералов, хотя окончательный разрыв революционной демократии и либерализма произошел несколько позднее, в конце 50-х годов.

По поводу приобретения журнала «Современник» И.И. Панаев писал 26 сентября 1846 г. Н.Х. Кетчеру: «Я купил у Плетнева журнал. Кажется, лучше этого быть ничего не может. Журнал не запачканный, глухо и неслышно тянувший свое существование и носящий такое удивительное имя!»

Плетнев, передавая журнал, в прощальной заметке к читателям старался представить дело таким образом, будто бы передача журнала не связана с изменением его направления. Однако это было не так.

Судьба и успех «Современника», который с 1843 г. стал ежемесячным, зависели во многом от поведения бывших

сотрудников «Отечественных записок» — соратников Белинского, от их исключительной поддержки нового издания. Но многие либеральные друзья Белинского предпочли остаться в «Отечественных записках». Некоторые печатались и тут, и там. Московские друзья Белинского считали, что «Отечественные записки» не стали с уходом Белинского хуже. Грановский, в частности, указывал, что «Отечественные записки» имеют тот же дух, характер, что и «Современник», что наличие двух журналов одного направления якобы не мешает журналистике. «Подите растолкуйте, — писал Белинский, — ...что именно по одинаковости направления оба журнала и не могут с успехом существовать вместе...» (Т. 12. С. 428). Он считал, что надо оставить Краевского одного. Тем не менее в «Современник» перешли Белинский, Герцен, Некрасов, Панаев, Кронеберг.

Договор Панаева с Плетневым твердо ограждал самостоятельность новой редакции. Однако необходимость сделать журнал неуязвимым со стороны цензуры и правительства заставила редактором его назвать не Некрасова или Белинского, а А.В. Никитенко — человека незнатного происхождения, словесника, трудом добившегося профессорского звания и чина цензора. «Иначе сделать было нельзя», — писал Некрасов. Такое назначение было гарантией первоначального благополучия журнала.

Некрасов и Панаев шли на большие материальные издержки, чтобы с первого номера журнал сделать интересным и завоевать доверие у читателей. По признанию Некрасова, журнал создавался прежде всего для Белинского. Ему была предоставлена полная свобода действий. «Я могу делать, что хочу... Не Некрасов говорит мне, что я должен делать, а я уведомляю Некрасова, что я хочу или считаю нужным делать», — признавался Белинский (Т. 12. С. 416). «Никто, кроме Белинского, не был хозяином содержания журнала, пока он мог заниматься», — писал Некрасов.

Белинский был наиболее влиятельным и авторитетным участником журнала. Он возглавил журнал идейно. Именно он, при полной поддержке Некрасова, придал журналу то революционно-демократическое направление, которое унаследовали позднее Чернышевский и Добролюбов. Им было положено начало размежевания либерально-дворянской и революционно-демократической тенденций в освободительном движении и журналистике.

Благодаря усилиям Некрасова и Белинского литературно-художественный отдел «Современника» стал лучше, чем в «Отечественных записках». Это имело большое значение, поскольку «Современник» оставался до 1859 г. литературным журналом. Произведения подбирались в журнале значительные, с острой социальной проблематикой. Здесь были напечатаны «Сорока-воровка» Герцена, «Записки охотника» Тургенева, «Обыкновенная история» Гончарова, «Антон Горемыка» Григоровича, «Полинька Сакс» Дружинина, другие повести и романы. При первом номере журнала в виде приложения выдавался роман Герцена «Кто виноват?».

В журнале господствовала проза. Стихов печаталось сравнительно мало: в издании, где критиком был Белинский, нельзя было печатать посредственных стихов. Публиковались переводы лучших европейских авторов: Ж. Санд, Ч. Диккенс, П. Мериме, Г. Фильдинг, В. Шекспир, И. Гёте.

Содержательным был и отдел науки. Статьи ученых-естественников и социологов были написаны легко и живо. Особенно выделялись своей злободневностью такие, например, статьи, как «Мальтус и его противники» В.А. Милютин (1847. № 8—9), «Ирландия» Н.М. Сатина (1847. № 11), статьи астронома Д. Перевощикова.

Милютин критикует буржуазную политэкономия, и особенно Мальтуса. Это «экономист привилегированных классов», утверждает русский публицист. Буржуа «схватились» с жаром за мысль Мальтуса о том, что нищета и страдания — явления неизбежные, естественные, которые якобы невозможно уничтожить.

Обращение Сатина к Ирландии было знаменательно тем, что в положении народных масс этой страны усматривалось много общего с положением русского крестьянства.

Как и в предыдущих журналах с участием Белинского, в «Современнике» хорошо был поставлен отдел критики и библиографии. Здесь печатались статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года», «Взгляд на русскую литературу 1847 года», «Ответ "Москвитянину"», рецензии на повторное издание «Мертвых душ» Гоголя, его «Выбранные места из переписки с друзьями» и другие материалы.

В журнале не было строгого разделения статей критических и библиографических, на что указывал сам Белинский в обзоре литературы за 1846 г. Жанр отзыва — «критика или рецензия» — определялся не заданием редакции, а важностью

и художественными достоинствами произведения. Слабые произведения Белинский часто вовсе обходил молчанием. Умолчание становится важным публицистическим приемом демократической печати, средством борьбы и воспитания человека.

В отделе печатались и другие авторы, но статьи Белинского были наиболее значительными и принципиальными. Они в первую очередь придавали направление журналу.

Вслед за отделом «Критика» шел отдел «Смесь». Он был небольшим по объему, но давал достаточно интересный и острый материал. По существу, это был отдел текущей публицистики и литературы. В узких рамках подцензурного литературного журнала отдел «Смесь» оставался весьма удобным для освещения социально-политических проблем, для пропаганды демократических и даже социалистических идей.

В первом же номере в отделе «Смесь» была напечатана статья Г.П. Небольсина о хлебной торговле с Англией, письма из Парижа П.В. Анненкова, «Роман в девяти письмах» Ф. Достоевского, первый рассказ из цикла «Записки охотника» Тургенева «Хорь и Калиныч» и другие материалы. В статьях отдела ставился вопрос о промышленном прогрессе, строительстве железных дорог, о невыгодности труда крепостных. Здесь перепечатывались из русских и иностранных изданий ретроградные мнения помещиков по поводу телесных наказаний, заметка об охоте за неграми в Восточном Судане, критические отзывы Павлова о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя и т.д. Отдел как бы готовил общественное мнение к сознанию неизбежности отмены крепостного права.

Освещая отдельные стороны западноевропейской жизни, «Смесь» показывала рост социальных противоречий в Европе. Читатели журнала были достаточно хорошо подготовлены к восприятию революционных событий 1848 г.

Определенное место отводилось и новостям культуры, любопытным фактам науки. В числе прочих были напечатаны статьи: «Записная книга Вольтера», «А. Торвальдсен. Биографический очерк», «Письма о Мексике», «Голубой цвет чистой воды», «Характеристика верблюда» и т.д.

Имелся в «Современнике», по примеру других журналов того времени, и отдел «Моды», который велся в необычной беллетристической форме И.И. Панаевым и А.Я. Панаевой.

Несмотря на строгий цензурный режим, журнал не уклонился от прямого изложения своих позиций, своей программы.

В первую очередь установочный характер носила статья-обозрение Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года».

Отдел «Критика и библиография» наряду с отделом «Смесь» был удобен для выражения общественно-политических взглядов. Статья Белинского, по справедливому замечанию исследователя журнала В.Е. Евгеньева-Максимова, содержит в себе такое количество политических высказываний, рассуждений, что они подчас заслоняют ее чисто литературно-критический смысл. Белинский в 1847 г. уже подводит определенный итог своей деятельности на общественном поприще. Его глубоко волнуют возможности прогрессивного развития страны; он не хочет и не может игнорировать опыт развития европейских народов. Свою основную идею общественного развития он выразил так: «Если бы нас спросили, в чем состоит отличный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью», «Важность теоретических вопросов зависит от их отношения к действительности. То, что для нас, русских, еще важные вопросы, давно уже решено в Европе, давно уже составляет там простые истины жизни, в которых никто не сомневается, о которых никто не спорит, в которых все согласны... Но это нисколько не должно отнимать у нас смелости и охоты заниматься решением таких вопросов, потому что, пока не решим мы их сами собою и для самих себя, нам не будет никакой пользы в том, что они решены в Европе. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы те же, да не те, и требуют другого решения. — Теперь Европу занимают новые великие вопросы. Интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми. Но в то же время для нас было бы вовсе бесполезно принимать эти вопросы как наши собственные. В них нашего только то, что применимо к нашему положению... У себя, в себе, вокруг себя — вот где мы должны искать и вопросов и их решения. Это направление будет плодотворно, если не будет блестяще. И начатки этого направления видим мы в современной русской литературе, а в них — близость ее зрелости и возмужалости» (Т. 10. С. 7, 32).

Таким образом, начав с литературы и кончая литературой, публицист тем не менее сумел в обозрении поставить самые важные общественные вопросы своего времени. Белинский нацеливает русского читателя на решение проблем,

связанных с ликвидацией крепостничества, феодализма, т.е. того, что решено в ряде европейских стран буржуазными революциями. Он признает, что русским не могут быть чужды и те новые вопросы — вопросы социализма, которые волнуют передовые умы Европы, но им надо решить прежде всего то, что тормозит движение России по пути прогресса, т.е. уничтожить крепостничество, средневековье. В этом отношении рассуждения обзора русской литературы 1846 г. близки к той конкретной программе, которую вскоре выдвинул Белинский в «Письме к Гоголю».

Итак, для критика задача момента — разрешение «важных вопросов», имеющих отношение к русской жизни, но уже решенных Европой.

Требование коренного изменения русской жизни, выраженное в статье, приводило автора к убежденной защите «натуральной школы» и признанию огромной роли литературы именно потому, что литература критического реализма близко стоит к жизни, к реальным нуждам ее. Дело не в том, что в ее рядах много талантов — таланты были всегда, — а дело в их общем направлении, в их манере изображать жизнь. Теперь писатели «воспроизводят жизнь и действительность в их истине».

Именно в связи с такой постановкой вопроса он выступает против славянофилов и космополитов, которые, каждое направление по-своему, мешают, препятствуют уяснению, решению коренных национальных вопросов, уводят литературу с путей критического реализма.

Белинский не отрицает известных заслуг славянофилов. Они поставили вопрос о путях развития России, но решение вопроса дали неверное.

Обзор литературы 1846 г. и особенно статья «Ответ “Москвитянину”» дают глубокую оценку роли славянофилов в литературной и общественной жизни. Белинский горячо защищает натуральную школу от нападок «Москвитянина», попыток его теоретиков выхолостить дух критики из литературы. Он защищает патриотизм натуральной школы. Его особенно возмущают упреки писателям натуральной школы в отсутствии сочувствия к народу. Эти обвинения он называет ничем не подтвержденными «разглагольствованиями». Он высмеивает претензии славянофилов на монопольную любовь к простому народу: «Откуда взялись у этих господ притязания на исключительное обладание всеми этими добродетелями? Где, когда,

какими книгами, сочинениями, статьями доказали они, что они больше других знают и любят русский народ?» (Т. 10. С. 260).

Идеализируя русскую общину, патриархальную смиренность, лобовность русского мужика, сами они оказались далеко не такими добродетельными людьми. Вся славянофильская доктрина несостоятельна, утверждает Белинский, основные пункты ее теории туманны и не выяснены до конца. Весь пафос свой славянофилы направили против демократической критики и литературы, а не в защиту подлинно народных интересов. Учение их ложно, неверно.

В журнале 1846—1847 гг. были отдельные противоречия. Так, статья официального редактора журнала Никитенко в первом номере несколько противоречила взглядам Белинского на литературу, натуральную школу. Никитенко, как человек умеренный, видел в произведениях натуральной школы некую односторонность, недостаток якобы любви к людям, что вредит художественности ее произведений, противоречит требованиям изящности. Это противоречие пытались раздуть враги «Современника». Но роль Никитенко оказалась крайне незначительна в журнале, чтобы повлиять на его направление, его литературные мнения. Непредубежденный читатель понимал, что статья Никитенко была опубликована лишь для смягчения позиции нового журнала в глазах правительства.

В эти годы сам Белинский понимал еще невозможность издания журнала с абсолютно единым направлением, хотя всячески стремился к этому. «Что касается до наших журналов, — писал он в статье «Ответ “Москвитянину”», — необходимость иметь известное направление, известный образ мыслей и никогда не противоречить ему начали обнаруживаться только в последнее время... У нас большое счастье для журнала, если он успеет соединить труды нескольких людей и с талантом, и с образом мыслей, если не совершенно тождественным, то по крайней мере не расходящимся в главных и общих положениях. Поэтому требовать от журнала, чтобы все его сотрудники были совершенно согласны в оттенках главного направления, значит требовать невозможного» (Т. 10. С. 235).

Настоящим подлинным единомышленником Белинского был Герцен, который, живя за границей, активно участвовал в новом журнале. Порвав с Краевским, Герцен посылает свои «Письма из Франции и Италии» и художественные произведения в «Современник».

«Письма из Франции и Италии» представляли собой как бы непринужденную, иногда будто бы даже шутливую беседу с друзьями о поездке в Европу. Но эта беседа в письмах пронизана напряженной мыслью. Герцен старается понять не только пульс парижской жизни накануне революционных событий 1848 г., но стремится осмыслить все происходящее в Европе с точки зрения России, сопоставить опыт Европы с историческим опытом своей страны ради выработки верной теории, верного взгляда на развитие России. Менее всего его письма — описание виденного за границей.

«Пестрые декорации конституционной Франции» не могли скрыть от русского публициста крайнее обострение социальных противоречий. Два Парижа открылись пред русским путешественником: «Париж, стоящий за *ценз*, и Париж, стоящий за *цензом*». И в каждом отдельном факте, событии, свидетелем которого он был, в каждой встрече и знакомстве Герцен видит столкновение буржуа и блузников, вопиющие контрасты капиталистического строя.

Герцен прекрасно понимал, что Европа в лице передовых стран «после трех столетий гражданского и всяческого развития дошла только до того, что в ней *лучше*, нежели там, где этого развития не было» (Т. 5. С. 59—60), лучше, скажем, чем в феодальной России. Но признать европейские порядки нормальными он отказывается. «Буржуазия не имеет великого прошедшего и никакого будущего», — пишет Герцен (Т. 5. С. 34). Она — промежуточная формация между феодализмом и социализмом, утверждал он. Герцен обеспокоен лишь тем, где выход из сложившегося положения, какой вывод из опыта Европы сделать для России.

Резко отрицательное отношение Герцена в первых же письмах к буржуазии вызвало возражения, недовольство со стороны русских либералов (Боткин, Тургенев). Некрасов и Белинский взяли сторону Герцена. Письма Герцена способствовали дальнейшему вызреванию размежевания дворянских либералов и революционеров-демократов.

Письма, как все вышедшее из-под пера Герцена, блещут остроумием и отточенной литературной формой. Вот образец точности публицистической мысли Герцена и одновременно стилистического, образного совершенства:

«Буржуазия явилась на сцене самым блестящим образом в лице хитрого, увертливого, шипучего, как шампанское, цирюльника и дворецкого, словом — в лице Фигаро: а теперь она на сцене в виде

чувствительного фабриканта, покровителя бедных и защитника притесненных. Во времена Бомарше Фигаро был вне закона, в наше время Фигаро — ЗАКОНОДАТЕЛЬ: тогда он был беден, унижен, стягивал понемногу с барского стола и оттого сочувствовал голоду и в смехе его скрывалось много злобы: теперь его бог благословил всеми дарами земными, он обрюзг, отяжелел, ненавидит голодных и не верит в бедность, называя ее ленью и бродяжничеством. У обоих Фигаро — собственно одно лакейство, но из-под ливреи Фигаро старого виден человек, а из-под черного фрака Фигаро нового проглядывает ливрея, и, что хуже всего, он не может сбросить ее, как его предшественник, она приросла к нему так, что ее нельзя снять без его кожи...

Фигаро... начали обижать — он подбил чернь вступить за себя и ждал за углом, чем все это кончится: чернь победила — и Фигаро выгнал ее в три шеи с площади и поставил Национальную гвардию с полицией у всех дверей, чтоб не впускать сволочь. Добыча досталась ему — и Фигаро стал аристократом — граф Фигаро-Альмавива, канцлер-Фигаро, герцог Фигаро, пэр Фигаро» (Т. 5. С. 33, 35).

Вторая часть это характеристики — яркая, по существу, картина предательства буржуазией интересов народа в ходе буржуазных революций.

Успех журнала «Современник» определился уже весной 1847 г. По влиянию на общество он обогнал и «Отечественные записки», и «Библиотеку для чтения». Четкое направление журнала, умелое руководство Некрасова, активность передовых писателей и горячие статьи Белинского определили этот успех. В 1848 г. положение журнала укрепляется еще более. В 1848 г. у него уже 3100 подписчиков. Журнал стал окупаться. Расходы Некрасова и Панаева оправдались.

Очень многое в содержании и направлении «Современника» можно понять, ознакомившись с «Письмом к Гоголю» Белинского — единственного произведения критика, написанного без оглядки на цензуру. В.И. Ленин не случайно назвал его «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»²². В нем воплотились наиболее зрелые, наиболее существенные представления Белинского о назначении писателя, о насущных задачах русского освободительного движения.

Белинского уже давно беспокоили настроения Гоголя, которые с наибольшей силой выразились в «Выбранных местах

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 94.

из переписки с друзьями». Он опубликовал две рецензии на эту книгу, но в условиях подцензурного издания, обращаясь публично к Гоголю, критик не мог сказать все, что накопилось у него на душе. Только за границей в личном послании писателю, недоступном досмотру жандармов, Белинский мог открыто высказать Гоголю все, что пугало, мучило и раздражало публициста. В его письме нет ни тени злорадства, разноса, а есть только тревога, задушевная строгость и боль за судьбу писателя.

В этом письме он резко оценил «покаянные» мотивы Гоголя, его попытки идеализировать религиозные представления народа, крепостничество. Белинский дал свое понимание истинного положения страны, «где люди торгуют людьми... где... нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка» (Т. 10. С. 212). «Предоставляю Вашей совести, — писал Белинский, — упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия... только продолжайте благоразумно созерцать ее из вашего прекрасного далека: вблизи-то она не так красива и не так безопасна...» (Т. 10. С. 216).

Критик четко сформулировал в «Письме к Гоголю» ближайшие задачи освободительного движения: уничтожение крепостного права, отмена телесных наказаний, соблюдение хотя бы тех законов, которые существуют в России. Это была программа буржуазно-демократических преобразований страны.

Последняя большая статья Белинского в «Современнике» — «Взгляд на русскую литературу 1847 года». Как и предыдущий обзор литературы, новая статья пронизана идеей историзма, прогресса. Всякое развитие совершается через прогресс. Это относится и к литературе: «В нашей литературе всюду живая историческая связь, новое выходит из старого, последующее объясняется предыдущим и ничто не является случайно» (Т. 10. С. 12). Это распространяется и на общественное развитие России. Подобное рассуждение было философским оправданием, подтверждением необходимости социального прогресса. Здесь полностью развернулась способность диалектического мышления Белинского.

1847 год укрепил позиции натуральной школы, она вышла на «первый план» русской литературы, несмотря на нападки со стороны староверов. Литература приобрела благодаря ей

невиданное гражданское значение, она заставляла думать о низших классах, о мужике и тяжелых обстоятельствах его жизни. Книги этой школы — беспокойные книги. За это и нападали на натуральную школу ее противники. Враги натуральной школы, следовал вывод, — враги прогресса не только в литературе, но и в жизни. Признавая гражданское значение литературы, требуя актуальности ее тематики, Белинский отстаивал специфику искусства как особой формы сознания и для произведений натуральной школы. «Без всякого сомнения, — писал он, — искусство прежде всего должно быть искусством» (Т. 10. С. 303).

Заканчивается статья глубокими характеристиками последних произведений натуральной школы и метким, проникновенным определением специфики таланта таких писателей, как Герцен, Гончаров, Тургенев.

Критика Белинского в целом не была педантичным, узко-профессиональным разбором литературных произведений, не сводилась к регистрации их достоинств и недостатков, некоему критиканству или комплиментарному перечню. Каждый истинный талант получал глубокую оценку индивидуальных особенностей, ведущего начала в творчестве. Белинский рассматривал литературные произведения широко, в контексте времени, как документ общественного сознания, борьбы, показывал отношение каждого произведения к жизни, к важнейшим идеям современности. Белинский пишет статьи не как узкий специалист, а как публицист.

В его литературно-критических статьях поставлены вопросы политики, философии, этики, эстетики, истории и социологии. Раскрывая смысл какого-нибудь литературного явления, Белинский попутно высказывал мысли, далеко выходящие за рамки этого явления, но чрезвычайно интересные, злободневные и много дающие для нравственного воспитания личности читателя, тем самым сохраняя интерес своих произведений и для нас, высоко ценящих все общечеловеческое и глубоко озабоченных морально-нравственным совершенствованием людей.

Так, отвергая мысль о чрезмерной якобы критичности произведений натуральной школы, разоблачая лжепатриотизм, публицист писал: «Чем сильнее человек, тем выше он нравственно, тем смелее он смотрит на свои слабые стороны и недостатки. Еще более можно сказать это о народах... Народ слабый, ничтожный или состарившийся, изживший всю

свою жизнь до невозможности идти вперед, любит только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны... Не таков должен быть народ великий, полный сил и жизни: сознание своих недостатков, вместо того, чтобы приводить его в отчаяние и повергать в сомнения о своих силах, дает ему новые силы, окриляет его на новую деятельность» (Т. 10. С. 249).

Широта, эрудиция, чувство прекрасного, интеллигентность сквозят в каждой его работе. Масса широких сопоставлений, сравнений в статьях помогают оттенить главное. У него нет избитых, плоских, трафаретных мест. Критик умел сам находить актуальные темы, а сама актуальность понята им широко, что свидетельствует о глубокой внутренней работе автора. Этого он требовал и от других людей, связавших себя с литературой, публицистикой: «Идея, вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая, как должно, но не проведенная через собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капитал не только для поэтической, но и всякой литературной деятельности» (Т. 10. С. 312).

Белинский хорошо владел всеми жанрами публицистики, всеми стилями речи, разнообразными смысловыми оттенками слов, любыми пластами лексики, писал легко, логично и вместе с тем страстно, эмоционально.

Неудивительно, что не одно поколение передовой русской интеллигенции находилось под сильным влиянием личности и произведений Белинского, считало его своим учителем и вождем.

Белинский умер в мае 1848 г. Его смерть совпала с наступлением политической реакции. Тон журналов в новой обстановке понизился. Теряется выдержанность направления. Замедляется в новых условиях и процесс дифференциации общественного сознания, хотя многие либералы, напуганные революцией и наступившей реакцией, например Краевский, переходят на службу правительству. Никитенко отказался от редактирования «Современника». С большим трудом на место редактора проводится И. Панаев. Неофициальным руководителем журнала остается, конечно, Некрасов. Одиноким (нет Белинского, нет Герцена), он пытается выдерживать прежнее направление журнала, а еще больше старается сохранить журнал как трибуну русской демократии для более светлых времен. «Современник», вся русская журналистика вступили в тяжелую полосу «мрачного семилетия» 1848—1854 гг.

5.

**ЖУРНАЛЬНО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.И. ГЕРЦЕНА
И Н.П. ОГАРЕВА.
«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА», «КОЛОКОЛ»**

Журнал «Полярная звезда», «Колокол» Герцена сыграли выдающуюся роль в истории русской журналистики, в революционном движении. Со страниц герценовских изданий звучал пламенный голос русской революционной демократии, призывавший угнетенные крестьянские массы и передовых людей своего времени из дворянской и разночинской интеллигенции к борьбе за землю и волю, за освобождение от крепостного права, против произвола помещиков и царизма.

Опыт организации вольной русской типографии в Лондоне не имел аналогов в Европе.

«...Герцен, — отмечал В.И. Ленин в статье “Памяти Герцена”, — первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*»²³, и в этом его бессмертная заслуга перед русским освободительным движением, журналистикой.

За границей Герцен был целиком поглощен революционными событиями 1848 г. Он надеялся, что революция в Европе принесет народам свободу, откроет дорогу социализму. Однако этого не произошло, что привело Герцена к глубокому духовному кризису после поражения революции 1848 г.

Русский революционер, с воодушевлением встретивший события 1848 г., был глубоко разочарован результатами революционной борьбы. Кровь была пролита напрасно. Буржуазия изменила делу революции. Не понимая буржуазно-демократического характера революции 1848 г., Герцен усомнился в победе социализма в Европе вообще.

Отражением скептицизма и пессимизма Герцена, его духовного кризиса явился цикл статей, изданных отдельной книгой в Лондоне под названием «Письма с того берега». Но скептицизм Герцена не был формой перехода к предательству

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 262.

народных интересов, не был связан с отказом от революционной борьбы, как это случилось с буржуазными и дворянскими либералами. Герцен по-прежнему оставался революционером. Горечь поражения, горечь разбитых иллюзий скоро прошла, хотя и не бесследно. Теперь Герцен отдает все свое внимание России и осуществление социалистических идеалов целиком связывает с Россией, славянским миром. Он создает свою теорию русского утопического социализма, основываясь на признании особой роли русской сельскохозяйственной общины, где нет частной собственности, позволяющей избежать западноевропейского пути развития, прежде Запада достичь справедливого общественного устройства. Герцен видел социализм в освобождении крестьян с *землей*, в общинном землевладении. Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз.

Герцен не понимал, что освобождение крестьян в России при любых условиях приведет к развитию капитализма. Он полагал, что с полным уничтожением крепостничества наступит эра всеобщего благополучия, что крестьянская революция может привести к установлению социалистических порядков. В этом была его ошибка, его историческое заблуждение, обусловленное характером развития России. Но это не умаляло его антикрепостнического пафоса.

В 40-е годы под воздействием окружающей действительности и пропаганды Белинского лучшие люди России думали о раскрепощении крестьян. Вопрос освобождения крестьян стал насущной необходимостью. Даже правящие классы вынуждены были заговорить об освобождении. Но революционные события во Франции и других странах Европы напугали их и заставили правительство перейти к политике реакции. Всякие разговоры об отмене крепостного права были запрещены. «До 1848 года русская цензура была крута, но все-таки терпима, — писал Герцен. — После 1848 года там уже нельзя было печатать ничего, что мог бы сказать честный человек» (Т. 12. С. 78).

В связи с этим у Герцена еще в 1849 г. возникла мысль об издании литературы на русском языке за границей, без цензуры. Однако это намерение было осуществлено только в 1853 г., когда Герцен на свои средства организовал Вольную русскую типографию в Лондоне.

В первое время пребывания за границей Герцен знакомит передовое западноевропейское общество с положением дел

в крепостной России, со взглядами и настроениями борцов против самодержавия и в этом видит свою задачу русского революционера. Этому посвящены статьи и брошюры «Россия», «Русский народ и социализм», «Русское крепостничество», книга «О развитии революционных идей в России» и другие произведения.

Подобная деятельность была важна, но она не удовлетворяла Герцена. Он хотел более активно влиять на русские дела, способствовать пробуждению революционной активности в других. Путь к этому был один — начать издание революционной литературы для России. «Время печатать по-русски вне России, кажется нам, пришло». «Открытая, вольная речь — великое дело; без вольной речи — нет вольного человека... Открытое слово... — переход в действие», — писал он (Т. 12. С. 62).

Герцен правильно оценил значение слова как проявления революционной активности.

«Основание **русской типографии** в Лондоне является делом наиболее практически революционным, какое русский может сегодня предпринять», — утверждал Герцен (Т. 12. С. 78). Весной 1853 г. в листовке-обращении «**Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси**» Герцен объявил о создании такой типографии и обосновал необходимость вольного слова. Он страстно призывал поддержать вольную типографию, убеждал и даже уговаривал своих соотечественников воспользоваться его печатным станком: «Если мы все будем сидеть сложа руки и довольствоваться бесплотным ропотом и благородным негодованием, если мы будем благоразумно отступать от всякой опасности и, встретив препятствие, останавливаться, не делая опыта ни перешагнуть, ни обойти, тогда долго не придут еще для России светлые дни». «Хочу... воспользоваться моим положением, чтоб вашим невысказанным мыслям, вашим затаенным стремлениям дать гласность» (Т. 12. С. 63).

Герцен просил присылать нелегально распространяемые в России произведения Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Полежаева. «Присылайте что хотите, все написанное в духе свободы будет напечатано». Он обещал, что будет строго хранить тайну авторства и никого не поставит под удар самодержавия.

В 1853—1855 гг. Герцен напечатал в вольной русской типографии такие прокламации и брошюры, как «Юрьев день! Юрьев день!», «Крещеная собственность», «Тюрьма и ссылка», «Письма из Франции и Италии» и другие произведения.

В листовке-обращении «Юрьев день! Юрьев день!» Герцен затрагивает наиболее жгучий вопрос современности — крепостное право. Остро и взволнованно пишет Герцен об этом зле, о позорном состоянии русского народа. Он обращается к передовому дворянству в надежде, что в среде дворян не иссякли декабристские настроения, что среди дворян есть силы, способные противостоять самодержавию и крепостничеству. «Из ваших рядов, — пишет он, — вышли Муравьев и Пестель, Рылеев и Бестужев.

Из ваших рядов вышли Пушкин и Лермонтов.

Наконец, и мы, оставившие родину, для того, чтобы хоть вчуже раздавалась свободная русская речь, вышли из ваших рядов» (Т. 12. С. 80). Герцен пытается воздействовать на ум и чувства дворян, предрекая неизбежную катастрофу, пугачевщину, если они не найдут в себе силы уничтожить крепостничество, воздействовать на царя. Но если дворяне не окажутся способны изменить положение в стране, то Герцен оставляет за собой право призвать народ к освобождению своими силами.

В брошюре «Крещеная собственность» Герцен снова ставит вопрос об освобождении крестьян. Он предполагает, что «узел помещичьей власти», вероятно, все-таки разрубится топором мужика. Он подробно излагает свои взгляды на роль общины в дальнейшей судьбе русского крестьянства, надеется, что при освобождении крестьян с землей русская община может сыграть важную, решающую роль для установления социалистических отношений. Основная задача этого произведения заключалась в том, чтобы дать такую характеристику русского народа и крепостнических порядков, которая побуждала бы к переустройству русской жизни и укрепляла бы веру в Россию как в молодую и мощную страну, обладающую великим будущим.

Поражение в Крымской войне и смерть царя Николая I вызвали оживление в общественно-политической жизни России. Вопрос об отмене крепостного права вновь стал открытым вопросом всей русской жизни, всей прессы.

Герцен чутко отреагировал на это изменение атмосферы в стране и принял решение об издании за границей периодического органа под названием «Полярная звезда». Объявление об издании «Полярной звезды» было опубликовано в 1855 г. в виде листовки. Им же открывался и первый номер издания. «План наш, — писал Герцен, — чрезвычайно

прост. Мы желали бы иметь в каждой части одну общую статью (философия революции, социализм), одну историческую или статистическую статью о России или о мире славянском; разбор какого-нибудь замечательного сочинения и одну оригинальную литературную статью; далее смесь, письма, хроника и пр.» (Т. 12. С. 270).

Назвав свой периодический орган так же, как назывался альманах декабристов («Полярная звезда»), он тем самым хотел подчеркнуть преемственность с декабристами. Связь с традициями декабристов Герцен подчеркивал не только заглавием своего печатного органа, но и изображением на его обложке портретов пяти казненных революционеров и даже днем выхода первого номера. «Полярная звезда» появилась в годовщину казни декабристов.

«Полярная звезда» издавалась ежегодно. Всего с 1855 по 1862 г. вышло семь номеров «Полярной звезды».

Значение «Полярной звезды» в развитии русской общественной мысли и журналистики велико. Здесь впервые были опубликованы важные политические статьи, запрещенные стихотворения, воспоминания революционеров и другие материалы. Со страниц «Полярной звезды» звучало смелое свободное слово о самых острых вопросах русской жизни. «Полярная звезда» сделала много для политического просвещения, пробуждения политической активности, для воспитания революционного поколения, смелого, отважного, готового отдать себя целиком делу революционно-демократических преобразований. В его альманахе русские читатели впервые находили прямую открытую постановку острых социальных вопросов.

Здесь были опубликованы стихи Пушкина «Вольность», «Деревня», стихотворение Лермонтова «На смерть поэта», стихи Огарева, главы «Былого и дум», воспоминания и письма декабристов.

В первом номере «Полярной звезды» были опубликованы «Письмо к Гоголю» Белинского, статья Герцена «К нашим» и другие материалы. Вслед за вводной статьей было напечатано «Письмо к императору Александру II». В нем публицист требует как минимум двух вещей: свободы слова и освобождения крестьян с землей.

Герцен признает свою непримиримость с царем, но готов идти на компромисс: «Разумеется, моя хоругвь — не ваша, я неисправимый социалист, вы самодержавный император», но «я готов ждать, стереться, говорить о другом, лишь бы

у меня была живая надежда, что вы что-нибудь сделаете для России» (Т. 12. С. 273).

Апелляция Герцена к царю была обусловлена его положением человека, который еще не видит революционного народа и надеется на мирный исход освобождения «сверху».

Однако тут же издатель «Полярной звезды» печатает произведения, где положение вещей в стране называет безумием, клеймит рабов самодержавия и крепостничества.

Выход второго тома «Полярной звезды» вполне определил успех предприятия Герцена. Были укреплены связи с Россией, появились люди, которые захотели воспользоваться услугами Вольной русской типографии. Вторая книга «Полярной звезды» разошлась успешно, стала широко проникать в Россию. В Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, в Сибири восторженно читались произведения Герцена, отпечатанные в Вольной русской типографии. В числе столичных читателей был и молодой студент Добролюбов. Чернышевский штудировал философские материалы второй книги «Полярной звезды».

Весной 1856 г. в Лондон прибывает Н.П. Огарев — старый друг и единомышленник Герцена. Он принял немедленное участие в изданиях Герцена. Больше того, он предложил Герцену, учитывая оживление общественной жизни на родине, начать издание периодического органа, выходящего чаще «Полярной звезды». Эта мысль была подхвачена Герценом, который и предложил назвать этот орган «Колоколом».

Революционная газета **«Колокол»** начала издаваться с июля 1857 г. С момента организации и до 1861 г. она имела подзаголовок «Прибавочные листы к “Полярной звезде”». Однако с первых же номеров «Колокол» стал вполне самостоятельным изданием. Выходил он один раз в месяц, затем, с 1858 г., два раза в месяц, а иногда еженедельно, объемом не менее восьми страниц большого (альбомного) формата на тонкой прочной бумаге, отпечатанный мелкими шрифтами.

«Колокол» имел эпиграф, взятый из Шиллера: «Vivo voco!», т.е. «Зову живых!».

Открывался первый номер стихотворным предисловием Огарева, за которым шла программа «Колокола». Издание «Колокола» объяснялось желанием более оперативно откликаться на события русской жизни. Направление провозглашалось таким же, как в «Полярной звезде»: «Везде, во всем, всегда быть со стороны воли против насилия, со стороны

разума против предрассудков, со стороны науки против изуверства...» Самыми неотложными делами считались «освобождение слова от цензуры, освобождение крестьян от помещиков, освобождение податного сословия от побоев». Впрочем, добавляли издатели, «Колокол» будет *звонить*, чем бы ни был затронут — нелепым указом или глупым гонением раскольников, воровством сановников или невежеством Сената. Смешное и преступное, злонамеренное и невежественное — все идет под «Колокол» (Т. 12. С. 357—358). Такая программа помогла собрать вокруг «Колокола» все оппозиционные антикрепостнические настроенные элементы русского общества, звала всех на борьбу с крепостничеством.

В основном «Колокол» заполнялся статейным материалом. В нем впервые появились руководящие передовые статьи. Но кроме авторских статей Герцена и Огарева большое место в газете занимали злободневные и острые сообщения из России, блестяще обработанные редакцией и снабженные яркими примечаниями, комментариями. Печатались полемические статьи. Изредка помещались стихотворения. Требования к стихам в газете были очень высокими. Так, публикуя стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда», редакция замечала: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить».

В «Колоколе» была опубликована целая серия заметок под выразительным заглавием «Правда ли?» (вопросительный знак набирался в перевернутом виде). Здесь сообщались такие вопиющие факты насилия, беззакония, что разум отказывался верить в их существование. Ряд материалов печатался под рубрикой «Под спудом». В ней редакция предавала гласности то, что тщательно скрывалось от общества.

Впервые русская печать систематически и открыто стала разоблачать злодеяния царской бюрократии и крепостников-помещиков, полицейский произвол, безнаказанные убийства и насилия помещиков, хищения сановников, аморальность правящих классов. Герцен предупреждает своих добровольных корреспондентов: сообщайте только верные, проверенные факты. Как никто другой, издатель «Колокола» понимал губительность неверной информации.

Основой всесторонних обличений в газете был горячий патриотизм издателей. «Одна горячая любовь к России, одно глубокое убеждение, что наш обличительный голос полезен,

заставляет нас касаться страшных ран нашего жалкого общественного быта и их гноя. Мы крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками», — писали издатели «Колокола» (Т. 13. С. 80).

Однако «Колоколу» были присущи и либеральные тенденции. Особенно это относится к первому (1857—1861) периоду. Они выражались прежде всего в том, что издатели «Колокола» обращались с увещеваниями к царю в надежде на мирное разрешение сверху назревших вопросов общественной жизни. Обещания, данные Александром II в 1857 г. о подготовке отмены крепостного права, породили особенно сильные иллюзии Герцена. Герцен, не отрицая в принципе революционного пути преобразования страны, готов в это время согласиться и на освобождение сверху, лишь бы крестьянам была дана вместе с волей земля. В публицистической деятельности Герцена, как справедливо указывают современные исследователи, нет момента, который можно было бы охарактеризовать как проведение либеральной линии: для Герцена характерны лишь колебания от демократической позиции к либеральной. Одновременно с письмами к царю в «Колоколе» публиковались статьи, письма к редактору, где указывалось, что царь заодно с крепостниками и что надо готовиться к борьбе за освобождение от царя и помещиков. Весной 1860 г. сам Герцен уже не считает возможным далее надеяться на царя, правительство. В этих условиях русские либералы (Кавелин, Боткин, Чичерин и др.) советуют Герцену не увлекаться «крайностями», сбавить тон. Но Герцен и Огарев не вняли уговорам.

С другой стороны, либеральные настроения Герцена не могли не привести к конфликту с новым поколением русских революционеров-демократов, группировавшихся вокруг Чернышевского и Добролюбова.

В ряде статей 1859 г. «Колокол» упрекал «Современник», русских революционеров-разночинцев в излишне резких нападках на «лишних людей» из дворянского сословия, на либералов, либеральную гласность («Very dangerous!!!», «Лишние люди и желчевики»). Статьи свидетельствовали об известном отрыве Герцена от русской жизни, от нового поколения революционных демократов. Статьи Герцена могли дезориентировать часть молодежи, мешали успешному натиску на самодержавие. Такая позиция «Колокола» не могла не вызвать возражений со стороны революционно-демократического

движения. И вот в № 64 «Колокола» появилось «Письмо из провинции», подписанное «Русский человек». Текст этого письма и предисловие, предпосланное ему Герценом, весьма наглядно показывают суть разногласий двух течений революционной мысли в России.

Русский человек в очень энергичных выражениях упрекал Герцена за его «гимны» Александру II. Русский человек предупреждал, что царь Александр II заодно с помещиками, скоро покажет «никolaевские зубы», и единственный выход для России видел в революции. «К топору зовите Русь!» — восклицал в конце письма Русский человек.

Герцен проявил большое гражданское и профессиональное мужество, опубликовав письмо, но в предисловии к нему объяснил свою позицию желанием избежать насилия, противопоставил тезису «К топору зовите Русь!» лозунг «К метлам!». Тем не менее и автор «Письма из провинции», и Герцен считают друг друга достойными уважения, демократами, людьми одного направления.

С 1861 г. в содержании «Колокола» происходят существенные изменения. Издатели «Колокола» были глубоко недовольны характером крестьянской реформы 1861 г. Внимательное изучение Манифеста об освобождении крестьян показало им антинародную суть реформы. Активные выступления крестьян, недовольных «освобождением», общий подъем революционного движения в России, жестокая расправа над крестьянами и революционной интеллигенцией оказали большое влияние на руководителей «Колокола». Газета дает информацию о многочисленных случаях возмущения крестьян, печатает поименный список всех крестьян, убитых в селе Бездна. Огарев в № 101 (июнь 1861 г.) пишет в статье «Разбор нового крепостного права» о том, что «крепостное право заменено новым. Народ царем обманут».

Проклятья и негодование звучат теперь в статьях Герцена, обращенных в адрес самодержавия. Царь первый прибеж к силе, к кровавой расправе над недовольными «освобождением». Церковь осталась в стороне от народного дела. «Колокол» прямо обращается к народу, мечтает о том, чтобы быть услышанным простыми людьми. С 1861 г. в «Колоколе» печатается ряд статей-прокламаций: «Что нужно народу?», «Что надо делать войску?» и др. Герцен и Огарев дают практические советы революционерам, обращаются к революционному студенчеству с призывом включиться в революционную работу.

С конца 1861 г. «Колокол» выходит то еженедельно, то сдвоенными номерами. Герцен приветствует создание в России революционной организации «Земля и воля». «С жадностью будем мы следить каждый шаг ваш, с трепетом ждать от вас вестей, с любовью будем передавать их» (Т. 17. С. 56). С мая 1865 г. слова «земля и воля» были прибавлены к эпиграфу «Колокола» как выражение основного требования революционной демократии. Эти слова станут боевым лозунгом революционных народников и полтора десятилетия будут вдохновлять их в борьбе против самодержавия. Герцен по-новому оценивает деятельность «Современника», его роль в освободительной борьбе. Горячо защищает он сосланного правительством поэта Михайлова, с гневом пишет об аресте и ссылке Чернышевского, акте гражданской казни над ним.

Все это не могло не привести к разрыву с либералами, осуждению их позиции по ряду общественных вопросов (Кавелин, Тургенев). Один из лидеров русского либерализма Кавелин прямо оправдывал репрессии против демократии, арест Чернышевского.

Герцен все более твердо укрепляется на позициях интернационализма, горячо защищает право польского народа на самостоятельное государственное устройство, выступает за свободу других народов. Польское восстание 1863 г. против самодержавия нашло у Герцена и Огарева искреннюю поддержку. «Мы с Польшей, потому что мы за Россию... Мы хотим независимости Польши, потому что одна цепь сковывает нас», — писал Герцен в 1863 г. Выступая против приверженцев царизма, шовинистов, Герцен подчеркивал, что ружья, которые стреляют в восставших поляков, — это ружья, из которых расстреливали русских крестьян в Бездне. Герцен призывает солдат и офицеров не принимать участия в подавлении восстания, пропагандирует пример русского офицера, перешедшего на сторону восставших.

«Придет время, не “отцы”, так “дети” оценят и тех трезвых и тех честных русских, которые одни протестовали и будут протестовать против гнусного умиротворения... Память, что не вся Россия стояла в разношерстном стаде Каткова, останется», — писал Герцен в письме Тургеневу (Т. 27, кн. 2. С. 454—455).

По просьбе Герцена В. Гюго написал воззвание к русским, опубликованное в «Колоколе», в котором французский писатель призывал русских воинов не сражаться с поляками: «Перед вами в Польше не неприятель, а *пример*».

События в Польше резко размежевали русское общество. Либералы вместе с консерваторами стали плотной толпой у царского трона. Когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился, не сдался. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей.

Итак, когда Герцен увидел в 1861 г. революционный народ в России, он безбоязненно встал на сторону революции, он смело поднял, по словам В.И. Ленина, знамя революции. В этом суть пореформенной эволюции «Колокола».

Успех «Колокола» был несомненен. Революционную газету жадно читали в России, десятки людей становились корреспондентами Герцена. Разоблачительных статей и заметок «Колокола» боялись чиновники-бюрократы, помещики-крепостники, сановники-казнокрады, правящие круги империи. «Колокол» с благоговением читал Т. Шевченко, хорошо знал его актер Щепкин, поэт Курочкин, революционное студенчество Москвы и Петербурга, Киева и Казани. В провинции молодежь, переписывая материалы из «Колокола», присовокупляла к ним местные добавки.

Правительство принимало ряд мер, чтобы обезопасить пропаганду «Колокола». Оно добивалось через дипломатические каналы запрещения произведений Герцена в отдельных странах. К Герцену подсылались шпионы и осведомители, направлялись анонимные письма с угрозой физической расправы, лица, поддерживавшие отношения с Герценом, преследовались. За границей некто Шедо-Ферротти — барон Фиркс, подкупленный русским правительством, выступил с клеветническими брошюрами против Герцена. В 1862 г. Каткову было разрешено открыто полемизировать с Герценом в русской печати: скрывать деятельность Герцена было уже невозможно. Но все эти меры не приводили к нужным правительству результатам. Имя Герцена продолжало оставаться популярным в русском обществе. «Колокол» сохранял огромный авторитет.

Успех «Колокола» во многом держался на трудах Герцена, его идейной убежденности, исключительном мастерстве публициста. Многие заметки, статьи Герцена написаны в стиле свободного разговора с читателем, что создавало особую атмосферу доверия и контакта. Боевые броские заголовки, богатая образность, ирония, парадокс, ритмическая организация речи — все служило действенности герценовских статей и комментариев. Любимым жанром Герцена были письма,

но он умел написать и фельетон, и памфлет, и поэтический очерк. О друзьях по борьбе, жертвах царизма Герцен мог писать лирично, возвышенно. Причем публицист не стремился к нарочитому «оживлению» своих статей: так писалось от полноты души, от идейной убежденности в правоте своего дела.

Немалый вклад в содержание «Колокола» вносил Н.П. Огарев. Его перу принадлежат такие статьи, как «На Новый год», «Разбор нового крепостного права», «Ход судеб», «Надгробное слово». Ряд статей был им написан совместно с Герценом, Обручевым и др. Огарев писал резко, откровенно, доступно, вкладывая в свои произведения жгучую ненависть и презрение к самодержавию, эксплуататорам, защищая «волю народную», «правду человеческую», достойную жизнь для всех людей на земле.

С конца 1863 г. в условиях спада революционного движения в России несколько падает и популярность «Колокола». Вместо 2500—3000 экземпляров стало распространяться около тысячи и менее экземпляров. С 1864 г. «Колокол» вновь начинает выходить раз в месяц. Характеризуя обстановку в стране, Герцен писал: «Рев, вой, шипенье казенного свирепого патриотизма заглушает всякое человеческое слово». Но журналист не сдавался. Он писал: «Надо иметь дух» продолжать речь, «продолжать для того, чтобы не умолк последний протест, чтоб не заглохло угрызение совести, чтоб не было вдвойне стыдно потом» (Т. 18. С. 238, 239).

«Колокол» оставался революционно-демократическим органом и во второй половине 60-х годов. Больше того, в последние два-три года его существования в статьях Герцена известное место занимают вопросы, связанные с деятельностью западноевропейского пролетариата, с деятельностью I Интернационала. Особенно интересны в этом отношении «Письма к старому товарищу», написанные уже после закрытия «Колокола». Это обращение в конце жизни (Герцен умер в 1870 г.) к I Интернационалу подчеркивает чуткость русского журналиста ко всем новым фактам революционной деятельности на Западе. Но главная боль Герцена была в России: ни свободы, ни демократии в ней не осуществилось.

«Колокол» прекратился в 1868 г., хотя на русском языке он перестал «временно» издаваться в 1867 г. (1868 год «Колокол» выходил на французском языке).

Опыт и традиции «Колокола» были продолжены в бесцензурной нелегальной печати революционных народников 70-х годов.

6.

**ЖУРНАЛИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
50-х И НАЧАЛА 60-х годов**

В 1859—1861 гг. Россия пережила первую революционную ситуацию, т.е. такое время, когда революционный взрыв был вполне возможным, крестьянское восстание — весьма вероятным.

Поражение в Крымской войне, обнаружившей гнилость русского самодержавного строя, крепостнических отношений, заметно сказалось на общественной жизни и журналистике. Усилился кризис верхов. Крестьяне не хотели жить по-старому. Крестьянские волнения охватили обширные районы. Экономика требовала новых условий развития, политика нуждалась в изменениях. Правительство Александра II приняло решение об отмене крепостного права.

Подготовка крестьянской реформы выдвинула на первый план аграрный вопрос. Все общественные деятели высказывали в журналистике свою точку зрения на условия освобождения крепостных крестьян, что обострило идеологические разногласия, сделало более очевидными классовые пристрастия той или иной группы журналистов.

В 1857 г. правительство приступило к подготовке нового закона о печати, который обещал некоторое послабление журнально-газетному предпринимательству. Это привело к ослаблению цензурного режима. Стали возникать новые журналы и газеты общественно-политического, политико-экономического, отраслевого характера и назначения. Прежде всего это коснулось либеральных и либерально-консервативных изданий.

Ежемесячный журнал «Русский вестник» М.Н. Каткова был создан в 1856 г. как умеренно-либеральный, постепенский, периодический орган. В конце 50-х годов он был способен критиковать бюрократию, привлекая в журнал молодого Салтыкова-Щедрина («Губернские очерки»), а также таких писателей, как Тургенев, Л. Толстой, Плещеев и др. Как умелый журналист Катков расширил международную и внутреннюю информацию. В канун реформы 1861 г. журнал выступил за отмену крепостного права, но при безусловном

сохранении помещичьего землевладения и выкупа земли крестьянами. Однако с усилением крестьянского движения журнал, как и его вдохновитель — Катков, перешел на дворянско-монархические, шовинистические позиции. В 60-е годы он являлся самым ярым врагом «нигилизма» и всей демократической печати. Занимая охранительные позиции, Катков защищал правительственную реформу, помещичьи привилегии, православие, требовал крутых мер против демократов. Особенно эта открытая консервативность проявилась после польского восстания в 1863 г.

В 1856 г. возник журнал **«Русская беседа»** славянофила А.И. Кошелева, в котором приняли участие Константин и Иван Аксаковы, И. Киреевский, А.С. Хомяков и др. В специальном приложении «Сельское благоустройство» журнал выступал за отмену крепостного права, за выкуп, сохранение общины как консервативного начала в русской жизни, уверял читателей в возможности справедливого, разумного решения крестьянского вопроса правительством, но прежде всего заботился об интересах помещиков. Чернышевский не раз выступал с критикой его программы по аграрному вопросу.

Славянофилы плохо справлялись с организационной стороной журнального дела. Неопределенной была периодичность их издания — раз в три месяца, раз в два месяца, — менялись сотрудники, были инертны лидеры. Им не удалось собрать сколько-нибудь большой круг читателей, и в 1860 г. «Русская беседа» прекратила свое существование.

Славянофилы пробовали издавать и газеты: «Молва» (1857), «Парус» (1859). Но надзор за газетами со стороны правительства был более строгим, чем за журналами, и достаточно было К. Аксакову в № 36 «Молвы» опубликовать статью «Публика — народ», где крестьянство было противопоставлено чистой публике, как газета была запрещена. Стоило в газете «Парус» посетовать на цензуру, выступить в защиту свободы слова, как и эту газету закрыли на втором номере.

Близкую к славянофилам позицию занимал ежемесячный журнал **«Время»**, который издавали братья Федор и Михаил Достоевские в 1861—1863 гг. Здесь были опубликованы «Записки из мертвого дома», «Униженные и оскорбленные» Ф.М. Достоевского, «Житейские сцены» Плещеева, «Грех да беда на кого не живет» Островского, «Мое детство» Воронова, «Зимний вечер в бурсе» Помяловского и др. Большое место

отводилось французской уголовной хронике, мастерски обработанной в редакции; в статьях затрагивались вопросы воспитания молодежи; имелись отделы внутренних новостей и иностранных известий. Журнал был разнообразным и интересным для публики и собирал до четырех тысяч подписчиков. Ф.М. Достоевский вел критику.

Существенную роль в журнале играл критик-идеалист Н. Страхов, который с согласия издателей защищал некую особую самобытность русского народа, развивал идеи так называемого почвенничества в противовес западничеству, умозрительному западноевропейскому утопическому социализму. Журнал утверждал, что беда России не в крепостном праве (тем более что оно отменено), а в отрыве интеллигенции от народа. Он обвинял «Современник» в беспочвенности, в стремлении привить русскому народу западноевропейские болезни, и хотя «почвенники» не были однородны по своим взглядам, но их объединяло именно несогласие с революционными демократами.

Страхов особенно горячо возражал против материального улучшения жизни народа. Изменение положения масс должно идти через моральное, религиозное усовершенствование: мир нельзя исцелить ни хлебом, ни порохом, а лишь «благой вестью». Терпение русского народа истолковывалось как заслуживающая одобрения добродетель. Свою враждебность к нигилистам Страхов, по собственному признанию, старался передать и Ф.М. Достоевскому. Консервативность журнала некоторое время маскировалась выпадами против Каткова, насмешками над его страхом перед «Современником». Журнал возражал И. Аксакову, оспаривал мысли статьи «Публика — народ». Но все это не мешало нарастанию его враждебности по отношению к революционной демократии. Салтыков-Щедрин, Антонович в «Современнике» не раз выступали против непоследовательности позиции «Времени», реакционности ряда пунктов его социальной программы, отрицания необходимости борьбы.

В 1863 г. в связи с освещением в журнале причин польского восстания он был закрыт правительством. Но Ф.М. Достоевский продолжил свою издательскую деятельность, создав ежемесячник под названием «Эпоха», который выходил два года (1864—1865). Журнал «Эпоха» продолжал защищать идею почвенничества, обсуждал новую судебную реформу и активно полемизировал с демократическими журналами «Современник» и «Русское слово».

В конце 50-х годов появились откровенно монархические помещичьи органы печати, посвященные главным образом обсуждению условий отмены крепостного права, будущей реформы. К ним относится «Журнал землевладельцев» (1858—1859) и др. Подобные издания давали богатый материал Чернышевскому для критики «алчного эгоизма» большинства русских помещиков.

В числе противников революционной демократии был и либеральный журнал «Отечественные записки» Краевского. В конце 50-х годов там появились такие либеральные деятели, как Н.В. Альбертини, С.С. Громека (бывший жандармский офицер). Критику возглавлял С.С. Дудышкин. Прежде всего журнал характеризовала идейная пестрота, неустойчивость мнений. Здесь могли выступать и сторонники освобождения крестьян с землей, и защитники крепостничества. В конце концов журнал положительно оценил реформу 1861 г. Черты «молчалинства» — умеренности и аккуратности — в высшей степени характерны для издания Краевского.

«Отечественные записки» в 60-е годы неоднократно выступали против «Современника». Так, Громека — автор обличительных статей — обвинял сотрудников «Современника» в том, что они слишком резко «осмеивают всякое благородное увлечение». Альбертини принял критику европейского либерализма в статьях Чернышевского на свой счет и в Политических обозрениях пытался оспорить его мнения. Критика Дудышкина подчас была вздорной; он упрекал Чернышевского не в существе дела, а в приемах ведения полемики с Катковым, Сенковским, Юркевичем, в 1860 г. заявил, что Пушкин чужд народу.

Таким образом, круг антидемократической журналистики был достаточно широк и передовым органам печати надо было много сил и мужества, чтобы привлечь на свою сторону читателя, противопоставить влиянию либеральной и монархической прессы свои идеалы и ценности.

«Современник» в годы революционного подъема. Публицистика Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова

«Мрачное семилетие» «Современник» пережил с большими потерями. Прежде всего ощущалось отсутствие Белинского. Цензура в обстановке реакции сурово давила на журнал.

Некрасов так характеризовал обстановку в России 1849 г.:

Декабрьским террором пахнуло
На людей, переживших террор.

В журнале публиковались случайные, подчас бедные по содержанию произведения А.В. Дружинина, М.В. Авдеева, Евг. Тур. Рассказы Григоровича, Тургенева: «Четыре времени года», «Лес и степь», посвященные деревне, отличались наименьшей остротой. Критика принимала фельетонный характер. Ведущие критики А.В. Дружинин и П.В. Анненков пытаются ревизовать идеи Белинского, насаждают вкусовщину в критике, симпатизируют «чистому искусству».

Некрасов, стремясь сохранить журнал для лучших времен, шел на некоторые уступки либеральным сотрудникам, но в то же время использовал всякую возможность, чтобы поддерживать авторитет журнала. Он постоянно ищет новых помощников, привлекает в журнал Писемского, Л. Толстого, много печатает стихов Фета, Тютчева, Майкова, Щербины, Никитина и др. Сам пишет большую статью, посвященную творчеству Тютчева («Русские второстепенные поэты»).

С началом Крымской войны в 1853 г. постепенно намечается оживление в общественной жизни и журналистике, хотя цензура по-прежнему была «кнутовой» (Некрасов). Все больше печатаются Л.Н. Толстой («Севастопольские рассказы») и И.С. Тургенев («Муму» и другие рассказы), появляются главы «Фрегата "Паллада"» Гончарова.

В 1854 г. создается сатирико-юмористический отдел «Литературный ералаш», где наряду со стихами Некрасова, Панаева и других печатались первые пародии и афоризмы К. Пруткова.

Многочисленность дворянских либералов в «Современнике» заставила Н.А. Некрасова стремиться к обновлению состава сотрудников. В 1853 г. он познакомился с Н.Г. Чернышевским и в 1854 г. пригласил его сотрудничать в журнале. С приходом Чернышевского начинается новый, весьма содержательный период «Современника».

Чернышевский был непримиримым врагом крепостничества, бюрократии, политического гнета и любой эксплуатации человека.

За 8 лет его сотрудничества в «Современнике» журнал стал лучшим боевым органом революционной демократии, какого до тех пор не было в России.

Чернышевский-журналист был прежде всего мыслителем, аналитиком, блестяще владеющим диалектикой, логикой мышления. Каждый предмет, явление он умел видеть со всех сторон. Он мог лучше других понимать изменение обстановки, новые тактические задачи. Аргументация его выводов безупречна.

Внимательно вглядываясь в жизнь, обладая широким кругозором, знаниями, Чернышевский отвергал и поповскую схоластику, и либеральную половинчатость. Он никогда не упускал возможности в публицистике проанализировать все стороны проблемы, ситуации, никогда не убаюкивал себя иллюзиями, не унижался до социальной демагогии или романтических приукрашиваний действительности. Он тонко разбирался не только в идеологии, но и в психологии противников. Публицист прекрасно сознавал силу своего ума и потому мог позволить себе показать свое превосходство над противниками из либерального и консервативного лагерей. Чернышевский с тонкой иронией, а иногда с издевательским саркастическим сожалением говорит о противнике: гнев он должен был скрывать от цензуры и правительства. Лучшим свидетельством этого является статья «Полемические красоты», направленная против «Русского вестника» и «Отечественных записок».

Чернышевский не давал себе скидок, поправок в работе, писал очень много, иногда даже ночью, и всегда добивался наилучшего пропагандистского результата, разрабатывая тот или иной вопрос. Причем свои обобщения, выводы он неизменно сопоставлял с интересами широких народных масс. В случае необходимости публицист мог прибегнуть и к образу, и к аллегории, и к шутке, но всего больше ценил силу мысли и готовность делом, борьбой доказать верность передовым идеалам.

Чернышевский начал свою журналистскую деятельность в «Современнике» как литературный критик. Он как бы возродил дух Белинского и вновь вернул критике то значение, которое она имела при Белинском. Первые же статьи и рецензии Чернышевского о произведениях Авдеева, Евг. Тур и комедии А.Н. Островского «Бедность не порок» обратили на себя внимание независимостью тона, смелостью оценок состояния литературы и критики. Своими оценками Чернышевский задел и либеральных, и славянофильских критиков.

Либеральный журнал «Отечественные записки» упрекал «Современник» в резкости тона, оскорбительно величал нового критика семинаристом. Однако Некрасов поддержал Чернышевского, продолжая публиковать его рецензии и статьи.

В статье «Об искренности в критике» Чернышевский подвергает уничтожающему разбору уклончивую, осторожную критику либералов, защищает высокие принципы критики Белинского.

«Критика, достойная своего имени, пишется не для того, чтобы господин критик шеголял остроумием, не для того, чтобы доставлять критику славу водевильного куплетиста, возвеселяющего публику своими каламбурами. Остроумие, едкость, желчь, если ими владеет критик, должны служить ему орудием для достижения серьезной цели критики — развития и очищения вкуса в большинстве его читателей, должны только давать ему средство соответственным образом выражать мнение лучшей части общества»²⁷.

Несмотря на то что при поддержке Некрасова влияние Чернышевского росло, ведущие позиции в журнале все еще занимали дворянские писатели-либералы. Выход диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», направленной против дворянской эстетики, литературной практики писателей 40-х годов, обострил отношения либеральной и революционно-демократической частей редакции. Против этой работы выступили Дружинин, Тургенев, ведущий критик «Отечественных записок» Дудышкин. Тогда Чернышевский опубликовал в «Современнике» авторецензию на свою диссертацию, в которой еще раз подчеркнул основные взгляды на литературу как на учебник жизни, провозгласив тезис: «Прекрасное есть жизнь». Его выступление еще больше обострило противоречие в журнале, и в 1855 г. из журнала ушли Анненков и Дружинин. В эти годы Чернышевский вынашивал план создания истории русской литературы. Он пишет очерк русской критики под названием «Очерки гоголевского периода русской литературы», статью о творчестве Пушкина. «Очерки гоголевского периода русской литературы», которые печатались на протяжении 1855—1856 гг., должны были возратить то боевое направление, какое имел «Современник» при Белинском, возродить гоголевскую традицию в литературе, дух протеста и обличения. Чернышевский, конечно, стремился не только возродить,

²⁷ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1949. Т. 2. С. 256, 257.

отстоять идеи Белинского и Гоголя, преданные забвению в годы «мрачного семилетия», но и углубить, усилить в новых исторических условиях традиции реалистической литературы, направить ее на путь активного служения идеалам народного прогресса. Ознакомившись с номерами «Современника», где печатались «Очерки», Герцен писал: «Новости из России и не такие узнаете — да, двигается вперед. В «Современнике» говорят обо мне и о Белинском — называют меня автором «Кто виноват?». Еще запоем мы с вами «Вниз по матушке, по Москве-реке»» (Т. 26. С. 50).

В этих условиях дворянские писатели все больше теряют свои позиции. Слабеет влияние Тургенева на Некрасова, хотя писатели дворянского лагеря еще имеют возможность до 1857 г. печатать в журнале не только свои художественные произведения, но и публицистику. Некрасов даже заключил договор об исключительном сотрудничестве в «Современнике» Толстого, Тургенева, Островского и Григоровича.

В 1856 г. в истории «Современника» происходит важное событие: в журнал приходит Н.А. Добролюбов. С 1857 г. он становится постоянным сотрудником некрасовского журнала. Приход Добролюбова совпал с изменением общественной обстановки в стране в связи с окончанием Крымской войны в 1855 г. и смертью Николая I. Было ясно, что «Современник» пережил самое тяжелое время и теперь потенциальные возможности журнала могли получить новый простор.

Добролюбов пришел в журнал вполне зрелым человеком, несмотря на свою молодость. Его первая статья «Собеседник любителей русского слова» была посвящена истории русской журналистики XVIII в. Статья, излагавшая, казалось бы, узкий историко-библиографический вопрос, нанесла чувствительный удар по либерально-охранительному лагерю в русской журналистике, взглядам либералов на общественную роль печати.

Добролюбов ясно представлял свое место в прессе как представителя партии народа, о чем он недвусмысленно скажет в статье «О степени участия народности в русской литературе», в рецензии на стихи и песни Беранже.

В 1858—1859 гг. продолжает меняться состав сотрудников. Некрасову, не удается в этой обстановке сохранить договор об исключительном сотрудничестве в «Современнике» Толстого и других литераторов. Но зато в журнал приходят Салтыков-Щедрин, Решетников. В число постоянных авторов

входят публицисты М. Антонович, Н. Шелгунов, Н. Серно-Соловьевич, Е. Карнович, Г. Елисеев. Активно сотрудничают поэт М. Михайлов, очеркист Н. Успенский и др.

С 1859 г. меняется и структура издания. «Современник» превращается из журнала литературно-общественного в журнал общественно-политический и литературно-художественный. Он делится не на пять и более отделов, а на два: литературно-художественный и публицистический. Объем и значение публицистики возрастают. Впервые после журнала Карамзина «Вестник Европы» разрешено открыть отдел «Политика», создается отдел сатиры «Свисток».

В 1859 г. «Современник» занимает первое место среди других ежемесячных журналов по влиянию и тиражу (5500 экземпляров). Причем тираж в последующие годы продолжает расти. Чернышевский и Добролюбов становятся властителями дум своего поколения.

Обязанности между основными сотрудниками «Современника» распределялись в 1859 г. таким образом: за Некрасовым оставалось общее руководство журналом и отдел художественный, Чернышевский руководил отделом политики, Добролюбов — отделом критики и библиографии, Елисеев — внутренним обозрением, Михайлов и Шелгунов освещали вопросы зарубежной науки и литературы, а также женский вопрос. Панаев вел фельетон. Коллективные формы работы в журнале приходят на смену персональному журнализму.

В период подготовки правительством крестьянской реформы журнал «Современник» много внимания уделял крестьянскому вопросу. Пропаганда освобождения крестьян принимает конкретную форму обсуждения условий их выхода из-под власти помещиков, что прекрасно показывало размежевание интересов революционных демократов и либералов-западников.

Журнал прежде всего требовал участия крестьян как равной стороны в решении крестьянского вопроса и считал себя представителем именно крестьянских интересов («Материалы для решения крестьянского вопроса»).

Главными проблемами в связи с подготовкой отмены крепостного права были вопросы о земле, выкупе, гражданских правах крестьян. Как показывают материалы специальной рубрики «Устройство быта помещичьих крестьян», в вопросе о земле точка зрения публицистов «Современника» (Чернышевского, Карновича и др.) сводилась к требованию передачи

всей земли крестьянам. Говорить об этом приходилось осторожно, часто комментируя мнения других журналов, полемизируя с помещичьими изданиями («Русский вестник», «Журнал землевладельцев»). «Современник» разоблачал либерально-славянофильских и либерально-западнических публицистов, требовавших сокращения даже тех наделов, которые находились в пользовании у крестьян. Журнал настаивал на том, чтобы крестьяне получили возможно больший надел, куда вошли бы все необходимые угодья: леса, луга, водопой для скота и т.д. Постоянно проводилась мысль, что только земледельцы могут быть землевладельцами, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает.

Огромное значение приобрел вопрос о выкупе. В.И. Ленин назвал его настоящим гвоздем аграрного вопроса, при решении которого интересы крестьян и интересы помещиков великолегко размежевываются²⁵.

«Современник» проводил мысль о необоснованности какого бы то ни было выкупа, выступал за безвозмездную передачу земли крестьянам. В «Заметках о журналах» 1857 г. Чернышевский писал об отсутствии каких-либо оснований для уплаты крестьянином вознаграждения помещику при отмене крепостного права. Его любимое иносказание тех лет: «Грабитель не заслуживает ровно никакого вознаграждения за то, что отказывается от грабежа». Обоснованию права крестьян на безвозмездное получение земли посвящена статья Чернышевского «Труден ли выкуп земли?» и др. Он разоблачал уловки крепостников и либералов, которые пытались получить выкуп не только за землю, но и за личность крестьянина, получить сумму, превышающую стоимость земли, растянуть выкуп на многие годы и тем самым закабалить крестьян снова. Журнал требовал предоставления крестьянам всех гражданских прав наравне с другими сословиями, настаивал на освобождении мужика от любой зависимости от помещика.

Настойчиво выдвигая такие единственно справедливые требования, «Современник» заставлял самодержавие и его идеологов, в том числе и либералов, разоблачать себя, свои планы и политику, ибо пойти на действительное освобождение народа от крепостного ига они были не в силах. Подлинное освобождение можно было добыть только в борьбе, только революционным путем.

²⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 153.

В связи с обсуждением крестьянского вопроса много места в публицистике занял вопрос о сельской общине. Защищая сельскую общину, Чернышевский прежде всего защищал мирское пользование или владение землей. И это не нравилось его противникам из славянофильского лагеря, лагеря либералов (Чичерин, Кошелев и др.). Говоря об общине, Чернышевский, как и Герцен, отдавал дань утопическим представлениям о такой форме общественного устройства, считая, что при определенных условиях община может стать ячейкой социалистического общества. Он не видел никакого особого преимущества в русском народе, сохранившем общинное устройство, перед народами европейских стран, уже прошедшими стадию общинного развития. Но вместе с тем Чернышевский понимал и другое: существенным содержанием истории с конца XVII в. до последнего времени в Европе было обеспечение прав отдельной личности, т.е. буржуазного принципа. Однако при наличии частной собственности не достичь всеобщего благополучия: нужно установление общего коллективного производства, т.е. принципа социалистического. И нет причины в России повторять зады истории Европы, нужно, используя общину, где земля принадлежит всем, строить новые отношения, коллективистские, социалистические, преодолев самодержавную форму правления.

И снова мысль его возвращалась к земле: только в случае передачи всей земли крестьянству, не обремененному повинностями, можно надеяться на благополучный исход реформы. Но если земли мужик не получит и снова будет отягощен массой повинностей, то «лучше пропадай все дело», получится одно разорение. Чернышевский еще до 1861 г. в отличие от Герцена понимал, что царская реформа не может принести благополучия крестьянству.

Мечтая о крестьянском социализме, Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, умел влиять на все политические события эпохи в революционном духе, проводя — через препоны цензуры — идею крестьянской революции.

Действительно, в 1859 г., с нарастанием революционной ситуации, журнал переходит от разоблачения экономической несостоятельности готовящейся крепостнической реформы к пропаганде революции. Усиливается критика либералов-соглашателей. Используя политические события в Европе (во Франции, Австрии, Италии), используя литературную

критику, Чернышевский и Добролюбов глубоко выявляют природу либерализма как антинародной идеологии. В статьях «Кавеньяк», «Борьба классов во Франции...» и других Чернышевский клеймит либералов, которые, сдавая позиции реакции, предают народные интересы и теряют влияние на ход событий.

В статье «Русский человек на *gandez vous*», анализируя повесть Тургенева «Ася», Чернышевский истолковал психологию одного литературного персонажа (господина N) как психологию целого класса, общественного течения либерализма. Повесть Тургенева публиковалась в «Современнике», и Чернышевский, чтобы не оттолкнуть писателя от журнала, напечатал свою статью в журнале «Атеней» Е.Ф. Корша.

Добролюбов помещает в «Современнике» статью «Литературные мелочи прошлого года», где критикует мелкое либеральное обличительство, а затем статью «Что такое обломовщина?», в значительной степени посвященную борьбе против дворянских либералов. Добролюбов увидел за образами романа Гончарова «Обломов», как и Чернышевский за персонажами повести «Ася», признаки социально-политической характеристики эпохи. Он прямо поставил идеологию либералов в связь с крепостничеством, вскормившим их, с возможностью жить, ничего не делая, за счет крепостных Захаров и доказал, что дворянская либеральная интеллигенция не способна к борьбе за освобождение народа. «Пока не было работы в виду, можно было еще надувать... публику, можно было тщеславиться тем, что мы вот, дескать, все-таки хлопочем, ходим, говорим, рассказываем... Остановите этих людей в их шумном разглагольствии и скажите: “Вы говорите, что нехорошо то и то; что же нужно делать?”. Они не знают... Предложите им самое простое средство — они скажут: “Да, как же это так вдруг?”. Непременно скажут, потому что Обломовы иначе ответить не могут... Продолжайте разговор с ними и спросите: Что же вы намерены делать? Они вам ответят тем, чем Рудин ответил Наталье: “Что делать? Разумеется, покориться судьбе. Что же делать! Я слишком хорошо знаю, как это горько, тяжело, невыносимо, но, посудите сами...” и пр. ... Больше от них вы ничего не дождетесь, потому что на всех их лежит печать обломовщины»²⁶.

²⁶ Добролюбов И.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 336—338.

Но Добролюбову мало и этого. Он прибегает к аллегории: люди пробиваются из царства тьмы к свету. По пути вожаки забираются на дерево, чтобы рассмотреть дорогу. Там они находят плоды, насыщаются ими, бросают вниз чешуйки и не думают слезать с дерева: им там тепло и сухо. Толпа, отчаявшись в ожидании вожаков, начинает сама пробиваться к свету, простору — рубит деревья, гатит болото, бьет змей и гадов. А люди с дерева просят остановиться, ибо вместе с поваленным деревом могут упасть и они. Роль либералов, выросших на древе крепостничества, совершенно ясна. Это не единственная аллегория в статьях Добролюбова и Чернышевского того времени. Революционные демократы часто зашифровывали основные мысли, выводы своих статей в аллегориях, спасаясь таким образом от цензуры и доставляя особое удовольствие своим читателям.

Чернышевский и Добролюбов ясно видели страх либералов перед революцией и холопство перед властью имущими.

Разоблачение либерализма на страницах журнала не прекращалось и позднее. Статьи Чернышевского «Г. Чичерин как публицист» и Добролюбова «Письма из Турина», стихотворение Некрасова «Рыцарь на час», «Сатиры в прозе» Салтыкова-Щедрина и многие другие посвящены этой теме.

Добролюбов специально для борьбы с либералами в 1859 г. создал сатирический отдел журнала под названием «Свисток». Всего было подготовлено девять номеров «Свистка». В 1859 и в 1860 гг. вышло по три номера, а в 1861, 1862, 1863 гг. — по одному.

Предисловие к первому номеру «Свистка» было написано в насмешливом тоне. «...Мы свистим, — говорилось в нем, — не по злобе или негодованию, не для хулы или осмеяния, а единственно от избытка чувств, от сознания красоты и благоустройства всего существующего, от совершеннейшего довольства всем на свете... наша задача состоит в том, чтобы отвечать кротким и умильным свистом на все прекрасное, являющееся в жизни и в литературе».

«Свисток» был в полном смысле детищем Добролюбова. Подавляющая часть материалов в «Свистке» была написана им. Во всем блеске развернулся талант Добролюбова как поэта-сатирика. Используя иронию и пародию как формы эзоповской манеры письма, Добролюбов высмеивал слащавые восторги либералов успехами российского прогресса, их горячие обличения в прессе, литературе взяточников, полицейских

и дворников. Крики о гласности сеяли иллюзии о возможности мирного решения социальных проблем, исправления всех недостатков. Борьба с манией обличительства была одной из основных задач «Свистка». Обличительство проникало не только в прозу, но и в поэзию, где главным критиканом стал поэт Розенгейм. Ни на шаг не выходя за рамки правительственной идеологии, Розенгейм соединял обличительство с выпадами против демократов.

В большой рецензии Добролюбов разоблачил убожество, безвкусию и реакционность таких стихов. Но кроме критического разбора Добролюбов использовал в той же рецензии и пародию. Пародийные стихи, сделанные по модели стихов Розенгейма, были подписаны псевдонимом Конрад Лиlienшвагер. Зародившись в рецензии, образ Лиlienшвагера стал литературной маской Добролюбова в «Свистке», которая позволила остроумно и зло высмеять фигуру умеренного и аккуратного, тупого и восторженного либерального обличителя.

Добролюбов создал еще две литературные маски: одна — Апполон Капелькин, другая — Яков Хам. С помощью этих масок Добролюбов высмеивал поэтов чистого искусства и реакционеров-монархистов, их шовинизм и враждебность народу.

Наряду с произведениями Добролюбова в «Свистке» отметим удачные пародии К. Пругкова, фельетоны Некрасова, Чернышевского и Салтыкова-Щедрина. Популярность «Свистка», по свидетельству современников, была громадна. Только зvon «Колокола» был равен «Свистку» Добролюбова.

После 1859 г. статьи «Современника» становятся все резче, все отчетливее ощущается пропаганда необходимости народной революции. В 1860 г. Добролюбов, ознакомившись с внутренним обозрением, возвращает его сотруднику журнала С.Т. Славутинскому. В письме Добролюбов внушает журналисту, что нельзя видеть мир в розовом свете: «У нас другая задача, другая идея. Мы знаем... что современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни. Чтобы возбудить это воздействие... нам следует группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений... надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху, — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, чтобы он, задетый наконец за живое, вскочил с азартом и вымолвил: “Да что же, дескать, это наконец за каторга!

Лучше уж пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше!»²⁷ Активная позиция читателя — вот чего добивались публицисты в журнале «Современник».

Все сильнее звучит в журнале мысль о решительной борьбе за счастье народа, все серьезнее размышляют о революции ведущие публицисты.

Статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?», посвященная роману Тургенева «Накануне», могла быть расценена как прямая революционная прокламация. В ней Добролюбов смело утверждал, что настает время революционных действий, что дворяне не способны уничтожить крепостничество, не способны свалить то дерево, на котором выросли. Вновь прибегая к аллегории, критик поясняет свою мысль: попробуйте перевернуть ящик, если вы в нем сидите. Это трудно сделать. Дворяне и были теми людьми, которые сидели в ящике. Но человеку, который не сидит в ящике, т.е. не связан с крепостническим строем, сделать это легко: достаточно ударить по нему ногой. На примере образа Инсарова Добролюбов призывал русских революционеров смело начать борьбу с внутренними врагами, как это делает болгарин с поработителями своей родины — турками.

Тургенев был крайне недоволен такой трактовкой его произведения и покинул журнал. Это был последний представитель дворянских писателей, которые имели заметное влияние в журнале в годы «мрачного семилетия».

Глубоким анализом расстановки классовых сил в революции, духом борьбы проникнута статья Добролюбова «От Москвы до Лейпцига». В ней Добролюбов настойчиво внушал своим читателям, что у России нет иного пути к всеобщему счастью, кроме революции. Но передовые люди России, вооруженные опытом европейских революций, должны действовать тверже и решительнее, доводить дело до конца, до торжества народных идеалов и потребностей.

Борьба с крепостниками за революционные формы преобразования жизни велась и в области философии. В 1860 г. в «Современнике» была опубликована работа Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Статья защищала материалистические принципы, вскрывала классовую сущность любой философской теории, защищала партийность философии. Ее автор видел естественное обоснование

²⁷ Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1964. Т. 9. С. 408.

социализма в самой природе человека. Социализм — единственное устройство общества, которое соответствует природному стремлению человека к счастью, равенству и свободе. Идеалы социализма пропагандировались в статьях «Июльская монархия» Чернышевского, «Роберт Оуэн» Добролюбова и др.

Большое место в работах Чернышевского занимает вопрос об отношении личности к коллективу. Для мыслителя благо личности неотделимо от блага коллектива, общества. Поэтому прямой расчет, единственный разумный вывод из этого для всякой сознательной личности сводится к тому, чтобы посвятить всю свою жизнь борьбе за освобождение народных масс. Теория разумного эгоизма, которой придерживался Чернышевский, была полным отрицанием индивидуалистической морали крепостнического и буржуазного общества.

В 1859—1861 гг. в «Современнике» хорошо отражен высший этап развития русской общественной мысли. В годы революционной ситуации, как писал Чернышевский в статье «Г. Чичерин как публицист», журналист становится не регистратором событий, а пропагандистом, трибуном, борцом. Нейтральных произведений в это время в журнале нет. Все произведения — художественные, публицистические — морально оправдывают протест, зовут к борьбе, восстают против крестьянского долготерпения.

Реформу 1861 г. сотрудники «Современника» встретили резко отрицательно: они понимали ее антинародный, крепостнический характер. Царь обманул народ, и журнал всеми средствами старался сделать эту истину достоянием широких масс.

Не имея возможности открыто выразить свое отношение к реформе, «Современник» встретил ее «заговором молчания». Текст царского Манифеста от 19 февраля 1861 г. был вынесен за титульный лист журнала, т.е. как бы отделен от содержания номера, в самом мартовском номере не было ни одной статьи о реформе. Политический смысл этого молчания на фоне безудержных восторгов либеральных изданий («Голос», «Отечественные записки»), похвал «Времени» был совершенно ясен. Это была своеобразная форма протеста против грабежа и нового закабаления крестьян. А во Внутреннем обозрении третьего номера можно было прочитать такие слова: «Вы, читатель, вероятно ожидаете, что я поведу с вами речь о том, о чем трезвонят, поют, говорят теперь все

журналисты и газеты, т.е. о дарованной крестьянам свободе. Напрасно. Вы ошибаетесь в ваших ожиданиях. Мне даже обидно, что Вы так обо мне думаете...»

Неприкрашенная оценка реформы одновременно дается в ряде нелегальных, бесцензурных материалов: в прокламации Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Шелгунова «К молодому поколению», в брошюре Н. Серно-Соловьевича «Окончательное решение крестьянского вопроса».

Всеми способами, используя эзоповский язык, журнал стремился натолкнуть читателя на мысль о необходимости продолжения борьбы за подлинное освобождение.

Чернышевский последовательно развивал курс на подготовку крестьянской революции в «Письмах без адреса». Однако их публикация была цензурой запрещена. В 1861 г. Чернышевский публикует литературно-критическую статью о рассказах Н. Успенского «Не начало ли перемены?». Статья была написана одновременно с прокламацией «Барским крестьянам», призывавшей к восстанию. Чернышевский использовал очерки и рассказы Н. Успенского о крестьянстве для трезвого, критического анализа революционных возможностей народных масс. Чувство собственного достоинства рано или поздно заставит народ подняться на восстание. Каким бы забитым и покорным, темным и глупым ни казался русский народ, он способен на революционный порыв.

По ходу анализа литературных источников Чернышевский цитирует «Песнь убогого странничка» из поэмы Некрасова «Коробейники»:

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!
Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно!

Затем автор статьи спрашивает крестьянина: «А разве не можешь ты жить тепло?.. Да разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, — чего же ты смотришь?» (Т. 7. С. 874). Так в критике автор ставит вопрос о земле — один из коренных вопросов революции.

Стремясь изменить представление о русском мужике как о существе забитом и пассивном, Чернышевский прибегает

к аллегории, сравнивая народ с безропотной смирной лошастью, на которой всю жизнь возят воду. Но «ездит, ездит лошадь смирно и благоразумно и вдруг встанет на дыбы или заржет и понесет...» Так и в жизни самого смирного народа бывают минуты, когда его нельзя узнать, ибо «не может же на век хватить ему силы холодно держаться в неприятном положении». Такой порыв и есть революция, которая «в пять минут... передвинет вас (и себя, разумеется) так далеко вперед, что в целый час не продвинуться бы... мерным, тихим шагом» (Т. 7. С. 881—882). Чтобы подкрепить у читателя мысль о том, что речь идет о социальном поведении людей, Чернышевский призывает вспомнить освободительный порыв народа во время Отечественной войны 1812 года.

Реакционная журналистика уже с момента подготовки реформы полемизировала с «Современником», защищая интересы помещиков. С начала 1861 г. начинается особенно резкая полемика с «Современником» таких журналов, как «Русский вестник» Каткова и «Отечественные записки» Краевского. Цель Каткова заключалась в том, чтобы расшифровать политическую линию Чернышевского, «Современника», вызвать недоверие правительства к журналу демократии и подтолкнуть к расправе с ним и его ведущими сотрудниками. Катков дошел до того, что публично признался в своей полицейской роли в журналистике.

Чернышевский отвечал своим противникам статьей «Полемические красоты», которая с неумолимой логикой доказала консерватизм как «Русского вестника», так и либеральных «Отечественных записок». Моральная победа оставалась на стороне Чернышевского. Тогда в защиту официальной идеологии выступило высшее духовенство. Митрополит Филарет обеспокоенно доносил, что идеи «противохристианские», «противунравственные» и «противуправительственные» особенно распространяются в литературе, в «Современнике» и проникают до низших слоев общества. Восстания крестьян, недовольных реформой, распространение «Колокола», революционных прокламаций в 1861—1862 гг. («Великоросс», «К молодому поколению», «Молодая Россия») серьезно пугали правящие классы, и, совершив ряд провокаций, правительство перешло в наступление на лагерь революционной демократии. В 1862 г. были закрыты воскресные школы, приостановлены на шесть месяцев передовые журналы «Современник» и «Русское слово», арестован ряд лиц, принадлежавших революционной

организации «Земля и воля». В числе арестованных оказался и Чернышевский.

Такими мерами правительство надеялось покончить с революционно-демократическими изданиями. Однако это не удалось. Некрасов, оставшись один (Добролюбов умер в конце 1861 г., Панаев — в начале 1862 г.), сумел оправиться от удара и продолжал издание журнала в 1863 г. Еще три года журнал с успехом вел демократическую пропаганду. Но революционная волна пошла на убыль. Крестьянские бунты, не освещенные сознанием, энтузиазм разночинцев не могли привести к победе над самодержавием, тем более к победе социализма, о чем мечтали лучшие люди того времени. Реформа явилась отдушиной для ряда острых социальных противоречий. Нужно было работать дальше, работать над революционной теорией, над воспитанием масс в духе революции, искать новых союзников.

Журнал «Русское слово».

Публицистика Д.И. Писарева

В 60-е годы наряду с «Современником» издавался журнал **«Русское слово»**, отражавший идеологию разночинной демократии. Это был второй по значению после «Современника» прогрессивный революционно-демократический журнал. Он начал издаваться в Петербурге в 1859 г. Его издателем первоначально был граф Г.А. Кушелев-Безбородко, барин, дилетант в литературе, любитель игры в шахматы. Последнее обстоятельство вызвало к жизни приложение к журналу «Шахматный листок», который явился прообразом спортивного журнала в России. Редактором журнала был приглашен Я. Полонский, ведущим критиком — Ап. Григорьев. Журнал издавался как «Учено-литературный» небольшим тиражом в 1200 экземпляров.

«Русское слово» стремилось быть разносторонним изданием, имело отделы науки и художественной литературы, критики и библиографии, обозрение общественной жизни и некоторые другие отделы. Направление журнала было умеренно-либеральным, круг сотрудников — пестрым: Михайлов и Де-Пуле, Островский и Фет, Розенгейм и Менделеев, Шелгунов и Майков. Внутренние противоречия подрывали авторитет журнала. В этих условиях Полонский оставляет пост редактора.

Для руководства изданием Кушелев-Безбородко сначала приглашает журналиста Хмельницкого, при котором уходит из «Русского слова» Ап. Григорьев, а затем Г.Е. Благосветлова. С приходом Благосветлова (июль 1860 г.) журнал существенно меняет свое лицо, приобретает вес и значение, какого не имел до сих пор.

Благосветлов являлся типичным представителем разночинской интеллигенции 60-х годов. Выходец из духовного сословия, заподозренный после окончания университета в неблагоданности и лишенный возможности заниматься педагогической деятельностью, он покинул Россию, живя некоторое время у Герцена в Лондоне, а затем продолжил образование в Париже. Там его и застает предложение Кушелева-Безбородко принять на себя фактическое руководство журналом «Русское слово». С возвращением Благосветлова в Петербург либеральная линия в «Русском слове» начинает постепенно вытесняться демократической. В журнале активизируется деятельность самого Благосветлова, Шелгунова, Михайлова. В него были приглашены Д.И. Писарев, Н.В. Соколов, Д.Д. Минаев, П.Л. Лавров, А.П. Щапов, французский публицист Эли Реклю.

Накануне реформы 1861 г. издание приобретает явный антикрепостнический характер. Устанавливается идейное единство большинства в нем печатающихся материалов. На его страницах обсуждаются проблемы революции, раздается критика в адрес дворянских либералов-«постепеновцев», ведется защита «энтузиастов». Журнал критикует итальянских либералов: Кавура и даже вождя итальянского освободительного движения Гарибальди за уступки монархии. «Русское слово» много пишет об экономической отсталости России, в нем ведется пропаганда идеи правильного распределения продуктов труда между членами общества, передачи земли тем, кто ее обрабатывает. Ведется защита материализма и естествознания, пропаганда научных открытий и достижений. Широко представлена проблема женской эмансипации, печатаются атеистические произведения.

В 1861 г. в «Русском слове» была дана трезвая оценка крестьянской реформы. В № 5 публикуется подробная информация о фактах сопротивления крестьян введению реформы, сообщение о Бездненском восстании; в следующем номере четырнадцать страниц посвящено обзору выступлений крестьян в разных губерниях, фактов применения силы для подавления недовольства крестьян правительством.

Сразу же после реформы журнал говорит о возможности капиталистического развития страны, об использовании свободных капиталов для организации фабрик и т.д.

Главная сила журнала в это время — его публицистика. «Русское слово», как и «Современник», становится прежде всего публицистическим журналом. Статьи по философии, истории, экономике, литературе определяли содержание и характер издания. Публицистика, литературная критика носили руководящий, а не иллюстративный характер. Особенно успешно в публицистическом отделе работал Д.И. Писарев.

Писарев вступил в журналистику в годы революционной ситуации, в годы острой идеологической и политической борьбы между революционерами-демократами, с одной стороны, и консерваторами, либералами — с другой. Свой выбор в этой борьбе Писарев сделал в одной из первых больших статей «Схоластика XIX века». Симпатии публициста уже в первой части статьи на стороне демократических журналистов. Однако полемика, которая ведется между двумя лагерями, кажется ему еще несущественной, мелкой, непонятной читателю, уводящей от действительности. В статье больше скрытой иронии, чем прямой насмешки или издевки над либерально-консервативной прессой. Писареву кажется, что вся журналистика может найти себе общее дело. Полемику между демократической и либерально-консервативной журналистикой он называет схоластикой.

Однако в обстановке все возрастающей борьбы 60-х годов Писарев должен был занять более определенное положение и уже во второй половине статьи «Схоластика XIX века», появившейся через несколько месяцев после первой, он целиком становится на сторону «Современника», на сторону Чернышевского, и теперь уже схоластикой называет идеи и мнения только либерально-консервативной прессы. Он умышленно сохраняет старое название у почти новой статьи, чтобы оградить себя от упреков в противоречиях. Дело здесь в развитии, эволюции его взглядов, а не в противоречии.

Во второй части статьи Писарев дает волю своему темпераменту полемиста. Он ставит себя в один ряд с Чернышевским и говорит о нем как о друге и единомышленнике, громит либеральные «Отечественные записки», называя их притонем современной схоластики, тупого педантизма. Выпады «Отечественных записок» против «Современника» он характеризует как крестовый поход политической умеренности,

наглого невежества против прогресса, высмеивает позиции его сотрудников. «Спора вы требуете, а смеха боитесь, — говорит Писарев. — Вот смехом-то мы вас и доконаем»²⁸.

В следующей большой статье «Московские мыслители» Писарев критикует другого противника русской революционной демократии — журнал «Русский вестник».

Итак, Писарев определил совершенно точно свое место в идейной борьбе, в журналистике. В уже названных и других статьях он выступает защитником «голодных и раздетых», за полную свободу человеческой личности, скованной в условиях феодально-крепостнического государства. Публицист горячо пропагандирует идею отрицания старого строя и уклада жизни. Он сторонник самых решительных действий: «Бей направо и налево», «Что можно разбить, то и нужно разбивать», «От этого вреда не будет!» Но чтобы действовать, надо освободить человека от понятий, предрассудков, порожденных длительным господством крепостничества, самодержавия. Писарев ставит своей целью расшатать официальную идеологию, рутинное мировоззрение, помочь читателям трезво глядеть на жизнь вообще и русскую жизнь в частности. На это направлена вся его дальнейшая публицистическая и литературно-критическая деятельность.

В 60-е годы Писарев выступает как талантливый литературный критик, следующий принципам критики Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Он прежде всего связывает вопросы литературного развития с общественно-политическими проблемами, жизнью.

Писарев пишет ряд статей о творчестве Писемского, Гончарова, Тургенева. Одной из лучших его работ является критическая статья «Базаров». Писарев дал высокую оценку роману Тургенева «Отцы и дети», особенно образу Базарова. В нем критик увидел верное изображение передового человека своего времени.

Следует подчеркнуть, что, защищая образ Базарова как тип, отвергая в нем некоторые негативные черты, навязанные Тургеневым, Писарев вовсе не мыслил ограничивать его деятельность наукой, медициной. Для него Базаров — потенциальный деятель революции. «Из Базаровых при известных обстоятельствах вырабатываются великие исторические деятели, — писал он, — такие люди долго остаются молодыми,

²⁸ Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 138.

сильными и годными на всякую работу; они не вдаются в односторонность, не привязываются к теории, не прирастают к специальным занятиям: они всегда готовы променять одну сферу деятельности на другую, более широкую и более занимательную... Базаров — человек жизни, человек дела, но возьмется он за дело только тогда, когда увидит возможность действовать не машинально. Его не подкупят обманчивые формы; внешние усовершенствования не победят его упорного скептицизма; он не примет случайной оттепели за наступление весны и проведет всю жизнь в своей лаборатории, если в сознании нашего общества не произойдет существенных изменений. Если же в сознании, а следовательно, и в жизни общества произойдут желаемые изменения, тогда люди, подобные Базарову, окажутся готовыми, потому что постоянный труд мысли не даст им залениться, залежаться и заржаветь, а постоянно бодрствующий скептицизм не позволит им сделаться фанатиком специальности или вялым последователем односторонней доктрины. Кто решится отгадывать будущее и бросать на ветер гипотезы?»²⁹

В других статьях Писарев продолжал начатую Добролюбовым критику темного царства, уродливых семейных отношений в дворянской и мещанской среде, разоблачал неспособность к полезному труду так называемых лишних людей.

Писарев признавал необходимость революционного переустройства, но сомневался в готовности народа к активным действиям. Сходясь с Чернышевским и Добролюбовым в общей программе отрицания старого, он, однако, несколько осторожнее относился к возможности крестьянской революции в России. «А Базаровым все-таки плохо живется на свете, хоть они припевают и посвистывают... Страдать они не умеют, ныть не станут, а подчас чувствуют только, что пусто, скучно, бесцветно и бессмысленно. А что же делать? Ведь не заражать же себя умышленно, чтобы иметь удовольствие умирать красиво и спокойно? Нет! Что же делать? Жить, пока живется, есть сухой хлеб... вообще не мечтать об апельсиновых деревьях и пальмах, когда под ногами снеговые сугробы и холодные тундры»³⁰.

Тем не менее Писарев вел неустанную критику крепостничества, самодержавия. Он пишет статью «Пчелы», которая

²⁹ Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 44—45.

³⁰ Там же. С. 50.

не была пропущена цензурой в печать. В ней публицист рисует иерархическое общество, которое всей своей тяжестью давит на нижний слой трудящихся, и намекает, что долго-терпению тружеников может прийти конец. Еще более резко намерен был Писарев осудить самодержавие в специальной работе, посвященной продажному писателю — барону Фирксу (Шедо-Ферроти), по заданию русского правительства выступившему с клеветой на Герцена. Эта работа была написана в 1862 г. и предназначалась для печати в тайной типографии, но рукопись была захвачена при обыске типографии, а Писарев арестован и заключен в Петропавловскую крепость, где пробыл 4 года.

В этом сочинении Писарев особенно горячо протестует против произвола царизма, кровавых расправ над инакомыслящими, недовольными. Имея в виду расправу над Чернышевским и другими деятелями освободительного движения, Писарев призывает к свержению дома Романовых. Он прямо говорит, что примирения с правительством нет, что «династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти.

То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы»³¹.

В 1860—1862 гг. Писареву принадлежит в журнале «Русское слово» несколько статей философского и естественно-научного содержания.

Уже в это время складываются основные особенности стиля Писарева-публициста. Его характеризуют смелость мысли, дерзость нападок, категоричность, определенность суждений, за которыми стоят убеждение, покоряющая логика, афористичность выражений, едкая ирония и полные ума парадоксы.

Парадоксальность была одной из основных черт публицистики Писарева. Он часто выдвигает положение, которое на первый взгляд кажется странным, противоречит привычным понятиям. Это возбуждает интерес к его статье, его мнению. Затем критик развивает свои аргументы и показывает, что за парадоксальностью укрывается свежий и, главное, справедливый взгляд на вещи, события, высвечивающий явления с той стороны, с которой к ним еще не подходили, с которой их не рассматривали.

³¹ Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 126.

Положение «Русского слова» к середине 1862 г. в силу его демократического направления осложнилось, цензура все строже относилась к статьям журнала.

Летом 1862 г. правительство перешло к политике реакции. Крестьянские восстания начали затихать. Революционная ситуация не переросла в революцию, хотя многие передовые люди того времени еще не теряли надежды на более решительное, революционное выступление крестьян против самодержавия.

Волна арестов коснулась не только «Современника», но и редакции «Русского слова». Шелгунов, Благодетель и некоторые другие сотрудники были арестованы на разные сроки, а журнал за свое направление, как и «Современник», был приостановлен на шесть месяцев. Правительство надеялось, что оба журнала после длительной приостановки не возобновятся.

Однако по истечении восьми месяцев после приостановки «Современника» Некрасов возобновил издание. Более того, журнал сохранил прежнее направление. Благодетель, выйдя из крепости, возобновил издание «Русского слова».

В «Современнике» произошла перестановка сил. Во главе журнала стояли Некрасов, Елисеев и Пыпин, двоюродный брат Чернышевского. Критический отдел принял Антонович.

В феврале 1863 г. вышел первый (сдвоенный) номер «Современника». Журнал открывался статьей сотрудника журнала П. Якушкина «Велик бог земли русской!», в которой реформа 1861 г. была изображена как издевка над ожиданиями крестьян, как ряд курьезов: «Какая такая воля пришла, об такой воле никто и не слыхивал... Хуже всякой неволи!»

Активную позицию в журнале занимает М.Е. Салтыков-Щедрин. В обзоре «Наша общественная жизнь» он иносказательно, рассуждая о посте и покаянии, объясняет намерения возобновленного журнала. Ненавистью к крепостничеству проникнуты его рассказы «Деревенская тишь», «Миша и Ваня».

В номере печатается последняя сцена из трагедии Эсхила «Скованный Прометей» в переводе Михайлова, которая напоминала о трагической судьбе Чернышевского. Две статьи были посвящены положению прессы в Австрии и в русской провинции.

Статья Антоновича «Литературный кризис» носила программный характер. Ее автор констатирует окончательное оподление либералов, которые повернули в сторону правительства и вместе с Катковым напали на нигилистов. «Два

элемента, прежде соединяющиеся по недоразумению, теперь отделились один от другого; и прекрасно, их никто не будет смешивать, и они сами не будут стеснять друг друга совместным жите́льством». Так были охарактеризованы отношения либералов и демократов.

В третьем номере «Современника» начал печататься роман Чернышевского «Что делать?»

Таким образом, возобновленный журнал никак не мог порадовать правительство, цензуру. Он остался демократическим.

Некрасов уделяет большое внимание отделу художественной литературы. Он печатает свою поэму «Мороз, Красный нос» и стихотворение «Железная дорога», «Помпадуры и помпадурши» Салтыкова-Щедрина, «Нравы Растеряевой улицы» Г. Успенского, «Трудное время» В.А. Слепцова, «Подлиповцы» Ф.М. Решетникова, «Очерки бursы» Н.Г. Помяловского. Остро ставится вопрос о воспитании молодого поколения, отмены телесных наказаний для детей. «Современник» ведет полемику с Катковым, с журналом братьев Достоевских «Время». Одновременно ему пришлось вступить в полемику с журналом «Русское слово» («раскол в нигилистах»), оразившую идейный кризис революционно-демократического движения.

Журнал «Русское слово», так же как и «Современник», возобновился по окончании срока приостановки его правительством. Причем он не только сохранил свое прежнее демократическое направление, но сделался еще более ярким и решительным в своем демократизме, несмотря на тяжелые цензурные условия. Кушелев-Безбородко, напуганный переходом правительства к репрессиям, оставил журнал, передав целиком право на его издание Благосветлову. Активизируется роль Шелгунова. В 1863—1865 гг. он печатает здесь ряд путевых очерков о Сибири, в которых прослеживает влияние реформ на Сибирь. Активно работает до 1864 г. Минаев как фельетонист и пародист. Он критикует поэтов «чистого искусства», реакционную прессу, повседневный уклад столичной жизни. Маска «темного человека» — так он подписывал свои фельетоны — помогала обходить цензуру.

С 1863 г. в «Русском слове» печатается молодой критик В.А. Зайцев, с 1865 г. отдел библиографии возглавил П.Н. Ткачев, успешно вел иностранную хронику Эли Реклю.

Но ведущую роль в журнале по-прежнему играл Писарев. Его матери удалось добиться для него разрешения писать

статьи в журнал, находясь в крепости. Двойная цензура заставила Писарева перейти почти исключительно на статьи литературно-критического и научного характера, но и в этом жанре он сумел остаться ярким, неповторимым публицистом.

Писарев очень хорошо чувствовал изменение обстановки после 1862 г. и прилагал много сил для выработки новой тактики и поисков революционной теории. В условиях спада революционного движения, при отсутствии пролетариата теоретические и тактические искания Писарева были особенно трудными. Писарев делал ошибки, но в своем стремлении идти дальше, не останавливаясь на достигнутом пользовался любовью читателей-демократов.

Оставаясь принципиальным сторонником революции, Писарев пытался в новых условиях найти реальное дело для молодого поколения, чтобы в нужный момент молодежь не оказалась в стороне от революции, чтобы разочарование не овладело ею. Из этого становится ясно его переосмысление образа Катерины в драме Островского «Гроза». Если Добролюбов назвал Катерину лучом света в темном царстве, то Писарев другого мнения о забитой русской женщине. Он утверждает, что нельзя рассчитывать на инстинктивный порыв масс (крестьян); только сознательный, развитый человек сможет успешно бороться с самодержавием. Он призывает просветить Катерину («Мотивы русской драмы»).

Писарев пишет статью под названием «Реалисты». В ней он утверждает теорию экономии умственных сил, серьезную подготовку к преобразованию общественных отношений. Писарев видит два пути общественных преобразований: механический и химический. Первый — это путь революционного переворота. Он сейчас не стоит в повестке дня. Второй — химический — есть не что иное, как переустройство общества при помощи знаний. В силу характера капиталистического производства, утверждает Писарев, машина поработает, подавляет незнающего человека. Отсюда задача — увеличить число мыслящих людей, сделать детей филистеров реалистами, прогрессивно мыслящими людьми. Они могут пойти и механическим путем преобразований, но могут пойти и мирным, химическим путем, изменяя действительность и направление мыслей самих руководителей.

В.И. Ленин в книге «Что делать?» писал: «Всякий вопрос „вертится в заколдованном кругу“, ибо вся политическая жизнь есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев.

Все искусство политика в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звеньшко... которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звеньшка обладание всей цепью»³².

Для Писарева таким звеном были знания: другого звена действительность не предоставляла. Отсюда его вывод: научные знания — это лекарство, которое надо принимать сороковыми бочками. Усилить в стране запрос на умственную деятельность равносильно для Писарева увеличению числа мыслящих людей. Точка зрения его такова, что знания могут сделать прогрессистом даже капиталиста. Но это уже издержки строгой логики рассуждений публициста.

В «Очерках по истории труда», написанных в это же время, Писарев пишет: «История показывает нам, что приобретает и удерживает господство в обществе именно тот класс или круг людей, который владеет наибольшим количеством развитых умственных сил. Преобладанию аристократии во Франции пришел конец, когда перевес ума, таланта и образования оказался в рядах достаточной буржуазии, а преобладанию буржуазии, — предсказывает он, — также придет конец тогда, когда тот же перевес перейдет в руки трудящегося пролетариата»³³.

Писарев не догматик. Свою теорию экономии умственных сил он не считает единственной и окончательной. Такой она вышла из-под его пера в особых условиях 1863 г. В целом она спланивала передовое русское общество, позволяла бороться с силами, не поддаваться растерянности, давала перспективу. Но он не рассматривает ее как окончательный рецепт для достижения всеобщего счастья. Это видно из его работы «Очерки по истории труда»: «Мы уважаем труд, но этого мало. Надо, чтобы труд был приятен, чтобы результаты его были обильны, чтобы они доставались самому труженику и чтобы физический труд уживался постоянно с обширным умственным развитием. Пока это не будет сделано, всякая цивилизация будет находиться в неустойчивом положении перевернутой пирамиды. А как же это сделать?» — спрашивает Писарев и честно отвечает: «Не знаю. Рецептов предлагаю много, но до сих пор ни одно универсальное лекарство не приложено

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 164.

³³ Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 329.

к болезням действительной жизни»³⁴. И прав был Шелгунов, когда утверждал, что Писарев «нигде не навязывает своих взглядов, не дает... катехезиса, не предписывает... заповедей. Он хочет действовать как фермент, шевеля и расшевеливая мысль и возбуждая ее на самостоятельную работу»³⁵.

Писарев хорошо понимает, что люди, подготовленные по его программе, как и Базаров, всегда примкнут к революции, мирной или насильственной, когда настанет ее время.

Но скоро, когда общество несколько оживится после двух лет реакции, в 1865 г. Писарев в статьях «Мыслящий пролетариат», «Генрих Гейне» и других поставит снова вопрос о революции, о том, что вопрос «о голодных и раздетых людях» решат только сами голодные, «сами пролетарии, сами работники» (*Русское слово*, 1865. № 11. С. 222).

Таков был журнал «Русское слово», когда ему пришлось вступить в полемику с «Современником».

В обстановке реакции, спада общественного движения в обоих журналах стали раздаваться взаимные упреки в понижении тона, в недостаточно активном следовании журналистике 60-х годов, времени подъема, хотя некоторые разногласия встречались уже и ранее, например по поводу оценки романа Тургенева «Отцы и дети». Устами Антоновича «Современник» дал резко отрицательную оценку всему роману и образу Базарова в частности. «Русское слово», как мы уже знаем, высоко оценило и образ Базарова, и весь роман Тургенева. Poleмика принимала подчас резкий и даже грубый характер, что было явно на радость врагам. Она вобрала в себя много других вопросов (отношение к искусству, эстетике, оценка сатиры Салтыкова-Щедрина). Но полемика лишняя раз подтвердила, что оба журнала являются демократическими изданиями и только сами участники спора в пылу борьбы не уяснили себе этого сразу. Ведь даже по-разному отнесясь к образу Базарова, они бились из-за одного и того же: «Современник» защищал образ революционера-разночинца в жизни от наветов дворянского писателя, а «Русское слово» поднимало на щит образ того же разночинца, используя роман Тургенева как повод для разговора.

³⁴ Там же. С. 330.

³⁵ Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания: В 2 т. М., 1967. Т. I. С. 217—218.

Полемика длилась два года. Писарев вел ее более остроумно, убежденно, логически обоснованно, иногда парадоксально, но поэтому более интересно для читателя. Многие «ошибки» Писарева были просто-напросто полемическими перегибами, парадоксами, за которыми скрывалась истина.

Критик хорошо чувствует родной язык, умеет отбирать из огромного арсенала народной речи нужные слова и выражения. Его письменная речь часто похожа на непосредственное речевое общение. Оборвать речь невозможно, вставить слово нельзя. Аргумент за аргументом обрушиваются на противника, на читателя.

Полемика, сложность общественной обстановки, усиление факторов капиталистического развития, цензурные преследования привели в 1865—1866 гг. к кризисным явлениям в обоих журналах. Из «Русского слова» в 1865 г. ушли Соколов, Зайцев, Писарев, недовольные редактором. Из состава «Современника» в 1865 г. вышел Салтыков-Щедрин, а конфликт Некрасова с Антоновичем и Жуковским проявился позднее, в 1868 г.

Неудавшееся покушение в 1866 г. Каракозова на царя Александра II как бы подвело черту под целым периодом в русской журналистике. Царизм, напуганный этим актом, решил расправиться с журналами революционной демократии. В 1866 г. журналы «Современник» и «Русское слово» по докладу министра внутренних дел и личному распоряжению царя были закрыты.

Газеты 60-х годов

В конце 50-х годов газет в стране было мало. Они явно уступали первенство в формировании общественного мнения, общественного сознания ежемесячникам. Правда, после окончания Крымской войны газетная печать несколько оживилась. Столичные газеты получили возможность обсуждать вопросы внешней и внутренней политики. Появились новые газеты на базе частного предпринимательства. Но подобные издания в это время были, как правило, недолговечны — «Промышленный листок» (1858—1859), «Листок для всех» (1858), «Русский дневник» (1859), «Парус» (1859). Ежедневные издания часто меняют названия, сливаются, их положение остается неустойчивым.

В конце 50-х годов заканчивается формирование сети губернских ведомостей — официальных газет, подчиненных канцеляриям губернаторов. В 1857 г. были созданы Иркутские, Енисейские, Томские и Тюменские губернские ведомости.

К концу 50-х годов борьба с натуральной школой, демократической литературой и журналистикой, казенный характер иностранной информации привели к полному падению «Северной пчелы». На первое место среди столичных газет выходят **«Санкт-Петербургские ведомости»**.

Значительный толчок развитию газетного дела в стране дали реформы 60-х годов. Процесс капитализации втягивал в общественную жизнь все новые и новые массы людей, нуждающихся в оперативной информации о различных сторонах внутренней и международной жизни. В этих условиях укрепляется положение частных газет.

Из еженедельника, издававшегося с 1856 г., в 1861 г. образовалась массовая газета **«Сын Отечества»** А.В. Старчевского, тиражи которой превосходили в 60-е годы все другие газеты.

В 1861 г. банкир Трубников основал умеренно-либеральную газету **«Биржевые ведомости»**, при которой позже, в 1865 г., стала издаваться первая в стране **«Вечерняя газета»**. В 1862 г. возникла газета **«Голос»** Краевского; «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» с 1863 г. стали издаваться как частные издания, находясь в аренде у Корша и Каткова.

В начале 1863 г. с газет были сняты ограничения в отношении публикации частных объявлений, коммерческой рекламы, что привело к материальному укреплению изданий. Все общеполитические газеты печатали правительственную хронику, обзоры иностранных и внутренних событий, телеграммы, рассказы, происшествия, судебные отчеты, коммерческие материалы, объявления. В начале 60-х годов впервые появляются передовые статьи, обычно еще без заглавия.

В 60-е годы несколько десятков газет издаются на частные средства в провинции: «Черниговский листок», «Волга» (Астрахань), «Воронежский листок», «Киевский курьер», «Киевлянин», «Сибирский вестник» (Иркутск) и др. Тифлис, Одесса, Саратов, Казань также успешно справлялись с изданием газет. В 1860—1862 гг. в Сибири выходила газета «Амур», в которой участвовали ссыльные М.В. Петрашевский, М.М. Бакунин, Д.И. Завалишин.

Пореформенные годы вызвали к жизни газеты, рассчитанные на читателя из народа — крестьян, ремесленников, прислугу, мелких служащих. С 1863 г. появляются так называемые народные, ремесленные газеты. Одни из них издавались ради элементарного просвещения масс, другие — для проведения в различные группы населения правительственных начал, третьи — в чисто коммерческих целях, спекулируя на повышенном интересе широкой публики к печатному слову, знаниям.

В Петербурге в 1863 г. стал выходить «Воскресный досуг» — газета, рассчитанная на грамотное простонародье и мелкую разночинную интеллигенцию. «Воскресный досуг» издавался еженедельно на 16 страницах большого формата с иллюстрациями. В газете печатались хроника жизни двора, правительственные распоряжения, статьи о том, как жили люди в старину, что делается в других государствах и пр. Хотя редакция и хотела, чтобы издание распространялось среди простого народа (об этом красноречиво говорит заглавная виньетка: у входа в лавку народ окружил мальчика, читающего газету), покупателями ее были в основном сельские учителя и низшее духовенство. В газете совершенно определенно проповедовались охранительные начала.

В том же году стала издаваться газета «Мирское слово», цена одного номера которой составляла 5 коп. Продажа отдельными номерами должна была обеспечить ее сбыт в народе.

Для всех подобных изданий характерно подделывание под народный язык, стиль. Читались они главным образом городскими массами: ремесленниками, торговцами, мелкими чиновниками, учителями, реже становились достоянием слушателей из фабричных рабочих и крестьян.

Прогрессивные публицисты пытались использовать легальные газеты в целях демократической пропаганды, но безуспешно. Так, например, в 1863 г. умеренный консерватор А. Очкин оказался издателем ежедневной газеты «Очерки», принявшей неожиданно для него прогрессивный демократический оттенок. Это объяснялось тем, что соредактором «Очерков» оказался сотрудник «Современника» Г. Елисеев. Елисеев пригласил в газету Антоновича, Шапова, Гайдебурова, М. Вовчек, Левитова, Помяловского. Испугавшись такого оборота дела, Очкин прекратил издание «Очерков» на 94-м номере, не поставив даже в известность Елисеева о своем решении.

В 1865 г. газета «Народная летопись» оказалась в руках другого сотрудника «Современника» — Ю. Жуковского. Она была закрыта на 12-м номере.

Особенно заметно развивается газетное дело после 1865 г. в связи с введением новых цензурных правил, облегчавших издание столичных (Петербург, Москва) газет. С 1866 г. наблюдается значительное увеличение розничной продажи газет, растут тиражи, особенно общеполитических столичных газет. Тираж «Московских ведомостей», например, доходил до 12—14 тыс. экземпляров. Газета «Голос» имела в 1865 г. 4947 подписчиков. Делаются первые попытки создания органа газетной информации — Российского телеграфного агентства (1866).

Однако все газеты по направлению оставались либо консервативно-монархическими, либо либерально-буржуазными. Правительство, как и раньше, решительно препятствовало созданию прогрессивных, демократических газет.

Сатирическая печать 60-х годов

Время общественного подъема конца 50-х годов ознаменовалось наряду с увеличением газетной печати изданием ряда сатирических и юмористических еженедельников. Сатира постоянно играла большую роль в русской литературе и журналистике. В годы реакции она не давала замолкнуть голосу протеста против самодержавия и господствующих классов; в годы общественного подъема сатира остро говорила о недостатках, поддерживая ростки нового, клеймя все отжившее и консервативное. Форма сатирического иносказания маскирует явную критику и тем облегчает проведение через рогатки цензуры прогрессивных революционных взглядов. Вместе с тем сатира делает противника смешным, доставляет читателю особое удовольствие, осмеивая порок. «Смех часто бывает великим посредником в деле отличения истины от лжи», — говорил Белинский (Т. 10. С. 232).

Расцвет подлинной сатиры падает, как правило, на годы общественного подъема. Так было в конце 50-х, начале 60-х годов, так было в годы первой русской революции 1905 г.

Конечно, и в эти периоды оставались издания, которые обращались к сатире отнюдь не ради защиты интересов прогресса. Они лишь спекулировали на тяге читателя к острому слову, подменяя сатиру пустым смехачеством, пользуясь послаблением цензуры, растерянностью правительств.

Задачи истинной сатиры совпадают с задачами положительного изображения жизни и опираются на социальный и нравственный идеал народа. Салтыков-Щедрин утверждал, что лишь та сатира плодотворна, которая стоит на почве народной.

Первой попыткой издавать сатирический, а точнее сказать, юмористический журнал в 1858—1859 гг. надо считать издание книготорговцем Плюшаром журнала с названием **«Весельчак»**. Этот еженедельник был направлен на отвлечение читателей от жгучих вопросов современности. Он носил пошловатый, обывательский характер. В качестве главного сотрудника был приглашен старик Сенковский, избравший на сей раз псевдоним «Хохотенко-Хлопотунов-Пустяковский». Он жаловался в «частном письме к почтеннейшей публике», как трудно найти трех-четырёх писателей, «отлично смысленных в глупости», мастеров «выдумать важную глупость» для того, чтобы успешно вести журнал.

Программа журнала была сформулирована следующим образом: «Земля наша широка и обильна, но смеху в ней нет... Приходите смеяться с нами, смеяться над нами, над ними, над собою, надо всем и обо всем смеяться, лишь бы только не скучать».

Ничего серьезного, сатирического в «Весельчаке» не было. Рисунки, карикатуры были небрежно исполнены и выглядели примитивно. «Весельчак» явно потрафлял вкусам обывателя, что не мешало ему вести грубую полемику с представителями демократической прессы, например с Некрасовым, использовать журнал для сведения счетов с неугодными литераторами. Ни популярности, ни материального успеха он не достиг. К 1859 г. журнал растерял подписчиков и на 7-м номере прекратился.

Пример «Весельчака» породил подражателей. В 1859 г. возникли журналы **«Арлекин»**, **«Развлечение»** и в большом числе так называемые уличные сатирические листки, пытавшиеся продолжить дело «Весельчака».

К сатире обратилась и революционная демократия. В 1859 г. в «Современнике», как мы помним, был организован сатирический отдел **«Свисток»**. Тогда же начал выходить сатирический еженедельник **«Искра»**. Уже в объявлении об издании сатирического журнала с карикатурами было обещано сочетание серьезной, высокохудожественной сатиры с шуткой, не выходящей, однако, за рамки литературных приличий.

Как писала редакция, шутка, веселость, не составляя главного в издании, «никаким образом не может быть из него исключена».

Первый номер «Искры» вышел 1 января 1859 г. за подписью редакторов-издателей Н.А. Степанова и В.С. Курочкина. Кроме редакторов в журнале приняли участие И. Панаев, Г. Елисеев, П. Вейнберг, Н. Курочкин, Д. Минаев, Н. Ломан, В. Богданов, Г. Жулев и др. Изредка помещались отдельные произведения Добролюбова, Герцена. Наряду с литераторами здесь сотрудничала большая группа художников во главе со Степановым: Н. Иевлев, А. Бордгели, В. Шиглев и др.

Первое время в «Искре» печатались произведения либеральных литераторов — Бенедиктова, Дружинина, сотрудничали начинающие молодые журналисты В. Буренин и Н. Лейкин.

Коллектив «Искры» работал удивительно дружно. Приемные дни в редакции собирали массу посетителей: студентов, чиновников, литераторов, художников, а также приезжих из провинции. Широкое общение с читателями легло в основу организации работы редакции. Вот почему «Искра» стала грозой для всех, у кого совесть была не чиста.

Одним из ведущих в журнале был отдел «Нам пишут», посвящался он в основном провинциальной жизни, «Факты! Факты!.. В этой жизни нужны только факты... Набивайте голову, сэр, одними фактами, а остальное выбрасывайте вон, за окошко...» — эти слова Диккенса как бы определяли характер отдела «Нам пишут» и являлись эпиграфом рубрики.

В огромном большинстве случаев читатель имел дело с вымышленными наименованиями и фамилиями, но в них легко узнавались реальные города и люди. Так, Чернигов назывался Чернилиным, Вятка — Крутогорском, Астрахань — Тмутараканью, Кострома — Кутерьмой, Екатеринославль — Грязнославлем и т.д. Губернатор Астрахани Дегай назывался Растегаем, губернатор Херсона Клушин получал имя Баклушин и т.п. И это не мешало критике, а, наоборот, прибавляло ей сатирическую остроту.

Другим, не менее важным был отдел «Хроника прогресса», который вел Елисеев. Это был единственный серьезный прозаический отдел, но он удачно дополнял содержание «Искры». Впрочем, и этот отдел был проникнут убийственной иронией. Ирония сопровождала многие материалы этой рубрики, начиная с первой же хроники. Она начиналась словами: «Имея в виду упоминать в своей хронике только о друзьях

прогресса и человечества, я вовсе не имею желания живым отдаваться в руки врагов успеха и просвещения. Следовательно — тайна! Подписи не будет...» И далее: «Предупреждаю читателей ваших: когда не появится в “Искре” моей хроники, значит, прогресс подвигается плохо. Если хроника моя прекратится совсем, пусть разумеют они, что друзья человечества восторжествовали вполне. Тогда уж мне нельзя будет и писать». Особенно удачно, остроумно высмеивал Елисеев так называемую либеральную гласность. «Теперь мы не ограничиваемся дифирамбами и осторожными замечаниями по поводу игры актеров. Теперь мы уже выше этих “мелочей”, — писал он. — Теперь мы знаем наперечет все злоупотребления, совершающиеся в городах: Крутогорске, Черноречке, Святославе, в городе А, в городе Б, В, Г, Д, Е, Ж, З, И, К, Л и пр., в губерниях: -ской, -вской, -овской, -сковской и -осковской. Пусть эти губернии не названы и эти города не существуют: случившиеся в них факты возможны, и мы радостно приветствуем их литературное обличение. Нельзя же допустить в самом деле, чтобы города и губернии назывались их настоящими именами... Нам нужна гласность умеренная...» (Искра. 1859. № 22).

Много сил отдавал журналу его редактор В. Курочкин — известный переводчик песен Беранже. Не было практически ни одного номера «Искры», где не печаталось бы его оригинального или переводного стихотворения. Много труда вложил в журнал поэт-сатирик Минаев. Их сатирические стихи — фельетоны, куплеты, эпиграммы, пародии — отличались быстротой отклика на события дня, полемичностью и посвящались исследованию общественных аномалий, носили политический характер. Искровцы не отвечали на критику, а нападали первыми на социальное зло, несправедливость, неправду, глупые выходки реакционеров и обывателей. Их сатира была всегда наступательной.

Большую роль в «Искре» играли рисунки, карикатуры. Они касались всех наиболее важных вопросов современности. В них находила место критика и крепостников, и полицейского бесчинства, и невежества купцов, велась критика либеральной и реакционной прессы, либеральной политики правительства, его министров. Особенно удачен был рисунок, на котором изображался министр внутренних дел Валуев в виде эквилибриста-канатоходца, на высоте ловко идущий

по канату, между светом и тьмой, между «да» и «нет». Рисунки в «Искре» прямо рассматривали как подспорье для публицистики.

В «Искре» был неисчерпаем набор малых форм, жанров, сатиры. Здесь практиковались афоризмы, сценки, диалоги, словари и, конечно, пародия. Братья Курочкины, Ломан пишут большое число пародийных стихов, развенчивающих поэтов чистого искусства, консерваторов всех мастей.

Все это подчинялось одной главной цели — критике существующего строя, крепостничества, бюрократии царского самодержавия. Журнал Курочкина и Степанова был близок по своему направлению к «Современнику», хотя до 1861 г. в нем имели место некоторые либеральные иллюзии, как в «Колоколе» Герцена. Только после реформы 1861 г. «Искра» прощается с сотрудниками-либералами, резко выступает против тех либералов, которые поворачивают вправо. В разгар репрессий царского правительства 1862 г. «Искра» встала на защиту Чернышевского, отважно разоблачала политику правительства, научившегося «садить». На одной из карикатур был изображен господин, который нес большую связку книг. Встречный прохожий спрашивает его: «Донесете ли вы это?» «Помилуйте, — отвечает тот, — и не это доносил». Игра слов помогала разоблачать ренегата.

В 1862 г. «Искра» после прекращения на полгода «Современника» и «Русского слова» оставалась единственным демократическим органом в России и с честью поддержала престиж честной демократической журналистики. «Искра» боролась против попыток опошлить идеи демократии, смело направляла острие сатиры на Каткова, защищала Герцена, роман Чернышевского «Что делать?», критиковала либералов Кавелина и Тургенева. Цензура оказывает постоянное давление на журнал. В 1865 г. из «Искры» уходит Степанов, а В. Курочкин отстраняется от редакторства, но издание не теряет демократического лица. В 1866 г. оно снова на некоторое время остается единственным демократическим органом в связи с закрытием журналов «Современник» и «Русское слово».

В это время активизируется автор знаменитой «Дубинушки» — поэт Богданов. Он помещает сатирические стихи и публицистические заметки, в частности фельетонный обзор

иностранных событий. Все его сочинения проникнуты сочувствием к народу, ненавистью к сильным мира сего, бессердечию, угодничеству буржуазии. Сочувственно относился Богданов к революционным событиям в Европе и Америке. Он резко порицал душителей Парижской Коммуны, выражал сочувствие коммунарам, рабочим Парижа. В «Искре» появилось несколько сочувственных сообщений о деятельности I Интернационала, печатались материалы об освободительной борьбе латиноамериканских народов.

Последние три года «Искра» выходила без рисунков и карикатур: в 1870 г. они были запрещены цензурой. Закрылась она в 1873 г.

В 1859 г. был организован сатирический журнал с карикатурами под названием «Гудок». Журнал этот стал интересным и приобрел авторитет с приходом в него в 1862 г. в качестве редактора Минаева.

Объявление об издании журнала в 1862 г. было составлено скромно и серьезно: «Отрицание во имя честной идеи, сатира и юмор во всех их проявлениях, преследование грубого и узкого обскурантизма, произвола и неправды» — вот что провозглашалось главными началами редакции. «Мы верим в смех, как в гражданскую силу», — говорилось в объявлении.

Минаев сумел придать еженедельнику боевой общественно-политический характер, близкий к «Искре». Сам Минаев выступал в журнале много, под семью псевдонимами. В первом же номере за 1862 г. журнал дерзко подчеркнул свою принадлежность к демократическому лагерю. По недосмотру цензоров заглавная виньетка (рисунок) как бы изображала всю Россию с ее антагонизмами и противоречиями. С одной стороны названия была изображена официальная Россия: либерал, пускающий мыльные пузыри, палач с плеткой, поп в объятиях дамы, охотник-помещик с бутылкой и ружьем в руке, с другой стороны — толпа мужиков с книжками и гудками в руках, окружившая оратора и знамя со словами «уничтожение крепостного права». Лицо оратора очень было похоже с портретом Герцена. До пятого номера журнал выходил с такой визитной карточкой. Затем по требованию цензуры виньетка была заменена. В «Гудке» работала большая группа художников-карикатуристов: Н. Иевлев, С. Богданов и др.; печатались Н. Курочкин, П. Вейнберг, С. Терпигорев и др.

Журнал критиковал цензуру, усиление реакции, высмеивал бредни либералов о привязанности русского народа к началству, вышучивал оподление либералов. Здесь охотно подмечались курьезы, использовались игра слов, каламбур. Однако редакционные неполадки привели к тому, что Минаев с 14-го номера прекратил редактирование журнала, а в начале 1863 г. журнал вовсе закрылся.

В числе сатирических и юмористических журналов 60-х годов можно назвать и «Будильник», который издавал Н.А. Степанов. «Будильнику», как и журналу «Развлечение», суждена была долгая жизнь: в них примет участие в 80-е годы Чехов, — но это были все же юмористические, а не сатирические журналы.

ЖУРНАЛИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века

7. Пореформенная журналистика. Демократические издания. 8. Нелегальная революционная журналистика 70-х годов. 9. Либеральные журналы. 10. Газеты 70—80-х годов. 11. Журналистика 90-х годов. 12. Провинциальная печать. Начало публицистической деятельности М. Горького.

**ПОРЕФОРМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА.
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ**

Вторая половина XIX в. в России характеризуется бурным развитием капитализма. Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на свой полукрепостнический характер, дала известный простор для развития производительных сил общества. С отменой крепостного права в стране успешно начала развиваться промышленность, увеличилась добыча угля и стали, развернулось железнодорожное строительство, вырос товарооборот, наметилась концентрация капитала, стали расти города. Под напором товарно-денежных отношений натуральное крестьянское хозяйство превращалось в мелкотоварное.

Крестьянство переставало быть единым «классом-сословием» крепостного общества. Оно расслаивалось, выделяя из себя, с одной стороны, сельских пролетариев, с другой — сельскую буржуазию. Все хозяйство становилось капиталистическим. Россия бесповоротно вступала в буржуазный период своей истории. Однако новые производственные отношения, прогрессивные по сравнению с феодальными, не улучшили положения рабочих и крестьян. Маскируя сущность капиталистической эксплуатации отношениями свободного найма, видимостью полной оплаты труда, капиталисты беспощадно эксплуатировали рабочих. Новые порядки оказались несколько не лучше старых. Противоречия капиталистического способа производства весьма ощутимо давали себя знать в России уже в конце 60-х — начале 70-х годов. Количество промышленных рабочих неуклонно росло. Серьезный размах принимает стачечное движение. В связи с этим перед русской печатью возникло множество новых вопросов.

Но непосредственные производители в России в 70—80-е годы страдали не только и не столько от капитализма, сколько от недостаточного развития капитализма, от серьезных и многочисленных пережитков крепостничества. В этом заключалась другая, не менее важная особенность русского пореформенного развития. Весь период с 1861 по 1905 г. характеризуется тем, что «следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны»¹. Борьба с остатками крепостничества была первоочередной задачей русского освободительного движения и передовой печати.

Вслед за крестьянской реформой царское правительство с 1863 по 1874 г. проводит ряд других буржуазных реформ (земскую, судебную, военную и др.), которые должны были приспособить самодержавный строй, сохраняя его классовую дворянско-помещичью сущность, к потребностям капиталистического развития. Вынужденный силой экономического развития и революционным движением 60-х годов вступить на путь буржуазных преобразований, царизм, однако, ни в коей мере не отказался от своей консервативной политики во внутренних и внешних делах.

В 1861—1863 гг. царскому правительству удалось подавить разрозненные выступления крестьян, задушить национально-освободительное движение в Польше, нанести серьезный урон революционно настроенной интеллигенции, изолировать вождя революционной демократии Н.Г. Чернышевского.

Часть революционно настроенной интеллигенции, не дождавшись народной революции, перешла к тактике индивидуального террора. После неудачного покушения Каракозова на царя правительство перешло к еще большему усилению реакции. Прокатилась новая волна арестов. Лучшие журналы того времени «Современник» и «Русское слово» были закрыты.

Но революционная демократия не сложила оружия, не отказалась от борьбы. Причины народного гнева, питавшего демократическое движение XIX в., не были устранены реформами 60-х годов. Передовая русская мысль продолжала настойчивые поиски правильной революционной теории. Ограбленные реформой крестьяне продолжали волноваться.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 38.

Вся эпоха 1861—1905 гг. насыщена борьбой и протестом широких народных масс против пережитков крепостного права и капиталистической эксплуатации.

Важную роль в освободительном движении 70-х годов играет **народничество**. Как господствующее течение в русской общественной мысли оно оформилось значительно позднее зарождения народнических идей, основы которых были заложены Герценом и Чернышевским. Но только на рубеже 70-х годов, после отмены крепостного права, в новых исторических условиях, когда перед общественным сознанием встали новые вопросы по сравнению с периодом 40—60-х годов, народничество становится господствующим направлением в русской общественной мысли.

Участники этого движения с «неслыханной энергией», по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, в 70-е годы боролись с самодержавием и старались поднять на борьбу широкие массы крестьянства. Тем не менее народники и тогда не владели научным мировоззрением, оставались социалистами-утопистами, ошибочно полагали, что основной революционной силой в России является крестьянство, что с уничтожением всех пережитков феодализма в стране восторжествует социализм, наступит всеобщее благополучие.

Народники утверждали, что Россия должна избежать капиталистического развития, что капитализм в стране — случайное явление. Они идеализировали крестьянскую общину и видели в ней зародыш социализма. Ошибочными были взгляды народников на весь ход истории человечества и роль народных масс в ней. Многие из них полагали, что историю делает не народ, а отдельные «критически мыслящие личности», герои, за которыми слепо движется толпа.

В марксистской литературе, особенно в трудах В.И. Ленина, а также в трудах Н.А. Бердяева (см. его «Истоки и смысл русского коммунизма») дана исчерпывающая критика ошибочных взглядов народников. Но в то же время народничество 70-х годов, несмотря на всю свою теоретическую слабость, существенно отличалось от народничества 80—90-х годов. Народничество 70-х годов было движением революционным. Участники этого движения искренне сочувствовали ограбленному реформой 1861 г. крестьянству и пытались поднять его на социалистическую революцию. Народничество 70-х годов отразило в своей идеологии протест против остатков крепостнического гнета и капиталистической эксплуатации. Оно было выражением боевого демократизма крестьянских масс.

Наивные утопические мечты народников 70-х годов соединялись у них с программой, рассчитанной на решительную борьбу с самодержавием. Их характеризует боевой дух, бесстрашие, целеустремленность и героизм, граничащий подчас с фанатизмом и деспотией.

Влияние народнической идеологии на все стороны общественной жизни, в том числе и на печать, было весьма значительным. Но, став в 70-е годы господствующими, народнические взгляды отнюдь не были единственными в демократической литературе и журналистике указанного этапа освободительного движения. Не разделяли теоретических взглядов народников Некрасов, Салтыков-Щедрин, Благосветлов и др. Именно они оставались наиболее верными хранителями революционно-демократического наследства 60-х годов и успешно действовали против царизма, не вставая под знамя народничества.

Период революционного затишья в России после 60-х годов постепенно сменяется новым нарастанием революционного движения, и к середине 70-х оно становится весьма ощутимым. Но вторая революционная ситуация в России 1879—1881 гг. не переросла в революцию. Народники, стоявшие во главе революционного движения, не смогли организовать массы на революционный штурм самодержавия. Они «исчерпали себя» 1-м марта 1881 г., когда убили императора Александра II. «Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прилива была отбита...»²

В среде народнической интеллигенции участились случаи политического ренегатства, отступничества, открытого предательства. Все народничество в целом становится на путь либерального приспособления к буржуазной действительности, постепенно превращается в защитника интересов зажиточной части русского крестьянства, ведет борьбу с марксизмом, широкое распространение получают либерально-народническая теория «малых дел», философские теории Л. Толстого и Ф. Достоевского. В литературу проникают натурализм и декадентство.

Но 80-е годы в России, несмотря на жестокую политическую реакцию, характеризуются рядом знаменательных общественных событий. Все шире и шире разрастается рабочее движение, за границей создается группа «Освобождение труда».

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 44—45.

Многие представители демократической интеллигенции преодолевают народнические иллюзии, часть из них становится на позиции марксизма (Г.В. Плеханов). В революционной печати начинают участвовать передовые русские рабочие (С.Н. Халтурин и др.). Именно в эпоху 80-х годов XIX в. закладываются основы марксистского, социал-демократического мировоззрения. Плеханов создает за границей группу «Освобождение труда» (1883), печатает труды К. Маркса.

В 80-е годы прогрессивная журналистика пополнилась новыми силами в лице таких выдающихся писателей и публицистов, как А.П. Чехов, В.Г. Короленко и др. В 90-е годы начинается журналистская деятельность А.М. Горького, А.С. Серафимовича.

В.И. Ленин и русские социал-демократы, марксисты выступают в ряде легальных изданий («Самарский вестник», «Новое слово», «Начало», «Жизнь») с критикой и разоблачением народников. Массовый характер приобретает рабочее движение. На передний край выходит журнал «Русское богатство».

На протяжении 70—80-х годов русская печать оставалась в чрезвычайно тяжелом положении. По-прежнему всякое проявление свободомыслия в печати беспощадно подавлялось самодержавием.

Юридическое положение прессы определялось **«Временными правилами о печати 1865 года»**, которые заменили все предыдущие распоряжения и законы о печати. По этим правилам от предварительной цензуры освобождались столичные ежедневные газеты и журналы (сохранялась цензура наблюдающая), а также книги объемом более 10 печатных листов. Под предварительной цензурой оставались иллюстрированные, сатирические издания и вся провинциальная печать.

В случае нарушения газетой или журналом каких-либо законов, в том числе и законов о печати, министр внутренних дел имел право делать издателям освобожденных от предварительной цензуры печатных органов предостережения и при третьем — приостанавливать издание на срок до шести месяцев. Он имел право возбуждать судебное преследование издателей. Только по суду должны были решаться дела о полном прекращении издания. Однако это не мешало правительству, нарушая закон, закрывать журналы без суда.

Положение прессы не только не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось, особенно для демократических изданий. Во-первых, далеко не все журналы и газеты были освобождены от предварительной цензуры, как это было обещано во Временных

правилах: в Петербурге, например, в 1879 г. из 149 изданий 79 оставались под предварительной цензурой³. Во-вторых, в конце 60-х — в 70-е годы было издано множество частных распоряжений по цензуре, запрещавших прессе освещать наиболее важные политические вопросы, ставивших прессу под власть царских администраторов всех рангов — от министра внутренних дел до губернатора. Даже либеральные издания вскоре стали выражать недовольство положением прессы в России.

Логическим завершением этой политики явились новые Временные правила 1882 г., утвердившие полный административный произвол над прессой. Совещанию четырех министров было предоставлено право прекращать издание любого периодического органа, лишать издателей и редакторов права продолжать деятельность, если она будет признана «вредной».

Реакционная политика Александра III привела после закрытия в 1884 г. «Отечественных записок» и фактического прекращения журнала «Дело» как демократического к серьезному изменению лица всей легальной печати. В России продолжали выходить лишь либерально-буржуазные, либерально-народнические журналы и газеты да реакционная пресса сувориных и катковых. Журналистам-демократам, оставшимся на свободе и верным традициям 60—70-х годов, в дальнейшем пришлось сотрудничать в этих либеральных изданиях.

Нужды освободительного движения и исключительно тяжелое положение легальной прессы в России заставили в 70—80-е годы революционеров наладить издание ряда нелегальных газет и журналов — сначала за границей (по примеру «Колокола» Герцена и Огарева), а затем и в самой России.

«Двести лет существует печать в России, и до сегодняшнего дня она находится под позорным игом цензуры, — писали питерские большевики в листовке «О 200-летию русской печати» 3 января 1903 г. — До сегодняшнего дня честное печатное слово преследуется, как самый опасный враг!»⁴ Эти слова являются достаточно точной характеристикой положения печати в царской России.

Русская революционная демократия создала в 60-е годы замечательные по своему политическому содержанию печатные

³ См.: Сведения о петербургских повременных изданиях, сообщенные временному С.-Петербургскому генерал-губернатору, 1879 (РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 402).

⁴ Листовки петербургских большевиков. 1902—1917. М., 1939. Т. I. С. 18.

органы: «Современник», «Русское слово», «Искра». Это были лучшие журналы XIX в. Они сыграли выдающуюся роль в развертывании борьбы против крепостничества. «Современник» и «Русское слово» были подлинными руководителями передового общественного мнения, воспитателями смелых борцов против самодержавия. Их пример и традиции во многом определили развитие демократической печати 70—80-х годов, в первую очередь характер и направление журнала «Отечественные записки» Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

«Отечественные записки»

После закрытия «Современника» и «Русского слова» Некрасов и Благосветлов стали искать способ возобновления демократической печати. Опыт и обстановка подсказывали единственный выход — аренду уже существующего издания с достаточно широкой программой, чтобы при помощи новых сотрудников превратить его в демократический орган. Некрасов после ряда неудавшихся попыток (переговоры о возобновлении «Современника», об издании сборника, журнала «Дело», газеты «Неделя») приходит к мысли об аренде **«Отечественных записок»**, принадлежавших Краевскому. Благосветлов несколько ранее приступает к изданию журнала «Дело» при подставном редакторе и издателе Н.И. Шульгине.

«Отечественные записки», пережившие пору блестящего расцвета в 40-е годы, когда там сотрудничали Белинский и Герцен, в 50-е годы пришли в упадок. Количество подписчиков непрерывно сокращалось, и Краевский, боясь убытков, готов был уступить издание кому угодно.

В июле 1867 г. Некрасов начал переговоры с Краевским об аренде «Отечественных записок». В конце 1867 г. был заключен договор, по которому за Некрасовым признавалась полная самостоятельность в руководстве журналом, и лишь в том случае, если Некрасов получит два предостережения, Краевский, боявшийся совсем потерять свой журнал, мог вмешаться в редакционные дела. Вместе с тем Краевский оставался официальным редактором, имел право на часть дохода от издания и поставил условие, чтобы журнал «Отечественные записки» не критиковал газету «Голос», принадлежавшую ему же.

Приступая к изданию обновленных «Отечественных записок», Некрасов не привлек в журнал двух постоянных сотруд-

ников закрытого «Современника» — М. Антоновича и Ю. Жуковского, которые прослыли в цензуре как наиболее «опасные», «вредные» писатели. «...Из бывших сотрудников “Современника” признано было необходимым устранить от участия в “Отечественных записках” гг. Антоновича и Юлия Жуковского, отличавшихся крайними воззрениями, о чем и были поставлены в известность как г. Краевский, так и г. Некрасов»⁵, — записано в протоколе заседания Совета Главного управления по делам печати от 19 ноября 1871 г. Некрасов не мог не посчитаться с этим требованием. Кроме того, в ходе переговоров о возобновлении издания «Отечественных записок» под редакцией Некрасова выяснилось, что Жуковский и Антонович претендовали на особую роль в журнале не только как его сотрудники, но и как его соиздатели.

В сложной, чреватой неожиданностями обстановке Некрасову пришлось отказаться от их сотрудничества. Этот факт был тенденциозно описан в изданной в 1869 г. Антоновичем и Жуковским брошюре «Материалы для характеристики русской литературы», направленной против Некрасова и «Отечественных записок».

Некрасов не считал возможным отвечать на грубые, раздраженные обвинения обиженных журналистов, основным из которых был упрек Некрасову в отступничестве, переходе на позиции либералов. Антоновичу и Жуковскому в «Отечественных записках» ответили Салтыков-Щедрин и Елисеев, которых Некрасов привлек в редакцию журнала. Роль Некрасова и Салтыкова-Щедрина в руководстве журналом общеизвестна. Именно их неустанным заботам и трудам, принципиальности и художественному вкусу обязан журнал своим авторитетом у современников. Но и Елисеев, незаурядный публицист и редактор, несмотря на свои либеральные колебания, был надежным товарищем и помощником. Обязанности внутри редакции распределились следующим образом: за Некрасовым сохранялось общее руководство журналом и отдел поэзии. Салтыков-Щедрин редактировал беллетристику, Елисеев — публицистику. Коллективность руководства укреплялась.

Несмотря на тяжелые цензурные условия, уже к концу 1868 г. определился успех журнала «Отечественные записки». Растет его тираж — с двух до пяти, а затем до шести — восьми

⁵ Литературное наследство. М., 1946. Т. 49—50. С. 84.

тысяч экземпляров. Вокруг журнала сосредоточиваются лучшие прогрессивные силы русской литературы и публицистики. Здесь сотрудничают Г. Успенский, Демерт, Решетников, Островский, Писарев, Щапов, Михайловский (который после смерти Некрасова стал соредактором журнала) и многие другие.

Официально с 1865 г. «Отечественные записки» были освобождены от предварительной цензуры. Однако это несколько не улучшило положения журнала. Цензура в оценке направления органов печати руководствовалась в первую очередь (как предписывала секретная инструкция министра внутренних дел) распространенностью изданий и благонадежностью лиц, сотрудничающих в них⁶, опасаясь широкого проникновения в общество революционных идей 60-х годов. Во избежание ареста отдельных номеров или полного прекращения «Отечественных записок» (такая потеря была бы невосполнима в эти годы) Некрасов предусмотрительно давал на просмотр материалы одному из цензоров, так что фактически они проходили предварительную цензуру.

Несмотря на эту меру, редакция нередко выслушивала «внушения» за резкий характер отдельных статей и номеров, получала официальные предупреждения. Первое из них было в 1872 г., последнее — в 1883 г. Цензура ни на минуту не заблуждалась в понимании истинного характера нового журнала Некрасова и с первых книжек отнесла его к изданиям неодобрительного направления, стремящимся к изменению самих основ существующего государственного строя. Особенно сильно страдали от цензуры произведения Некрасова и Салтыкова-Щедрина. «Отечественные записки», по замыслу организаторов, призваны были возродить, продолжить в новых условиях дело «Современника».

Борьба против пережитков крепостничества и царизма, против политической реакции и буржуазного либерализма, против угнетения народных масс — вот главное, что определяло содержание журнала в 70-е годы и придавало ему демократический характер.

Такое направление позволило объединиться вокруг «Отечественных записок» и верным хранителям наследства 60-х годов (Некрасов, Салтыков-Щедрин), и литераторам, сделавшим существенные народнические «прибавки» к этому наследию

⁶ См.: Дело о конфиденциальной инструкции цензорам столичных комитетов. 1865 (РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 25).

(Н.К. Михайловский, С.Н. Кривенко, С.Н. Южаков, А.Н. Энгельгардт и др.). Некоторые сотрудники, например Г. Успенский, хотя и испытывали на себе серьезные влияния народнических теорий, стояли все-таки ближе к Некрасову и Салтыкову-Щедрину. Успенский скептически относился к народнической идеализации крестьянства. Он честно и бесстрашно вскрывал противоречия пореформенной деревни, тогда как многие публицисты-народники и беллетристы замазывали эти противоречия и воспевали крестьянскую общину, не замечая, что она разлагается изнутри. Образцом деревенских очерков Успенского являются «Книжка чеков», «Власть земли».

Каждый номер журнала делился на две части: первая отводилась художественной литературе и статьям научного содержания, вторая — публицистике. В обновленных «Отечественных записках», как и в «Современнике», был отлично поставлен отдел беллетристики. Редакции удалось привлечь в журнал лучшие прогрессивные силы русской литературы 70—80-х годов. Кроме названных уже писателей (Некрасов, Салтыков-Щедрин, Успенский, Островский, Решетников) в «Отечественных записках» сотрудничали В.А. Слепцов, В.М. Гаршин, Н.Н. Златовратский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.Е. Каронин-Петропавловский, А.О. Осипович-Новодворский, поэты А.Н. Плещеев, С.Я. Надсон, П.Ф. Якубович и др.

Беллетристика журнала в 70-е годы носит ярко выраженный крестьянский характер, который придавали ей произведения Некрасова («Кому на Руси жить хорошо»), Г. Успенского и ряда беллетристов-народников. Много внимания уделялось критике капитализма и буржуазных отношений, проникающих на русскую почву (произведения Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Г. Успенского, Островского). Особое значение приобрела тема поэтизации гражданского, революционного подвига, наиболее ярко воплощенная в поэме Некрасова «Русские женщины». Это была прямая и смелая поддержка русских революционеров-народников, боровшихся с царским самодержавием. Таким образом, в литературных произведениях, появлявшихся на страницах «Отечественных записок», читатель находил достаточно широкую реалистическую картину русской жизни во всей ее глубине и сложности.

Иностранная литература была представлена именами В. Гюго, А. Доде, Э. Золя и других писателей.

В научном отделе наибольшую ценность имели статьи таких крупных прогрессивных ученых, как И.М. Сеченов, И.И. Мечников, П.Ф. Лесгафт, В.В. Докучаев, П.А. Костычев. В их

статьях пропагандировался философский материализм, велась борьба с казенной наукой, поставленной на службу самодержавию, с религиозно-идеалистическими теориями. Здесь же печатались многочисленные исторические исследования, среди которых надо отметить статьи А.П. Шапова, Н.И. Костомарова и обширную очерковую литературу о русской деревне (Г.И. Успенский, С.Н. Терпигорев, Н.Н. Фирсов, А.Н. Энгельгардт и др.).

Второй отдел журнала, «Современное обозрение», состоял из статей, очерков, заметок на общественно-политические, экономические и литературные темы и включал в себя ряд постоянных рубрик: «Внутреннее обозрение», которое вели Демерт и Елисеев, а в 80-е годы — Кривенко и Южаков, «Наши общественные дела» Демерта, «Парижские письма» французского публициста постоянного сотрудника журнала Шассена, «Литературные и журнальные заметки» Михайловского, «Новые книги» Скабичевского.

Важную роль в «Современном обозрении» играл Михайловский. Значение Михайловского в истории нашего освободительного движения, положительные и отрицательные стороны его общественной и литературной деятельности глубоко раскрыты В.И. Лениным в статье «Народники о Н.К. Михайловском». Михайловский, писал В.И. Ленин, «сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками — сочувствие и уважение к “подполью”, где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью»⁷. Это сближало Михайловского с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным.

Вместе с тем Михайловский в статьях «Что такое прогресс?», «Герой и толпа», «Теория Дарвина и общественная наука» обосновывал так называемый субъективный метод в социологии, развивал «теорию прогресса», основанную на ошибочном представлении о решающей роли в истории критически мыслящей личности, которая сможет легко увлечь за собой инертную «толпу».

Страшась капиталистической ломки всего уклада русской жизни, и особенно русской деревни, Михайловский создал теорию возможности для России миновать капитализм. Защищая в условиях капиталистического развития средневековую

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 333—334.

форму общинного землевладения, он выступал как представитель интересов мелкого производителя, мелкого буржуа.

Влияние мелкобуржуазной, либерально-народнической идеологии в журнале стало сказываться особенно сильно после 1881 г., когда в редакции усилилась роль Кривенко, Иванюкова, Воронцова и других. Именно эти публицисты, а также Елисеев и Шассен с их либерально-народническими, либерально-буржуазными иллюзиями и представлениями доставляли больше всего хлопот Салтыкову-Щедрину. Так, например, Шассен (псевдонимы Клод Франк, Людовик), подробно описывая текущие события во Франции, выступал подчас как убежденный либерал, принципиальный сторонник французской буржуазной демократии в том виде, как она сложилась после разгрома Парижской Коммуны, и это не раз заставляло Салтыкова-Щедрина оспаривать его утверждения.

Основной вопрос, который ставили публицисты и писатели журнала, был крестьянский. Мужик «всем... нужен», — писал Салтыков-Щедрин, а «ежели мужик так всем необходим, то надо же знать, что он такое, что представляет он собой как в действительности, так и *in potentia*, каковы его нравы, привычки и обычаи, с какой стороны и как к нему подойти»⁸. Малоземелье, тяжесть выкупных платежей и других налогов, юридическая, гражданская неполноправность народных масс, их обнищание подробно описывались в журнале. Реакционная печать, защищавшая помещичьи интересы, всегда встречала решительного противника в лице «Отечественных записок».

Мужественно поддерживали сотрудники журнала русское революционное движение. «Отечественные записки» выступали против либеральных заигрываний правительства с обществом, принципиально отвергали монархическую форму государственного устройства. Они признавали неизбежность и закономерность революционной борьбы, знакомили своих читателей с общественным движением на Западе, показывали прогрессивную роль революций в пробуждении масс, в освобождении от феодального, церковного и монархического деспотизма.

Немало страниц «Отечественных записок» было посвящено критике западноевропейского и русского капитализма, буржуазного либерализма.

⁸ Отечественные записки. 1879. № 8. С. 325, 326.

Салтыков-Щедрин правдиво изобразил русский капитализм в характерах Чумазого, Колупаева и Разуваева, показал, что их появление обусловлено строем русской пореформенной жизни. Но многие сотрудники, в первую очередь Михайловский и Елисеев, неисторически подходили к оценке русского капитализма и буржуазности. Они не понимали закономерности общественного развития, считали капитализм в стране временным, случайным явлением и склонны были искать причину развития буржуазных отношений где угодно, только не в характере производительных сил общества.

Еще в начале 70-х годов Елисеев в статьях «Плутократия и ее основы», «Храм современного счастья, или Проект положения об акционерных обществах» негодовал на правительство, которое, поддерживая русские промышленно-торговые круги, по его мнению, переносило в Россию западноевропейские капиталистические порядки. В дальнейшем публицисты-народники часто обращались к «обществу», интеллигенции и позднее даже к царским министрам с призывом спасти Россию от язвы капитализма.

Возникновение рабочего класса в стране было отмечено журналом, однако «рабочий вопрос» не был для него главным. Михайловский, например, в статье, посвященной съезду русских промышленников (1872. № 8), подменил его крестьянским вопросом, утверждая, что в России рабочие — те же крестьяне. Это было ошибочное представление. Не сознавая революционной роли пролетариата, народники возлагали все свои надежды на русское крестьянство с его патриархальной общинностью.

В условиях развивающегося капитализма на страницах «Отечественных записок» известное внимание было уделено экономической теории Маркса. Журнал в 1872 г. устами Михайловского приветствовал выход русского перевода первого тома «Капитала», а до этого в журнале не раз использовались материалы немецкого издания в статьях Елисеева, Покровского и других («Плутократия и ее основы», «Что такое рабочий день?»). В 1877 г. журнал вел полемику с буржуазными экономистами, либеральными публицистами (Ю. Жуковский, Б. Чичерин) по поводу первого тома «Капитала». Однако защита авторитета Маркса и в «Отечественных записках» 70-х годов велась весьма своеобразно, поскольку публицисты журнала (Михайловский, Зибер) сами не поняли историко-философской концепции автора.

Внимательно следивший за распространением своей книги в России и полемикой вокруг нее, Маркс в конце 1877 г. написал письмо в редакцию «Отечественных записок». Он подверг принципиальной критике некоторые высказывания Михайловского и протестовал против попытки приписать учению о капиталистической формации и законах ее развития значение какой-то «универсальной отмычки», с помощью которой можно пытаться разрешить все вопросы исторического развития и на этом основании оспорить учение о капитале и его применимости к России. Маркс полагал, что Россия после 1861 г. пошла по пути капиталистического развития и не минует тех противоречий, которые пережил капиталистический Запад, хотя и не отрицал в принципе теоретической возможности, при известных исторических условиях, перехода отдельной страны к социализму, минуя капитализм.

Письмо это было найдено и отослано в Россию Энгельсом уже после смерти Маркса. Оно долгое время ходило в рукописных копиях с французского оригинала, а затем, переведенное на русский язык, появилось в «Вестнике “Народной воли”» (Женева, 1886. № 5). Позднее его перепечатал выходивший в России журнал «Юридический вестник» (1888, № 10). Письмо произвело большое впечатление на русских читателей (см.: *Успенский Г.* Горький упрек)⁹, но было умышленно неверно истолковано народниками, которые в конце 80-х годов уже открыто стали на путь борьбы с русскими социал-демократами и марксизмом.

В 1882—1883 гг. с изложением экономической теории К. Маркса на страницах журнала «Отечественные записки» выступил Г.В. Плеханов (псевдоним — Валентинов) в статьях «Новое направление в области политической экономии» (1882. № 5, 6) и «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова» (1883. № 9, 10).

Статья о Родбертусе впервые в нашей журналистике дает в основном верную оценку не только экономической стороны учения К. Маркса, но и его историко-философских взглядов. Опубликование этой работы совпало с организацией Плехановым за рубежом русской марксистской группы «Освобождение труда». Однако этот факт ни в коей мере не говорит о желании журнала пропагандировать марксизм. В значительной степени появление статей Плеханова было вызвано

⁹ *Успенский Г.И.* Соч.: В 9 т. М., 1957. Т. 9.

интересами полемики и для направления журнала в 80-е годы не является показательным.

Литературно-критическая позиция журнала определялась защитой реализма, высокой идейности искусства и литературы, борьбой против «реакционных» писателей, против теории «чистого искусства» и натурализма. В качестве ведущих литературных критиков «Отечественных записок» выступали в разные годы Писарев, Салтыков-Щедрин, Михайловский, Протопопов и Скабичевский. Они неизменно поддерживали новую разночинную литературу, остро критиковали литераторов, клеветавших на новое поколение революционеров-разночинцев (нигилистов).

Выдающееся значение имела литературно-критическая деятельность Салтыкова-Щедрина. После трагической гибели Писарева в 1868 г. отдел литературной критики «Отечественных записок» остался без руководителя. Это побудило Салтыкова-Щедрина внимательно заняться отделом и принять в нем активное участие. Его статьи «Напрасные опасения», «Уличная философия», «Бродящие силы» и др., а также многие рецензии явились серьезным вкладом в русскую литературную критику.

В статье «Напрасные опасения», которую современники рассматривали как программную, Салтыков-Щедрин выразил свое революционно-демократическое понимание роли и задач литературы в новых исторических условиях. Отвергая стоны либеральной критики об упадке беллетристики, он верно уловил новые черты русской литературы, когда на смену дворянским писателям пришел разночинец и возникла задача создания нового типа положительного героя.

Салтыков-Щедрин высоко оценивает творчество Решетникова, считает чрезвычайно полезным обращение молодой литературы к жизни простого народа. Пусть в ней нет еще крупных имен, но направление, по которому она идет, плодотворно. Салтыков-Щедрин осуждает писателей, умышленно или нечаянно искажающих образы «новых людей». В статье «Уличная философия» он резко критикует Гончарова за грубую клевету на разночинца-революционера. Особое возмущение критика вызвало то, что Гончаров пытался в образе Марка Волохова из романа «Обрыв» опорочить социалистическую доктрину, отрицающую частную собственность. Его поддержал критик Н.В. Шелгунов в «Деле».

Большое количество статей на литературные темы в «Отечественных записках» опубликовал Михайловский, после того как Салтыков-Щедрин в начале 70-х годов отошел от постоянной критической и библиографической работы. В целом Михайловский продолжал намеченную журналом линию. Однако, несмотря на ряд боевых схваток с реакционными писателями, сторонниками «чистого искусства» и натурализма, Михайловский не смог придать литературно-критическому отделу того значения и силы, какое литературная критика имела в «Современнике» при Чернышевском и Добролюбо-ве. Упрощенная, подчас неверная оценка ряда литературных фактов свойственна статьям Протопопова, Скабичевского и самого Михайловского. Народническая социология пагубно сказывалась на литературно-критических материалах журнала.

Все эти годы цензура неизменно называла «Отечественные записки» вместе с «Делом» наиболее «вредным», «тенденциозным» демократическим изданием. «Этот журнал... — сообщало Главное управление по делам печати временному петербургскому генерал-губернатору в 1879 г., — был долгое время под негласной редакцией Некрасова. Одно имя этого поэта дает уже понятие о том, в каком духе должен был издаваться журнал, который и после смерти Некрасова не изменил своего характера»¹⁰.

Пропаганда идей демократии и социализма, даже в народнической, утопической форме, пугала правительство. Однако в силу того, что в журнале широкое отражение нашла идеология народничества, представители которого с годами все больше и больше поворачивали вправо, к либерализму, «Отечественные записки» сильно уступают «Современнику». При всем своем демократизме они допускали ошибки и противоречия в области социологии, философии и литературной критики. Наряду с произведениями Некрасова и Салтыкова-Щедрина здесь широко представлены труды либеральных народников, печатались статьи либерально-буржуазных публицистов и экономистов-эклектиков Иванюкова, Лесевича, Исаева и других, стоявших на позитивистских, идеалистических позициях. Это отрицательно сказывалось на издании, осложняло взаимоотношения сотрудников. Все острее становились противоречия между Салтыковым-Щедриным и либерально-народнической частью редакции. «Отечественные

¹⁰ Сведения о петербургских повременных изданиях... (РГИА. Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 402. Л. 19).

записки» не смогли достичь того единства направления, какое было свойственно лучшему русскому демократическому журналу «Современник» при Чернышевском. В отсталой, полуфеодальной России им трудно было выработать единую революционную теорию и воплотить ее в направлении журнала.

После 1881 г. положение журнала стало необычайно тяжелым. Первый советник царя, обер-прокурор священного синода К. Победоносцев, требовал расправы над демократическими органами печати. В 1883 г. «Отечественным запискам» было объявлено последнее предупреждение. Редакции приходилось соблюдать большую осторожность. Салтыков-Щедрин прервал печатание «Современной идиллии». Цензура без пощады вырезала статьи из набранных номеров. Реакция 80-х годов, усиление цензурного гнета сказались на подписке. На 1884 год журнал потерял около 1500 подписчиков.

Особенно трудно стало редакции после ареста и высылки из Петербурга Михайловского за безобидную, в сущности, речь, произнесенную на собрании студентов. Царской охранке удалось к этому времени раскрыть связи отдельных членов редакции журнала с русскими политическими эмигрантами, подпольем. В январе 1884 г. был арестован Кривенко, который принимал непосредственное участие в редактировании журнала, а в апреле было опубликовано правительственное сообщение о закрытии «Отечественных записок» за пропаганду социалистических учений и принадлежность отдельных сотрудников к составу тайных революционных организаций, по существу же — за антиправительственное, демократическое направление. Решение о прекращении издания принималось Совещанием четырех министров — нового административного органа, учрежденного после 1882 г. для наблюдения за печатью. Закрытие журнала с болью переживали как его сотрудники, так и широкие круги демократических читателей в России.

Журнально-публицистическая деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина

Публицистическая и редакторская деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина в «Отечественных записках» явилась новым этапом той работы, которую он начал еще в «Современнике». В «Отечественных записках» сатирик работал 16 лет, с 1868 по 1884 г.; его произведения появлялись

почти в каждой книжке и во многом определяли характер и направление журнала.

В литературном наследстве писателя 70—80-х годов особое место занимают крупные сатирические обозрения — циклы очерков, в которых органически слиты элементы публицистики и художественной прозы. Это была своеобразная, свободная жанровая форма с относительной самостоятельностью отдельных очерков и глав, которая позволяла автору быстро откликаться на злобу дня, на жгучие вопросы времени. В своих очерках Салтыков-Щедрин достигал огромной силы сатирической типизации и широты охвата событий внутренней и международной жизни. Самостоятельность отдельных частей не исключала, а, наоборот, предполагала идейно-тематическое единство каждого обозрения и цикла как законченного художественно-публицистического целого.

Начиная свое сотрудничество в «Отечественных записках», писатель опубликовал в 1868—1869 гг. два цикла: «Признаки времени» и «Письма о провинции», — дополненные отдельными главами в 1870 и 1871 гг. И в том и в другом произведении Салтыков-Щедрин, как бы подводя итог прожитому после реформы десятилетию, ставит вопросы: что изменилось в жизни России после реформы 1861 г.? Почему общественный подъем 60-х годов не принес ожидаемых результатов? В чем причина неудачи революционного движения? Эти проблемы волновали всех сотрудников «Отечественных записок» и их читателей.

Салтыков-Щедрин увидел причину неудачи борьбы против самодержавия в том, что слишком неоднородно было «движение реформаторов», как он условно называл движение 60-х годов. Главная же вина лежит на русских либералах с их постоянной готовностью к компромиссу: «Думали... достигнуть результата вполне ясного и определенного, но по дороге задались мыслью, чтобы и волки были сыты, и овцы целы — и вышло нечто совсем неожиданное»¹¹.

Хотя крепостное право юридически было отменено, пережитки феодализма оказались настолько живучими, что сатирик имел полное право признать: крепостное право живет во всем — «в нашем темпераменте, в нашем образе мыслей, в наших обычаях, в наших поступках. Все, на что бы мы ни обратили наши взоры, все из него выходит и на него опирается» (Т. 7. С. 150).

¹¹ Щедрин Н. Полн. собр. соч.: В 20 т. М.; Л., 1935. Т. 7. С. 168. (Далее см. отсылки в тексте).

Оценивая другие реформы 60-х годов, Салтыков-Щедрин также недвусмысленно раскрыл их крепостническую сущность. В «Признаках времени» он дал верную характеристику земской реформы. Либералы с радостью встретили положение о земствах, шуму было много, земства благополучно начали заседать, и никаких ожидаемых либералами «потрясений основ» не последовало: пошли только разговоры о том, какое значение имеют белье и рукомойники в местных больницах. И это образное, сатирическое определение занятий земств как деятельности «по лужению рукомойников» надолго вошло в обиход демократической прессы для обозначения незначительной роли этих учреждений в общественной жизни. Полицейстеру не потребовалось во главе пожарной команды тушить земскую инициативу.

Салтыков-Щедрин верно раскрыл сословную природу земств, антинародный характер многих их начинаний. Никогда не выступая против земств как органов местного самоуправления, он был лишь против засевших в них крепостников-помещиков, которые прилагали все силы к сохранению своих привилегий.

Основные усилия дворян-земцев, по сатирическому определению Салтыкова-Щедрина, свелись к тому, чтобы снабжать друг друга фондами и подрядами из такого расчета: «Мне тысячу, тебе тысячу». Когда и какой бюрократ-крепостник не изнывал при мысли о лишней тысяче? Когда и какой бюрократ, спрашивает писатель, не был убежден, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать? Новые эксплуататоры нисколько не лучше старых. Люди, засевшие в земствах, приняли наследство крепостников, «чтобы сохранить его неприкосновенным и неизменным» (Т. 7. С. 55).

Признаки времени с господствующим капиталистическим устремлением к наживе — «хищничеством» — и политической пассивностью народа, задавленного нуждой, не могут ободрять писателя. Он сокрушается, что среди «легковесных» нет места идеалам 40—60-х годов, однако не теряет веры в лучшее будущее: «Как ни обширно кладбище, но около него ютится жизнь» (Т. 7. С. 94). Только борьба масс в состоянии освободить страну от ее узурпаторов. Задача передовых людей — помочь народу изжить свою неразвитость, ибо «главная и самая существенная причина бедности нашей народной массы заключается... в недостатке сознания этой бедности» (Т. 7. С. 260).

В 1872—1876 гг. Салтыков-Щедрин печатает на страницах «Отечественных записок» два новых публицистических произведения: «Дневник провинциала в Петербурге» (1872) и «Благонамеренные речи» (1872—1876). Оба эти цикла посвящены преимущественно дальнейшему развитию капитализма в России и отражению этого процесса в политической жизни страны.

Писатель одним из первых в русской литературе создал типические образы представителей русской буржуазии 70—80-х годов и ее идеологов — либералов. Разоблачение либерализма становится одной из главных тем его литературной деятельности.

К началу 70-х годов Салтыков-Щедрин окончательно понял, что в России устанавливаются новые капиталистические отношения с их биржевым и акционерным ажиотажем, хищничеством, буржуазной пошлостью, мошенничеством и развратом. В стране плодилась огромная армия защитников капитализма — буржуазных либералов, продавшихся самодержавию журналистов, адвокатов, инженеров, банковских служащих. Огромную силу иронии, сарказма и презрения вложил сатирик в их описания и характеристики.

«Дневник провинциала в Петербурге» вскрывает социальную сущность либерализма как идеологии эксплуататоров, бичует «панегиристов хищничества» — «пенкоснимателей», верных слуг буржуазии. Капиталист-хищник, пишет сатирик, осуществляет хищничество на практике, а либерал-«пенкосниматель» возводит в догмат, оправдывает хищничество и «сочиняет правила на предмет наилучшего производства хищничества» (Т. 10. С. 552). Жадность обычного эксплуататора соединилась в либерале с непомерной политической трусостью. Он боится народа и революции и чувствует себя гораздо спокойнее под сенью самодержавия. За право грабить народ, за жирную подачку со стола хищника он обманывает трудящихся, лжет, отказывается от своих убеждений, предаёт своих единомышленников и выступает врагом «всяких утопий».

На фоне торжества буржуазного предпринимательства становится отчетливо виден идиотизм запуганного обывателя. Писатель смело осуждает политическую реакцию конца 60-х годов, критикует последующие реформы царского правительства, судебную в частности, затеянные для того, чтобы приспособить самодержавный режим к нуждам капиталистического развития.

В «Благонамеренных речах» сатирик показал русскому массовому читателю — читателю-«простецу», как он говорил, — всю ложь и лицемерие идеологических основ дворянско-буржуазного государства. Он обнажил фальшь благонамеренных речей адвокатов этого государства, которые «забрасывают вас всевозможными “краеугольными камнями”», говорят о различных «основах» и тут же «на камни паскудят и на основы плюют» (Т. 11. С. 42).

Писатель разоблачил грабительский характер буржуазной собственности, уважение к которой у народа воспитывалось с детства; вскрыл аморальность буржуазных семейных отношений и этических норм. В буржуазно-дворянском обществе под вывеской «священная собственность» процветает воровство и грабеж, под завесой «семейство — святыня» творятся прелюбодеяния, под сенью «священной государственности» капиталисты грабят Россию, рвут куски «отечественного пирога». Сравнение национальных богатств страны с пирогом, которым пользуются только господствующие классы, было настолько удачным, что к нему неоднократно обращались русские публицисты.

Особое место в цикле занимает рассказ о Дерунове, содержащий беспощадную характеристику «опоры» современного общества (глава «Столп»). До отмены крепостного права Осип Дерунов был мелким хлебным торговцем, содержателем постоянного двора и лабаза. Позже он арендовал винокуренные заводы, открыл кабаки, прибрал к рукам местную торговлю хлебом и скотом. Из скромного скупщика Дерунов скоро превратился в губернского деятеля. Капитал его рос, и вот Дерунов стал уже опорой власти. Уголовное преступление послужило источником его богатства. Дальнейшее было связано с беззастенчивым грабежом разорявшихся дворян и особенно мужиков. Ему чужды какие бы то ни было гражданские чувства. Попирает Дерунов и семейные основы. Расписывая благолепие своей семейной жизни, заявляя о верности «семейному союзу», он оказывается человеком, разрушающим собственную семью.

«Дерунов не столп! — заявляет в конце очерка Салтыков-Щедрин. — Он не столп относительно собственности, ибо признает священною только лично ему принадлежащую собственность. Он не столп относительно семейного союза, ибо снохач. Наконец, он не может быть столпом относительно союза государственного, ибо не знает даже географических границ русского государства...» (Т. 11. С. 144).

В «Благонамеренных речах» писатель попытался создать тип революционера-демократа (глава «Непочтительный коронат»), верного защитника интересов народа. Коронат, представитель революционно-демократической молодежи, стремясь выполнить свой долг революционера, нырнул туда, «откуда одна дорога: в то место, где Макар телят не гонял», т.е. подвергся ссылке.

В 1874 г., еще не закончив «Благонамеренных речей», Салтыков-Щедрин начинает новый цикл очерков — «В среде умеренности и аккуратности» — и работает над ним до 1880 г. Два основных события отразились в этом цикле: политическая реакция первой половины 70-х годов и события, связанные с русско-турецкой войной 1877—1878 гг.

Рассматривая общественную жизнь в годы реакции, Салтыков-Щедрин типичным явлением русской действительности называет «молчалинство». Безразличие к насущным вопросам современности, стремление к личному благополучию господствует в либеральном обществе. Молчалины всюду. Их угодливость, карьеризм не означают, однако, что они играют только пассивную роль: руки Молчалиных, как и руки царских сатрапов, запятнаны кровью. Познакомив читателей с Молчалиным-чиновником, Салтыков-Щедрин находит, что такие типы есть и среди адвокатов, писателей, журналистов. Все они — люди беспринципные, готовые снести любое оскорбление, если оно будет оплачено. Цинизм, моральная и политическая нечистоплотность, продажность являются неотъемлемым качеством преуспевающих адвокатов, журналистов и литераторов. Но именно эти качества и определяют их будущее поражение.

В главах, относящихся к войне 1877—1878 гг., дана яркая сатирическая картина шовинистического угара, охватившего часть русского общества и отразившегося на страницах многих либеральных и реакционных газет.

Цикл «Убежище Монрепо» (1878—1879) осветил положение мелких и средних дворян в конце 70-х годов. Автор снова обращается к важнейшей теме: что дала России реформа? как она отразилась на различных слоях населения? каково будущее русской буржуазии? Салтыков-Щедрин показывает семью дворян Прогореловых, чья деревня все больше и больше опутывается сетями местного кулака Груздева. Он правильно отметил, что на смену дворянству идет буржуазия, но не выразил ни сожаления, ни сочувствия отмирающему классу.

Писатель вывел колоритную фигуру деревенского капиталиста (Разуваева, Чумазого), для которого отечество — «падаль, брошенная на расклевание ему и прочим кровопийственным дел мастерам» (Т. 13. С. 150).

Салтыков-Щедрин, верно понимая характер русского капитализма как явления, обусловленного историческим развитием, не признавал капиталистические отношения вечными и неизменными. Никакое «Монрепо» не спасет буржуазию от гибели, как не спасло оно старое барство. Но сатирик видел лишь одну сторону развития новых общественных отношений в России. Он ничего не говорит о пролетариате — силе, которая рождалась вместе с развитием капитализма и грозила стать его могильщиком. «Я понимаю очень хорошо, — писал Салтыков-Щедрин, — что, с появлением солнечного луча, призраки должны исчезнуть, но, увы! Я не знаю, когда этот солнечный луч появится» (Т. 13. С. 186).

В «Убежище Монрепо» и особенно в «Круглом годе», написанных почти одновременно, Салтыков-Щедрин большое внимание вновь уделяет вопросу о государстве. Его прельщает не слава государства, а счастье народа, ибо не всегда они сочетаются: «Уже сколько столетий русское государство живет славною и вполне самостоятельною жизнью, а мы, граждане этого государства, все еще продолжаем себя вести, как будто над нами тяготеет монгольское иго или австрияк нас в плену держит» (Т. 13. С. 261).

В «Круглом годе» сатирик страстно и самоотверженно борется против молодых бюрократов-монархистов вроде Феденьки Неугодова, против диких репрессий правительства, напуганного размахом революционной борьбы народовольцев, защищает честную журналистику и литературу — «светоч идей», «источник жизни» — от правительства и от «московских кликуш» Каткова и Леонтьева.

После поездки по Европе Салтыков-Щедрин печатает в «Отечественных записках» цикл очерков «За рубежом» (1880). Симпатизируя передовой, революционной Франции, восхищаясь ее прогрессивными традициями, он беспощадно разоблачает современную французскую буржуазию, затоптавшую из алчности и страсти к наживе славные идеалы якобинцев. Сатирик развеял ореол мнимой революционности, возникший вокруг буржуазных республиканцев, которые защищали в прессе и парламенте капиталистические порядки. Он высмеял героя либеральной французской буржуазии Гамбетту,

ее ловкого адвоката, провозгласившего оппортунизм смыслом всей своей политической деятельности. «Республикой без республиканцев» назвал Салтыков-Щедрин Францию 70-х годов, оценив буржуазную республику как классическую форму господства буржуазии.

В очерках «За рубежом» писатель признал милитаризм важнейшей чертой в политике и настроениях немецкой буржуазии. Упоенная победой над Францией в 1870—1871 гг., Германия мечтала занять главенствующее положение в Европе. Салтыков-Щедрин высмеял эту претензию и заклеил наглость прусской военщины. Он глубоко и верно обрисовал господствующие классы Германии, сняв маску демократии и культуры с лица немецкой буржуазии 70-х годов.

«Зарубежное» в очерках Салтыкова-Щедрина постоянно и тесно переплетается с «отечественным». В аллегорической сцене — диалоге между «мальчиком без штанов» и «мальчиком в штанах» — сатирик ставит вопрос о характере дальнейшего развития России и приходит к выводу, что она, так же как многие европейские страны, пойдет по пути капиталистического развития. Но русский народ, не опутанный мешанским филистерством, еще не пропитанный буржуазной законностью, как это случилось с немецким «мальчиком в штанах», сумеет свести счеты с Колупаевым и добиться освобождения от всякой эксплуатации. Все сопоставления русских и западноевропейских общественных отношений даны в очерках под углом зрения перспектив революционного развития России. Салтыков-Щедрин гневно клеймит реакционную политику русского царя и дворянства. Отталкивающий сатирический образ торжествующей свиньи, которая пожирает беспомощно барахтающуюся правду, был символом политической реакции 80-х годов, наступившей вскоре после убийства народовольцами Александра П.

«Письма к тетеньке» (1881—1882), «Современная идиллия» (1877—1883) и публицистические произведения, написанные после закрытия «Отечественных записок», рисуют русское общество в период обострения революционной борьбы и реакции, наступившей вслед за разгромом движения народников. «Современная идиллия» развертывает картину глубокого нравственного падения либерального общества в обстановке террора самодержавия, показывает характерные черты торжествующей контрреволюции. Шпионаж и доносы вошли в обычай, уголовщина стала признаком политической благонадежности.

В «Современной идиллии» и в «Письмах к тетеньке» писатель смело разоблачал террористические организации самодержавия, и в первую очередь так называемую священную дружину. Сатирик осуждает буржуазно-дворянское государство со всеми его институтами как орудие угнетения народных масс, как средство защиты классового господства помещиков и капиталистов, снова клеймит либеральное общество, плотным кольцом окружавшее царский трон после 1881 г.

Яркой сатирой на царский суд и расправу является сценка «Злополучный пискарь, или Драма в Кашинском окружном суде». В наиболее обобщенном виде тупость и реакционность царской бюрократии была воплощена писателем в образе ретивого начальника, который решил закрыть Америку.

Во многих обозрениях, почти во всех публицистических циклах Салтыкова-Щедрина встречаются фигуры буржуазных журналистов, сатира на буржуазно-консервативную прессу. Так, в «Дневнике провинциала в Петербурге» содержится издевательская характеристика либерально-буржуазной прессы 70-х годов — печати «пенкоснимателей». Под именем «Старейшей российской пенкоснимательницы» сатирик изобразил «Санкт-Петербургские ведомости» Корша — крупнейшую либеральную газету того времени, высмеял продажных, трусливых газетных борзописцев, фразеров и болтунов, идеологов и теоретиков хищничества.

Не менее злую сатиру на либеральную прессу, явно повернувшую в конце 70-х годов к монархизму, содержит цикл «В среде умеренности и аккуратности». Прототипом газеты «Чего изволите?» и ее редактора, Молчалина 2-го, явился Суворин, издатель газеты «Новое время».

Сатирик вводит читателей во все тайны редакционной кухни и пародийно раскрывает сущность основных жанров буржуазной газеты: передовой статьи, фельетона, корреспонденции. Пустословие возведено здесь в принцип, и только одна мысль беспокоит редактора: как бы при всем либерализме дать каждой фразе такой оборот, чтобы не осталось и тени недоверия к начальству! Щедринское выражение «Чего изволите?» было очень удачным и прочно укрепились за газетой Суворина «Новое время».

Глава «Тряпичкины-очевидцы» из цикла «В среде умеренности и аккуратности» целиком посвящена буржуазной прессе. Положение русской периодики глубоко волновало сатирика. Он остро переживал почти полное отсутствие честной,

правдивой легальной печати в России, которая бы с достоинством служила своему народу. Тряпичкин — не присутствующий на сцене персонаж комедии Гоголя «Ревизор» — был не кем иным, как обобщенным образом продажного писака, шелкопера, одного из членов «журнального триумvirата» 30-х годов (Булгарин, Греч и Сенковский). И в названии газеты («Краса Демидрона» — несколько измененное название публичного дома в Петербурге), и в поведении корреспондентов Щедрина настойчиво подчеркивает общую черту буржуазной прессы — продажность.

Горькой и злой иронией звучит название главы «Тряпичкины-очевидцы». Все три корреспондента газеты «Краса Демидрона» — Подхалимов I, Подхалимов II и Ящерицын, — вместо того чтобы ехать на театр военных действий, оказались во внутренних губерниях России, и один из них оттуда посылал в газету свои «фронтовые» корреспонденции.

Позднее, в условиях реакции 80-х годов, Салтыков-Щедрин еще не раз обращается к характеристикам буржуазной и монархической прессы в России. Редактор «Красы Демидрона», бывший тапер публичного дома Иван Иванович Очищенный («Современная идилия»), сам признается, что он не имеет никакого влияния на газету. Все зависит от издателей — содержателей увеселительных заведений. Скандальная хроника, порнография, социальная демагогия — вот основное содержание газеты «Краса Демидрона» в 80-е годы. Под стать ей газета «Помои», издаваемая Ноздревым («Письма к тетеньке»). Сатира Салтыкова-Щедрина точно отражала картину части капиталистической журналистики.

Но в произведениях писателя мы найдем и образ журналиста-демократа, отдавшего все силы делу освобождения народа. У него есть свой читатель, читатель-друг, способный не только посочувствовать литератору в трудную минуту, но и готовый претворить в жизнь идеи народного счастья («Мелочи жизни»). Трагический образ журналиста-демократа изображен в сказке «Приключение с Крамольниковым». Он сожалеет о том, что не принял непосредственного участия в революционной борьбе, а лишь в литературе, в журналистике боролся с неправдой.

Публицистика Салтыкова-Щедрина 70—80-х годов — это подлинная революционно-демократическая летопись всей пореформенной России. Резкость и непримиримость сатиры были отражением убежденности писателя в том, что необходимо решительно покончить с царизмом и эксплуататорами.

Все симпатии писателя на стороне истерзанного, забитого хищниками трудящегося человека. Во имя освобождения народа и разоблачал он так беспощадно все язвы русской жизни.

Салтыков-Щедрин был и остается непревзойденным мастером публицистической сатиры, замечательным художником слова. В своем творчестве он часто прибегал к иносказанию, гиперболе, иронии, фантастике. Писатель быстро и верно умел подметить новое в экономике, политике, литературе. Это умение позволило ему раньше других, уже в начале 70-х годов, создать яркие, типические образы нового капиталистического хищника — колупаевых и разуваевых, таких, как Чумазый.

Огромная сила сатирического обобщения, типизации — яркая индивидуальная особенность стиля Салтыкова-Щедрина. Он мог схватывать явления в их становлении, росте. Недаром Гончаров говорил, что для изображения не установившегося в жизни нужен талант Щедрина, признав тем самым способность сатирика верно и своевременно улавливать новое в жизни.

Салтыков-Щедрин был мастером эзоповского языка. Немного найдется писателей и публицистов, которые могли бы сравниться с ним в искусстве обходить цензурные рогатки. Вслед за Герценом и Чернышевским он блестяще пользовался в подцензурной печати иронией и по праву мог повторить слова Герцена, назвавшего иронию «утешительницей» и «мстительницей».

Несмотря на многочисленные иносказания, на условность употребления ряда слов и оборотов речи, читатель, по свидетельству самого сатирика, хорошо понимал его: «...литература до такой степени приучила публику читать между строками, что не было того темного намека, который оставался бы для нее тайной» (Т. 5. С. 177).

Неистошимо языкотворчество Салтыкова-Щедрина. Он был очень чуток, внимателен к структуре родного языка, идиомам и поговоркам и негодовал на либерально-буржуазных газетчиков, коверкавших речь в угоду своим невзыскательным читателям. У него чрезвычайно сильно развито чувство слова, огромен словарный запас, поразительно умение использовать многозначность слов. Как никто, писатель умел выявить нужный смысловой оттенок в слове и с его помощью охарактеризовать любое жизненное явление, поведение отдельного человека или целой социальной группы. Сатирик в совершенстве постиг язык так называемого образованного общества — язык чиновников, адвокатов, либеральных писателей

и журналистов, законодательных учреждений — и пародировал его в своих произведениях. Столь же хорошо знал он речь народа, крестьян, язык русских летописей.

Для характеристики различных сторон русской жизни 70—80-х годов Салтыков-Щедрин охотно вводил в свои произведения литературные персонажи: Молчалина, Чацкого, Рудина, Глумова, Ноздрева и многих других — и заставлял их действовать. Это избавляло его от необходимости подробно характеризовать прошлое «героев» своего времени. Сохраняя первоначальный портрет, литературные персонажи жили в произведениях Салтыкова-Щедрина второй жизнью. В изменившихся исторических условиях их характеры и поведение раскрывались с новых сторон, а литературное прошлое помогало уяснить классовую сущность и общественную роль живых представителей различных сословий в 70—80-е годы, делало ощутимой связь эксплуататоров и угнетателей капиталистической эпохи с крепостниками.

Во всех сатирических очерках Салтыкова-Щедрина встречается образ рассказчика или корреспондента, который в иных случаях становится рупором авторских идей и оценок. Чаще всего он олицетворяет собой колеблющегося, трусливого русского либерала-обывателя, примкнувшего к реакции и разоблачающего себя речами и поступками. Таков, например, корреспондент «Писем к тетеньке», от имени которого ведется повествование.

Писатель постоянно стремился сделать своих противников смешными, ибо смех — великая сила. «Насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится»¹², — считал Гоголь. И Салтыков-Щедрин, верный школе критического реализма, традициям гоголевской сатиры, признавал, что смех — «оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех» (Т. 13. С. 270).

В подцензурных же условиях этот способ борьбы оставался подчас единственно возможным, ибо кто мог позволить себе в легальной прессе патетический гнев или прямое осуждение самодержавия?!

Творчество Салтыкова-Щедрина в целом и публицистика в частности широко знакомят нас с эпохой самодержавного деспотизма, помогают понять историческую обреченность царствующей династии.

¹² Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1952. Т. 4. С. 273.

Журнал «Дело»

Вторым по значению после «Отечественных записок» демократическим изданием 70-х годов был ежемесячный журнал «Дело». Являясь непосредственным продолжением «Русского слова», он был первым и около полутора лет единственным толстым журналом демократического направления, выходившим в России после закрытия «Современника» и «Русского слова». До 1868 г. имел подзаголовок «учено-литературный», после 1868 г. — «литературно-политический».

На протяжении восемнадцати лет, с 1866 по 1884 г., находясь в исключительно тяжелых цензурных условиях, журнал «Дело» неизменно сохранял свое прогрессивное лицо. Связь его с «Русским словом» сказалась и в составе сотрудников, и в общем направлении журнала. Вражда к существующему самодержавному строю и всем пережиткам крепостничества, борьба за экономический прогресс, за просвещение и свободу, защита интересов широких народных масс, пропаганда материализма и естествознания, сочувствие и помощь революционному подполью — вот что характеризует как первый, так и второй печатный орган Благосветлова.

Журнал «Дело» был задуман Н.И. Шульгиным еще в пору выхода «Русского слова» и «Современника». Однако он, не надеясь собрать необходимое число подписчиков, медлил с изданием своего журнала. После закрытия демократических органов в 1866 г. между редактором «Русского слова» Благосветловым и Шульгиным состоялось соглашение о выпуске «Дела» как непосредственного продолжателя журнала «Русское слово». Официальным редактором «Дела» до 1880 г. оставался Шульгин, но его фактическим руководителем все это время был Благосветлов. Кроме них непосредственное участие в делах редакции в 70-е годы принимал также А.К. Шеллер-Михайлов, которому было поручено редактирование беллетристического отдела.

Благосветлов стремился сделать журнал таким же ярким и популярным, каким было «Русское слово». Для этого он старался сплотить вокруг «Дела» товарищей по прежней работе, несмотря на рискованность такого шага, ибо Шульгин был уже предупрежден властями, что в его журнале нежелательно участие сотрудников «Русского слова».

Действительно, вокруг «Дела» собрались основные авторы прежнего журнала Благодетель. Освобожденный в ноябре 1866 г. из крепости, Д.И. Писарев согласился сотрудничать в «Деле» и напечатал несколько статей, в том числе «Образованная толпа» — разбор сочинений Ф.М. Толстого (1867. № 3, 4) — и «Будничные стороны жизни» (иначе: «Борьба за жизнь») — о романе Достоевского «Преступление и наказание» (1867. № 5; 1868. № 8). Большое участие в «Деле» принял Шелгунов, который после ухода Писарева стал ведущим публицистом журнала.

Кроме Писарева, Шелгунова, Шеллера-Михайлова из авторов «Русского слова» в «Деле» выступали также П.Н. Ткачев, И.В. Федоров-Омулевский, Д.Д. Минаев, А.П. Шапов, Н.Ф. Бажин, Эли Реклю и некоторые другие. Все они были людьми неблагонадежными в глазах правительства, кое-кто состоял и под особым наблюдением, например Благодетель, Шелгунов, Минаев, Шапов. Многие сотрудники находились во время издания «Дела» в ссылке (Шелгунов, Шапов, Шашков, Берви-Флеровский), в эмиграции (Мечников, Ткачев — с 1873 г., Русанов, Лавров и др.). Эти-то люди и составили демократическое ядро журнала. К ним примкнули П.А. Гайдебуров, П.И. Якоби, В.О. Португалов и несколько позднее — К.М. Станюкович.

Из опубликованного в газете «Голос» за подписями Благодетель и Ткачева объявления о том, что подписчикам «Русского слова» взамен прекращенного издания до конца года будут высылаться книжки нового журнала «Дело», стало ясно: готовится замаскированное продолжение «Русского слова». Не желая допустить этого, III Отделение известило Главное управление по делам печати, что оно находит «неудобным» издание «Дела». Отобрать права у издателя по закону все же не представлялось возможным, так как журнал «Дело» был разрешен за несколько дней до закрытия «Русского слова» и юридически являлся совершенно самостоятельным; тогда возник план ликвидации журнала с помощью цензуры.

В августе 1866 г. начальник Главного управления по делам печати в секретном письме начальнику III Отделения сообщил о необходимости поставить «Дело» в разряд подцензурных органов вопреки выданному Шульгину на основании Временных правил о печати 1865 г. разрешению на издание без цензуры. Ни один журнал 70-х годов не испытал такого гнета цензуры, какой пришлось вытерпеть «Делу».

Еще до выхода в свет первого номера цензуре было предложено усилить наблюдение за новым журналом Благодетеля, чтобы вынудить его к «добровольному закрытию». Вся цензурная история «Дела» говорит о желании правительства уничтожить журнал или, по крайней мере, превратить его в «сборник случайных статей». В переписке цензурного ведомства «Дело» не раз фигурирует как орган, «подлежащий полному исчезновению из области журналистики»¹³. В «Деле» запрещались такие материалы, которые беспрепятственно проходили в других периодических изданиях, даже в «Искре». Нередко больше половины подготовленных редакцией материалов попадало под запрет. Долгое время все материалы, предназначавшиеся для очередного номера, рассматривались не отдельными цензорами, а цензурным комитетом в полном его составе — порядок, не предусмотренный законами о печати. Однако журнал упорно боролся за свое существование. Благодетель умело обходил цензурные препятствия и не давал повода изменить характер и направление издания.

У «Дела» вскоре сложился определенный круг постоянных читателей. Журнал был распространен в обеих столицах, в провинции, в армии. Тираж его доходил в 1870 г. до 4000 экземпляров.

С первых дней «Дело» по цензурным соображениям должно было соблюдать большую осторожность в полемике с консервативной и либеральной прессой. Прямая и резкая критика заменялась насмешкой и едкой иронией по поводу незначительных, но характерных выступлений реакционных журналов и газет: «Московских ведомостей» и «Русского вестника» Каткова, «Вести» Скарятина, «Всемирного труда» Хана и Аскоченского.

По традиции демократической прессы каждая книжка журнала состояла из двух основных отделов: первый — беллетристика и статьи научного содержания, второй — публицистика, объединенная под рубрикой «Современное обозрение». Общественно-политическое направление «Дела» особенно ясно выражалось в его публицистике. Публицистический отдел был ведущим в журнале Благодетеля. Здесь постоянно сотрудничали автор многочисленных статей и большого числа «Внутренних обозрений» Шелгунов, фельетонист Минаев,

¹³ Дело Главного управления по делам печати по изданию журнала «Дело» (РГИА. 1866. Ф. 776. Оп. 3. Ед. хр. 399. Л. 4а).

беллетрист Станюкович, Эли Реклю — иностранный обозреватель журнала, историки и социологи: Ткачев, Щапов, Берви-Флеровский, Тихомиров и др.

Журнал «Дело», так же как и «Отечественные записки», издавался в годы широкого распространения идеологии народничества. Это не могло не сказаться на его содержании и составе сотрудников. Однако непосредственные руководители журнала (Благосветлов, Шелгунов и Станюкович), отдавая должное революционности и демократизму народников 70-х годов, не разделяли многих их теоретических взглядов. В «Деле» народнический этап русского освободительного движения отразился весьма своеобразно, что не позволяет в целом считать этот периодический орган народническим изданием даже в той степени, как это применимо к «Отечественным запискам». Менее остро поэтому выглядели здесь и противоречия между сотрудниками.

Ни один народнический лидер не принимал участия в редактировании журнала, тогда как в редакцию «Отечественных записок» входили в разное время Михайловский, Елисеев, Кривенко. Больше того, народники (Русанов) жаловались, что, пользуясь монопольным положением двух демократических журналов, редакция «Дела» очень требовательно относилась к их работам, была «чересчур строга», разборчива в помещении их статей и беллетристики у себя в журнале, не исключая работ Ткачева. Действительно, руководители журнала (особенно Благосветлов) ограничивали пропаганду социологии народничества.

Главное внимание журнал «Дело» сосредоточил на борьбе с пережитками крепостничества и самодержавием. Реформа 1861 г., по глубокому убеждению публицистов «Дела», не изменила бедственного положения народных масс. Крестьянский вопрос по-прежнему оставался основным вопросом русской революции. В доступной для подцензурного журнала форме, с различными предосторожностями сотрудники «Дела» (Шелгунов, Ткачев, Берви-Флеровский) постоянно разоблачали помещичью сущность, грабительский характер пресловутого «освобождения». Их внимание в первую очередь обратили на себя малоземелье и тяжесть выкупных платежей, наложенных на крестьян при освобождении, — главные следствия реформы 1861 г. Даже наиболее умеренные сотрудники «Дела», такие, как Гайдебуров, не скрывали помещичьего характера реформы 1861 г. и при случае указывали: «Положение о крестьянах... вовсе нельзя упрекнуть в невнимательности

к помещичьим интересам» (1869. № 7. С. 7). Этот взгляд не изменился до конца издания журнала. Так, например, в «Современном обозрении» номера первого за 1881 год читаем: «При недостаточности земельных наделов и непомерной тяжести платежей, иногда поглощающих весь доход от земледелия, крестьяне испытывают самое бедственное положение» (С. 52).

Пережитки крепостничества, гнет самодержавия давали себя знать не только в деревне. Поэтому публицисты «Дела» не ограничивались критикой одной только крестьянской реформы, а развернули широкое обличение всех сторон российской действительности, пробуждая в читателях чувство негодования и протеста против существующего строя.

Систематически, из номера в номер, в разных отделах и статьях под благовидными предлогами, чаще всего в форме «научного исследования», публицисты и писатели журнала доказывали, что Россия доведена ее правителями до нищенского состояния, а политический произвол ухудшает и без того тяжелое положение народа.

С неподдельной болью за судьбы родины журнал характеризует экономическое состояние страны. Ее земледелие стоит на самой низкой ступени развития. Ни в одной стране Европы земледелец не получает так мало, как в России. Слабо развита промышленность, перерабатывающая сельскохозяйственные продукты: свеклосахарная, винокуренная, маслобойная. Россия занимает одно из последних мест по производству машин, добыче угля и руды, по количеству рабочих. Текстильная промышленность развита больше других, но и в этой области Россия значительно уступает многим европейским государствам. На первый взгляд эти факты как будто бы и не ставились в вину царскому самодержавию и господствующим классам, но после выхода в свет книжечек «Дела» цензоры неизменно с досадой отмечали, что материалы каждого номера подобраны тенденциозно и настоящее положение России выглядит на страницах журнала весьма мрачным. И хотя ни одна из статей «ни по тону, ни по содержанию, взятая отдельно, не представляет оснований к запрещению», подбор статей в каждом номере несомненно изобличает редакцию в стремлении «представлять жизнь народных классов с одной темной стороны»¹⁴.

¹⁴ Дело СПб. цензурного комитета по изданию шт.-кап. Шульгиным ежемесячного журнала «Дело» (РГИА. 1866. Ф. 777. Оп. 2. Ед. хр. 76. Ч. II. Л. 157).

Журнал не ограничивался критикой только экономической и культурной отсталости. Являясь сторонником полной демократизации страны, «Дело» постоянно обращает внимание своих читателей на факты политического и административного произвола. Резко критикует журнал политику царского правительства в области народного просвещения, осуждает домостроевскую рутину и трусость русского общества в вопросах женской эмансипации, ратует за расширение гражданских прав женщины и сферы приложения женского труда.

Все это, вместе взятое, не было мелким обличительством, которое так любила либеральная пресса. Ведущие сотрудники журнала понимали бесполезность тех корреспонденций и фельетонов, которые выступают «против отдельных фактов, отдельных личных случаев, составляющих результат других, более широких общих причин». «Высшая борьба есть борьба с принципом», — заявлял Шелгунов (1868. № 9. С. 2); «Подогревать вопросы земства, гласного суда и т.д. значит, в сущности, заниматься подметанием мелочей» (1870. № 5. С. 29). Такова была точка зрения большинства сотрудников «Дела».

Верные критическому, «отрицательному» направлению «Русского слова», сотрудники «Дела» сохраняли тем самым верность лучшим традициям 60-х годов и в новых исторических условиях неизменно являлись последовательными борцами против самодержавия и пережитков крепостничества. Недаром в отчетах Главного управления по делам печати журнал «Дело» вместе с «Отечественными записками», «Искрой» и некоторыми другими изданиями был отнесен к той категории периодических органов, которые «желают изменения самих основ общественного быта и государственного управления»¹⁵.

«Дело» в лице своих ведущих публицистов оправдывало эту характеристику. Несмотря на известные различия, большинство сотрудников все годы оставались принципиальными сторонниками революционных методов борьбы с царизмом, хотя высказываться по этим вопросам в журнале было чрезвычайно трудно. Они вели решительную борьбу с реакцией и критиковали либералов за их предательство и ренегатство. «Либерализм — это своего рода гангрена или чума, которая не только мешает отдельным поколениям, но и путает историю», — писал Шелгунов (1876. № 6. С. 47). Непримируемо

¹⁵ Дело Главного управления по делам печати. Отчет Главного управления (РГИА. 1870. Ф. 776. Оп. 4. Ед. хр. 264. Л. 35).

и резко отзывался о русских либералах и редактор издания Благосветлов в статьях «Старые романисты и новые Чичиковы», «Новые вариации на старую тему» и др.

Журнал открыто сочувствовал революционной борьбе западноевропейского пролетариата, особенно французского, и охотно освещал факты революционной борьбы европейских рабочих для пропаганды своих революционно-демократических идей и взглядов. Пример Франции, сбросившей в 1870 г. иго империи, был назван поучительным для других народов.

Шелгунов считал, что хорошими чувствами нельзя лечить общественных зол. Прямо от Чернышевского идет утверждение Шелгунова о том, что историческая арена — не гостиная. Он остался верен своей прокламации «К молодому поколению», особенно той ее части, где говорилось об уничтожении паразитических правящих классов, и в новой обстановке сохранил верность революционно-демократическому наследию 60-х годов. Самоотверженная борьба народовольцев нашла безусловную поддержку журнала «Дело».

Вместе с тем в «Деле» появлялись статьи, направленные на то, чтобы и в рамках существующего строя добиться известных улучшений, о чем писали Гайдебуров и некоторые другие. Это не означает, конечно, что Гайдебуров не имел демократических стремлений, но именно ему было свойственно неверие в революционность русского народа (статья «Внутреннее обозрение» за 1868 г. в № 11). Однако не статьи Гайдебурова и подобных ему публицистов определяли лицо и направление журнала.

Отрицая полуфеодальный самодержавный строй царской России, сотрудники «Дела» не менее остро критиковали буржуазные порядки на Западе, национальную и колониальную политику буржуазии. Журнал часто сравнивал свою страну со странами Западной Европы и Америкой, чтобы нагляднее показать отсталость России. При этом, отмечая прогрессивность буржуазных государственных форм по сравнению с полуфеодальной монархией, журнал вовсе не видел в них своего идеала. Даже по отношению к наиболее приемлемой форме общественного и государственного устройства того времени, какой они считали молодую республику США, «Дело» проявляло трезвый реализм и осуждало недостатки американской социальной и политической системы. На примере Франции журнал показывал, что буржуазная революция дала «желанную свободу» только буржуазии, а рабочих

«поставила в тяжелую зависимость от капитала и конкуренции» (1871. № 1. С. 107).

Чрезвычайно важно отметить, что для характеристики положения западноевропейского пролетариата журналом были привлечены сведения, почерпнутые из немецкого издания первого тома «Капитала» К. Маркса. В статье «Производственные ассоциации» на десятках страниц цитирует и пересказывает это произведение А. Шеллер-Михайлов¹⁶. Однако понять, а тем более применить учение Маркса к анализу русской действительности публицисты «Дела» не сумели. Обращались они к трудам Маркса и позднее, в 80-е годы, но и тогда учение о классовой борьбе, историко-философское содержание марксизма оказались ими непонятыми.

В конце 60-х и в 70-е годы журнал в статьях своих ведущих публицистов трезво оценивал переходный характер эпохи и признавал, что Россия уже вступила на путь капитализма. Капиталистические отношения все шире захватывают различные отрасли народного хозяйства, констатировал журнал. Капитал сделался главной силой и «истинным двигателем общественной жизни» (Шелгунов). Сотрудники «Дела» хорошо понимали, что промышленность увеличивает общенациональное богатство, что новейшие изобретения, машины «двинули человечество в полстолетия настолько вперед, насколько не двинули бы его никакие школы и книги в тысячелетия» (1867. № 9. С. 151—152).

В практических пожеланиях они выступают, как настоящие «манчестерцы». Шелгунов, например, считал необходимым немедленное осуществление правильных, централизованных разработок каменноугольных залежей в Донецком угольном бассейне, железорудных месторождений на Урале, т.е. выступал за расширение базы современной индустрии. Он без особого беспокойства отмечал, что в стране возникают новые промышленные центры, что благодаря капиталу «Волга покрылась сотнями пароходов; Россию изрезали десятки железных дорог: сообщение облегчилось и ускорилось, пульс промышленной жизни стал биться скорее» (1871. № 2). Но в решении вопросов, связанных с развитием в стране капитализма, журнал не смог избежать ряда противоречий и ошибок.

¹⁶ См.: Дело. 1870. № 4. С. 222—234. Целиком, например, приводится ставший классическим пример булавочного производства.

Идеологи крестьянства, по преимуществу публицисты «Дела» (Шелгунов, Берви-Флеровский), испытывали определенный страх перед беспощадной силой капитала, которая не знает никаких человеческих чувств. Поэтому наряду с требованием развития индустрии в журнале велась защита общины и кустарных промыслов как коллективной формы ведения хозяйства и основы социалистического строя в России. Публицисты «Дела» мечтали о промышленности без капиталистов, о превращении сельской общины в «сознательную, твердо организованную ассоциацию». Эти мечтания базировались на идеалистическом преувеличении роли человеческого разума. Несмотря на противоречивость отдельных высказываний о русской общине, Шелгунов, например, бесспорно шел к преодолению общинных иллюзий. Он уже в 1869 г. признавал, что надежды на общину поставлены под сомнение всем ходом пореформенного развития.

Многие ведущие сотрудники «Дела» не приняли ошибочного взгляда народнических лидеров на ход истории человечества и не считали капитализм регрессом. Больше того, Шелгунову, как и некоторым другим публицистам, осталась чуждой теория героев и толпы. Для него было несомненно, что один в поле не воин, и «немыслимы герои, желающие превратить народ в Панургово стадо» (1870. № 4). Народ, а не герои является основной движущей силой истории: «Историю творят массы обыкновенных людей» (1874. № 12). И хотя народники продолжали занимать видное место в журналистике, Шелгунов вместе с Благосветловым относились к ним в это время сдержанно, считая, что народничество «сузило горизонт мысли» и что «русское общественное сознание от этого очень много проиграло»¹⁷.

Сравнительно большое внимание в журнале уделяется положению рабочего класса. Многие публицисты «Дела» смотрели на пролетариев как на страдающий класс, хотя и более развитый, чем крестьяне, которому нужно помочь. Сотрудники журнала — Шелгунов, Ткачев, Михайлов, Берви-Флеровский — заявляли, что рабочий вопрос не «выдумка», как считали консервативные публицисты, в частности Страхов и Катков: он уже поставлен в повестку дня всем ходом исторического развития страны. Не только на Западе, но и в России начинается рабочее движение. «Оно еще так слабо, так мало

¹⁷ Благосветлов Г.Е. Соч. СПб., 1882. С. XXVI.

заметно, что какие-нибудь господа Страховы могут сказать, что и это движение не более как нелепая выдумка кабинетных людей, не знающих русского рабочего, что русскому рабочему живется, как в раю, на фабриках и заводах, в селах и городах...» (1870. № 11). Но от этого дело не меняется.

В начале 80-х годов, накануне крупных стачек текстильщиков в Центральном промышленном районе (Владимир, Орехово-Зуево), журнал поместил ряд материалов, связанных с рабочим движением: статьи «Русский рабочий» Шашкова (1881. № 5, 6), «Хроника рабочего труда» Приклонского (1883. № 1), «Наша фабричность» Онгирского (1883. № 1) и др. Публицисты «Дела» во главе с Шелгуновым способствовали правильной постановке рабочего вопроса в России 70-х годов вопреки попыткам представителей официальной идеологии принизить его значение.

Журнал вел неустанную пропаганду науки, оставшись верным программе «Русского слова». В естествознании публицистов «Дела» интересовали вопросы, непосредственно связанные с человеком, его развитием и условиями существования. Сотрудникам журнала как просветителям было свойственно преувеличенное представление о силе знаний в общественной жизни. Но их горячая защита передовой науки и популяризация ее достижений сыграли положительную роль в росте отечественной науки и культуры.

Беллетристика в журнале «Дело» играла второстепенную роль по сравнению с публицистическими статьями, как это было и в «Русском слове», не отличалась оригинальностью мысли и художественными достоинствами. Таких писателей, как Л. Толстой, Тургенев, Гончаров, редакция «Дела» не считала прогрессивными.

Многие авторы были тесно связаны с «Отечественными записками» и поэтому не могли участвовать в «Деле», хотя журнал охотно предоставлял им свои страницы, например Г. Успенскому. Приходилось ориентироваться на менее известные литературные силы, выдвигать молодежь. Ведущее место в беллетристическом отделе занимали А.К. Шеллер-Михайлов, Н.Ф. Бажин, И.В. Федоров-Омулевский, позднее — К.М. Станюкович. Кроме них печатались Г.И. Успенский, Ф.М. Решетников, В.А. Слепцов, А.И. Левитов, М.А. Воронов, П.В. Засодимский и др. В 70-х годах в «Деле» сотрудничал П.Д. Боборыкин, в 80-е годы — Д.Н. Мамин-Сибиряк,

выступивший с романом «Приваловские миллионы». Невысокий уровень беллетристики журнала во многом зависел также от редактора отдела А.К. Шеллера-Михайлова, склонного к серьезной недооценке художественной стороны литературных произведений. Он полагал, что «писатель всегда силен идеями, а не картинами». При всей справедливости требований высокой идейности такая позиция вела к излишней рассудочности в художественной практике самого Шеллера-Михайлова и отражалась на составе руководимого им беллетристического отдела.

Характерной особенностью беллетристики «Дела» было то, что в центре ее внимания стоял не крестьянин, хотя изображение крепостничества и его пережитков имело место в журнале, а разночинец-интеллигент: авторы журнала стремились создать тип положительного героя своего времени. Но они не смогли сделать это талантливо, на что не раз указывал Салтыков-Щедрин, выделяя из беллетристов «Дела» лишь Федорова-Омулевского с его романом «Светлов», или «Шаг за шагом».

Пробелы в оригинальной прозе редакция пыталась восполнить за счет переводов. В 70-е годы в «Деле» печатались романы Ф. Шпильгагена, В. Гюго, Э. Золя, Андре Лео и других прогрессивных романистов Запада, стихи Петефи. В 80-е годы появляются переводы произведений Ги де Мопассана, А. Доде, Джованьоли, Э. Ожешко.

Критика и библиография в журнале «Дело» были боевым участком и подчас служили единственным средством политической пропаганды и агитации. Вместе с «Отечественными записками» Некрасова и Салтыкова-Щедрина «Дело» ведет непримиримую борьбу с теорией «чистого искусства», разоблачает так называемую антинигилистическую литературу, пытавшуюся опорочить революционно-демократическое движение 60-х годов.

Защите гражданского, высокоидейного искусства в значительной степени были посвящены в «Деле» фельетоны Минаева «С Невского берега» и «Невинные заметки», литературно-критические статьи Ткачева и Шелгунова. Особенно показательна для борьбы с «чистым искусством» статья Шелгунова «Двоедушные эстетического консерватизма», направленная против воинствующего критика-идеалиста Н. Соловьева. В этой статье автор приближается к пониманию того, что

эстетические теории носят классовый характер и выражают интересы определенных общественных групп. Шелгунову, как и Минаеву, Благодетелю, Ткачеву, было ясно, что теория Н. Соловьева хороша только для обеспеченной верхушки русского общества. Стремление увести искусство в область «вечных идеалов», «чистой художественности» могло в тех условиях родиться только у людей, вполне довольных существующими порядками. Критики «Дела» восставали против подобной теории искусства, согласно которой одни поют гимны, а другие поставляют им горячие калачи.

Другой стороной вопроса явилась теоретическая разработка проблемы положительного героя. Критики и публицисты журнала считали, что литература не может ограничиваться простым копированием жизни, а должна «возбуждать стремления к отдаленным идеалам» (Шелгунов). Они требовали создания таких героев, которым подражали, за которыми следовали бы молодые борцы с самодержавием.

Особенно активно критики «Дела» (Шелгунов, Ткачев) выступали за открытую тенденциозность в литературе и искусстве. Эта мысль составляет основу их литературных убеждений. Однако такое требование, справедливое само по себе, нередко приводило их к ошибочной оценке творчества отдельных писателей, у которых эта тенденциозность не была выражена прямолинейно. Показательно в этом смысле непонимание ведущими критиками журнала — Ткачевым и Шелгуновым — творчества Салтыкова-Щедрина. Опираясь на статью Писарева «Цветы невинного юмора». Ткачев при поддержке Благодетеля долгое время отрицал на страницах «Дела» социальное значение сатиры Салтыкова-Щедрина на том основании, что не находил в ней передовых идеалов, прямого сочувствия прогрессу («Безобидная сатира», 1878. № 1). Несколько раньше Шелгунов в статье «Горький смех — не легкий смех» (1876. № 10), признавая меткость сатиры Салтыкова-Щедрина, тем не менее утверждал, что писателю недостает ясной мысли и последовательного мирозерцания, которые бы дали содержание его творчеству.

Следует сказать, что после смерти Благодетеля, недоброжелательно относившегося к Салтыкову-Щедрину, журнал отказался от несправедливых нападок на великого сатирика. В 1881 г. в «Журнальных заметках» Ф. Решимова (псевдоним Станюковича) была высоко оценена литературная деятель-

ность Салтыкова-Щедрина в 70-е годы. В 1883 г. в статье Протопопова о Салтыкове-Щедрина он с полным уважением назван «политическим писателем», а его сатира объяснена как плод настоящей большой любви к родине («Характеристика современных деятелей»). Изменил свое отношение к творчеству Салтыкова-Щедрина в 80-е годы и Шелгунов.

Критики «Дела» допустили грубые ошибки в оценке творчества Л. Толстого как дворянского писателя. В то же время они преувеличивали значение романов Шеллера-Михайлова и других беллетристов «с направлением» [статья Ткачева «Тенденциозный роман» (1873. № 2, 6, 7)].

Но в ряде других вопросов, например в критике натурализма, пустого либерального обличительства, «Дело» оставалось на уровне эстетических теорий 60-х годов. Шелгунов, Минаев, Благосветлов вместе с «Отечественными записками» искренне приветствовали и поддерживали разночинную литературу, в частности Решетникова, чьим героем стал трудящийся человек, рабочий.

Бесспорной заслугой критиков «Дела» было то, что они вместе с «Отечественными записками» отстаивали в годы реакции эстетику революционных демократов, когда правящие классы стремились всеми способами вытравить из памяти общества идеи 60-х годов, предать забвению имена Чернышевского и Добролюбова.

Журнал «Дело» сохранял свое демократическое направление вплоть до 1884 г., чем он в большой степени обязан Благосветлову, а также его соратникам и преемникам по редактированию — Шелгунову (1881—1882) и Станюковичу (1882—1883). Журнал честно пронес знамя демократии через полосу реакции, наступившей вслед за спадом революционной волны 60-х годов, и во всеоружии встретил новый подъем в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. Своими статьями он постоянно содействовал просвещению русского общества, будил революционную энергию передовых слоев русской интеллигенции, звал их на борьбу с самодержавием.

Под давлением правительства и цензуры с 1884 г., после ареста Шелгунова и Станюковича, после неожиданного обыска и погрома в редакции «Дело» как орган демократии фактически перестает существовать: он теряет общественное значение, издается случайными людьми, нерегулярно, и в 1888 г. выход его окончательно прекращается.

Газета «Неделя»

К демократическим изданиям 60-х — начала 70-х годов надо отнести и газету «Неделя». Она зарекомендовала себя в истории русской журналистики как орган либерального народничества, но в начальный период, приблизительно до середины 70-х годов, ее направление имело демократический характер.

Созданная в марте 1866 г. «Неделя» после закрытия «Современника» и «Русского слова» стала предметом борьбы за влияние между правительством и революционной демократией. Министр внутренних дел Валуев поддерживал газету, очень лестно отзывался о ее издателе — видном чиновнике Мундте и поощрял его к продолжению литературной деятельности. «Неделя» высказывалась за умеренность в проведении реформ, а печать рассматривала как звено, связующее «жизнь общественную с деятельностью государственной». После покушения Каракозова на Александра II в апреле 1866 г. газета подчеркивала свои верноподданнические чувства и призывала правительство к борьбе против социалистов.

Через год Мундт из-за материальных затруднений, связанных с тем, что «Неделя» была непопулярной и плохо расходилась, отказался от нее, передав право на издание, а затем и редактуру книготорговцу В.Е. Генкелю. Новый владелец привлек сотрудников «Современника» и «Русского слова», которые надеялись взять газету в свои руки и сделать ее революционно-демократическим изданием. С 1868 г. в «Неделе» участвуют: Н.А. Благовещенский, А.И. Герцен (под псевдонимом), Н.А. Демерт, В.А. Зайцев, Н.С. и В.С. Курочкины, П.Л. Лавров, А.И. Левитов, Д.Д. Минаев, Н.К. Михайловский, Ф.М. Решетников, Г.И. Успенский, А.К. Шеллер-Михайлов. Заметную роль в редакции начинает играть наряду с Н. Курочкиным Евгения Конради — представительница демократических слоев русской интеллигенции.

Не исключено предположение, что возглавить газету должен был Некрасов. Такой вывод можно сделать из документа III Отделения, опубликованного М. Лемке в 1923 г. Во всяком случае подставной характер редакторства самого Генкеля в конце 60-х годов цензуре был ясен. «Необходимо... иметь в виду, — говорится в письме III Отделения, адресованном цензурному комитету, — чтобы он (Генкель. — Б.Е.) не был подставным лицом. В настоящем случае такое опасение представляется тем более имеющим вероятность, что на газету

“Неделя”, как известно, имел виды бывший редактор запрещенного журнала “Современник” Некрасов, а также сотрудники как этого, так и тоже прекращенного журнала “Русское слово”»¹⁸.

Новые сотрудники «Недели», несмотря на бдительность цензуры, сумели придать газете демократический характер. Они внимательно следили за внутренней жизнью страны. В течение года «Внутреннее обозрение» в «Неделе» вел публицист-демократ Демерт. Главная мысль его материалов — народу тяжело, народ бедствует. Цензура не преминула отметить уже в 1868 г. «обличительный характер» этих статей. Демерт писал о земствах, о русской провинции, и его обозрения «Наши общественные дела», публиковавшиеся в «Отечественных записках», прямо продолжали выступления автора в «Неделе».

Газета нередко освещала положение русских рабочих на фабриках и заводах. В «Неделе» отмечены рост числа рабочих, их материальные нужды, подчеркнута непримиримость классовых противоречий в капиталистическом обществе. Е.И. Конради и Е.Г. Бартенева пытались пропагандировать принципы I Интернационала.

Прогрессивными были выступления газеты и по другим вопросам. «Неделя» сочувственно откликнулась на испанскую революцию 1868 г., в статье «Да здравствует Франция!» (1870. № 35) открыто приветствовала свержение монархии во Франции. Несколько фельетонов Герцена «об иностранном обществе» с его, по словам Лаврова, «безнравственной нравственностью, эксплуататорскою благотворительностью и ложною любовью к отечеству»¹⁹ удачно дополняли материалы внешнеполитического отдела.

На страницах газеты велась критика реакционной прессы и литературы, а некролог Писарева превратился в страстный обвинительный документ против царизма. Он как бы продолжал знаменитый мартиролог русской литературы, составленный Герценом в книге «О развитии революционных идей в России». К числу безвременно погибших русских мыслителей отнесены Писарев, Шевченко, Добролюбов, Помяловский и Михайлов (1868. № 30).

¹⁸ Впервые опубликовано в кн.: *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. и писем. М.; Пг., 1923. Т. 21. С. 96.

¹⁹ *Лавров П.Л.* Обозрение периодических изданий // Библиограф. 1869. № 1. С. 5.

Критикуя многие стороны русской самодержавной действительности, газета пыталась дать своим читателям и положительную программу, по-своему отвечая на вопрос: «Что делать?» Свидетельством поисков такого ответа в первый период издания «Недели» служат «Исторические письма» Лаврова (псевдоним — П. Миртов) — цикл статей по вопросам истории и социологии, печатавшихся в газете в 1868—1869 гг.

«Исторические письма» — один из ранних документов революционного народничества 70-х годов. Чтобы оценить их значение, напомним, что в период реакции конца 60-х годов русская революционная мысль находилась на распутье. Среди интеллигенции наметились упаднические настроения. Молодежь, жаждущая действия, не видела перед собой ясной программы, часть ее замыкалась в заговорщических организациях (ишутинцы, нечаевцы). Именно в этот момент и появились «Исторические письма», в которых говорилось о том, как нужно действовать и что делать.

Концепция «Исторических писем» Лаврова в целом идеалистическая. Субъективный идеалист, он преувеличивал роль личности в истории и понимал прогресс как отражение идеальных представлений о жизни в голове мыслителя. Лавров не видел, что общественный строй определяется экономическими отношениями, развитием производительных сил. Однако ошибочные представления Лаврова о роли интеллигенции как решающего фактора прогресса уживались в «Исторических письмах» с прямой и яркой революционностью.

Исходной позицией автора писем явилось признание несправедливости существующего эксплуататорского строя. «Настоящий строй общества — строй патологический, — утверждал он. — Если читатель находит, что последнее неверно и все как быть должно, то пусть закроет эту книгу: она писана не для него»²⁰.

Передовой интеллигент, деятель прогресса должен мыслить критически, утверждал Лавров, но и этого мало. «Критически мыслящие личности» обязаны действовать, чтобы изменить положение масс к лучшему, должны оплатить исторический долг народу, не останавливаясь перед жертвами. Для этого нужно образовать свою партию, искать союзников в народе. «Общественная партия не есть партия кабинетных

²⁰ Лавров П.Л. Исторические письма. Пг., 1917. С. 45.

ученых, — писал Лавров. — Ее реальная почва — в страждущих массах»²¹. Публицист приближается к идее «хождения в народ», которая стала лозунгом и программой революционного народничества 70-х годов. В «Исторических письмах» звучал прямой призыв к «насильственной революции», которую подготовят и осуществят «критически мыслящие личности», используя в качестве реальной силы союзника революционной партии — народные массы.

«Письма» пользовались большой популярностью в 70-е годы, и критика отдельных журналистов (Шелгунов, Ткачев) не смогла умалить их значения. В то же время на страницах газеты имели место и более умеренные, подчас либеральные выступления отдельных сотрудников. Они переоценивали роль земств в русской жизни, хотя и критиковали политику правительства по отношению к земствам. В начале 70-х годов в «Неделе» появились первые статьи в защиту общины как ячейки социализма (Берви-Флеровский и др.), которые позднее приняли характер крайней идеализации отжившей патриархальности русской деревни.

В эти годы «Неделя» жестоко страдала от цензуры. Не раз ей объявлялись предостережения, издание приостанавливалось. Боязнь Генкеля потерять газету в обстановке цензурного нажима и меры предосторожности, принятые им, заставили В. Курочкина, Минаева, Демерта, Успенского и некоторых других в 1869 г. отказаться от сотрудничества в «Неделе».

Почти все наличные демократические силы группировались в это время вокруг «Дела» и «Отечественных записок». Состав участников газеты постепенно обновляется, меняет лицо и сама «Неделя», особенно с приходом к руководству Гайдебурова (фактическим, негласным руководителем газеты Гайдебуров стал с осени 1870 г., официальным — с 1876 г.). Хотя в «Неделе» еще продолжают сотрудничать отдельные демократы, например Шелгунов, но уже в середине 70-х годов газета печатает статьи лидера русского либерализма Кавелина. Гайдебуров старается наладить отношения с цензурой и обещает «употребить все усилия» для избежания неприятностей.

Медленно, но верно «Неделя» превращалась в орган либерального народничества. Этот процесс завершился к концу 70-х годов.

²¹ Там же. С. 119.

8.

**НЕЛЕГАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ
ЖУРНАЛИСТИКА 70-х годов**

К концу 60-х — началу 70-х годов XIX в. нужды русского освободительного движения потребовали организации ряда нелегальных изданий. В это время за границей уже сосредоточились значительные силы профессиональных революционеров-эмигрантов из России, которые искали средств участия в борьбе против самодержавия. Сложились благоприятные предпосылки для создания ряда вольных русских периодических органов по образцу «Колокола» Герцена и Огарева.

Народничество никогда не было единым течением, в нем существовали два крыла — революционное и либеральное, — причем первое к середине 70-х годов делилось на три главные группы: бакунистов, или анархистов, лавристов, или пропагандистов, и сторонников заговорщической тактики Ткачева.

Анархизм как идеология мелкой, преимущественно городской буржуазии возник во время подъема рабочего движения в Европе. Одним из его лидеров был русский революционер М. Бакунин. Анархизм не следует смешивать с народничеством, но нельзя забывать, что он имел большое влияние на народническое движение в России. В.И. Ленин в работе «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» указывал, что анархизм в 70-е годы в России развился «необыкновенно пышно», и это способствовало выяснению его непригодности «как руководящей теории для революционного класса»²². Однако эта мысль подвергнута сомнению в книге Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», автор которой утверждал, что «в первый момент революции» большевики «воспользовались» анархизмом и бунтарством Бакунина «для дела разрушения»²³.

В 1868 г. в Женеве группа революционеров-эмигрантов во главе с Бакуниным предприняла издание журнала «Народное

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 15.

²³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 55, 57.

дело». Авторы статей его первого номера развивали анархистскую программу с призывом к немедленному восстанию — бунту против самодержавия, уничтожению частной собственности и государства, церкви, к созданию в России союза вольных земледельческих и фабрично-ремесленных общин. Однако политические разногласия между участниками журнала вскоре привели к выходу Бакунина и некоторых его единомышленников из редакции «Народного дела». Идейное руководство журналом перешло в руки русского политэмигранта, ученика и соратника Чернышевского — Н. Утина. На страницах «Народного дела» Бакунин был подвергнут критике за «анархическую бестолковщину».

Как и Чернышевский, публицисты, сгруппировавшиеся вокруг журнала, признавали недостаточную революционную организованность русского народа. Редакция ставила своей целью оказать борцам против самодержавия посильную помощь в выработке революционного мировоззрения и тактики, опираясь на опыт европейского движения. Она отказывалась от всяких претензий на руководящую роль в революционной работе в России, что было свойственно Бакунину, и стремилась сделать журнал помощником и «органом всей сплоченной партии освобождения» в России.

Сотрудники «Народного дела», как социалисты-утописты, были убеждены, что неизбежность социальной революции обусловлена ростом умственного сознания народных масс. Главными силами революции в России они считали народ (крестьянство) и передовую разночинную молодежь, вставшую на его сторону. Идеалом такой революционной личности был для них Рахметов. В 1869 г. вместе с Лавровым они призывали русскую революционную молодежь «организованными группами идти в народ».

Журнал увлекался общинными иллюзиями русских социалистов 60-х годов. Признавая сходность путей России и Западной Европы в преобразовании эксплуататорского общества через революцию, он, однако, видел некое преимущество России в наличии крестьянской общины как зародыша социалистического строя.

Уже в конце 60-х годов участники журнала проявляли большой интерес к деятельности I Интернационала, созданного К. Марксом. В 1869 г. на страницах «Народного дела» появляется ряд материалов, отражающих деятельность первой международной организации пролетариата. Тогда же Н. Утин,

А. Трусов, В. Нетов и другие принимают решение создать русскую секцию I Интернационала для пропаганды в России революционных идей и развития солидарности между трудящимися классами России и Европы во имя общего освобождения.

Создав такую секцию в 1870 г., редакция «Народного дела» обратилась к Марксу с просьбой быть ее представителем в Генеральном Совете I Интернационала, на что был получен скорый и положительный ответ.

В том же году журнал «Народное дело» был реорганизован в газету, имевшую целью не только разрабатывать вопросы теории, но и освещать «текущую международную жизнь пролетариата», борьбу революционеров в России. Именно с этого времени «Народное дело» становится официальным органом русской секции I Интернационала. Первый номер газеты, вышедшей в апреле, целиком был посвящен основанию секции и переписке с Марксом по этому поводу.

В 1870 г. «Народное дело» представляло собой многополосную газету, печатавшуюся убогим шрифтом. Все номера ее (кроме первого) содержали по одной статье теоретического характера, а также статьи и заметки, посвященные различным вопросам текущей политической жизни, главным образом борьбе трудящихся европейских стран за свое освобождение. Газета «Народное дело» открыто выступала против Бакунина, продолжавшего свою раскольническую деятельность в международном рабочем движении.

Уделив много внимания I Интернационалу, «Народное дело», однако, не стало от этого марксистским изданием. мелкобуржуазный характер социализма руководителей журнала сказывался в выдвижении на первый план как для России, так и для Европы аграрного вопроса, в нечетком понимании термина «пролетариат», в непонимании учения К. Маркса о классах и классовой борьбе, в защите общины.

Газета «Народное дело» просуществовала недолго. Увлеченные работой в женевских секциях I Интернационала, руководители издания не могли отдавать много времени литературной деятельности. К тому же им не удалось наладить необходимых связей с Россией. Все это привело к тому, что в сентябре 1870 г. на седьмом номере издание «Народного дела» прекратилось.

Бакунисты, потерпев неудачу с первым своим печатным органом, пытались в 1869 г. издавать совместно с С.Г. Нечаевым

журнал «Народная расправа». Им удалось выпустить только два номера. Это была попытка создать печатный орган на порочных нравственных заговорщических началах, принципах. Лишь в 1875 г. в Женеве бакунисты сумели наладить издание газеты под названием «Работник». Это была первая русская популярная революционная газета для читателей из народа. Революционные народники начали в середине 70-х годов вовлекать в свое движение рабочих, стали искать среди них союзников, пробовали готовить из числа городских рабочих пропагандистов крестьянской революции.

Газета «Работник», составившая комплект в 15 номеров, печаталась в Женеве группой народников-эмигрантов (Н. Жуковский, Э. Ралли, Н. Морозов, А. Эльсниц), причислявших себя к анархистам-федералистам. Возникла она по инициативе группы революционеров, занимавшихся пропагандой среди фабричных рабочих Москвы, а рассчитана была как на рабочих, так и на крестьян, т.е. вообще на людей физического труда. Редакция не делала различия между рабочими и крестьянами. «Мы пишем газету для работающего народа русского, вот почему она и называется “Работник”», — указывала редакция. Задача этих двух классов в революции совпадает, считали организаторы газеты, и сводится к «разрушению государства» и созданию вольного союза общин. Средством для этого они признавали «всероссийский бунт».

В статье «Почему мы печатаем газету», которой открывался первый номер, редакция писала: «Мы хотим по мере сил и возможностей познакомить русский рабочий люд с житьем-бытьем и делами рабочих других земель; мы хотим познакомить их с тем, что думают другие работники о своем горьком положении и каким средством хотят выйти из него»²⁴. Выполняя это обязательство, газета публиковала информацию о деятельности I Интернационала, пропагандировала чувства международной солидарности трудящихся, скрывая при этом серьезные разногласия между Бакуниным и К. Марксом.

Отдельные экземпляры газеты доходили до рабочих в России, использовались в революционно-пропагандистской работе на юге страны, но серьезного влияния на рабочее движение этот печатный орган не имел. Анархистско-бакунинские лозунги газеты о разрушении государства, о восстании-бунте, об устройстве союза рабочих общин сочувствия у передовых рабочих не встречали.

²⁴ Цит. по: Бозучарский В. Активное народничество 70-х годов. М., 1912. С. 227.

Связь с Россией и этой газете наладить не удалось. По свидетельству одного из ее редакторов Н.А. Морозова, «прежде всего обнаружилась полная... оторванность от России и отсутствия из нее каких-либо корреспонденций о местной жизни и деятельности... Приходилось писать корреспонденции большей частью по воспоминаниям или рассказам приезжих»²⁵. При таких условиях газета допускала грубые ошибки, а неверная, неточная информация всегда пагубно отражается на доверии к печатному органу.

Кроме газеты бакунисты (Бакунин умер в 1876 г.) издавали журнал «Община» (1878—1879), рассчитанный на революционную интеллигенцию. В девяти выпшедших номерах журнала печатались теоретические статьи. Взгляды народников-анархистов нашли в них широкое отражение.

Журнал «Община» был связан с организацией народников в России, и освещение фактов их деятельности, публикации отчетов о политических процессах имели революционизирующее значение для читателей. Сотрудничали в журнале С.М. Степняк-Кравчинский и будущий соратник Г.В. Плеханова по группе «Освобождение труда» П.Б. Аксельрод.

Кравчинскому принадлежал ряд корреспонденции и статей, в которых он с восхищением писал о мужестве и выдержке революционеров на «процессе пятидесяти», на «процессе ста девяноста трех». Настоящим дифирамбом революционному подвигу выглядела его статья о Вере Засулич, совершившей в 1878 г. террористический акт над петербургским градоначальником Треповым. Находившийся под обаянием подвига Засулич и встречи с Бакуниным в Италии, Степняк-Кравчинский на страницах «Общины» отрицал путь мирной пропаганды в народе и защищал идею решительного выступления организации революционеров («Беневентская попытка» и другие статьи).

Значительно больший интерес по сравнению с бакунистскими газетами и журналами представляют революционные издания Лаврова.

П. Лавров и его сторонники выпускали с 1873 по 1877 г. в Цюрихе, а затем в Лондоне журнал «Вперед!». Вышло пять томов этого издания. Журнал ставил целью объединить все оттенки русской революционной мысли и помочь русским революционерам организовать и выработать правильную революционную теорию и тактику.

²⁵ Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1962. Т. I. С. 339.

В первом номере Лавров выступил со статьей «Вперед. Наша программа». Основная задача социалистов, провозгласил он, состоит в их сближении с народом для подготовки революционного переворота, который приведет к социализму. Ячейкой будущего общества станет русская община. Общинная собственность поглотит частную, и в этом смысле путь России к социализму будет иным, чем в западноевропейских странах. Лавров требовал серьезной личной подготовки пропагандистов, идущих работать с народом.

Сходясь с бакунистами в отрицании государственности, Лавров разошелся с ними во взглядах на организацию восстания. Революция должна иметь подготовленных руководителей: «Кто воображает, что может решить угадыванием или инстинктом трудные и сложные задачи, которые представляет установка нового общественного строя, тот приготавливает себе неминуемое поражение в минуту, когда задача станет перед ним со всею своею практическою неизбежностью. Он окажется бесполезным деятелем в то самое время, когда силы его будут всего нужнее; он станет игрушкой в руках шарлатанов или эгоистов, которые лучше его подготовились в области мысли»²⁶.

Критикует он, не называя по имени, и П. Ткачева за установку на захват государственной власти небольшой группой революционеров-заговорщиков: «Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собою устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу»²⁷. Призвать народ к революции можно лишь тогда, когда он будет к этому подготовлен.

К. Маркс и Ф. Энгельс хорошо знали Лаврова, виднейшего теоретика революционного народничества, и поддерживали с ним дружеские отношения. После выхода второго тома журнала «Вперед!», где Лавров выступил с защитой Бакунина и его раскольнической деятельности в I Интернационале, Маркс и Энгельс выразили сильное недовольство позицией

²⁶ Лавров П.Л. Соч. М., 1934. Т. 2. С. 33.

²⁷ Там же. С. 31.

русского народника. Не раз они критиковали и присущий Лаврову эклектизм, его попытки выбрать из всех революционных теорий «хорошее» и получить «лучшее» руководство к действию.

Журнал «Вперед!» широко освещал революционную борьбу западноевропейских рабочих. В постоянном отделе «Летопись рабочего движения» излагалась история деятельности I Интернационала в 1872—1874 гг. Вели этот отдел Лавров, В.Н. Смирнов и С.А. Подолинский. Кроме того, были постоянные отделы: «Что делается на Родине?» (его материалы с интересом, по собственному признанию, просматривал Ф. Энгельс) и «Хаос буржуазной цивилизации» (где описывались порядки в капиталистических странах). Непосредственное участие в журнале кроме Лаврова и Смирнова принимал Н.Г. Кулябко-Корецкий. В качестве корреспондентов выступали в разное время Ткачев, Г.А. Лопатин и ряд анонимных авторов из России.

Огромное значение имело помещение в журнале отчетов о политических процессах в России, документов по внутренней политике русского правительства. Лавров впервые опубликовал знаменитую речь Петра Алексеева на «процессе пятидесяти» московских пропагандистов, статью Чернышевского «Письма без адреса» и другие запрещенные в России материалы.

Наряду с журналом Лавров с 1875 г. издавал газету «Вперед!». Выходила она регулярно, один раз в две недели, на протяжении двух лет. Основными сотрудниками газеты «Вперед!» были Лавров, Смирнов и Кулябко-Корецкий, а также русские революционеры: Г.А. Лопатин, Н.А. Морозов и, возможно, Е.О. Заславский, руководитель Южнороссийского союза русских рабочих. Многие корреспонденции по соображениям конспирации печатались без указания автора. В передовой статье «Новый 1875 год», которой открывался первый номер этой газеты, Лавров выступил как пламенный революционер, враг самодержавия. Статья была написана страстно, в духе решительного протеста против эксплуататорского общества. Она нацеливала читателей на самоотверженную борьбу против самодержавия за народные интересы.

В своей газете, как и в журнале, Лавров освещал международное рабочее движение, деятельность немецкой социал-демократии, печатал большое количество статей и корреспонденции о рабочем движении в России — от Одессы до Петербурга и от Иркутска до Белостока, о революционных выступлениях

крестьян. В марте 1875 г. была напечатана статья, посвященная памяти Парижской Коммуны. Газета «Вперед!» опубликовала несколько революционных стихотворений: «Новая песня» Лаврова, «Последнее прости!» Г.А. Мачтета, «Свидание» Огарева, фельетон «Шила в мешке не утаишь» Г. Успенского и др.

Признавая заслуги Маркса в создании теории научного социализма, говоря о деятельности I Интернационала и его секций, Лавров, однако, не осмыслил до конца борьбы Маркса и Энгельса против анархизма и призывал бакунистов к примирению с марксистами якобы в интересах единства революционного движения.

В 1873 г. за границу эмигрировал активный революционер-народник, незаурядный публицист и литературный критик Петр Ткачев. Первоначально он предполагал сотрудничать в журнале «Вперед!», но это оказалось невозможным из-за разногласий с Лавровым. В 1874 г. Ткачев выступил с брошюрой «Задачи революционной пропаганды в России». В ней он критиковал Лаврова за якобы присущий ему оппортунизм, за отказ от решительных действий и намерение вести длительную и систематическую подготовку революции. Ткачев не видел в этом необходимости. Он считал, что народ уже созрел для своей роли в революции, ибо русское крестьянство «по инстинкту» настроено социалистически. Русская революционная интеллигенция тем более готова к тому, чтобы стать во главе переворота. Основное, считал Ткачев, — действовать, и притом немедленно. Хорошо организованная группа революционеров может захватить государственную власть и, пользуясь ею, осуществить социалистические преобразования общества. Народ примет самое горячее участие в революции, как только увидит, что есть сила, способная выступить против самодержавия; сам же он слишком забит, чтобы подняться на борьбу с правительством. Царское самодержавие непрочное, у него нет никакой социальной опоры, русское государство «висит в воздухе», утверждал Ткачев, обнаруживая полное непонимание классовой природы государства.

В спор между двумя русскими революционерами-эмигрантами вмешался Ф. Энгельс. Сурово критикуя Лаврова за эклектизм и примиренчество, главный удар нанес он Ткачеву. В статьях «Эмигрантская литература» (1874) и «О социальном вопросе в России» (1875) Энгельс научно разобрал воззрения Ткачева и высмеял его как беспочвенного фантазера,

«зеленого» гимназиста, которому «нужно учиться еще азбуке социализма». Он подверг критике взгляды Ткачева и на сельскую общину как ячейку социализма, и на мужика как на «коммуниста по инстинкту», осудил его легкомысленное отношение к проблеме революции. «...Если ваш народ в любое время готов к революции, — писал Энгельс, — если вы считаете себя вправе в любое время призвать его к революции и если уж вы совершенно не можете ждать, чего же ради вы еще надоедаете нам своей болтовней, почему же, черт возьми, вы не приступаете к делу?»²⁸

Цифрами и фактами Энгельс доказал, что русское государство представляет собой орган классового господства помещиков и капиталистов, а также «бесчисленной армии чиновников». И когда Ткачев уверяет, что оно «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов какого-либо сословия», что оно «висит в воздухе», то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г-н Ткачев висит в воздухе»²⁹.

Но даже столь глубокая критика не образумила Ткачева, полагавшего, что Энгельс не знает русской действительности. Для пропаганды среди революционеров-эмигрантов своих взглядов он предпринял в конце 1875 г. издание журнала «Набат», который выходил сначала в Женеве, затем в Лондоне нерегулярно. Менялась форма издания, ряд номеров верстался в виде газеты. В журнале были отделы: «Иностранное обозрение», «Внутреннее обозрение», «Правда ли?»

«Набат», руководимый Ткачевым, требовал немедленного свержения самодержавия. В программной статье журнала издатель писал: «Бить в набат, призывать к революции — значит указывать на ее необходимость и возможность именно в данный момент, выяснять практические средства ее осуществления, определять ее ближайшие цели»³⁰. «Государственный заговор» был провозглашен наиболее целесообразным средством низвержения царского самодержавия. Революционная проповедь Ткачева была обращена исключительно к интеллигенции. Информация из России ограничивалась фактами политической борьбы народников, студенчества.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 524.

²⁹ Там же. С. 540.

³⁰ Ткачев П. Н. Соч. М., 1933. Т. 3. С. 221.

Зарубежная революционно-народническая печать сыграла значительную роль в развертывании революционной работы в России. Она помогла организовать революционный натиск на самодержавие. Однако заграничная периодика далеко не удовлетворяла всех потребностей русского освободительного движения, и во второй половине 70-х годов встал вопрос о выпуске нелегальных изданий на родине.

С весны 1874 г. в России началось хождение революционеров «в народ». Скоро выяснилось, что крестьяне вовсе не такие прирожденные социалисты, как думалось, и что в их массе преобладают мелкособственнические интересы. Плохая конспирация повлекла за собой аресты агитаторов. Под влиянием неудач народники меняют тактику: одни поселяются в деревнях, чтобы исподволь поднимать революционные настроения крестьян, другие избирают средством борьбы индивидуальный террор.

В конце 1876 г. из участников разрозненных народнических групп организуется тайное общество, которое несколько позднее получит название «Земля и воля». С приходом в 1878 г. к руководству обществом Александра Михайлова происходит его заметное укрепление, вводится надежная система конспирации. Об ее уровне говорит хотя бы то, что, несмотря на активную деятельность «Земли и воли», полиция в течение трех лет не могла открыть тайную типографию общества. Более того, у «Земли и воли» даже в III Отделении был свой человек — Н.В. Клеточников, о котором знал только один Михайлов, и сообщаемые им сведения позволяли избегать провалов.

В марте 1878 г. вышел первый номер нелегальной газеты общества «**Начало**» с подзаголовком: «Орган русских революционеров». В дальнейшем газета именovala себя «органом русских социалистов». Последний, четвертый номер появился в мае. Критика существующего строя была объявлена основной задачей нового издания. Редакция надеялась, что такая широкая платформа объединит всех русских революционеров. В газете сильно чувствуется влияние бакунистов-анархистов, заметно типичное для них представление об анархичности русского народа, звучит требование ввести федерацию вольных общин после победы народной революции. Революционная деятельность газеты выражалась в агитации, имевшей

целью поднять народ на восстание. Члены редакции поддерживали связь с немецкими социал-демократами, в частности с В. Либкнехтом, больше того, в одном из писем они просили Маркса и Энгельса присылать свои статьи.

В программе газеты встречаются и социал-демократические требования: передача земли и орудий производства народу, равенство, свобода слова, сходок и собраний. Они, однако, не помешали редакции в четвертом номере заявить, что борьба за политические свободы и социализм — вещи несовместимые. Отрицание роли политической борьбы в буржуазно-помещичьем государстве составляет общий недостаток народничества этого времени.

Постоянных отделов в газете «Начало» не было, кроме одного — «Хроника социалистического движения на Западе». Без особых рубрик помещались материалы о нуждах трудящихся, в особенности крестьянства, заметки о жизни политических ссыльных, об арестах и обысках. В первом номере напечатано подробное сообщение о стачке на Новой бумагопрядильной фабрике в Петербурге, охватившей около двух тысяч рабочих. Эта информация, опубликованная без подписи, принадлежала Г.В. Плеханову, который в это время активно участвовал в рабочем движении столицы.

Газета «Начало» критикует внутреннюю политику правительства, осуждает насилия царской администрации, создавая у читателей уверенность в том, что очень скоро «самодержавие так или иначе должно рухнуть». Под заголовком «Правительственная подпольная печать» публиковались секретные циркуляры, направленные против участников освободительного движения.

Преемницей газеты «Начало» следует считать нелегальную газету **«Земля и воля»**, «социально-революционное обозрение». Пять номеров этого издания выходили в России с октября 1878 г. по апрель 1879 г. Инициатором газеты был С.М. Степняк-Кравчинский, с большим риском для себя вернувшийся из эмиграции на родину. Он предложил название газеты, а позже вся организация стала именоваться «Земля и воля». Газета ставила своей целью с помощью организации революционеров способствовать подготовке крестьянского восстания против царя и помещиков. Редактировали ее Степняк-Кравчинский, Д.А. Клеменц, Плеханов и некоторые другие народники. На первое место в «Земле и воле» выдвигался

аграрный вопрос. «Вопрос же фабричный, — писал Кравчинский в передовой статье первого номера, — мы оставляем в тени... потому что история, поставившая... в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным»³¹.

Добиваясь земли и воли для народа, газета утверждала, что Россия придет к социализму, минуя капитализм. Ее пути противоположны путям Европы. Эта ошибочная мысль в газете, кроме прочих доводов, подкреплялась иногда ссылками на учение К. Маркса, показывая его полное непонимание.

Кроме передовых статей, отражавших основные положения народничества, в газете велись постоянные рубрики: корреспонденции, фельетон, наши домашние дела, хроника арестов, известия, в которых была широко представлена летопись революционных событий, содержалась критика действий правительства, русского либерального общества и печати.

В 1879 г. вышло шесть номеров еще одного издания — «Листка „Земли и воли“» под редакцией Н.А. Морозова. Статьи и заметки были посвящены тактике индивидуального террора: сторонники ее стремились обосновать свои взгляды, с которыми не была согласна часть членов организации.

В «Земле и воле» печатались статьи молодого Плеханова, в ту пору принадлежавшего к народникам. Первым выступлением Плеханова в прессе была статья «Об чем спор?», опубликованная в 1878 г. в газете «Неделя» и посвященная защите русской общины как ячейки будущего социалистического устройства России. Статья была направлена против Г.И. Успенского, чьи правдивые очерки разрушали народнические представления о русской общине. Вслед за тем в «Земле и воле» появляются корреспонденции Плеханова: «Каменская станица», «С новой бумагопрядильни», «С бумагопрядильной фабрики Кеннига» и «Волнение среди фабричного населения», а также две теоретические статьи под общим названием «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», опубликованные в качестве передовых. Современники дали им высокую оценку и ставили рядом с лучшими работами Чернышевского. «Благодаря этой статье, — писал один из соратников Плеханова. — Георгий Валентинович сразу стал в уровень с нашими “заслуженными

³¹ Народническая экономическая литература. М., 1958. С. 323.

старыми литераторами” и его ввели в редакционную коллегию: так стремительно, кажется, никто из наиболее быстро выдвинувшихся на литературном поприще публицистов и критиков, не исключая даже Добролюбова и Писарева, не завоевал у нас себе видного положения в печати»³².

Чрезвычайно характерным для Плеханова является то, что при общей ориентации народников на крестьянство как основную революционную силу он в своей публицистике постоянно касался рабочего вопроса. Пролетариат напоминал о себе в 70-е годы XIX в. рядом организованных выступлений на предприятиях страны, и особенно в Петербурге. Многие народники, в том числе и Плеханов, были вынуждены признать, что городской рабочий гораздо восприимчивее к революционной пропаганде и агитации, чем крестьянин.

«Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнь самостоятельно выдвигаются вперед на подобающее им место вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей»³³, — писал Плеханов в передовой четвертого номера «Земли и воли». Эти слова явно противоречили мнению Степняка-Кравчинского, высказанному в первом номере, о том, что рабочий вопрос «не существует» в России. Однако и Плеханов решал его в народническом духе. Он видел в рабочих лишь «драгоценных союзников крестьян в момент социального переворота». Они должны были, по мысли Плеханова, помочь захватить власть в городах.

Летом 1879 г. из-за разногласий в подходе к политической борьбе и индивидуальному террору землевольческая организация разделилась на две — «Черный передел» и «Народная воля».

Разочаровавшись в революционности крестьянства и не понимая роли рабочего класса, народовольцы положились в революционной борьбе только на силы своей партии. В 1879 г. они создали газету «**Народная воля**». Передовая второго номера начиналась словами: «Ниспровержение существующих ныне государственных форм и подчинение государственной власти народу есть главнейшая задача социально-революционной партии». Газета признавала необходимость политической борьбы с правительством и переворота как первого

³² Группа «Освобождение труда». Сб. 3. 1925. С. 56—57.

³³ Плеханов Г.В. Соч. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 67.

условия осуществления социалистических идеалов. Она подробно аргументировала эту точку зрения, говорила о том, что ошибкой народников было отрицание борьбы за политические свободы. Надо вести борьбу с правительством и свергнуть царизм, пока не окрепла русская буржуазия. Партия заявила, что наряду с пропагандой и агитацией она будет вести оборонительную и террористическую деятельность.

Газета «Народная воля» имела подзаголовок: «социально-революционное обозрение». Редакторами ее первоначально были Л. Тихомиров и Н. Морозов. Издавалась газета нерегулярно, печаталась в тайных типографиях, одна из которых была организована Н. Кибальчицем, и выходила до 1885 г.

В газете публиковались передовые теоретические статьи, существовали постоянные рубрики: хроника преследований, корреспонденции. Систематически печатались отчеты о политических процессах, речи революционеров-народников на суде, некрологи, биографии казненных народовольцев и других революционеров, раскрывались имена провокаторов и шпионов. Художественные произведения («Отрывок из драмы». № 1; «Песнь гражданки». № 3) призывали к стойкости в борьбе с царизмом. В первом и пятом номерах как исключение были помещены подборки под названием «Из деревни».

Содержание всех номеров «Народной воли», как и «Листка «Народной воли»», который издавался в промежутках между выходом номеров газеты, главным образом отражало революционную практику самих народовольцев, жизнь партии. Кроме того, газета разоблачала действия русской администрации, писала о студенческих волнениях. Она рассчитана была исключительно на интеллигенцию и грешила революционной сенсационностью.

Вторая революционная ситуация побудила некоторых легальных народников, в частности Михайловского, выступить на страницах «Народной воли» с призывом бороться против самодержавного двуглавого орла («Политические письма социалиста». Письмо первое и второе. Октябрь—ноябрь 1879 г.).

Народовольцы возлагали большие надежды на убийство царя, полагая, что оно послужит сигналом к революционному выступлению масс. Однако террористический акт над Александром II, совершенный 1 марта 1881 г., лишь ускорил разгром самой организации «Народная воля» и явился началом глубокого кризиса революционного народничества.

Газета «Народная воля» выступила за соглашение с новым царем, если он не будет преследовать народников за легальную деятельность (1884. № 10). Наиболее талантливые и преданные революционному делу люди — Перовская, Желябов и другие — погибли в неравной борьбе с самодержавием. После 1 марта газета «Народная воля» теряет свое значение и прекращается на 12-м номере в 1885 г.

Народовольцы издавали «Рабочую газету». Если «Работник» бакунистов был первой заграничной газетой для народа, то «Рабочая газета» явилась первой попыткой народников наладить популярное издание в России. Редактировал ее А. Желябов. С декабря 1880 г. по декабрь 1881 г. вышло три номера газеты и два приложения к ней.

В передовой статье первого номера говорилось.

«Испокон веков не любили цари правды и всегда гнали ее нещадно...» Но правду нельзя истребить. «Третий год, как основана в Петербурге тайная типография (книгопечатня). Вольное слово раздается под самым носом у царя, и мечется он, как черт от ладана. Полюбилося вольное печатное слово русским людям, и читают его наперебой, читают не только люди ученые (интеллигенция), но и много грамотного рабочего люда. Трудно часто рабочим понимать вольные газеты и книжки, как они писались по сей день, а для народа знать правду всего важнее. Вот почему мы и порешили выпустить “Рабочую газету”»³⁴.

Так сама редакция объясняла цель своего начинания. В газете печатались статьи, рассказы, стихи. Раздел под названием «Рабочее житье-бытье» составлялся по материалам петербургских рабочих сотрудником газеты, студентом Коковским. В газете проводилась мысль о том, что земля и фабрики должны принадлежать народу, а царская власть подлежит уничтожению. Достичь этого предполагалось тактикой индивидуального террора.

Народники имели ложное представление о культурном уровне рабочих и неловко подделывались под их речь:

«Разузнал, вишь, онамнясь царь, что нашему брату совсем карачун приходит, не токмо, что подать платить, а инда подчас и лопать нечего, вот и решил он, милостивец, запрятать винище проклятое подальше, значит, чтобы соблазна не было. Ну, денежки-то наши, что ноне на водку идут, а идет-то их во прорва какая, у мужика в кармане останутся, для поправки хозяйства, значит...» (1881. № 3).

³⁴ Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 285.

«Рабочая газета» не смогла получить широкого распространения, так как руководители ее не понимали самостоятельно-го значения пролетарского движения, постоянно отвлекались от издательской работы террористической деятельностью. В 1881 г. в связи с арестом Желябова и разгромом «Народной воли» издание было прекращено.

Группа народников, оставшаяся на старых позициях борьбы за землю и волю для крестьян путем пропаганды восстания, отрицавшая политическую борьбу и террор, издавала в 1880—1881 гг. свою газету под названием «**Черный передел**». В ней выдвигались требования передела всех земель и конфискации помещичьих владений в пользу крестьян, что было немыслимо без уничтожения самодержавия. В «Черном переделе» сильно сказывалось влияние анархизма, и К. Маркс неодобрительно отзывался об этой организации и ее печатном органе.

В редакцию газеты входили Плеханов, Засулич, Аксельрод и другие. Два номера были отпечатаны за границей, третий, четвертый и пятый — последний — в России. Плеханов опубликовал в газете несколько статей, в которых пытался защитить народнические взгляды. Следует отметить колебания Плеханова в оценке движущих сил будущей революции в России. Во втором номере «Черного передела» он писал: «Мы не в состоянии определить заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в России»³⁵. Это заявление свидетельствует об известном кризисе народнического мирозерцания части сотрудников газеты. Впоследствии часть членов партии «Черный передел» вошла в группу «Освобождение труда» — первую русскую революционную марксистскую организацию, возглавленную Плехановым.

Группа чернопередельцев-москвичей (А.П. Буланов и др.) издавала в начале 80-х годов газету под названием «Зерно» с подзаголовком «Рабочий листок». Вышло шесть номеров газеты, каждый содержал передовую статью и агитационный рассказ (например, «За кого царь», «Мужицкая беседа» и др.). Иногда печатался обзор «Русская жизнь». Газета была рассчитана на малоподготовленного читателя, преимущественно

³⁵ Плеханов Г.В. Соч. Т. I. С. 131.

из рабочих. Она слабо распространялась в Петербурге, есть сведения, что отдельные экземпляры доходили до Урала.

В «Зерне» разъяснялось политическое и экономическое положение трудящихся — русских и иностранных. Издатели старались развенчать веру в царя, нацелить своих читателей на борьбу с самодержавием, на организацию всенародного восстания. Газета призывала рабочих действовать заодно с крестьянами, поддерживать их выступления, печатала деловые советы о том, как вести стачечную борьбу с предпринимателями, как обезвредить штрейкбрехеров. Была даже предпринята попытка, впрочем малоуспешная, объяснить теорию прибавочной стоимости и теорию денег К. Маркса («Хозяйственная прибыль и барщина». № 1).

Авторы статей в газете «Зерно» звали рабочих добиваться сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, толкали к расправе над нелюбимыми мастерами и отдельными предпринимателями, но ни словом не обмолвились о политической борьбе, о политических задачах русских рабочих. В этом смысле газета народников не идет ни в какое сравнение, например, с газетой Северного союза русских рабочих «Рабочая заря».

«Зерно», как и «Рабочая газета» народовольцев, ориентировалась главным образом на тех рабочих, которые еще не порвали связи со своим крестьянским происхождением и в душе оставались мелкими собственниками, пришедшими лишь на время, как они полагали, в город на фабрики и заводы. Действительно, такая прослойка среди рабочих в 70—80-е годы была очень велика. Статьи, помещенные в «Зерне», отличались нарочитой стилизацией речи, отчего газета много теряла в глазах кадровых рабочих.

Народники не смогли создать подлинно рабочей печати, отражающей интересы этого нового общественного класса в России. Но при всех серьезных недостатках газеты народников, издававшиеся для рабочих, сыграли известную положительную роль в России, показали силу печатного слова при подготовке штурма самодержавия. Передовые рабочие воспользовались этим уроком и уже в 80-е годы, идейно отмежевываясь от народников, совершили первые попытки создать свою прессу, не зависящую от народнических организаций («Рабочая заря», «Рабочий»).

9.

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ

«Русское богатство».**Публицистика В.Г. Короленко**

Журнал «Русское богатство», один из крупнейших ежемесячных журналов второй половины XIX в., возник в 1876 г. и просуществовал до 1918 г.

Первые два года «Русское богатство» выпускал некий Савич, нерегулярно, с убытком для себя, сначала в Москве, а затем в Петербурге, три раза в месяц. Журнал посвящался экономическим вопросам, сельскому хозяйству, торговле и промышленности. Избегая острых проблем современности, «Русское богатство» не могло стать в 70-е годы популярным и влиятельным органом.

В 1879 г. журнал перешел к Д.М. Рыбакову, был преобразован в ежемесячный, и в том же году владелицей его стала С.Н. Бажина, жена известного литератора Н.Ф. Бажина, сотрудника журналов «Русское слово» и «Дело». С 1880 г. «Русское богатство» выходило «под новым издательством и редакторством, — подчеркивалось в объявлении, — и по новой программе».

Приняв за основу журнальных книжек статьи научные и экономические, редакция добилась права печатать беллетристику, литературную критику, хронику внутренней и международной жизни и отдел «Смесь», состоявший из небольших заметок сатирического характера, фельетонов, пародий и разных мелких известий.

С января 1880 г. по март 1881 г., хотя издательницей официально продолжала оставаться Бажина, журнал фактически выпускался на артельных началах группой публицистов-народников: Н.Н. Златовратским, Н.Ф. Анненским, С.Н. Кривенко, Г.И. Успенским, Н.С. Русановым, М.А. Протопоповым, А.М. Скабичевским, В.М. Гаршиным. Участвовал в «Русском богатстве» и Плеханов, еще не вполне освободившийся от народнических иллюзий (статья «Поземельная община и ее вероятное будущее»), сотрудничал Берви-Флеровский, печатались Бажин, Наумов, Эртель, Засодимский, Терпигорев-

Атава, Трефолев и другие писатели. В журнале оживились отделы беллетристики, литературной критики, внутреннее обозрение.

Наступил недолговременный период успеха журнала, однако число подписчиков — 700 — все же оставалось невелико. «Русскому богатству» трудно было конкурировать с «Отечественными записками» и «Делом». Тем не менее журнал с 1880 по 1881 г. представляет известный общественный интерес как выразитель современных народнических взглядов. Внутреннее обозрение его затрагивает вопросы крестьянского малоземелья, налогов, расслоения деревни. Редакция ставила задачей выяснение тех идеалов, «которые носят в народном сознании», имея в виду общину, и призывала интеллигенцию слить свои стремления с общинными.

В беллетристике и публицистике наряду с правдивыми сценами из русской жизни идеализировался крестьянин, якобы обладавший «коммунистическим инстинктом», доказывалось превосходство деревенского быта над городской цивилизацией. Официальный редактор журнала Златовратский в статье «Народный вопрос в нашем обществе и литературе» писал: «Мы признаем общину в ее полном объеме, со всеми ее логическими последствиями и исключаем всякие шатания, выверты и компромиссы... Мы пламенно желаем ее санкционирования и охраны в ее основных принципах...» (1880. № 3).

Признавая, что Россия стоит в преддверии капитализма, «Русское богатство» все-таки выражало надежду, что усилия народнической интеллигенции не дадут капитализму поглотить общину и помогут стране избежать противоречий капиталистического развития. Публицисты Русанов, Плеханов, Воронцов, Берви-Флеровский с разной степенью уверенности полагали, что интеллигенция спасет Россию от капиталистического разорения, сохранив общину. Вместе с тем они понимали, что интеллигенция может выполнить свою роль, только добившись для себя политической свободы, свободы личности.

Цензура быстро уловила изменение характера журнала и назвала его «тенденциозным» уже в начале 80-х годов. «Кому не известно, — писали цензоры, — что редакция журнала “Русское богатство” ставит себе задачей проводить в общество крайние социалистические и радикальные идеи, и что в редакции журнала сгруппировались так называемые новые

передовые литераторы нигилистического оттенка...»³⁶ Однако это было не совсем так.

После 1 марта 1881 г. артель распалась, ряд членов редакции, в том числе многие беллетристы, покинули «Русское богатство», а на их место пришли новые литераторы. При новом редакторе П.В. Быкове журнал захирел, чему способствовали общая политическая обстановка в стране и строгость цензуры. В условиях усиливающейся реакции журнал в конце 1882 г. был продан литератору Л.Е. Оболенскому. В его руках «Русское богатство» сохраняет либерально-народническое направление, но либерализм явно берет верх над демократизмом. Беллетристика отходит на второй план, главное место занимают отделы научный и философский, причем философско-нравственные и религиозные рассуждения захватывают и литературно-критические статьи. С этой тенденцией связано привлечение к сотрудничеству Л. Толстого как публициста и философа. Но и оно не оживило издания, тем более что многие сочинения Толстого запрещались к печати.

Цензура на какое-то время стала относиться к журналу мягче. «При новом издателе, — указывал цензор Косович, — направление журнала резко изменилось. Беллетристика и полемика отступили совершенно на задний план; отделы — научный, научно-философский, критический и научных новостей расширились... издание приняло вид почти исключительно научного периодического журнала. Отделу же беллетристики посвящалось постоянно не более трети размера книги. Такой более или менее специальный характер журнала... предполагая более ограниченный круг читателей... требует от них весьма солидного образования. В подобном периодическом издании беллетристика составляет, собственно говоря, балласт и перелистывается теми же солидными образованными людьми, для которых исключительно и предназначаются такие издания»³⁷. Называя направление журнала «скромным», цензор не усматривал, по его же словам, «в общем направлении издания ничего предосудительного». Но уже в конце 1883 г. Главное управление по делам печати потребовало от цензурного комитета не ослаблять бдительности

³⁶ СПб. цензурный комитет. Дело о подцензурном издании «Русское богатство» (РГИА. 1879. Ф. 777. Оп. 3. Ед. хр. 35. Ч. II. Л. 40).

³⁷ Там же (Л. 106).

при чтении «Русского богатства», а цензор Косович получил выговор.

Литературные мнения журнала, при общей народнической окраске, были неустойчивы. Самой большой удачей была проникновенная оценка Оболенским творчества Чехова в 1886 г.

Расцвет журнала и усиление его роли в периодической печати связаны с переходом «Русского богатства» в руки новой редакции: с 1892 г. журнал становится общепризнанным легальным органом народников и редактируется С.Н. Кривенко и Н.К. Михайловским при официальных редакторах П.В. Быкове и С.П. Попове³⁸. В журнале принимают участие С.Н. Южаков, Н.Ф. Анненский, В.П. Воронцов, М.Н. Семевский, С.Я. Елпатьевский и другие публицисты-народники.

Интерес к идеям «экономического материализма», как тогда часто называли марксизм, все шире охватывал общество. В 90-е годы и позже на страницах «Русского богатства» встречаются постоянные выпады против основных произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, против работ Г.В. Плеханова. Борьбу с марксизмом возглавил Михайловский. В своих обзорах «Литература и жизнь» с конца 1893 г., т.е. со времени нового подъема освободительного движения России, он развернул критику идей марксизма, Струве и др. Его поддерживали Кривенко, Южаков, Русанов, Зак.

Выступления публицистов «Русского богатства» вызвали ряд протестующих писем со стороны марксистов. Несколько писем прислал Михайловскому известный революционер Н.Е. Федосеев, который указывал на нечестные приемы ведения полемики (марксисты имели возможность отвечать своим критикам лишь в частных письмах), клеветнический характер обвинений. Позднее об этом говорил В.И. Ленин в работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?». Полемические выступления «Русского богатства» он возмущенно назвал потоком «либеральной и защищенной цензурой грязи»³⁹.

Статьи Михайловского по вопросам научного социализма в 90-е годы резко отличаются от его же оценки трудов

³⁸ Официальные издатели: с января 1892 г. — Е.М. Гаршин, с ноября 1892 г. — Н.В. Михайловская (Гарина), с мая 1894 г. — Н.В. Михайловская и О.Н. Попова, с мая 1895 г. — Н.В. Михайловская и В.Г. Короленко, с 1897 г. — Н.К. Михайловский и В.Г. Короленко.

³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 279.

К. Маркса, данной на страницах «Отечественных записок» в 70-е годы. Такая перемена отношения к марксизму объясняется перерождением самого народничества из социально-революционного в либерально-буржуазное течение и обострением классовой борьбы в стране. В 1895—1897 гг. сподвижники Михайловского атакуют не только труды Маркса, но и сочинения Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг», книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Иногда, учитывая растущую популярность марксизма, враждебное отношение сотрудников журнала к идеям научного социализма пряталось под маской объективности, мнимого доброжелательства. Такой характер, например, носила рецензия на III том «Капитала» Н.Ф. Даниельсона (псевдоним «Николай — он») — одного из активных сотрудников «Русского богатства» в 90-е годы, переводчика на русский язык I тома «Капитала», постоянного корреспондента Маркса, слывшего «знатоком» марксизма. Пересказывая содержание книги, Даниельсон рассыпался в комплиментах перед Марксом, называл его «великим», но при этом сумел «не заметить» учения Маркса о классовой борьбе.

Полемика с марксистами не принесла никаких лавров народникам «Русского богатства». Плеханов, несмотря на ограниченные возможности легальной печати, в ряде работ «К вопросу о роли личности в истории», «О материалистическом понимании истории» и других дал блестящий ответ критикам марксизма.

Весьма характерно, что Ф. Энгельс, следивший за откликами на свои труды за рубежом, не придавал большого значения нападкам этого журнала. «У меня не будет времени прочитать критику, которую дает “Русское богатство” на мою книгу, — сообщал он в одном из писем. — Я уже достаточно прочел по этому поводу в январском номере за 1894 год»⁴⁰. Лицо «Русского богатства» как противника марксизма Ф. Энгельсу было известно. В.И. Ленин считал в 90-е годы руководителей «Русского богатства» (Михайловский, Южаков, Кривенко) прямыми врагами социал-демократии.

Михайловский пытался не раз публично оправдаться перед русской революционной молодежью и заигрывал с нею,

⁴⁰ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. 2-е изд. М., 1951. С. 341.

желая защитить свои теоретические позиции. В.И. Ленин в работах «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «От какого наследства мы отказываемся?» и других нанес сокрушительный удар народнической идеологии.

Публицисты журнала, выдавая себя за верных хранителей наследства 60-х годов, одновременно вели полемику с реакционной печатью по ряду общественных вопросов, тем самым они несколько затушевывали политическое направление своего издания. Михайловский, Южаков, Протопопов, Анненский выступали с критикой крепостнических пережитков, реакционных идей толстовства, философии смирения Достоевского, шовинизма Суворина. Это создавало «Русскому богатству» популярность среди читателей. Тираж издания в лучшие годы доходил до 14 000 экземпляров. В журнале широко освещалась жизнь России, печатались очерки из провинциального быта (Короленко, Елеонский, Соколовский, Голубев и др.), подробно анализировались внешнеполитические события и новости. Видное место занимала литературная критика, представленная статьями Михайловского, Протопопова и др.

Михайловский играл в 80—90-е годы заметную роль как литературный критик. Он сурово относился к эстетам, сторонникам «чистого искусства», требовал от литературы служения обществу и правде, активного вмешательства в жизнь, авторского приговора ее явлениям. В этом отношении он был верен заветам Чернышевского. Михайловский резко критиковал произведения декадентов Мережковского, Гиппиус, Сологуба за недостаток идейности, содержательности в их произведениях, за бессмыслицу искусственного слога (1985. № 10). Здрово судил он о творчестве писателей-натуралистов И.И. Ясинского и П.Д. Боборыкина. Михайловский своевременно поддержал талант Л. Андреева, но в то же время не смог оценить по достоинству Чехова, не оставил статей с глубоким анализом творчества своих современников — Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Спорными были его статьи о творчестве Достоевского («Жестокий талант»), Л. Толстого («Десница и шуйца Льва Толстого»).

Беллетристика занимала в журнале значительное место. На страницах «Русского богатства» в 90-е годы помешались

произведения видных русских писателей-реалистов — Короленко, Г. Успенского, Н.Г. Гарина-Михайловского, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.С. Куприна, К.М. Станюковича, Л.Н. Андреева, И.А. Бунина, В.В. Вересаева и других. В 1895 г. в седьмом номере был напечатан рассказ М. Горького «Челкаш». Прогрессивный характер беллетристики журнала в 90-е годы не подлежит сомнению.

Большое значение имело сотрудничество в журнале «Русское богатство» **В.Г. Короленко**, писателя-реалиста и крупнейшего демократического публициста второй половины XIX в., мастера художественного очерка.

Первое выступление Короленко в печати относится к 1878 г., когда в газете «Новости», где он работал корректором, была помещена его заметка «Драка у Апраксина двора». В «Русском богатстве» он выступил впервые в 1886 г. с рассказом «Лес шумит». Активное сотрудничество Короленко в журнале начинается с 1892—1894 гг. («Ат-Даван», «В голодный год», «Парадокс» и др.). До тех пор он печатался в «Северном вестнике», «Русской мысли», «Русских ведомостях», «Волжском вестнике» и в некоторых других изданиях, в том числе и в провинциальных. В журнале «Русская мысль» (1890, сентябрь—ноябрь) были опубликованы «Павловские очерки» — первый публицистический цикл писателя, очень характерный для мировоззрения Короленко и его литературной деятельности. Не чуждый в юности народнических иллюзий, Короленко и в 90-е годы испытывает еще влияние народников. Но тщательное изучение жизни приводит его к преодолению в известной мере прежних симпатий.

Народники, отказавшись к этому времени от революционной борьбы, продолжали рассматривать крестьянскую общину как готовую форму социализма, как идеал общественного устройства. Они не хотели понять, что в общине и в кустарной артели нет равенства, что в ней орудует кулак, эксплуатирующий бедноту, что на арену классовой борьбы вышел пролетариат.

Короленко не был марксистом, однако в его очерках и рассказах содержался правдивый материал, который опровергал народнические представления и подтверждал выводы марксистов. В «Павловских очерках», посвященных жизни кустарей села Павлово на Оке, близ Нижнего Новгорода, Короленко резко разошелся с народническими публицистами, которые считали, что старинные кустарные промыслы

в этом селе якобы дают пример «народного производства». Уже во вступительной главе очерков Короленко иронизирует над представлением о селе Павлово как «оплоте нашей самобытности». Надтреснутый павловский колокол становится символом реального состояния кустарной промышленности в России и народнических представлений о промышленности без капиталистов.

Короленко нарисовал верную, запоминающуюся картину жизни и труда павловского крестьянина-кустаря, показал его полную зависимость от хищнической «скупки» и постепенное разорение. Писателю было ясно, что кустари, продающие свои изделия капиталисту-скупщику, давно утратили всякую хозяйственную самостоятельность, а их эксплуатация приняла на редкость тяжелую форму. «Нищета есть везде, — говорит он, — но такую нищету, за неисходною работою, вы увидите, пожалуй, в одном только кустарном селе. Жизнь городского нищего, протягивающего на улицах руку, да это рай в сравнении с этой рабочею жизнью!»⁴¹ Народники идеализировали эту «рабочую жизнь», которая якобы дает какое-то особое моральное удовлетворение труженику.

В.И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» сослался на «Павловские очерки» при характеристике положения русских кустарей, признав тем самым достоинства этого произведения.

Зиму 1892 г. Короленко провел в одном из уездов Нижегородской губернии, сильно пострадавшей от голода, наступившего после неурожайного лета. Результатом поездки явился цикл очерков «В голодный год», основу которого составили ежедневные записки автора. Очерки первоначально предназначались для газеты «Русские ведомости», где и начали печататься под нейтральной рубрикой «По Нижегородскому краю». Цензура запрещала в газетах употреблять слово «голод», выражение «голодный год». Название «В голодный год» появилось в окончательной редакции текста, по которой произведение с 1893 г. публиковалось в журнале «Русское богатство» и не раз переиздавалось затем в виде книги.

Новый цикл написан в той же форме, что и более ранние «Павловские очерки». Публицистика чередуется здесь с картинами и художественными образами. Короленко свойственно

⁴¹ Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1955. Т. 9. С. 94. (Далее см. отсылки в тексте.)

непосредственное вмешательство в жизнь, горячее участие в событиях, свидетелем которых он является. Как всегда, в поездке по Нижегородскому краю писатель не ограничился ролью корреспондента-наблюдателя: он много содействовал спасению погибающего от голода и эпидемий народа. Реакционные газеты, например «Московские ведомости», обвиняли крестьян в пьянстве и в лени, послуживших якобы причиной неурожая. Короленко подверг беспощадной критике «невежественную, консервативную» лживость реакционной прессы и показал истинные причины крестьянского разорения, которые заключались в пережитках крепостничества, пренебрежении губернских чинов к нуждам мужика. Он лично убедился в живучести крепостнических порядков в России 90-х годов, бесправии народа и безобразиях, творящихся на селе, хотя по цензурным соображениям мог сказать далеко не все из того, что ему хотелось, особенно когда дело касалось революционных настроений деревни.

С прозорливостью большого художника, неразрывно связанного с жизнью народа, Короленко отмечал расслоение крестьян. Он убедился сам и рассказал другим, что «просто мужика», о котором говорили народники, «совсем нет» в русской деревне, а «есть... бедняки, богачи, нищие и кулаки... хозяева и работники» и между ними идет борьба не на жизнь, а на смерть.

Вслед за одним бедствием пришло другое — эпидемия холеры охватила в 1892 г. южные районы Поволжья. И снова Короленко в гуще событий. Летом 1892 г. он выехал в Саратов и свои впечатления изложил в очерке «В холерный год», не пропущенном цензурой. Писатель бесстрашно обличал царских администраторов, оказавшихся неспособными организовать борьбу против эпидемии, резко осудил алчность православного духовенства.

В 1893 г. Короленко совершил заграничную поездку: посетил Америку. Вернувшись в Россию, он с конца 1894 г. принял активное участие в редакционных делах журнала «Русское богатство», а в 1895 г. был утвержден одним из его официальных издателей.

Очерки Короленко об Америке, а также повесть «Без языка», напечатанные «Русским богатством» в 1895 г., до сих пор не утратили своей злободневности. В капиталистической Америке писатель увидел безработицу, нищету и бесправие

трудового народа, безраздельное господство доллара. Он показал продажность на выборах, высмеял падкую до сенсаций американскую прессу, был возмущен отношением к неграм, заклеил позором суд Линча. Картина американской жизни, созданная Короленко, была далека от изображения буржуазного режима как идеального общественного устройства, о чем твердила русская либеральная печать. Признавая превосходство буржуазно-демократических порядков над самодержавно-крепостническими, Короленко был свободен от преклонения перед ними и показал их несостоятельность в решении главных задач народного благополучия.

В 1895 г. Короленко принял участие в «Мултанском деле» — судебном процессе, организованном, по его выражению, «шайкой полицейских разбойников» с целью разжечь национальную вражду. Процесс группы крестьян-удмуртов, жителей села Старый Мултан, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам, — одно из громких и памятных дел конца XIX в. — три раза прошел перед судом, причем дважды заканчивался приговором невинных людей к пожизненной каторге.

«Мултанское дело» было основано на клеветническом обвинении. Короленко, заинтересовавшийся процессом, присутствовал в качестве корреспондента на втором разбирательстве в городе Елабуге осенью 1895 г. Он и два других журналиста сумели провести запись судебного заседания со стенографической точностью. Писатель был потрясен раскрывшейся перед ним драмой. «Люди погибают невинно» — вот впечатление, которое вынес он из зала суда. И Короленко немедленно начал борьбу за спасение осужденных. Используя печать и личные связи, Короленко добился пересмотра дела. Он посетил село Старый Мултан, расследовал все детали преступления, а затем, выступив на суде в качестве защитника, доказал ложность обвинений и добился оправдания крестьян. Выяснилось, что труп Матюнина, в убийстве которого обвинялись удмурты, был обезглавлен полицейскими для того, чтобы создать «ритуальный процесс».

В 1895—1896 гг. «Мултанское дело» было предметом оживленной дискуссии в мировой печати. Короленко принял в ней самое горячее участие, защищая честь и достоинство всех народов, населяющих просторы России. Отчет Короленко о процессе печатался в «Русских ведомостях» за 1895 г. и занял

двенадцать номеров. В ноябре того же года в «Русском богатстве» появилась другая серия статей Короленко под заглавием «Мултанское жертвоприношение», рисующая картину суда в Елабуге. В 1896 г. Короленко отредактировал свой отчет и выпустил его отдельной брошюрой.

Статьи о «Мултанском деле» были не единственным выступлением Короленко по национальному вопросу, когда он со всей страстностью и блестящим знанием темы разоблачал политику царизма, сеявшего рознь между народами. Целью его выступлений в печати было не только спасение невинных людей, но и опровержение кровавого навета, возведенного на удмуртскую народность, на всю Россию. Иностранские газеты писали о «канныализме в России». Короленко хорошо знал удмуртов, так как прожил с ними несколько лет, находясь в ссылке, и мог смело отвергать самую возможность кровавого языческого культа. Более того, как свидетельствуют письма Короленко, планы его шли дальше: он стремился раскрыть методы провокационных действий царской администрации и власти вообще, защитить закон.

Участие Короленко в мултанском процессе — отличный пример борьбы журналиста за правое дело. Короленко-журналист не посчитал за невозможное стать стенографом, следователем, защитником и юристом, когда этого потребовала справедливость. Защищая равноправие наций и языков, борясь с национальным гнетом в царской России, он еще раз зарекомендовал себя смелым публицистом-демократом.

Большой интерес представляют статьи Короленко, относящиеся к 900-м годам и более позднему времени, например «Девятое января в Петербурге», «Возвращение генерала Куропаткина», «Сорочинская трагедия». «Бытовое явление», «Черты военного правосудия» и многие другие. Публицист неизменно защищал права личности, свободу слова.

Работая долгие годы в журнале, который вел борьбу против русских социал-демократов и марксизма, Короленко занимал очень своеобразную позицию по отношению к теории научного социализма. Он не был марксистом и не разделял сущность этого нового учения (как впоследствии не принял Октябрьской социалистической революции). В 900-е годы писатель явно тяготел к левому крылу конституционных демократов. Тем не менее он и в эту пору оставался «несомненным демократом», писателем-гражданином, как писала

о нем «Правда» в 1913 г. В своих письмах Короленко подчеркивал, что не относится к марксизму враждебно, и видел в нем «явление... живое и интересное. Несомненно, что они (марксисты. — Б.Е.) вносят свежую струю даже своими увлечениями и уж во всяком случае заставляют многое пересмотреть заново» (Т. 10. С. 275). А еще раньше, в 1896 г., он как редактор «Русского богатства» отклонил рассказ писателя Сведенцова-Ивановича, направленный против марксистов, заметив, что «в русской жизни найдется много такого, с чем следует бороться прежде, чем с марксистами» (Там же. С. 244).

Работая в «Русском богатстве», Короленко всегда был правдивым писателем-реалистом, гуманистом, непримиримым борцом против всякого угнетения, насилия и покорности самодержавному строю.

В профессиональном опыте Короленко-публициста есть много моментов, поучительных для современного журналиста. Прежде всего Короленко являет собой образец добросовестности, точности. Именно это давало ему возможность быть смелым в своих выступлениях в печати. Он умел выделять в массе повседневных фактов значительные проблемы и разрабатывать их по убеждению в необходимости, неотложности их освещения. Короленко отличала большая требовательность к себе. Так, несмотря на успех своих первых публикаций, он признавался: «Я чувствовал, что для того, чтобы стать публицистом, мне нужно... так отточить перо, чтобы оно писало тонко, отчетливо... Я чувствовал, что мне нужна школа».

Будучи признанным мастером слова, в 1913 г., отвечая на душевные строки поздравительной телеграммы Тимирязева, своего учителя по сельскохозяйственной академии, Короленко писал: «...и теперь, как встарь, ваш привет говорит мне, что и в мои годы все надо учиться и становиться лучше» (Там же. С. 495).

Ему приходилось писать о тяжелых драмах жизни, о несправедливости и угнетении, часто надо было выступать с критикой конкретных виновников зла. «Когда у меня перо в руках, — говорил Короленко, — я не знаю жалости»⁴². Многих удивляла бестрепетная смелость его обличений. Сам публицист объяснял это следующим образом:

⁴² Нижегородский сб. 1905. С. 270; см. также: Балабанович Е.В. Г. Короленко. 1852—1921. М., 1947. С. 49.

«Я пишу в газетах уже лет десять... Я не помню случая, когда мне приходилось жалеть о напечатанном. Прежде чем отослать в редакцию, я всегда стараюсь представить себе, что человек, о котором я пишу, — стоит передо мною и я говорю ему в глаза то самое, что собираюсь напечатать. Если воображение подсказывает мне, что я охотно повторил бы все, даже может быть резче, — я отсылаю рукопись. Если же, наоборот, чувствую, что в глаза кое-что хочется смятчить или выбросить, — я это делаю немедленно, потому что не следует в печати быть менее справедливым, осторожным и деликатным, чем в личных отношениях» (Т. 10. С. 228).

Так писал он М. Горькому, так говорил он, выступая перед нижегородскими журналистами.

Короленко был противником пустописания, решительно отрицал «перезвон красивой стилистики» (Там же. С. 59), где бы он ни писал: в столичном или провинциальном издании. В высшей степени обладая чувством меры, он не уставал повторять: «Во всем нужна мера». Обвинять всех — «кидать слова на ветер» (Там же. С. 229).

После первой русской революции журнал «Русское богатство» стал органом так называемых народных социалистов — группы интеллигентов, занявших промежуточное место между эсерами и кадетами (А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, Н.Ф. Анненский и др.). Они громогласно объявили себя противниками подпольной революционной деятельности, защищали мирную тактику и широкое использование «парламентских» возможностей.

С 1914 г. до марта 1917 г. «Русское богатство» выходило под названием «Русские записки», а в 1918 г. журнал вновь принял старое название, однако в том же году был закрыт декретом Советской власти как издание, начавшее активно бороться против диктатуры пролетариата.

«Вестник Европы»

Либеральные издания в последней трети XIX в. были заметным фактором общественной жизни России. После расправы правительства с демократической прессой в 1884 г. крупные либеральные журналы и газеты («Русская мысль», «Вестник Европы», «Русские ведомости») остались в монопольном положении. Как бы осторожно и умеренно ни звучали их высказывания против крепостнических контрреформ и ярого национализма в защиту науки и просвещения,

это была, по существу, единственная легальная трибуна для критики.

Революционная демократия в обстановке спада революционной борьбы, разброда и шатаний среди большей части русской интеллигенции в 80-е годы не обходила и эту трибуну, готовя новое наступление на самодержавие и буржуазию.

Одним из крупных и наиболее долговременных ежемесячных журналов либерально-буржуазного склада в России второй половины XIX в. был **«Вестник Европы»**. Он издавался с 1866 г. как журнал преимущественно исторический и выходил объемистыми книжками раз в три месяца. Редактором-издателем «Вестника Европы» был отставной профессор истории Петербургского университета М.М. Стасюлевич.

С 1868 г. журнал стал ежемесячником. Умеренно-либеральное направление его не изменилось, но программа расширилась. Более интересной стала проза, полнее освещалась политическая жизнь России.

Первую часть каждой книжки занимали беллетристика, статьи и очерки научного характера, вторая часть под названием «Хроника» включала в себя ряд постоянных отделов: Внутреннее обозрение, Иностранная политика, Литературное обозрение, Известия — и на последней странице обложки — Библиографический листок.

В публицистической части журнала наиболее важным, насыщенным современными сведениями являлось Внутреннее обозрение. Здесь в полной мере реализовалась либерально-буржуазная программа редакции. Другие отделы, особенно иностранный и библиография, имели подчеркнуто объективистский, информационный характер.

«Вестник Европы» был органом русской либеральной буржуазии и отражал ее стремления к некоторым реформам, к буржуазному прогрессу страны под властью самодержавия. Дальше конституционной монархии политические идеалы редакции не шли, и совершенно естественно, что журнал резко отрицательно относился к революционным методам борьбы, отгораживался от революции. Но так как «Вестник Европы» все же толковал о пользе реформ, он подвергался постоянным нападкам консервативной прессы во главе с «Русским вестником» Каткова. Именно это обстоятельство позволило Салтыкову-Щедрину в годы безвременья, после закрытия «Отечественных записок», не компрометируя себя, сотрудничать в «Вестнике Европы», программа которого была очень

далека от его собственных взглядов. С 1884 по 1889 г. писатель напечатал в журнале ряд своих сказок, «Пошехонскую старину», «Пестрые письма» и «Мелочи жизни». Его участие безусловно придавало большой интерес «Вестнику Европы» в глазах русских читателей и способствовало популярности издания в 80-е годы.

Среди ведущих сотрудников журнала, выражавших его основное направление, выделяется большая группа либеральных ученых и публицистов, преимущественно историков и литературоведов. Это сам Стасюлевич, Н.И. Костомаров, который до 1885 г. участвовал в редактировании журнала, Д.Л. Мордовцев, К.К. Арсеньев (редактор «Вестника Европы» в 1909—1913 гг.), А.Н. Пыпин, Н.А. Котляревский, А.Н. Веселовский, Евг. Утин, Ф.Ф. Воропонов, Ю.А. Жуковский, А.Ф. Кони и др. Внутреннее обозрение долгое время вел публицист Л.А. Полонский, враждебно настроенный по отношению к революционерам 70-х годов. Активно выступал в журнале К.Д. Кавелин, не принадлежавший, однако, к его постоянным сотрудникам.

На протяжении ряда лет в «Вестнике Европы» помещал свои статьи искусствовед и музыкальный критик В.В. Стасов. Будучи страстным борцом против теории «искусство для искусства», против проявлений формализма, натурализма, декадентства, Стасов направлял развитие отечественного искусства по пути реализма и демократической идейности, был вдохновителем и наставником многих писателей, художников, композиторов и артистов. Его статьи о Мусоргском, Иванове, Крамском, статьи «25 лет русского искусства», «Художественная статистика» характеризуют Стасова как продолжателя традиций русской демократической эстетики.

«Вестник Европы» отличался солидно поставленным беллетристическим отделом. В нем кроме Салтыкова-Щедрина участвовали Гончаров, опубликовавший роман «Обрыв», Тургенев, Островский, Мамин-Сибиряк, Эртель. Много было хороших стихов Плещеева, А. Толстого, Фета, Апухтина, Полонского. Вместе с тем редакция, желавшая подчеркнуть свою беспартийность, предоставляла место декадентам — Гиппиус, Минскому, философу-идеалисту Вл. Соловьеву и др. Вл. Соловьев был заметной фигурой в журнале, выступая здесь как философ-публицист, поэт и литературный критик.

В 70-е годы через Тургенева был привлечен к активному сотрудничеству в качестве публициста-обозревателя Эмиль Золя («Парижские письма»). Среди «Писем» были статьи

с изложением теории экспериментального романа. Искания Золя — художника и теоретика — вызывали враждебные отклики парижской прессы, и он рад был возможности развернуть свою теорию в России. Его взгляды не встретили полного одобрения со стороны демократической критики, но тем не менее Золя был признателен за возможность выступить в русском журнале. «В ужасные часы материального стеснения и отчаяния Россия возвратила мне мою веру и силу, предоставив трибуну... Я не могу говорить об этом без волнения и сохраняю постоянную благодарность»⁴³ — писал французский романист.

Большое место в журнале отводилось мемуарной литературе. На протяжении ряда лет печатались воспоминания Панаева, Анненкова, Буслаева, Гончарова, Софьи Ковалевской. В научном отделе время от времени появлялись статьи крупнейших русских естествоиспытателей: Сеченова, Мечникова, Бекетова, Хвольсона.

Журнал в 70-е годы был весьма распространенным. В 1879 г. «Вестник Европы» насчитывал около шести тысяч подписчиков.

Для политического лица журнала весьма характерна высокая оценка реформ правительства Александра II в 60-е годы — крестьянской, судебной — и даже Временных правил о печати 1865 г. Публицисты «Вестника Европы» сожалели лишь о том, что эти реформы были искажены позднейшими административными мерами, и говорили о необходимости их «очистить» от всяких ограничений и наслоений. Руководители «Вестника Европы», выступая за буржуазный прогресс, считали полезным повторять, что благосостояние страны «не в застое, не в отчуждении от других народов, но, наоборот, в постепенном, но смелом, непрерывном движении вперед, в следовании за другими народами по их пути развития и рациональной свободы» (статья «Железные дороги и экономическое развитие», 1879. № 12).

В связи с этим они резко и подчас смело критикуют русские консервативные органы печати (в частности, Каткова) за их крепостнические замашки и постоянное требование решительных, «крайних мер». Журналу свойствен был дух умеренной критики самодержавия. Он признавал несовершенство русской гражданской, экономической и политической жизни и стремился к смягчению классовых противоречий.

⁴³ Литературное наследство. М., 1937. Т. 31—32. С. 944.

Довольно сочувственно журнал выступает по крестьянскому вопросу, скорбит о малоземелье. «К делу нынешних крестьянских нужд нельзя относиться невнимательно, равнодушно, — указывается, например, в статье Воропонова «Теория достаточности крестьянских наделов». — Вопрос о достаточности и недостаточности крестьянских наделов принадлежит к числу жгучих современных вопросов русской жизни» (1880. № 3). Правда, журнал не желает глубоко вникать в причины, породившие малоземелье, а предпочитает брать его как существующий факт, но тем не менее ставит его на своих страницах.

Сотрудники журнала Стасюлевича стремятся решить крестьянский вопрос полумерами буржуазного характера, хотя они еще и не вполне осознают классовый смысл своих пожеланий, защищают мелкий кредит, законодательное увеличение наделов там, где они чрезмерно малы, уменьшение платежей, активизацию земской деятельности, просвещение и другие средства прогресса.

В отличие от изданий Каткова и Страхова «Вестник Европы» ставит в 70-е годы и рабочий вопрос, возражая тем, кто продолжает обольщаться мыслью, что «у нас нет ни обезземеленных рабочих, ни пролетариата и что все толки о неприглядном положении первых, по меньшей мере, преувеличены... Положение дел далеко не оправдывает такого оптимизма» (1879. № 1).

Указывая справедливо на главные причины тяжелого положения русских рабочих — низкую зарплату и длительный рабочий день, который нередко доходил до 14 и более часов, — журнал, однако, лечение этих зол предполагает начать с конца — с проблемы образованности пролетариев, с организации школ для рабочих.

В годы второй революционной ситуации и активной деятельности партии «Народная воля» журнал неизменно осуждает террористические действия и оправдывает контрмеры самодержавия, хотя и не разделяет преувеличенных страхов реакционной прессы. Каждый случай политического террора, включая события 1 марта 1881 г., использовался редакцией как удобный повод для пропаганды излюбленной идеи о необходимости реформ. Сотрудники журнала утверждали, что реформы — единственное условие для изменения почвы, порождающей терроризм.

В числе вопросов, нуждающихся в скорейшем решении, называются: крестьянский, финансовый, судебный, земский, реформа школы, администрации и т.д. Отсюда идет критика реакционной прессы, которая отвергала необходимость каких бы то ни было преобразований. Одновременно журнал решительно выступает против революционных методов борьбы, он искренне осуждает врагов мирного прогресса — русских социалистов-революционеров, называет их не иначе как «политическими убийцами» (1881. № 4).

Цензура, относившаяся терпимо к этому органу печати, довольно точно определила позиции «Вестника Европы» и его место в русской журналистике. Вот отрывок из сведений, сообщенных Главным управлением по делам печати в 1879 г. временному Санкт-Петербургскому генерал-губернатору:

«“Вестник Европы” — ежемесячный журнал, при обилии статей, касающихся вопросов общественных и также внутренней и внешней политики, всегда отличался сдержанным и строго приличным тоном, не допускающим грубых или чрезмерно резких выражений».

Нежелательное, как считала цензура, в направлении этого журнала заключалось в первую очередь «в стремлении указать преимущества конституционного образа правления и убедить в том, что для благосостояния России наше правительство не должно останавливаться на осуществившихся реформах, а продолжать их дальнейшее развитие...» Далее цензурное ведомство замечало, что «противоцензурные идеи нигде не изложены вполне ясно и определительно, а высказываются при случае, часто одними намеками и всегда обставлены оговорками самого благонамеренного характера».

Правы были чиновники, находя, что по серьезности содержания и форме своих статей «Вестник Европы» предназначался «исключительно для образованных и развитых читателей, на которых вредные увлечения журнала» не могли иметь «такого влияния, какого бы можно было опасаться при изложении более популярном, доступном массе читателей»⁴⁴. Достаточно верно описывая издание, этот отзыв не учитывает, однако, того революционизирующего влияния, которое имели произведения отдельных прогрессивных, демократических журналистов, например Салтыкова-Щедрина.

⁴⁴ Сведения о петербургских повременных изданиях... (РГИА. 1879. Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 402. Л. 7, 10).

«Вестник Европы», издававшийся в годы широкого распространения в России идей научного социализма, во время роста рабочего движения, отнесся враждебно к марксизму и русской социал-демократии. За исключением статьи Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса», опубликованной в 1872 г. и достаточно объективно излагавшей экономическое учение Маркса, журнал отверг идеи научного социализма. В 1877 г. «Вестник Европы» принял активное участие в полемике с «Отечественными записками» по поводу первого тома «Капитала». На его страницах Ю. Жуковский критиковал и экономические воззрения, и историко-философскую теорию Маркса. В 90-е годы журнал занимал совершенно определенную враждебную позицию по отношению к русским марксистам. Особенно часто против марксистов выступали: профессор Н.И. Кареев, которого зло высмеял и раскритиковал в ряде своих работ Плеханов, а позднее Л.З. Слонимский стал главным антимарксистом журнала.

«Вестник Европы» был закрыт как контрреволюционное издание в 1918 г.

«Русская мысль».

Публицистика Н.В. Шелгунова

Журнал «Русская мысль» был разрешен к выходу в 1880 г., когда некоторое время правительство, напуганное революционным движением, заигрывало с либералами. Издавался он в Москве В.М. Лавровым под редакцией литератора и театрального деятеля С.А. Юрьева. Важную роль в журнале играл секретарь редакции профессор В.А. Гольцев. Руководство Юрьева было номинальным, и через два года он вовсе отказался от редактирования. В связи с этим влияние Гольцева усилилось, и в 1885 г. он вместе с Лавровым и Ремезовым стал официальным редактором «Русской мысли».

Гольцев был по своим убеждениям типичным либералом. Еще в 1875 г., будучи за границей, он пишет открытое письмо за подписью «Русский конституционалист» редактору журнала «Вперед!» П.Л. Лаврову. В этом письме, основные положения которого позже целиком вошли в идейный арсенал партии кадетов, Гольцев выступает как умеренный либерал и конституционалист. Либерализм его был несколько иным, чем либерализм руководителей «Вестника Европы».

Если публицисты этого журнала резко отторгались от революции, то Гольцев, напротив, считал возможным действовать совместно с революционными кругами, чтобы, опираясь на их поддержку, вести борьбу за ограничение власти монарха. Поэтому он не уклонялся от знакомства и сближения с революционерами, печатал в своем журнале статьи Чернышевского, Плеханова, революционеров-эмигрантов. Об этом было известно правительству, и «крайний радикал» Гольцев неоднократно подвергался обыскам и арестам.

Первоначально в «Русской мысли» приняли участие ряд профессоров Московского университета: М.И. Семевский, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, И.И. Иванюков, О.Ф. Миллер и др. Печатались здесь крупные земские деятели: В.Ю. Скалой, Н.П. Колюпанов, публицисты А.А. Головачев, В.В. (В.П. Воронцов), С.А. Венгеров, Вас.Ив. Немирович-Данченко.

После закрытия в 1884 г. «Отечественных записок» из семи тысяч их подписчиков четыре с половиной перешли к «Русской мысли», до этого издававшейся в убыток. Редакция журнала усилилась за счет сотрудников «Отечественных записок»: Г. Успенского, Плещеева, Михайловского, Златовратского, Южакова, Протопопова и некоторых других. Почти одновременно, после цензурного разгрома журнала «Дело», в «Русской мысли» начал печататься Н.В. Шелгунов.

С 1885 г. участие в журнале принял вернувшийся из ссылки Н.Г. Чернышевский. Он не мог печататься под своим именем, но был полон духовных сил и попытался войти в идейно чуждый для него мир журналистики 80-х годов. Чернышевский опубликовал в 1885 г. под псевдонимом «Андреев» стихотворение «Гимн деве неба», а несколько позднее, за подписью «Старый трансформист», — ряд статей научного характера. Одна из них — «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» (1888) — была направлена против реакционных сторон учения Дарвина, мальтузианства и перенесения из области естествознания в область социологии теории благотворности борьбы за жизнь. Печатаясь в «Русской мысли», Чернышевский подчеркивал в письмах, что его мнения «по многим вопросам» отличаются от мнений журнала и ни о какой близости его к идейному направлению издания речи быть не может.

В конце 80-х годов в журнал приходит А.П. Чехов как официальный редактор беллетристического отдела и как автор очерков и рассказов.

Нельзя не признать, что «Русская мысль» по составу сотрудников была наиболее интересным журналом 80-х годов.

По принятому обычаю каждая книжка делилась на две части: первую составляли художественные произведения и статьи научно-исторического содержания; вторую — публицистические статьи. В эту часть входили подотделы: Новые книги, Внутреннее обозрение, Политические заметки, Театральные рецензии, Земство. Позднее появились рубрики Смесь, Современное искусство, Очерки русской жизни (обзор провинциальной печати), Заметки по внешним делам и очень обширная Библиография. Последняя имела свое собственное оглавление и занимала до пятидесяти страниц. Библиография «Русской мысли» велась в духе аннотаций, исключавших оценку книг, т.е. совсем не так, как в демократических журналах 60-х годов, всегда высказывавших свою точку зрения в библиографических заметках.

Поначалу одним из ведущих был отдел Русская жизнь, где печатались многочисленные очерки о России и затрагивался крестьянский вопрос. К нему примыкал отдел Земство. Редакция возлагала на земство большие надежды, о чем громко заявила во втором номере «Русской мысли».

В отделе науки печатались статьи прогрессивных русских ученых, пропагандистов естественно-научного материализма, защитников передовой науки — К.А. Тимирязева («Опровергнут ли дарвинизм?»), А.Г. Столетова («Энергия солнца», «Гельмгольц и современная физика») и других.

Беллетристический отдел заметно улучшился после 1884 г., когда в «Русскую мысль» волей-неволей перешли писатели, ранее принадлежавшие к кругу «Отечественных записок». Здесь печатались Г. Успенский, Чехов, Короленко, Гаршин, Мамин-Сибиряк, Григорович, Златовратский, Эртель, Плещеев, Апухтин, Пальмин, Майков. Из иностранных писателей редакция охотно переводила польских авторов — Г. Сенкевича и Э. Ожешко.

Программа издания в значительной степени определялась статьями самого Гольцева и публицистов, близких к либеральному народничеству. Объявляя себя защитницей земельной общины, «Русская мысль» выступила «за ее постепенное превращение в свободный союз на основе общинного землевладения». Государство обязано «предоставить общине полный простор и не вмешиваться в ее внутренние распоряжки», — писал Гольцев в предисловии к «Внутреннему обозрению» (1880. № 1).

Обстоятельно по вопросам общины журнал высказывался в статье И.И. Иванюкова «Общинное землевладение» (1885. № 1). В основе его взглядов лежало убеждение, что капитализм проникает в русскую общину извне, ибо в ней самой нет предпосылок для его развития. Интеллигенции надо только придумать средство для того, чтобы укрепить общину и восстановить общинную собственность там, где она уже разрушена. Статья Иванюкова считалась одной из наиболее крупных теоретических работ либерального народничества в журналистике 80-х годов. Его точку зрения с небольшими поправками разделял и Гольцев. Но вера в общину уже не связывается с революционным преобразованием общества.

Для того чтобы вывести народ из нужды и неграмотности, журнал устами Гольцева призывал государство «опереться на здоровые силы русской интеллигенции». Но так как между последней и крестьянством существует досадное «непонимание», им необходимо сближаться. Образованные люди должны изучать народный быт и распространять знания. А чтобы интеллигенция, хорошо познавшая народ, могла сыграть свою благородную роль, ей нужны конституция и представительные учреждения. «Скромные желания русского общества заключаются, — писал Гольцев в статье «Новый год» (1881. № 1), — в стремлении достигнуть либеральных законов, которые высоко подняли бы авторитет власти в глазах всех образованных людей».

Неудивительно, что страницы журнала пестрили множеством верноподданнических фраз и выражений, чего не было ни в одном подлинно демократическом издании 60—70-х годов. Царский суд назван «правым и милостивым», день «освобождения» крестьян — «вечно славным днем» и т.д.

Редакция не раз предоставляла слово либеральным народникам и буржуазным ученым для полемики против марксизма, прикрывая их наскоки до поры до времени видимостью «объективизма».

В 1880 г. «Русская мысль» напечатала обширную статью Иванюкова «Синтез учений об экономической политике» (№ 2, 3, 9). Автор заявляет, что есть две политэкономические школы: свободной конкуренции, т.е. капиталистическая, и социалистическая. Отрицательно относясь к школе свободной конкуренции в политэкономии, автор не лучше отзывается и о школе социалистической. Сам он придерживается третьей школы — реалистической, которая, не изменяя основ

современного общества, желает найти способ более равномерного распределения благ культуры между всеми классами населения. Требования социалистической школы осуществить нельзя — для них «не имеется» подходящих условий: «Чувства, нравы, понятия громадного большинства современного общества делают невозможными общественные формы, на которые указывает социализм». А потому попытки насильственно ввести их неминуемо потерпят неудачу, заявляет Иванюков, и вместо общего блага произойдет лишь «бедственное и напрасное сотрясение общественного организма» (1880. № 2).

Объективно излагая в девятом номере отдельные стороны теории Маркса, например положения о пролетариате как могильщике капитализма, об экономических принципах социализма, и даже отвергая наиболее грубые выпады против социализма, Иванюков тем не менее в целом фальсифицирует марксизм, навязывает несвойственные ему выводы и рассуждения. Он ставит Маркса в один ряд с Дюрингом и буржуазными экономистами — Шмоллером, Ланге, Вагнером, не признает учения о классовой борьбе.

Отрицая революционную сущность марксизма, «Русская мысль» пыталась очернить рождавшееся в конце XIX в. русское социал-демократическое движение. Обращаясь к «нашим русским социал-демократам», агитирующим в народе коммунистическую революцию, превратно понявшим учение Маркса и поэтому полагающим, что оно солидарно с их деятельностью, автор советует «одуматься». Социализм наступит без борьбы, сам по себе, когда «труд откажется выносить далее свою капиталистическую оболочку» (1880. № 9).

Иванюков сознательно разрывает социализм и политическую борьбу. Он пишет: «с о ц и а л - д е м о к р а т и я есть политическая партия, а с о ц и а л и з м — научная теория».

В 90-е годы редакция печатает статьи народников: В.В. (Воронцова), Южакова, Михайловского, которые открыто полемизируют с марксистами, хотя еще в «приличном тоне», по выражению Ленина, а также Петрункевича, одного из организаторов будущей кадетской партии. Гольцев пытается спорить с Плехановым. Журнал всюду расхваливает книгу Воронцова «Судьбы капитализма в России». Неудивительно, что в 1893 г. редакция отклонила работу В.И. Ленина «Новое хозяйственное движение в крестьянской жизни» (рецензия на книгу Постникова). Нет ничего неожиданного и в том, что Гольцев

после 1905 г., напуганный революцией, становится кадетом, а «Русская мысль» — органом кадетской партии. В последние годы редактировали ее Кизеветтер и Струве. Закрыт журнал был в середине 1918 г., как контрреволюционное издание.

Позицию, во многом отличную от взглядов Гольцева на вопросы общественной и литературной жизни, занимали в журнале демократические писатели — Г. Успенский, Чехов, Короленко, Шелгунов, вынужденные сотрудничать там в 80-е годы. Успенский, например, не разделял мнений руководителя «Русской мысли» и его основных сотрудников, ему был чужд оптимизм относительно спасительной миссии русской общины, иначе оценивал он революционную борьбу западноевропейского пролетариата, теорию научного социализма. Об этом говорят его очерки: «Равнение под одно», «Выпрямила», «Горький упрек» и др.

Очерк «Равнение под одно» (1882. № 1) являлся прекрасным примером глубокого анализа тех противоречий, которые охватили деревенскую жизнь в 70-е годы. Успенский ставит в глупое положение сочувствующего народникам собеседника, который никак не хочет понять, что община не спасает мужика от голода, разорения, эксплуатации. Он приходит к важному выводу, что в общине нет «однородности деревенских интересов», что крестьянство расслаивается, деревню раздирают острые противоречия. К своим выводам публицист приходил не умозрительно. Он много ездил по стране, причем в дешевых вагонах и каютах третьего класса, где пассажирами были беднейшие слои населения, мужики. Из разговоров, споров, слышанных в дороге, часто поражаюсь меткости народного слова, а иногда и тупости мужика, писатель намечал, выводил темы новых публицистических исследований — очерков и рассказов.

Замечательный русский публицист **Н.В. Шелгунов** также имел мало общего с редакцией «Русской мысли». Привлекая революционера-демократа Шелгунова к работе, Гольцев и Лавров не собирались рисковать журналом. Они очень строго редактировали его рукописи и так придирались, что Шелгунов в письмах не мог удержаться от жалоб: «Не скрою от Вас, что я вступил в “Русскую мысль” с традициями прежней журналистики (“Современник”, “Русское слово”, “Дело”). Эти журналы давали большой простор своим сотрудникам

(и «Отечественные записки» держались того же). Я радовался, что буду работать в неподцензурном журнале, но увы! Встретил самое жестокое отношение к моим статьям»⁴⁵.

На протяжении 1886—1891 гг. Шелгунов печатал в «Русской мысли» чрезвычайно разнообразные по тематике «Очерки русской жизни», в которых содержались отклики на злобу дня и ставились крупные общественные проблемы.

Первоначально обозрение русской жизни было поручено вести Г. Успенскому. Однако тот не нашел себя в жанре публицистического обзора. Он тяготел к художественному очерку и именно в этом виде литературного творчества дал образцы художественной публицистики. В отличие от него Шелгунов, никогда не стремившийся к образному изображению действительности, предпочитавший рациональный способ познания жизни, сумел блеснуть в жанре очерков-обозрений.

Начинается цикл очерком «Крестьяне и землевладельцы Смоленской губернии», посвященным наиболее важному вопросу времени — положению крестьянства в России. Причины безысходной бедности мужика Шелгунов видит в первую очередь в малоземелье. «Когда освобождали крестьян, помещики... приняли весьма предусмотрительные меры... Мужик получил земли меньше, чем ему нужно, чтобы есть чистый черный хлеб. Мужик увидел, что у него и пашни мало, и лугов мало, и лесу мало, а выгону и совсем нет. Все это “мало” и “нет” оказалось в “отрезках”»⁴⁶.

Во втором очерке «Деревня и подать» публицист говорит о налогах, о выкупных платежах за землю, «горше» которых нет ничего для мужика (С. 11). В дальнейшем Шелгунов в своих очерках не раз возвращается к положению крестьян. Публицист был убежден, что аграрный вопрос — один из коренных вопросов русской жизни, а решен он может быть только национализацией земли (см. его «Что читать и как читать?»).

Чуткий и правдивый журналист, Шелгунов отмечает расслоение деревни, батрачество и мироедство, характеризуя сельские порядки сравнением: «Каждый или молот, или наковальня». Он говорит о росте земледельческого пролетариата и кулачества, оспаривая утверждения либеральной прессы

⁴⁵ Рукописный отдел РГБ, фонд Гольцева, письмо Н.В. Шелгунова от 17 апреля 1886 г.

⁴⁶ Шелгунов Н.В. Собр. соч. СПб., 1904. Т. 3. С. 3—4. (Далее ссылки на «Очерки русской жизни» см. в тексте.)

о случайности появления кулака в русской деревне. «Не личное чувство, не энергия наживы, не бездушие или жестокосердие создали его (кулачество. — Б.Е.), а такие условия и такое положение массы, когда даже и не падкий до наживы человек может развить в себе аппетиты наживы и стать ростовщиком... Кулачество — явление, созданное известным положением вещей, и пока это положение существует, будет процветать и кулачество» (С. 468).

Шелгунов в известной мере преодолевает свойственные ему в 60-е годы общинные иллюзии и в новых исторических условиях более правильно оценивает роль и возможное значение общины в освобождении русского народа. Он критикует либеральных народников за слепое преклонение перед «общинностью» русского мужика, говорит о неизбежном разрушении общины в процессе буржуазного развития страны.

Как всегда в своей журналистской деятельности, Шелгунов освещает вопросы рабочего движения. В очерке «Деревенские пожары» есть рассказ о Морозовской стачке. Цитируя судебные материалы как документальные свидетельства тяжелого положения пролетариев на фабриках, он объясняет причины стачки и оправдывает дружные действия орехово-зுவевских ткачей.

В очерке «По поводу статьи Деревенского жителя...» Шелгунов пишет: «Пролетариат земледельческий и фабричный стал теперь у нас таким же экономическим явлением, как и в Европе... только не бросается у нас так резко в глаза и о нем теперь очень мало пишут» (С. 314). Действительно, консервативная пресса старалась преуменьшить размах рабочего движения в стране, и Шелгунов был в числе тех немногих русских публицистов, кто систематически обращал внимание общества на возрастающую роль пролетариата.

Шелгунов справедливо отмечает в «Очерках» моральное превосходство городского рабочего над крестьянином. Учитывая некоторую неточность терминологии, надо признать весьма знаменательными его слова: «Босьяк (под босьяком подразумевается всякий разорившийся человек, особенно горожанин. — Б.Е.), по-видимому, беспутен, не умеет он справляться с собою, со своими слабостями и наклонностями», но, несмотря на это, «он горд и независим и очень оберегает свое достоинство. Это общая черта всякого городского пролетария. Босьяк не только считает себя честным человеком, но он и в действительности честен... Между настоящими босьяками воров нет... потому что босьяк — рабочий» (С. 470—471).

Очень важно, что к концу своей жизни Шелгунов понял революционное значение нового класса. «Рабочий вопрос» — это вопрос о борьбе «труда с капиталом, с капиталистическим строем современного общества», — говорил писатель в очерке «Что читать и как читать?» (С. 1064). Наряду с экономическим гнетом Шелгунова глубоко возмущает юридическое и гражданское бесправие русского народа, то беспредельное угнетение человеческой личности, которое царило в самодержавной России. В его очерках собрано множество фактов, изобличающих невероятно дикое «неуважение к личности и свободе ближнего». «Человека, для которого, казалось бы, все и должно делать, мы всегда ухитримся оттереть в сторону, запахнуть в угол и зажать так, чтобы он едва дышал» (С. 1003).

«Образованные» и «правлящие классы» до сих пор «чувствуют себя белой костью». Народ для тех, кто на авансцене, не есть сословие, он — просто мускульная сила, которой нужно управлять (С. 1027). Убежденность автора в том, что порядок отношений между людьми не может быть иным при данном государственном строе и что необходимо его изменить, изобличает в нем последовательного революционного демократа, не способного на компромиссы.

Шелгунов критикует экономическую политику царизма, указывает на отсталость страны, неумение правительства освоить Сибирь и другие окраины. Экономические успехи везде и всегда зависят «исключительно от гражданских свобод», — говорит он в очерке «Простор Самарской земли». Публицист разоблачает колонизаторскую политику и «культурную» миссию молодого русского капитализма в Средней Азии и на Кавказе.

Много внимания в «Очерках» уделяется печати. Так, например, очерк «Провинция и провинциальная печать» целиком посвящен бурно развивающейся областной прессе 80-х годов. Подробная характеристика местных газет заключена в очерке «Провинциальные города» и др. Ряд очерков посвящен либерально-народнической газете «Неделя», «Новому времени» и другим столичным изданиям.

Смелые, настойчивые выступления Шелгунова против идейной реакции 80-х годов составляют особенно важную сторону «Очерков русской жизни».

Борьбе со взглядами либеральных народников, с их теорией «малых дел» посвящены многие очерки: «По поводу статьи Деревенского жителя», «К чему способна наша интеллигенция»

и др. Шелгунов критикует главный орган либерального народничества — газету «Неделя», публицистов Абрамова, Дистерло и их различных сподвижников из провинциальной прессы, уверявших читателей, что в русской жизни много «светлых» и «бодрящих» впечатлений. Народники 80-х годов не в революционной борьбе пролетариата и крестьянства видели «светлые явления», а в организации интеллигенцией общественных сыроварен, аптек и библиотек, в жизни русской общины, в патриархальности русского мужика.

Теория «светлых явлений» и «бодрящих впечатлений» — бесполезная, лживая, и ею, писал Шелгунов, «как я ни усиливался... не мог разрешить ни вопроса о малоземелье, ни переселенческого вопроса, ни вопроса о найме рабочих» (С. 651). Сторонники «малых дел» постоянно говорят об излечении общественных недугов, «но все эти “хорошие” слова оказываются только словами, потому что и борьба, и энергия, и общепользная деятельность предполагаются не иначе как при условии неподвижности границ плохой действительности» (С. 677), т.е. в рамках существующего режима, что является бессмысленным, ибо, не сломав общественного строя, нельзя шагнуть вперед. За отказ от передовых идей 40-х, 60-х и даже 70-х годов, за отсутствие политической мысли и проповедь жалкого культурничества Шелгунов называет газету «Неделя» «школой общественного разврата».

Писатель правильно указывал на связь взглядов «восьмидесятников» с буржуазным практицизмом. Проповедь теории «малых дел» заслонила «идейные стремления более доступными для большинства стремлениями практическими» (С. 683). Теория «восьмидесятников», заявляет Шелгунов, — это просто-напросто буржуазная тенденция, выражающая намерение в пределах существующих условий наиболее энергично бороться на экономическом поприще. Тогда это поняли еще немногие, и Шелгунов был в их числе.

Неизменно отрицательное отношение к русской пореформенной действительности, критика либерально-народнических воззрений вызвали раздраженные, грубые нападки на публициста-демократа со стороны «Недели». Шелгунову она заявила, что он стар, отжил свое время, ничего не понимает, потерял чутье к жизни и якобы завидует «новому теперешнему молодому поколению», как это всегда бывает между отцами и детьми.

Но Шелгунов не складывал оружия. В ряде очерков он устанавливает связь между теориями «Недели» и толстовством 80-х годов. Он критикует «Неделю» и Толстого за проповедь опрощения и попытки сблизиться с народом путем отказа от умственного багажа и цивилизации. «Одни хотели мужика превратить в барина, другие — барина в мужика: одни предлагали ради слияния идти вперед, другие — назад» (С. 586). Единственный правильный путь — путь развития мужика до интеллигента, утверждает Шелгунов, а не наоборот, как предлагают народники и толстовцы. «Поход интеллигентов в деревню, стремление их жить “своим хлебом” — вовсе не подвиг, как полагают и толстовцы, и народники. Подвиг заключается в идейном развитии, в чувствах, воодушевляющих на задачи “высшего порядка”, которые руководят всем поведением и дают ему общественный, человеческий смысл» (С. 669).

В конце 80-х годов в очерке «Петербург и его новые люди» Шелгунов дает отповедь «Неделе» за выраженное ею сожаление о том, что философские идеи Толстого не проникают в литературу сквозь преграду твердо хранимых «традиций прежних направлений». Очень хорошо, что традиции критического направления предшествующих десятилетий еще живут и воспитывают общественную мысль. Очевидно, «старое-то» лучше «нового», заключает Шелгунов. Поэтому и пользуются успехом Короленко, Гаршин, Надсон — писатели, верные прогрессивным началам демократической литературы.

С конца 1886 г. борьба с толстовством занимает в «Очерках русской жизни» все большее место. Этой теме целиком посвящены очерки: «Решаются ли исторические вопросы усовершенствованием личности», «Моралистическая и общественная точка зрения», «По поводу письма одного толстовца» и др.

В философии Толстого, в его проповеди личного самоусовершенствования и непротivления злу насилieм Шелгунов видел вредную философско-общественную теорию. Работа над нравственным обогащением личности не может заменить общественной деятельности людей, не может быть средством борьбы против зла, царящего в России. Мир спасут «хорошие учреждения», а не «хорошие люди» (С. 579). Толстовцы начинают не с того конца. Они отвлекают народ от борьбы за свои права. Для того «чтобы новые нравственные отношения установились, следует сначала уничтожить те преграды, которые именно и мешают установлению этих отношений» (С. 695).

В этом свете Шелгунов рассматривает «каратаевщину» и говорит об историческом фатализме в романе «Война и мир». Толстой идеализирует то, от чего народ бежит, утверждает он. «Каратаевщина» обозначает угнетенное положение народа, с покорностью надо бороться, поднимая в людях чувство гражданского достоинства.

«...Солдатик Каратаев — человек только факта, и больше ничего. Ну, холодно, так холодно». Но человек родился «не для того, чтобы переносить холод, голод и смерть, а чтобы так устроить дела, чтобы не было ни холоду, ни голоду, да и смерть отодвинуть подальше» (С. 673).

В оценке творчества Толстого Шелгунов был односторонен, но философские идеи писателя он критиковал верно. Прав был Шелгунов и тогда, когда он усматривал связь толстовских идей с народничеством 80-х годов.

Всем этим «новым» теориям и течениям 80-х годов Шелгунов противопоставляет социалистические идеи 60-х годов и Щедрина с его революционно-демократическими идеалами.

Шелгунов прожил долгую жизнь и последние произведения писал в начале 90-х годов XIX в. Это время ознаменовалось некоторым ростом общественного движения в стране. Писатель-журналист чутко уловил перемену и в очерке «Недавнее прошлое и общественные барометры» приветствовал наступающее десятилетие, несущее конец общественному индифферентизму и безыдейности 80-х годов.

Последний очерк цикла «Отрадное явление», написанный Шелгуновым незадолго до смерти, весь проникнут настроением нового времени. Шелгунов с удовлетворением отмечает, что молодежь много учится, анализирует факты, прежде чем решить, что делать. Публицист приветствует «серьезное научное изучение общественных вопросов», обыкновенно кружковое. «...Если все пойдет так и дальше, то нужно думать, что для тысяча девятисотых годов оно (время. — Б.Е.) создаст поколение деятелей просвещенных и образованных, какого до сих пор Россия не выставляла...» (С. 1094—1095).

Конец 80-х — начало 90-х годов действительно явились «кружковым» периодом развития русской социал-демократии. В это время известны кружки Д. Благоева в Петербурге, Н.Е. Федосеева в Казани, Брусневская группа и многие другие. 1891 год при отсутствии еще массового рабочего движения ознаменовался первыми политическими демонстрациями, одна из которых произошла именно на похоронах Шелгунова.

«Очерки» Шелгунова находили живой отклик у современников. В связи с его выступлениями в редакцию шли письма читателей. Молодежь старалась наладить личный контакт со своим любимым автором.

Сформировавшись как мыслитель в 60-е годы, когда русская жизнь еще не давала материала для марксистских выводов, Шелгунов не смог преодолеть ограниченности просветительской, революционно-демократической идеологии. Он оставался деятелем буржуазно-демократического периода освободительного движения в стране. Тем не менее передовые рабочие, русские социал-демократы с большим уважением относились к публицистической деятельности Шелгунова. Известный русский революционер-марксист Федосеев сочувственно отзывался о полемике Шелгунова с либерально-народнической газетой «Неделя».

В.И. Ленин пользовался трудами Шелгунова и «перечитывал с интересом» его сочинения, как он писал в одном из писем сестре Анне Ильиничне⁴⁷. «Дорогим учителем» называли Шелгунова передовые русские рабочие 90-х годов в адресе, который они преподнесли писателю незадолго до его смерти.

Неудивительно, что похороны Шелгунова 15 апреля 1891 г. вылились в боевую антиправительственную демонстрацию, в которой наряду с прогрессивно настроенной интеллигенцией и студенчеством приняли участие питерские рабочие. Они возложили на гроб Шелгунова венок с надписью: «Указателю пути к свободе и братству, от петербургских рабочих», — признав тем самым заслуги писателя и публициста перед русским освободительным движением.

«Северный вестник»

К умеренно-либеральным журналам 80-х годов относится «Северный вестник», издававшийся с 1885 г. в Петербурге как ежемесячный литературно-научный и политический журнал под предварительной цензурой. Издательницей его первоначально (до 1889 г.) была А.В. Сабашникова, редактором — А.М. Евреинова.

В 1885 г. Евреинова пригласила в свой журнал ряд сотрудников закрытых «Отечественных записок», в том числе

⁴⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 21.

Плещеева, Южакова и Михайловского. В «Северном вестнике» печатались Г. Успенский, Короленко и некоторые другие видные демократические писатели и публицисты (Менделеев, Миклухо-Маклай). Статьи Южакова, Абрамова, Воронцова, принявших активное участие в журнале Евреиновой, и некоторых других либерально-народнических публицистов с первых же номеров придали журналу народнический колорит. Особую роль в журнале в качестве негласного соредактора с весны 1886 по 1888 г. играл один из видных народнических публицистов Михайловский.

Журнал состоял из двух частей: научно-беллетристической и публицистической. В каждом номере в первой части журнала помещались одна-две статьи научного характера по самым различным отраслям знаний. Во второй части кроме отдельных статей постоянно печатались такие рубрики, как Иностранное обозрение, Дневник читателя, Библиография, регулярно велся областной отдел.

В «Северном вестнике» печатались очерки Г. Успенского «Живые цифры». Писатель, все еще поглощенный темой «власть земли», во второй половине 80-х годов проявляет все больше интереса к теме «власть капитала». Влияние капитала теперь «изображают цифрами, — писал он, — у меня же будут цифры и дроби, превращенные в людей»⁴⁸. Этот творческий замысел был реализован в очерках, объединенных названием «Живые цифры».

Писателя отличала необыкновенная зоркость, когда он изображал цифры официальной статистики в живых картинах повседневной народной жизни. Ему приходилось писать о поруганном материнстве, о детской смертности, массовом сиротстве, о «четверти» лошади в крестьянском хозяйстве, о малоземелье. Он как бы раскрывал художественными средствами те обобщения, которые заключены в средних статистических данных. Эффект получался огромный. Картина непосильного труда крестьянской семьи в очерке «Четверть лошади» показывала всю жестокость существующего строя.

Одновременно Успенский не избегал и обобщений. Подчас они принимали вид многозначительных аллегорий. Например, в очерке «Дополнение к рассказу “Квитанция”» из цикла «Живые цифры» призрачные блага капиталистической цивилизации он сравнивает с ярким огнем маяка знаменитой

⁴⁸ Успенский Г.И. Соч.: В 9 т. М., 1957. Т. 9. С. 438.

статуи Свободы, возвышающейся у входа в Нью-Йоркскую бухту, о фонарь которой разбиваются в бурную ночь тысячи птиц, привлеченных электрическим светом. «Застигнутые бурей, дождем, снегом, они видят этот благодатный свет, думают, что тут тепло, массами мчатся сюда и... насмерть разбиваются о гигантский фонарь, воздвигнутый во имя свободы и братства»⁴⁹. Таков парадокс буржуазного общественного устройства.

Период 1886—1888 гг. наиболее интересный и значительный в истории журнала «Северный вестник». К этому времени относится сотрудничество в журнале кроме названных писателей и публицистов Чехова, Мамина-Сибиряка, Гаршина, Каронина, Надсона и других. Наряду с Михайловским большую роль в укреплении журнала, его беллетристики играл Плещеев, редактор литературного отдела.

Однако из-за разногласий с Евреиновой в 1888 г. Михайловский порывает с журналом. С уходом Михайловского «Северный вестник» теряет определенность направления, состав сотрудников становится случайным, изменчивым. В журнале продолжают некоторое время печататься Чехов, Короленко, Южак, Менделеев. Однако их отесняют такие литераторы и публицисты, как Боборыкин, Алексей Веселовский, Мережковский и особенно Волынский (Флексер), ревизующий идеи Михайловского-критика.

Журнал некоторое время редактирует беллетрист М. Альбов, а затем он переходит в руки Л. Гуревич.

С 1891 г. «Северный вестник» окончательно меняет свой характер. Волынский активно включается в борьбу с революционно-демократическим наследством 60-х годов, с критическим реализмом, с идеями Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Журнал заполняется массой скабрёзных рассказов и повестушек, в нем культивируется поэзия декадентов, пропагандируется космополитизм, ведется борьба с материализмом. «Северный вестник» становится первым модернистским журналом в России. С 1897 г. журнал разрешено было издавать без предварительной цензуры. Однако престиж журнала неуклонно снижался. Если в 1897 г. тираж «Северного вестника» составлял еще 4000 экземпляров, то в 1898 г. он упал до 2800.

Столкнувшись с серьезными материальными затруднениями, редакция с 1899 г. прекратила издание журнала.

⁴⁹ Успенский Г.И. Соч.: В 9 т. М., 1957. Т. 7. С. 510.

10.

ГАЗЕТЫ 70—80-х годов

В 70-е и особенно в 80-е годы развитие газетного дела в России далеко шагнуло вперед, что было связано с превращением страны из феодальной монархии в монархию буржуазную. Все большие массы населения втягиваются в общественную жизнь. Растет потребность в широкой и разносторонней информации, в увеличении числа еженедельных и ежедневных изданий. Временные правила о печати 1865 г. поощряли возникновение буржуазных газет. Технический прогресс облегчал их организацию и выпуск: увеличилось производство бумаги, появились мощные печатные машины, телеграф во много раз ускорил поступление информации. Фотография, исполненная способом автотипии, с конца 80-х годов пришла на смену рисованным иллюстрациям. И если в 1871 г. в России выходило 14 журналов разного содержания и 36 газет общественно-политического характера, то в 1890 г. было 29 журналов и 79 газет. Так росла ежедневная пресса, причем газеты начали оттеснять журналы на второй план и становились ведущим типом периодических изданий.

Газеты, принадлежавшие частным владельцам, возникают не только в столицах, но и в губернских городах России. Особенно много их появилось в промышленных центрах Юга и Поволжья: в Одессе, Новороссийске, Киеве, Тифлисе, Харькове, Самаре, Саратове, Казани и в других городах. В Киеве, например, в 70-е годы существовали «Заря», «Киевлянин», «Киевский листок», «Киевский телеграф»; в Одессе — «Одесский листок», «Одесский вестник», имевший несколько отделений по всему югу России. В Харькове издавались газеты «Харьков» и «Южный край»; в Тифлисе — «Тифлисский вестник», «Обзор», «Новое обозрение»; в Казани — «Волжский вестник»; в Самаре — «Самарская газета»; в Таганроге — «Таганрогский вестник»; в Воронеже — «Дон» и «Воронежский телеграф» и т.д.

Газетное дело становится выгодным коммерческим предприятием. В прессу приходят люди, не имеющие ничего общего с литературой, — купцы, банкиры, дельцы и спекулянты. Принципиальная полемика сменяется сплетнями, пересудами,

клеветой и взаимной перебранкой, погоня за подписчиками делается главной заботой издателей. В столицах и в провинции появляется ряд бульварных изданий типа «Московского листка» Пастухова. Это была низкопробная, безыдейная печать, рассчитанная на вкусы российских обывателей. Многие газеты печатают объявления, что дает им значительный доход. Видное место отводится коммерческой рекламе, биржевым таблицам, курсовым бюллетеням. Постепенно внедряются коллективные формы работы в редакциях («Русские ведомости» и др.), вырабатываются основные журналистские амплуа.

Успешно действуют органы газетной информации: Русское (1866), Международное (1872) и Северное (1882) телеграфные агентства, сокращенно обозначавшиеся буквами РТА, МТА и СТА. Все они были частными предприятиями и принадлежали А. Краевскому, А. Суворину, О. Нотовичу, К. Трубникову. Телеграфные агентства снабжали своей информацией почти все провинциальные и многие столичные газеты. Сведения агентства, как правило, черпали из газет своих владельцев, так что провинциальные печатные органы были вынуждены повторять зады столичной прессы. Тем не менее факт создания агентств примечателен и свидетельствует об усовершенствовании газетного дела.

В мае 1878 г. в Петербурге были организованы первая «Артель уличных продавцов произведений печати» и «Общий склад изданий для разносной торговли газет и журналов», объединявшие более 100 человек служащих. Розничная продажа газет заметно увеличилась. Раньше основной тираж газет определялся подпиской, теперь он в большей мере зависит от розничной продажи.

Среди столичных изданий в 70-е годы выделяется группа газет либерально-буржуазного типа: «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», издававшиеся в столице, и «Русские ведомости», выходившие в Москве.

«Санкт-Петербургские ведомости» с 1862 г. были в руках В. Корша, который привлек к участию в газете бойких молодых людей — А. Суворина и В. Буренина, впоследствии известных публицистов. В 70-е годы газета «Санкт-Петербургские ведомости» была не чужда либерализму. Она поддерживала реформы правительства и высказывалась за некоторые буржуазные преобразования в стране. Суворин и Буренин, в то время бедные студенты, либерально и даже демократически настроенные, писали так лихо и сердито, что газета Корша

считалась даже оппозиционной. На ее страницах время от времени появлялись и статьи представителей демократической интеллигенции, например В.В. Стасова. Однако, несмотря на это, именно ее Салтыков-Щедрин назвал «старейшей российской пенкоснимательницей» («Дневник провинциала в Петербурге»). Газета наживала себе известный политический капитал на либеральных рассуждениях, но не желала и была не способна отстаивать интересы народа и прогресса, враждебно относилась к революционным методам борьбы против самодержавия. Именно «Санкт-Петербургские ведомости» были одной из первых газет, провозгласивших лозунг: «Наше время — не время широких задач», — который потом подхватила либерально-народническая печать.

После перехода к банкиру Баймакову в 1875 г. «Санкт-Петербургские ведомости» принимают отчетливо реакционный характер и лишаются всякой популярности в кругах читателей.

Газета «Голос», которую в Петербурге издавал А.А. Краевский, в 1877 г. имела свыше 20 тыс. подписчиков и по своему направлению казалась либеральной. Однако оппозиционность газеты была показной, что понимало и Главное управление по делам печати, определившее ее следующим образом: «“Голос” — одна из наиболее распространенных газет как в России, так и за границей. Имея в виду более материальные выгоды, нежели литературно-политические цели, эта газета, естественно, не могла получить определенного направления, которое поэтому изменялось и продолжает изменяться смотря по обстоятельствам»⁵⁰.

Краевский и его сотрудники меньше всего думали о борьбе с самодержавием. «Мы за деятельную реформу» — этими словами начинался первый номер «Голоса» в 1863 г., и в 1877 г. Краевский повторял: «“Голос” был создан реформой и всегда служил реформе». Но в годы политической реакции даже «Голос» подвергался преследованиям. Его издание прекратилось в 1884 г. не без давления цензуры. Большими тиражами выходила газета «Сын Отечества» А.В. Старчевского.

Из числа либеральных изданий 70—80-х годов наиболее серьезной была газета «Русские ведомости». Она начала выпускаться с 1863 г. в Москве и выходила сначала три раза в неделю, а с 1869 г. — ежедневно. Н.С. Скворцов, редактор газеты, придавал ей серьезный тон. В ней принимал участие

⁵⁰ Сведения о петербургских повременных изданиях... (РГИА. 1879. Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 402. Л. 10).

ряд либеральных профессоров Московского университета, например А.С. Посников, печатались демократические беллетристы Воронов, Левитов, Г. Успенский, Короленко. Газета выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции, осуждавшей крайности самодержавного режима.

В 1873 г. на негласном совещании сотрудников «Русских ведомостей», проходившем за границей, была выработана программа издания. Ограничение власти монарха конституцией — таково главное политическое требование редакции, которое она по мере возможности проводила в течение десятилетий.

Выступая по крестьянскому вопросу, газета считала необходимым добиваться ограничения податей, сложения недоимок и расширения крестьянских наделов. Признано было желательным ввести мелкий кредит для зажиточных хозяев, чьи интересы поддерживали «Русские ведомости», хлопотавшие о буржуазном развитии сельского хозяйства. Стремились они к смягчению законодательным путем и противоречий между рабочими и предпринимателями.

Постоянство направления газеты, устойчивость взглядов редакции на фоне продажности и лакейства буржуазной печати вызывали невольное уважение читателей. Они ценили порядочность «Русских ведомостей». Не случайно Салтыков-Щедрин после закрытия «Отечественных записок» печатал там свои произведения. Редакция не побоялась принять опального писателя. «Русские ведомости» напечатали его сказки, и в их числе «Приключение с Крамольниковым». Это произведение, повествующее о тяжелом положении демократического литератора, имеет не только биографический характер, оно получило более широкий смысл в условиях реакции 80-х годов. Сказка заставляла современников задуматься над своим поведением, над всем строем жизни, морально оправдывала и поддерживала людей, вставших на путь крамольной борьбы против царизма.

В 1882 г. редактором «Русских ведомостей» становится В.М. Соболевский, не изменивший направления газеты. При нем сотрудничали Г. Успенский, Златовратский, Чехов, Мамин-Сибиряк, Станюкович, Эртель, Плещеев, Михайловский и некоторые другие демократические публицисты, в том числе и революционные эмигранты, например Лавров. Вернувшись из ссылки, Чернышевский счел возможным опубликовать в «Русских ведомостях» в 1885 г. одну из своих статей. На страницах газеты выступали и некоторые крупнейшие

русские ученые — Л.И. Мечников, Д.Н. Анучин, а позднее, в 900-е годы, К.А. Тимирязев. В 80-е годы для укрепления отдела информации был приглашен В.А. Гиляровский.

Гиляровский пришел в газету из «Московского листка» Пастухова, где прошел первую выучку газетного репортера. Его прекрасное знание Москвы, окрестностей города, широкие связи с людьми, располагающими сведениями о происшествиях в городе и ближайших уездах, любознательность, смелость, оперативность, знание жизни «низов» сделали его заметной фигурой в журналистике 80—90-х годов. В газете был опубликован самый известный репортаж Гиляровского в 1896 г. «Катастрофа на ходынском поле».

Во время голода 1891 г. по предложению члена редколлегии Д.Н. Анучина в газете выступил Л.Н. Толстой. В это время писатель активно участвовал в помощи голодающим Рязанской губернии и все чаще обращался к публицистике. Им были подготовлены два материала для сборника газеты «Русские ведомости», который вышел под названием «Помощь голодающим» в начале 1892 г. А чуть раньше, в ноябре 1891 г., в газете была опубликована статья «Страшный вопрос», где публицистически остро автор разоблачал правящие классы, виновные в невыносимом положении массы крестьян, разоренных, ограбленных и забытых. Это было одно из первых, но далеко не последних выступлений писателя о голоде и деревне. За публикацию статьи Л. Толстого и других материалов о голоде газета получила очередное предостережение. В 1893 г. в «Русских ведомостях» был напечатан рассказ Горького «Емельян Пиляй».

Но наряду с этими авторами в газете участвовали философ-идеалист Вл. Соловьев, враг марксизма профессор Кареев, с которым пришлось бороться Плеханову, либеральные публицисты Кизеветтер, Гольцев, Струве, Чичерин, Воронцов.

Газета всегда подчеркивала свою беспартийность и очень гордилась тем, что она печатает литераторов разных направлений, но беспартийной от этого не становилась: она являлась органом либеральной буржуазии.

Одним из типичных буржуазных изданий 70—80-х годов с умеренно-либеральной программой была газета «Новости» (с 1880 г. — «Новости и биржевая газета»). Короленко, служивший некоторое время корректором в «Новостях», очень резко отзывался о газете и ее редакторе Нотовиче — по словам писателя, у него было «какое-то особое чутье той среднеобывательской пошлости, которая может создать своеобразный

успех среди уличной публики, поддерживающей розницу» (Т. 6. С. 203).

Нотович начал свою журналистскую деятельность в 1873—1874 гг. в «Новом времени», а с 1876 г. стал собственником «Новостей», которые выходили с 1872 г. как листок известий и объявлений. Нотович постепенно расширил газету, добился в 1877 г. освобождения ее от цензуры, слил «Новости» с «Биржевой газетой»⁵¹ и в 80-е годы вел издание с приложениями, при большом количестве подписчиков и с широкой продажей в розницу. Тираж издания доходил до 22 тыс. экземпляров.

Содержание газеты составляли правительственные известия, хроника современной жизни, городские новости (включая театр, развлечения, торговлю, происшествия, судебную хронику, извещения о свадьбах и похоронах), политические телеграммы из-за границы и рассказы. В газете развивается репортаж, практикуются первые интервью.

С Нотовичем охотно сотрудничали видные либеральные публицисты Головачев, Градовский, Кавелин. Отражая интересы промышленной буржуазии, «Новости» приветствовали развитие частного предпринимательства, пытались защищать идею конституционных преобразований в России, но в основном заполнялись информацией и были типичным буржуазно-газетным предприятием.

В мае 1881 г. «Новости» вошли в состав обширного коммерческого товарищества, соединившего в себе кроме газеты две писчебумажные фабрики, словолитню, типографии, литографию, книжные магазины и т.д. Факт этот характерен для развития буржуазно-издательского дела в России 80-х годов.

Во главе охранительных органов печати стояла газета «**Московские ведомости**» М.Н. Каткова. Это типично монархическое издание проводило взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства. Своим долгом Катков считал наблюдать за «врагами» России и разоблачать их козни. Требуя самых решительных мер для борьбы с крамолой, Катков в то же время стремился уверить читателей, что в стране все спокойно и народ предан престолу. Действуя вместе с обер-прокурором Синода Победоносцевым, он являлся одним из идейных вдохновителей правительственной

⁵¹ Сама «Биржевая газета» была до 1878 г. приложением к «Телеграфу» Трубникова, а с 1878 г. выходила как самостоятельная газета по программе, очень близкой к «Новостям» Нотовича.

реакции — требовал русификации народов России, проповедовал великодержавный панславизм, воевал против земств, против остатков независимости суда присяжных, против университетов, отвергая намерения ограничить власть конституцией, т.е. во всех вопросах общественно-политической жизни выступал как ярый реакционер-монархист.

С бешеной злобой Катков набрасывался на рабочее движение и, в частности, на участников Морозовской стачки 1885 г. О развивающейся в стране классовой борьбе он писал: «Нельзя не видеть, что население у нас развращается... Своеволие начинает входить в права и обычаи. Потравы, покосы, порубки, беспрестанное нарушение условий, самоуправство и дебош сделались обычным явлением» (1885. № 191).

Причины этого Катков видит исключительно в «слабых действиях власти». Он все время подстрекает правительство к расправе с демократическим общественным движением и ставит в пример царскому правительству действия палача французской революции 1871 г. Тьера. Особую тревогу вызвали у Каткова выступления владимирских и иваново-вознесенских ткачей в 1885 г., а затем Орехово-Зуевская стачка.

Два судебных процесса над стачечниками и над хозяином фабрики, кончившиеся фактическим поражением фабриканта Морозова, заставили Каткова говорить о рабочем движении, существование которого он печатно отрицал раньше. В.И. Ленин в статье «Первые уроки» заметил, что в 1885 г. «...произошли первые крупные рабочие стачки в центральном промышленном районе, у Морозова и других. Тогда Катков писал о показавшемся на Руси рабочем вопросе... Общественное возбуждение по поводу стачек заставляет Каткова, верного пса самодержавия, говорить по поводу суда о “сто одном салютационном выстреле в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса”»⁵².

После смерти Каткова в 1887 г. «Московские ведомости» перестали играть активную политическую роль в русской жизни, но другие реакционные публицисты поспешили его заместить. Редактор газеты «Русский курьер» Н.П. Ланин в программе своей газеты на 1888 г. прямо заявил, что он

⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 250. Выражение «сто один салютационный выстрел» было употреблено Катковым в связи с тем, что суду присяжных был предложен сто один вопрос, ответы на которые «да» (виновен) прозвучали в зале заседаний суда сто один раз.

постарается продолжить дело Каткова. «Мысли наши и сердца наши преисполнены чувствами искреннего патриотизма. Смерть славных московских публицистов (Каткова и Леонтьева. — Б.Е.) заставила нас особенно ревностно встать при исполнении своих обязанностей». Каждому реакционеру от журналистики хотелось заручиться поддержкой правительства и занять место Каткова в консервативной прессе.

В 70—80-е годы выходила еще одна газета, не менее реакционная и верноподданническая, — «Гражданин». Издавал ее князь В.П. Мещерский, монархист еще более злобный, чем Катков. Мещерского называли в либеральной печати «князем Точкой», потому что в одной из первых статей своей газеты он потребовал «поставить точку» ко всем реформам в России.

Газета выходила еженедельно, а в отдельные годы — два раза в неделю. С 1873 по 1874 г. «Гражданин» редактировал Ф.М. Достоевский. Здесь он напечатал «Дневник писателя за 1873 год», ряд иностранных хроник и фельетонов. Достоевский в силу противоречивости своего мировоззрения симпатизировал этой газете, используя ее в общегуманных целях.

«Гражданин», подобно изданиям Каткова, поставил своей целью бороться не только с революционными, но и с либеральными органами печати. Озлобленно выступала газета против рабочего движения и передового студенчества, против земств. Доносы так и летели с ее страниц.

Мещерский требовал сохранения телесных наказаний, отдачи в солдаты студентов, участвовавших в забастовках. Но особенно его волновали выступления крестьян. Он писал, например, в 1884 г.: «С ужасом я читаю в газетах известие о том, что крестьяне в Ярославской губернии сожгли дом помещика, старого генерала А. за то, что он будто бы не давал им травить свои луга». «Мне кажется, — продолжал Мещерский, — что для правительства, в предвидении опасностей для будущего, обязательно взглянуть на такое событие как на особенно важное и громадного политического значения преступление... С этим шутить нельзя». Свою классовую точку зрения ярый реакционер высказывал откровенно. В том же году он с восторгом одобрил речь Бисмарка о законе против социалистов и был, пожалуй, единственным из русских журналистов, кто приветствовал этот акт. «Какая гениальная речь! — восклицал он. — О, кабы у нас так говорили государственные люди, давно бы не было у нас ни социалистов, ни анархистов, ни нигилистов».

Газета «Гражданин» в 80-е годы издавалась на субсидию царского правительства. Круг ее читателей был весьма ограничен. Ее читатели — главным образом лица, принадлежавшие к высшему духовенству и аристократии. Без поддержки правительства она не могла бы существовать.

Князь Мещерский, свой человек в семье Александра III, нередко выбалтывал заветные мысли монархистов. Секреты выходили наружу, и В.И. Ленин говорил, что «Гражданин» дает революционерам хороший материал для агитации, раскрывая тайны высшего управления Россией!⁵³

Газета «**Новое время**» возникла в конце 60-х годов, выходила пять раз в неделю и имела маленький тираж и небольшое влияние. С 1869 г. она начала выпускаться ежедневно, но по-прежнему оставалась в числе второстепенных русских изданий. И только с переходом в 1876 г. к А.С. Суворину, незадолго до этого покинувшему «Санкт-Петербургские ведомости» Корша, «Новое время» становится одной из наиболее распространенных и влиятельных русских газет. Если на 1 марта 1876 г. тираж ее был всего 3 тыс. экземпляров, то в конце этого года — 16 тыс.

Суворин, обладая незаурядными способностями газетчика, основал успех своего издания на событиях, связанных с русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Многочисленное офицерство и чиновничество было привлечено к «Новому времени» быстрой и разнообразной информацией, остротой материалов, обличавших беспорядки в армии. Старые печатные машины не могли обеспечить своевременный выход всего тиража газеты, который в 1877 г. составил уже 22 тыс. экземпляров. Поэтому Суворин привез из Парижа новую ротационную печатную машину производительностью 20 тыс. оттисков в час. Улучшив дизайн газеты, издатель организовал широкую ее продажу на станциях железных дорог.

Некоторое время Суворин вел «Новое время» в либерально-оппозиционном духе, что привлекало подписчиков и журналистов, но постепенно разбогатев, изменил позицию и превратил газету в реакционный орган, который стал защищать интересы самодержавия и бюрократической знати, травить «иностранцев», рабочих и революционную интеллигенцию. Газета, подкупленная царским правительством, вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-

⁵³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 20.

буржуазного движения. Главным ее публицистом наряду с Сувориным становится В. Буренин, клеветник и ожесточенный враг многих литераторов, прогрессивных течений общественной мысли в России. В состав сотрудников входят П. Стольпин, М. Меньшиков, В. Розанов и др.

К концу 70-х годов газета вполне определилась как орган печати, готовый «держать нос по ветру» и служить стоящим у власти. Никакие уловки редакции не могли скрыть этого. Неудивительно, что цензура наградила «Новое время» репутацией «самой умеренной и благонамеренной из всех существующих в Петербурге газет»⁵⁴.

Шелгунов писал: «“Новое время” — газета почти исключительно петербургская. Она служит наилучшим показателем петербургских течений, явлений и назревающих или назревших мероприятий. В этом отношении “Новое время” есть наш настоящий внутренний официоз». Он подчеркивал связь этой газеты с правительственными сферами, ее продажность и социальную демагогию: «“Новое время” очень часто ставит своих читателей в недоумение и составило себе репутацию газеты “чего изволите?”. Но это “чего изволите?”, смущающее всякого другого читателя, истинного “нововременца” нисколько не смущает. Он безошибочно отличает практическую действительность, которою он живет, от красивых либеральных слов»⁵⁵.

Современники легко узнавали в газете «Чего изволите?», изображенной Салтыковым-Щедриным в цикле «В среде умеренности и аккуратности», газету Суворина. Это прозвище как позорное клеймо навсегда осталось за нею.

В 1901 г. В.И. Ленин так характеризовал литературу «нововременского пошиба»: «Никакой определенной политической программы и никаких убеждений у нее нет, а есть только умение подделываться под тон и настроение момента, пресмыкаться перед властью имущими, что бы они ни предписывали, и заигрывать с подобием общественного мнения»⁵⁶.

С 1905 г. газета стала одним из органов черносотенцев. После Октябрьской социалистической революции она была закрыта Советской властью.

⁵⁴ Сведения о петербургских повременных изданиях... (РГИА. 1879. Ф. 776. Оп. 6. Ед. хр. 402. Л. 16).

⁵⁵ Шелгунов Н.В. Соч. СПб., 1904. Т. 3. С. 905.

⁵⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 336.

Наряду с либерально-буржуазной и консервативно-монархической прессой в России легально существовали еще и либерально-народнические газеты. Главным органом этого направления в 80-е годы была «Неделя».

С утверждением в 1876 г. официальным редактором П.А. Гайдебурова, находясь в исключительно тяжелых цензурных условиях, газета постепенно сползла на позиции либерального народничества и порвала с идеями русской революционной демократии, с традициями 60-х годов.

Во второй половине 70-х и в 80-е годы «Неделя» становится ярким пропагандистом теории «малых дел», выступает с порицанием методов революционной борьбы против самодержавия, проповедует мирное культурничество. Ее сотрудники идеализировали деревенскую общину и полностью отрицали, вопреки очевидности, капиталистический характер пореформенного развития России. К концу 70-х годов ряд публицистов газеты — П.П. Червинский, И.И. Юзов-Каблиц, ранее связанные с революционным подпольем, — окончательно порывают с передовыми идеями и проповедуют личное самоусовершенствование и примирение с действительностью.

«Наше время — не время широких задач», — утверждала «Неделя» вслед за либеральными «Санкт-Петербургскими ведомостями», а время созидательной мелкой работы учителей, врачей, акушеров, опытных фельдшеров и пр. Газета в 80-е годы не могла противостоять буржуазно-монархической прессе. Царское правительство и цензура резко пресекали всякую попытку наладить издание демократического ежедневного или еженедельного органа. Демократические журналы «Отечественные записки», «Дело» с середины 70-х годов вели постоянную полемику с «Неделей». Антиобщественный смысл проповедей газеты Гайдебурова в 80-е годы высмеивали, критиковали Шелгунов и Чехов. В 1891 г. газета закрылась.

Журнально-публицистическая деятельность А.П. Чехова

В журналистике 80-х годов активно участвовал великий русский писатель **А.П. Чехов**. Чехов сотрудничал во многих изданиях, начиная от юмористических еженедельников и кончая одним из наиболее популярных ежемесячных журналов «Русская мысль», с которым связана и его редак-

торская деятельность: в конце 80-х — начале 90-х годов он руководил беллетристическим отделом журнала.

Направление большинства изданий, где приходилось печататься Чехову, не соответствовало его мировоззрению и творческим планам, но в 80-е годы — в период жестокой политической реакции — многие писатели-демократы испытывали подобные неудобства. Однако именно через периодику Чехов пришел в литературу, отсюда начался его путь к вершинам творчества, здесь он получил боевое крещение и впервые ощутил силу печатного слова. В практике спешной журнальной работы вырабатывался краткий и необычайно емкий чеховский литературный стиль.

Семь лет он сотрудничал в юмористических журналах: «Стрекоза», «Осколки», «Будильник», «Зритель», «Свет и тени» и некоторых других, изредка печатался в «Петербургской газете».

80-е годы XIX в. отмечены расцветом юмористической журналистики во вкусе мещан и обывателей, поглощенных мелочами повседневного быта. Название одного из журналов — «Развлечение» — верно отражает характер юмористической прессы этого времени. Издатели большинства таких печатных органов являлись всего только предпринимателями, собиравшими подписную плату. Идейный уровень их изданий был низок. Они поверхностно освещали жизнь, не задевая основ общественного строя или действий правительства. Несмотря на свой развлекательный характер, юмористическая журналистика 80-х годов не была гарантирована от придинок и преследований цензуры. Беспринципная, трусливая политика издателей и редакторов не только не ослабляла, но иногда усиливала цензурное рвение. Немало пришлось пострадать от цензурного ведомства и молодому журналисту Чехову.

Писатель никогда не был аполитичен, как утверждала современная ему либерально-народническая критика. Он лишь отрицательно относился к той легальной политической жизни, которую наблюдал в России. Не удовлетворяли его ни буржуазный либерализм, ни народничество 80-х годов. Но гуманизм и демократизм, отвращение к социальному неравенству и произволу господствующих классов несомненны у Чехова с первых шагов его литературной жизни.

Материальная необеспеченность семьи заставляла его очень много работать. Нет почти ни одного вида журнального труда, которого бы он не испробовал. Чехов писал статьи, рассказы, театральные рецензии, репортерские заметки из зала

суда, делал подписи к рисункам, сочинял анекдоты, пародии и т.д.

Наиболее длительным и постоянным было сотрудничество Чехова в «Осколках», издававшихся известным в 80-е годы журнальным предпринимателем и литератором Н.А. Лейкиным.

Выходец из купеческо-приказчицкой семьи и сам в молодости служивший приказчиком, Лейкин в 60-х годах начал участвовать в «Искре», «Современнике», «Неделе», помещая там небольшие очерки и рассказы из жизни купечества и городского мещанства. Он был знаком с Некрасовым, Г. Успенским, Помяловским, Решетниковым, но никогда не обладал ясностью политических взглядов и симпатий. В 80-х годах Чехов справедливо характеризует его как «буржуа до мозга костей»!⁵⁷

В числе сотрудников журнала «Осколки» были Л.И. Пальмин, поэт-демократ, верный традициям «шестидесятников» и поэтической манере Некрасова, близкий друг Чехова в эти годы, Л.Н. Трефолов и В.А. Гиляровский.

С 1883 по 1885 г. Чехов помимо публикации отдельных мелочей и рассказов вел в «Осколках» фельетонное обозрение «Осколки московской жизни» за подписями «Рувер» и «Улисс». В нем нашли отражение многие недостатки общественного быта Москвы и содержалась юмористическая хроника городских новостей. В фельетонах Чехова наряду с «сезонной» тематикой (дачные приключения — летом, новогодние происшествия — зимой и т.п.) можно найти отклики на театральную и литературную жизнь России, критику судебных и железнодорожных не порядков, разоблачение жульнических махинаций страховых обществ. Писать фельетоны было трудно из-за однообразия повседневной жизни Москвы и ограниченности программы «Осколков». Лейкин прямо требовал от Чехова занимать читателей «глупостями» и говорить обо всем шутливо. Юмористическая же форма далеко не всегда соответствовала подлинному настроению Чехова.

Сравнительно много места в «Осколках московской жизни» отведено характеристике газетно-журнальной жизни Москвы; это новая тема, внесенная Чеховым в фельетонное обозрение. Ее трактовка свидетельствует о демократической ориентации автора в общественных вопросах. Чехов зло вы-

⁵⁷ Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1954. Т. 11. С. 296. (Далее см. отсылки в тексте.)

смеивает газетоманию, издевается над дельцами и авантюристами, выступающими в роли редакторов. По-щедрински пишет об этом Чехов: «Хотят издавать все, помнящие родство и не помнящие, умные и неумные, хотят страстно, бешено!» (1884. № 51). Резко отрицательные оценки даются реакционным газетам Каткова, Мещерского, Пастухова, Окрейца.

Наблюдения Чехова-журналиста дали ему материал для художественных произведений на эту же тему. Нравственный уровень большинства поденщиков буржуазной прессы был крайне низок. В их среде царили пошлость, беспринципность, зависть к успеху ближнего, и об этом написал Чехов в рассказах «Сон репортера», «Тряпка», «Тсс», «Мой домострой». Рассказ «Два газетчика», опубликованный в 1885 г. в «Осколках», примечателен тем, что фигуры журналистов и названия газет напоминают образы Салтыкова-Щедрина: Рыбкин, сотрудник газеты «Начихать вам на головы!», и Шлепкин, сотрудник газеты «Иуда-предатель», — люди, утратившие всякое представление о долге и чести, очень похожи на щедринские типы. Устами жалкого, опустившегося журналиста в рассказе «Корреспондент» Чехов выносит суровый приговор русской буржуазной печати, предавшей забвению идеалы 40—60-х годов.

«Прежде что ни писака был, то и богатырь, рыцарь без страха и упрека, мученик, страдалец и правдивый человек. А теперь? Взгляни русская земля, на пишущих сынов твоих и устыдися! ...Теперь все пишут. Кто хочет, тот и пишет. У кого душа, грязнее и чернее сапога моего, у кого сердце не в утробе матери, а в кузнице фабриковалось... и тот дерзает теперь ступать на путь славных, — путь, принадлежащий пророкам, правдолюбцам да среброненавистникам. ...Путь этот нонче шире стал, да ходить по нем некому. Где таланты истинные? Поди ищи: ей-богу, не сыщешь!.. Все ветхо стало да обнищало. Кто из прежних удалцов и молодцов жив остался, и тот теперь обнищал духом да зарпортовался. Прежде гнались за правдой, а нонче пошла погоня за словом красным, да за копеейкой, что б ей пусто было!» (Т. I. С. 184—185).

В «Осколках» была напечатана статья Чехова о «мальчишках» из лавок, этих «маленьких каторжниках» (1883. № 41), которых нещадно бьют и эксплуатируют хозяева, их жены и приказчики; там же появились знаменитый рассказ «Смерть чиновника» и сатирические зарисовки, которые позднее послужили материалом для лучших произведений писателя, обличавших нравы царской России.

Политически остро характеризует Чехов в 1883 г. в сатирической зарисовке «Записка» общее положение дел в России, используя для этого названия столичных газет и журналов: «Жизни, зари и нови нет нигде, а наблюдатель и Сибирь есть».

Вместе с тем в фельетонах и рассказах Чехова обильно представлены вариации на такие обязательные для юмористических журналов сюжеты, как ловля женихов, обжорство на масленице, злые тещи, дачные приключения и т.п.

Лейкин очень скоро оценил сотрудничество Чехова и доложил им. Но писатель не разделял взглядов своего редактора на роль сатирической печати в обществе. «Умно Вы сделали, — писал он Лейкину в 1885 г., — что родились раньше меня, когда легче и дышалось и писалось» (Т. XI. С. 65). Чехов был недоволен своим положением газетчика-юмориста, сотрудника мелкотравчатой, развлекательной и нередко пошловатой прессы. «Газетчик значит, по меньшей мере, жулик, — писал он брату в 1883 г., — ...я в ихней компании, работаю с ними, рукопожимаю и, говорят, издали стал походить на жулика. Скорблю и надеюсь, что рано или поздно изолирую себя á la ты». И далее: «Я газетчик, потому что много пишу, но это временно ...оным не умру» (Т. XI. С. 26). Чехов уже в это время понял, что не останется надолго в кругу легковесной юмористической журналистики. В 1886 г. вышла его первая книга «Пестрые рассказы», принесшая автору известность и признание. Сам Чехов страстно пожелал «скорее выбраться отсюда, куда завяз...» (Письмо Д.В. Григоровичу. Т. XI. С. 80).

Но путь Чехова в большую литературу, в лучшие журналы был нелегким и прошел через газету Суворина «Новое время». В 1886 г. он опубликовал там рассказ «Панихида» и несколько лет затем работал у Суворина. Сотрудничая в «Новом времени», Чехов напечатал кроме многочисленных рассказов путевые очерки «По Сибири» и ряд публицистических статей: «Московские лицемеры» (1888), «Люди подвига» (1888), «Фокусники» (1891) и др.

В неустанной литературной работе мастерство Чехова постоянно росло. Рассказ-миниатюра оказался годным не только для маленьких тем. Чехов вложил в него глубокое содержание, которое подчас соперничало с содержанием романов и повестей. Он добился небывалой емкости миниатюры, не нарушая при этом основных требований жанра («Злоумышленник», «Дочь Альбиона» и др.). Благодаря Чехову короткий

рассказ занял прочное место в русской газете. Писатель все глубже вторгается в жизнь, задумывает создать серьезный научный труд о положении ссыльнокаторжных.

Во второй половине 80-х годов Чехова приглашают сотрудничать многие столичные издания: журналы «Русская мысль», «Всемирная иллюстрация» и др. Отклонив ряд предложений, Чехов в 1888 г. начинает работать в «Северном вестнике» и печатает на его страницах рассказы «Степь», «Скучная история». В 1892 г. Чехов по приглашению Короленко входит в редакцию журнала «Русская мысль». Двумя годами ранее в жизни Чехова произошло важное событие — поездка на остров Сахалин, результатом которой явилась его известная книга «Остров Сахалин». Очерки, составившие книгу, печатались в журнале «Русская мысль» как путевые заметки на протяжении 1893 и первой половины 1894 г.

К поездке на Сахалин писателя побудило, во-первых, чувство моральной ответственности за те беззакония, которые творились на Руси, стремление помочь людям, забытым обществом. «Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек, вольный и подневольный» (Т. XI. С. 417). Во-вторых, Чехов желал изучить свою родину, познать жизнь народа. Именно это заставило его выбрать трудный в условиях того времени маршрут, путешествие по которому граничило с подвигом.

Чехов искренне возмутился, когда Суворин назвал предполагаемую поездку неинтересной. «...Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей... виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого нет дела, это не интересно» (Т. XI. С. 417).

Поездке предшествовало основательное изучение писателем материалов, относящихся к истории острова, его географии и климату, жизни и быту ссыльнокаторжных; Чехов широко ознакомился с научной литературой вопроса. По пути на Сахалин Чехов проезжал через Ярославль, Н. Новгород, Пермь, Тюмень и далее в Сибири — через Томск, Ачинск, Красноярск, Иркутск, Благовещенск, Николаевск.

В этой поездке, предпринятой на свой страх и риск, Чехов показал лучшие качества журналиста. Он был настойчив

в достижении поставленной цели, проявил смелость, большую внутреннюю собранность, наблюдательность, строгость в отборе фактов.

Письма Чехова с дороги — яркие образцы дорожных корреспонденций, очерков как по стилю и языку, так и по содержанию. Писатель столкнулся с диким произволом и хамством царских чиновников, кулаков и жандармов, с запущенностью сибирского тракта — единственной магистрали, связывающей огромную территорию Сибири с Центральной Россией, убедился в экономической отсталости богатейшего края. «Многое я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня, не как для литератора, а просто как для человека», — писал он с дороги (Т. XI. С. 462).

Но Чехов видел и оценил героизм труда сибиряков, их высокие моральные качества. В путевых очерках «По Сибири» и в письмах он не раз восклицал: «Какие хорошие люди!» (Т. X. С. 15), «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!» (Т. XI. С. 444). Чехов любовался могучими сибирскими реками, богатой природой сибирского края. Все виденное вселяло в него гордость за свою родину, уверенность в лучшем будущем народа. «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!» — писал Чехов о Енисее (Т. X. С. 35).

Поездка не только обогатила нашу литературу очерками о Сахалине, она расширила кругозор самого Чехова. «Какой кислятиной я был бы теперь, если бы сидел дома. До поездки “Крейцера соната” была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой», — заметил Чехов в одном из писем (Т. XI. С. 489). Он увидел действительные страдания народа, и перед ним страсти, изображенные Толстым, померкли.

Работая над очерками о Сахалине, готовя их к печати, Чехов вновь обращается к исследованиям и книгам об этом крае. Ему хотелось составить наиболее точное, научное и художественное описание острова. «Вчера я целый день возился с сахалинским климатом, — сообщал Чехов одному из своих корреспондентов. — Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце концов поймал черта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно» (Т. XI. С. 508).

Книга о Сахалине сочетала в себе глубину и точность научного исследования с высокой художественностью. Она яви-

лась сильным разоблачительным документом, хотя повествование в ней ведется внешне бесстрастно, без обличительных монологов и восклицательных знаков. Чехова не соблазнила занимательность биографий отдельных каторжников (Сонька — золотая ручка и др.), как это случилось с журналистом В.М. Дорошевичем, посетившим Сахалин после Чехова.

В своих очерках писатель рассказывает о тяжелых условиях жизни и труда каторжных и вольнонаемных, о тупости чиновников, об их наглости и произволе. Администрация не знала даже, какое количество людей обитает на острове, и Чехов проделал огромную работу, в одиночку проведя перепись населения Сахалина.

Угольные разработки находились в руках паразитической акционерной компании «Сахалин», которая, пользуясь даровым трудом каторжников и правительственной дотацией, ничего не делала для развития промысла. Неудивительно, что местное русское население постоянно голодает, не имеет сносных жилищ, хотя кругом полно леса и камня. Свободные поселенцы отдаются в услужение частному лицу — чиновнику, надзирателю. «Это не каторга, а крепостничество», — констатировал Чехов.

Сахалин — царство произвола. Таким его увидел и описал Чехов. Но не такова ли обстановка и в других уголках самодержавной России? Вся страна напоминает огромную тюрьму, отданную во власть царских администраторов. Этой мыслью очерки «Остров Сахалин» перекликаются с рассказом Чехова «Палата № 6».

Книга Чехова о Сахалине произвела глубокое впечатление на читателей. Она будила общественное сознание, вызывала беспокойство положением вещей.

Своей литературно-публицистической деятельностью Чехов являет высокий пример журналиста, патриота и демократа, отдавшего талант на службу народу. Многие его произведения вошли в золотой фонд русской публицистики.

Последние десять лет своей жизни Чехов, не порывая с «Русской мыслью», сотрудничал в большом числе периодических изданий, и всегда его рассказы являлись украшением газет и журналов. Вместе с передовыми людьми своего времени он откликался на жгучие проблемы современности: осуждал теорию «малых дел», вскрывая ее внутреннюю несостоятельность, весьма скептически относился к толстовству [«...в электричестве и паре любви к человеку больше, чем

в целомудрии и в воздержании от мяса» (Т. XII. С. 50)], критиковал ненормальный, антигуманный характер отношений между людьми в эксплуататорском обществе, пошлость, безыдейность буржуазной интеллигенции, протестовал против «мелочей жизни», поработивших человека. Он понимал, что «смысл жизни только в одном — в борьбе. Наступить каблуком на подлую змеиную голову и чтобы она — крак! Вот в чем смысл» (Т. VII. С. 254).

Не случайно в 1895 г. имя Чехова стояло рядом с именами других писателей и общественных деятелей под петицией Николаю II о стеснениях печати в России, а в 1902 г. писатель демонстративно отказался от звания академика в знак протеста против отмены царем избрания М. Горького в почетные члены Академии наук.

На рубеже XIX и XX вв. «мирный» период развития капитализма подходил к концу. В творчестве Чехова общие социальные закономерности отразились ощущением неизбежности близкого изменения всего строя жизни. И Чехов не боялся этого. Вместе с героями своих последних произведений он говорил: «Здравствуй, новая жизнь!»

Возникновение первых рабочих газет в России

Развитие капитализма в России началось позднее, чем в других европейских странах. Только в середине XIX в. было устранено главное препятствие на его пути — крепостное право. Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на свою ограниченность, создала благоприятные условия для производительных сил страны и прежде всего обеспечила промышленности свободную рабочую силу. Вместе с ростом промышленности и городов растет и развивается пролетариат.

Беспощадная эксплуатация и полное политическое бесправие не могли не вызвать протеста со стороны трудящихся масс. С конца 60-х — начала 70-х годов рабочее движение становится весьма ощутимой силой. В 1870 г. в России произошла первая крупная забастовка на Невской бумагопрядильне, и министерство внутренних дел немедленно разослало циркуляр о борьбе со стачками. Особенно большое количество стачек отмечено во второй половине 70-х годов. В это же время возникли и первые рабочие союзы (1875 г. — Южно-российский союз рабочих, 1878 г. — Северный союз русских

рабочих). В создании этих организаций проявилась сравнительно высокая политическая зрелость русских пролетариев.

Однако официальная реакционная пресса вплоть до 1885 года, ознаменованного Морозовской стачкой, старалась убедить русское общество, что рабочего движения в России нет.

Представители господствующих классов тем не менее чувствовали опасность, которая грозит им со стороны развивающегося пролетариата, и предпринимали всевозможные меры, вплоть до издания специальных газет и журналов для рабочих (!), с целью нейтрализовать рабочее движение. Так, например, в 1875 г. некая госпожа М.Г. Пейкер с помощью министра внутренних дел получила разрешение выпускать в Петербурге ежемесячный иллюстрированный журнал «Русский рабочий», хотя Главное управление по делам печати считало неудобным и ненужным, «чтобы произведения, предназначенные для народного чтения, выходили в определенные сроки в форме периодических изданий»⁵⁸.

Издание Пейкер только по срокам выхода можно отнести к журналам. Внешне и по манере изложения материала оно выглядело как газета форматом чуть больше современной многотиражки. На протяжении двенадцати лет Пейкер и ее наследники старались под видом заботы о культурном развитии рабочих парализовать их классовое самосознание проповедью ханжеского благочестия, смирения, трезвости и благопристойности. Слащавыми рассказами и религиозно-идиллическими картинками издатели хотели успокоить читателей, а господ изображали друзьями и благодетелями рабочих. Но такие попытки были обречены на провал. Развитие передовых рабочих уже нельзя было задержать такими грубыми и примитивными приемами.

В 70-е годы революционные газеты для рабочих пробовали издавать народники. Факты реальной жизни заставили революционных народников прийти к выводу, что городской рабочий значительно восприимчивее к социалистической пропаганде, чем крестьянин. И это нашло отражение в практической деятельности «семидесятников». Революционные народники начали искать в рабочих помощников для подготовки крестьянской революции. Лучшие из них все больше внимания уделяли рабочему вопросу. Известно, что Плеханов, тесно

⁵⁸ Дело об издании г. Пейкер «Русский рабочий» (РГИА. 1875. Ф. 776. Оп. 5. Ед. хр. 9. Л. 4).

связанный с питерским пролетариатом, в 1878 г. выдвигал этот вопрос в качестве важнейшего для своего времени, хотя и решал его еще по-народнически: он признавал рабочих лишь союзниками крестьян в революции. Интерес революционных народников к рабочему вопросу проявился в издании ими ряда газет для народа, для рабочих — «Работник» (1875), «Рабочая газета» (1880—1881), «Зерно» (1880—1881).

Но народники по известным причинам не могли верно отразить задачи передового общественного класса, идеи научного социализма. Наиболее сознательные рабочие делают самостоятельные серьезные попытки создать свою печать, независимую от народнических организаций. Первой такой газетой в России была «**Рабочая заря**», орган Северного союза русских рабочих.

«Когда в 1875 г., — писал В.И. Ленин, — образовался «Южнорусский рабочий союз» и в 1878 г. «Северно-русский рабочий союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»⁵⁹.

Самостоятельный характер рабочей организации в Петербурге беспокоил революционно-народнических интеллигентов. В четвертом номере нелегальной газеты «Земля и воля» рабочих пытались «подправить», но им, как отметил Плеханов, «перестали казаться убедительными» доводы народников. Халтурин, например, в свою очередь, критически отнесся к газете «Земля и воля» и, как вспоминал позднее Плеханов, говорил, что это издание было не для рабочих. «Под влиянием Халтурина, — писал Плеханов, — и его ближайших товарищей рабочее движение Петербурга в течение некоторого времени стало совершенно самостоятельным делом самих рабочих»⁶⁰.

Твердо, убежденно защищая необходимость завоевания политической свободы для рабочих и всего народа, члены «Союза» писали в ответе редакции «Земли и воли», опубликованном в ее пятом номере: «Нас можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою программу где-нибудь в Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни да

⁵⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 245.

⁶⁰ Плеханов Г. Соч. Т. 3. С. 143.

назойливого попа соседнего селения ничего не ведают. В этом случае наша программа, кроме усмешки, конечно, ничего бы не вызвала, так как представление о Сысойке, умеющем хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободе как-то не вяжется. Но в том-то и сила, что мы уже вышли из условий этой жизни, начинаем сознавать происходящее вокруг нас... Мы знаем... что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, позволит нам правильное развитие свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды...»

«Союз», возникший накануне второй революционной ситуации, в обстановке усиления стачечного движения в Петербурге, стремился стать руководящей организацией революционных рабочих во всей России. Это с неизбежностью потребовало выпуска периодического издания. Не ограничиваясь листовками, руководители «Союза» приступили к организации своей газеты. Печатное слово, газета для рабочих признаны были участниками «Союза» «самым важным рычагом» агитационной деятельности.

Несмотря на арест Обнорского, доставившего шрифт для типографии, подготовка к изданию «Рабочей зари» шла полным ходом уже весной 1879 г., но отпечатать газету удалось лишь позднее. Непосредственным организатором выпуска газеты и редактором ее был столяр Степан Халтурин, революционер, любимец питерских рабочих.

Первый номер «Рабочей зари» удалось отпечатать в нелегальной типографии «Союза» 15 февраля 1880 г. Этот единственный номер газеты представлял собой небольшой листок с обращением к рабочему читателю. В нем защищалась сама идея свободного слова, говорилось о невыносимом положении рабочих, о необходимости борьбы за свои права, за землю, фабрики и заводы, ибо «ни от правительства, ни от хозяев не ждать нам помощи». Газета призывала рабочих соединяться в союзы для борьбы с угнетателями, утверждая, что «будущее в наших руках, оно нам принадлежит...»⁶¹

Тираж издания почти целиком был конфискован полицией при аресте типографии «Союза» в марте 1880 г., но несколько пробных экземпляров уцелели и получили распространение среди рабочих.

⁶¹ Цит. по: Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. М., 1956. Вып. 3. С. 180—181.

В.И. Ленин в своей книге «Что делать?» высоко оценил деятельность Халтурина и политические задачи, которые он ставил перед рабочими. Однако вскоре Халтурин был вовлечен народовольцами в террористическую деятельность, которая привела его в 1882 г. к трагической гибели.

В 1885 г. была сделана новая попытка выпустить рабочую газету в России. Попытка эта была сделана одним из революционных кружков — группой Благоева, именовавшей себя партией русских социал-демократов.

Группа Благоева возникла осенью 1883 г. одновременно с организацией группы «Освобождение труда». Основной костяк благоевского кружка составили рабочие и студенты высших учебных заведений Петербурга, бывшие чернопередельцы, как, например, Латышев, и лица, сочувствовавшие революционным народникам, — Благоев, Харитонов. К середине 1882 г. сильно пошатнулась вера народников в общину, померкли основы «русского социализма», рассеялось постепенно и обаяние трудов народников о судьбах капитализма в России. Тем не менее благоевская группа испытала известные влияния мелкобуржуазной идеологии (народничества, лассальянства), но под воздействием группы «Освобождение труда» эти влияния скоро были преодолены.

Благоевцы вели активную пропаганду среди петербургских рабочих. Нужды революционного дела заставили их в 1884 г. подумать о создании нелегальной типографии. Такая типография была организована в квартире Харитонова, а в январе 1885 г. был отпечатан первый номер «Рабочего», газеты «партии русских социал-демократов», как значилось в заголовке.

Номер открывался статьей Благоева «Чего недостает рабочему народу?». В ней были сформулированы задачи нового органа. Считая одним из наиболее важных мероприятий своей группы революционное просвещение рабочих, Благоев пишет:

«Цель настоящей газеты состоит именно в том, чтобы распространить самое необходимое знание на рабочий народ», на «лучшую часть рабочего народа», чтобы она могла стать вождем в борьбе с неправдой. Эта задача названа «насушной целью газеты», и, по существу, здесь ставится вопрос о том, чтобы внести сознание в рабочее движение, вооружить рабочих пониманием своих классовых целей. В качестве основных задач выдвигалась борьба за политические свободы, в чем заключается «самый *насушный шаг* к счастью рабочего народа».

Требование это сильно отличает блagоевцев от народников, многие из которых в 80-е годы отрицали необходимость борьбы за политические права. Далее в статье указывается на особую роль рабочего класса в России. «В нашем государстве нет другой общественной силы», которая могла бы взять на себя необходимые преобразования, «как только рабочий народ в союзе с лучшей частью нашего образованного общества». Заканчивается статья призывом к рабочим поддерживать новую газету.

За первой статьей шла вторая, написанная также Благоевым, — «Чего добиваться рабочему народу?» В ней была разъяснена программа группы, на которой сказались народнические и лассальянские взгляды. Это не должно казаться удивительным. Удивляться можно тому, что в отсталом государстве, каким была тогда Россия, эта группа так скоро смогла встать на позиции марксизма.

В газете были еще две статьи: «Рабочий народ и правительство» Латышева и «По поводу фабричных волнений», вероятно, принадлежащая члену группы Герасимову.

С весны 1885 г. блagоевцы налаживают тесные связи с группой Плеханова «Освобождение труда», ведут переговоры о выработке общей программы. Под влиянием критики Плехановым народнических и лассальянских ошибок группа Благоева принимает программу «Освобождения труда», а Плеханов и Аксельрод пишут статьи для второго номера газеты «Рабочий».

Этот номер вышел в июле 1885 г. Выпуск его приурочивался к началу студенческих каникул, и студенты-революционеры, разбегаясь на каникулы, должны были распространить газету по всей стране. В номере опубликована статья Плеханова «Современные задачи русских рабочих» с подзаголовком «Письмо к петербургским рабочим кружкам». Чрезвычайно просто и логично, в форме душевной беседы с рабочим читателем Плеханов доказывает необходимость тесного сплочения пролетариата и самостоятельности борьбы не только за экономические, но и за политические права, которые должны облегчить рабочим окончательную победу над угнетателями; подчеркивается необходимость создания «рабочей социал-демократической партии» и рабочего руководства всем революционным движением в стране. Большое внимание уделяется в статье развитию классового самосознания пролетариата как одной из первоочередных задач русских социал-демократов.

Кроме статьи Плеханова во втором номере «Рабочего» были помещены статья Аксельрода «Выборы в германский рейхстаг и социально-демократическая партия», статья Латышева «Знание и критика» и «Внутреннее обозрение», написанное Харитоновым. В газете также напечатано извещение о том, что программа группы «будет изменена» и опубликована в следующем номере: речь идет о выработке программы вместе с группой «Освобождение труда». Заканчивается второй номер новым призывом к рабочим поддержать газету.

Однако «Рабочий» больше не выходил. Внешним поводом к этому явилось то, что еще в 1885 г. Благоев был выслан из Петербурга. Латышев уехал, а в январе 1886 г. полиция арестовала Харитонova и раскрыла типографию. Главной же причиной прекращения газеты явилось отсутствие массового революционного рабочего движения в стране. Не было еще необходимых связей с рабочими, не была создана еще рабочая социал-демократическая партия.

11.

ЖУРНАЛИСТИКА 90-х годов

В России 1890-е годы — время промышленного подъема. С процессами капитализации всей русской жизни связано дальнейшее развитие периодической печати. Продолжается количественный рост прессы, появляются новые типы периодических изданий. Растет провинциальная частнопредпринимательская газетная печать, увеличивается число различных еженедельников: отраслевых, юмористических, спортивных и пр., в том числе иллюстрированных.

«Толстый» ежемесячный журнал, сохраняя роль руководителя общественного мнения, как бы выделяет из своего состава журналы по интересам: журналы для юношества и самообразования («Мир божий»), журналы для семейного чтения («Семья»), научно-популярные («Наука и жизнь», «Журнал для всех»), научно-философские («Научное обозрение»), педагогические («Образование»), журналы искусств («Искусство и художественная промышленность», «Мир искусства»). Впрочем, некоторые из них вновь приобретают

энциклопедический характер («Мир божий», «Журнал для всех»).

Получают развитие духовно-религиозные и деловые издания.

В 90-е годы появляются такие значительные общенациональные газеты как «Россия», «Русское слово», «Право», «Курьер». Газеты обзаводятся приложениями, практикуют вторые (дневные) выпуски. Растут тиражи газет, улучшается оформление, информационное обеспечение газет. Формируются первые издательские концерны А.С. Суворина, И.Д. Сытина и др.

Однако в стране не издавалось ярких демократических периодических органов. Цензурная политика Александра III, получившая официальное выражение во Временных правилах о печати 1882 г. и в последующих циркулярах, привела к тому, что в стране не было демократических газет и журналов. Николай II, вступивший на престол в 1895 г., не изменил отношения к печати. В 90-е годы не только наиболее решительные деятели буржуазно-демократического умонстроения и социал-демократические лидеры должны были уйти в подполье, но даже некоторые либеральные конституционалисты действовали за границей. В 1890—1900 гг. не было ни одного легального органа, подобного «Современнику» 60-х годов или «Отечественным запискам» 70-х годов. Поэтому неудивительно, что уцелевшие от преследований передовые журналисты вынуждены были в эти годы сотрудничать в либерально-народнических, либерально-буржуазных журналах, газетах и там искать возможности защищать идеи демократии и свободы.

Капитализация, индустриализация жизни активизирует поиск закономерностей развития общества, дифференцируются политические направления. Позитивизм продолжает овладевать значительной частью интеллигенции. Народничество испытывает серьезные трудности в объяснении исторических судеб России. Растет интерес к марксизму, идеям исторического материализма. Даже враждебное, полемическое отношение к марксистской теории вызывает подчас увеличение числа читателей. Достаточно широкое увлечение марксизмом в либерально-буржуазных кругах публицистов, ученых привело к появлению так называемого «легального марксизма». Отстаивая интересы капиталистического развития страны, либерально-буржуазные публицисты П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, Н.А. Бердяев и другие с середины 90-х годов провозгласили себя сторонниками нового

учения — «экономического материализма», т.е. марксизма, и стали критиковать народников. Они широко цитировали Маркса, пересказывали на свой лад отдельные положения марксизма в целях упрочения капиталистической формации. Целый ряд периодических органов печати стал выразителем этого течения: «Новое слово», «Начало», «Жизнь» и др. В них печатались от случая к случаю и революционные марксисты, пропагандируя материалы, связанные с именем Маркса и его теорией (Плеханов, Ленин, Засулич и пр.).

Струве, Туган-Барановский пишут статьи о рабочем классе, критикуют народников, доказывают жизненность капитализма в России. С.Н. Булгаков в «Новом слове» утверждал в 1896—1897 гг., что марксизм, материалистическое понимание истории вполне объясняют все экономические и социальные процессы в русской жизни.

Вместе с тем эти журналы сохраняли многие черты старых ежемесячников. В них печатались различные обозрения, литературная критика, имелся хороший беллетристический отдел (особенно в журнале «Жизнь», где в разные годы печатались Чехов, Мережковский, Вересаев, Горький, Серафимович и др.).

Однако в 1899—1901 гг. многие «легальные марксисты», никогда не принимавшие революционности в учении Маркса, — С.Н. Булгаков, А.Н. Бердяев, П.Б. Струве перешли к критическому анализу марксизма, усмотрев в нем догматизм, пренебрежение нравственными началами, и повернули к идеализму («Против ортодоксии» статья Струве в № 10 журнала «Жизнь» за 1899 г.; «Борьба за идеализм» Бердяева в № 6 журнала «Мир божий» за 1901 г.).

Идеализм остается привлекательным для ряда литераторов и философов: Вл.С. Соловьева, Волынского (А.Л. Флексер), В.В. Розанова, Д.С. Мережковского и др.

Революционные марксисты, эсеры, не имея возможности открыть свои издания в России, основную деятельность на поприще журналистики должны были до 1905 г. развивать за границей — группа «Освобождение труда» Плеханова, газеты «Искра», «Революционная Россия».

В 90-е годы в США выходила газета «Прогресс», рассчитанная на русских читателей в Америке. В ней печатались Плеханов и Засулич. В Англии появились «Листки “Свободного слова”», в которых печатались материалы с критикой

правительства, в защиту толстовской теории непротivления злу насилием, статьи самого Л. Толстого о голоде в России, по поводу отлучения его от церкви и др.

Одним из авторитетнейших и видных публицистов остается В.Г. Короленко — редактор «Русского богатства» и активный сотрудник газеты «Полтавщина».

Из столичных газет 90-х годов стоит отметить газету П.Г. Сазонова «Россия». Ее поддерживали богачи: Мамонтов и Альберт. Сазонов надеялся стать выше Суворина. Фактически газету редактировал А.В. Амфитеатров. Первый номер был приурочен к 10-летию со дня смерти Салтыкова-Щедрина и открывался большим портретом сатирика и подборкой его суждений о печати. Действительно, организованная в 1899 г. «Россия» как либерально-буржуазное издание, благодаря участию в ней двух известных фельетонистов: Амфитеатрова и Дорошевича, приобрела значительную популярность. Требование политических реформ, перемен в стране, критика действий администраторов разного ранга ради укрепления государства, намеки и иносказания придавали ей славу смелой газеты. Дорошевич много пишет в судебный отдел газеты. Сами заголовки статей, фельетонов уже говорят о направлении и остроте вопросов судебной жизни: «Одинокое заключение», «Пытки», очерки сахалинского каторжного быта и др. В фельетоне «История одного борова» нарисована картина возвышения обыкновенной свиньи, которая умела бегать на четвереньках, хрюкать и валяться в грязи. В фельетонах «Маленькие чиновники», «Русский язык» и других Дорошевич критикует постановку дел в казенной школе. Резким выпадом против кн. Мещерского был его фельетон «Охранительное начало». Амфитеатров не отставал от Дорошевича. Но публикация его фельетона «Господа Обмановы» в 1902 г. привела к закрытию газеты и высылке ее автора в Минусинск.

* * *

Благодаря поддержке капиталистов провинциальные газеты в 90-е годы получают возможность укрепить свою материальную базу, увеличивают тиражи, привлекают известных писателей и публицистов. Это можно сказать об одесской печати, печати ряда поволжских городов. Успешно действуют газеты в Сибири, на Дальнем Востоке и других окраинах.

12.

**ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.
НАЧАЛО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. ГОРЬКОГО**

На рубеже нового революционного подъема в середине 90-х годов, когда началось массовое рабочее движение; на поприще журналиста-профессионала вступил **М. Горький**. Ранняя публицистика пролетарского писателя продолжала лучшие традиции революционно-демократической печати. Работая в 1895—1896 гг. в провинциальных газетах Поволжья и Юга России — в «Самарской газете», «Нижегородском листке» и «Одесских новостях», — он неизменно защищал интересы народа. Правда, в то время его мировоззрение окончательно еще не сложилось; отвергая помещичье-буржуазный строй, Горький не видел реальных путей его замены. И тем не менее появление Горького в легальной печати явилось важным событием в русской журналистике.

«Самарская газета» представляла собой типичное либерально-буржуазное провинциальное издание. В ней были широко развернуты отделы хроники, обзоров (столичной и провинциальной печати, местной жизни), печатались корреспонденции, фельетоны, беллетристика. В 90-е годы в газете сотрудничали: Н.И. Ашешов, С.С. Гусев, Н.Г. Гарин-Михайловский, С.Г. Петров (Скиталец). Тираж газеты составлял двести тысяч экземпляров.

В «Очерках и набросках», к написанию которых Горький приступил тотчас по приезде в Самару весной 1895 г., он впервые получил возможность непосредственно обратиться к читателю и дать публичную оценку ряду явлений общественной жизни. «Очерки и наброски» строились главным образом на материалах провинциальной прессы.

Почти одновременно Горький под псевдонимом Иегудиил Хламида стал вести один из самых боевых отделов газеты — фельетон на местную тему под заглавием «Между прочим». Обыденные факты он использует для серьезного разговора по важным вопросам, подмечает типическое, переходит к широким социальным обобщениям. В отличие от многих

провинциальных газетчиков Горький не раболепствует перед фактом: он для него важен не только сам по себе, сколько в качестве повода для беседы с читателем по острым проблемам жизни. Горький глубоко верил в великую прогрессивную силу печати и рассматривал газету как «арену борьбы за правду и добро» (такое заглавие имела одна из его статей), называл ее «бичом обывательской совести, благородным колоколом, вещающим только правду!»⁶²

Общий характер выступлений Горького-публициста протестующий, обличительный. Его материалы свидетельствуют о глубоком недовольстве автора всем строем жизни помещичье-буржуазного государства. Фельетоны писателя с необычайной смелостью вскрывали многие язвы провинциальной жизни: издевательство над человеческим достоинством, бесправие женщины, дикость, бескультурие, внутреннюю пустоту жизни обывателей и пр. Большое внимание уделено эксплуатации трудового народа. Не страшась административных и цензурных преследований, Горький разоблачает самарского фабриканта Лебедева, применяющего на своей фабрике детский труд («Между прочим»). О положении рабочих говорится в зарисовках «Нечто о наборщиках», «Совсем как у нас» и др. Симпатии Горького целиком на стороне рабочих. Он радуется проявлению солидарности среди них, тяге к культуре, «зарождению у некоторой части рабочей среды самосознания и сознания своих человеческих прав» (Т. 23. С. 106).

Ряд очерков и фельетонов посвящен положению крестьян. Горький не идеализирует мужика, он видит его неразвитость, забитость, подавленное чувство человеческого достоинства и понимает, что в этом виноват общественный строй, обрекающий народ на бесправное, полуголодное существование. Чиновники и купцы обходятся с крестьянином грубо, обворовывают его при сделках, корыстно пользуются его безвыходным положением. Особенно возмущает Горького цинизм людей интеллигентных профессий — адвокатов, врачей — по отношению к простому народу («Операция с мужиком», «Жена, проданная за 40 рублей»). Он осуждает нравы буржуазной провинциальной прессы, которая беды и несчастья одних людей делает развлечением для других.

⁶² Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 23. С. 7. (Далее см. отсылки в тексте.)

Большое место в фельетонах отводится контрастам большого капиталистического города, критике отсталости провинциальной жизни, бескультурия. Ясно выраженные симпатии Горького к рабочим, крестьянам и мелким служащим вызывали злобу местных заправил, но это не пугало его. «...Газета! Я ею доволен, она не даст спокойных дней здешней публике. Она колетя, как еж. Хорошо! Хотя нужно бы, чтоб она колотила по пустым башкам, как молот», — заметил Горький в письме Короленко 15 марта 1895 г. (Т. 28. С. 8—9).

Самарские темы под пером Горького звучали социально широко, далеко выходя за границы города и губернии. В фельетонах писателя, опубликованных в «Самарской газете», ясно проглядывает лицо всей России того времени.

Пребывание в Самаре — чрезвычайно важный этап в идейном и творческом росте Горького. Наряду с публицистикой здесь были созданы «Песня о Соколе», «Старуха Изергиль» и другие произведения. Работа в «Самарской газете» дала писателю обильный материал для разработки темы мещанства, «окуровщины».

В конце 1895 г. Горький в качестве корреспондента газеты «Одесские новости» выехал в Нижний Новгород на Всероссийскую промышленную и художественную выставку и одновременно начал сотрудничать в газете «**Нижегородский листок**».

По замыслу министра Витте, выставка должна была показать успехи русского капитализма, достигнутые за последние 10—12 лет. Но рекламный характер выставки не обманул Горького. Он оказался среди тех немногочисленных русских корреспондентов, которые сумели справедливо оценить ее, несмотря на шумиху, поднятую либеральными и монархическими газетами вокруг «нижегородского чуда»: «Выставка поучительна гораздо более как правдивый показатель несовершенств человеческой жизни, чем как картина успехов промышленной техники страны» (Т. 23. С. 237). Молодого журналиста не отуманили размах и пышность, с какими она была устроена. Горький сразу отметил решающий недостаток экспозиции: в павильонах и на стендах совершенно не были отражены жизнь и труд народа, производящего все ценности, выставленные для обозрения. Как, кем, в каких условиях добыты тонны железа, угля, хлопка, построены машины, изготовлены вещи — узнать было невозможно. Выставка не показывала великую созидательную силу народа.

Писатель пользуется любым случаем, чтобы напомнить о жестокой эксплуатации, которая царит на отечественных предприятиях, о чем, разумеется, умолчали организаторы выставки. Он говорит о нищенском заработке, о полурабском труде рабочих в условиях капитализма. Ненормальна жизнь, когда железо первенствует, а человек ему рабски служит (очерк «Среди металла»).

Описывая последние приготовления к открытию павильонов, Горький отмечает, что даже здесь картины эксплуатации встречаются на каждом шагу: «Со всех сторон вас окружают разные архитектурные деликатесы... а между ними, на той же самой земле... согнувшись в три погибели, грязные и облитые потом рабочие возят на деревянных тачках и носят «на хребтах» десятипудовые ящики с экспонатами. Это слишком резко бьет в глаза... Неприятно видеть на художественно-промышленной выставке — выставку изнурительного поденного труда чернорабочих» (Т. 23. С. 142).

Горьковские очерки и корреспонденции, составившие цикл «С Всероссийской выставки», полны глубокого возмущения космополитизмом ее организаторов. Горький говорил, что обидно видеть Запад постоянно и всюду в роли нашего учителя. Машинный отдел поражает отсутствием русских имен — кругом только Бромлеи, Нобели, Циндели, и это оскорбляет патриотическое чувство Горького: «Я не националист, не апологист русской самобытности, но, когда я прохожу по машинному отделу, мне становится грустно. Русские фамилии отсутствуют в нем почти совсем — все немецкие, польские фамилии. Но, однако, какой-то, кажется, Людвиг Цоп вырабатывает железо “по системе инженера Артемьева”... Это производит колющее впечатление. Говорят, что почва промышленной деятельности всего скорей сроднит человечество. Это бы хорошо, конечно, но пока мне все-таки хочется видеть инженера Артемьева самостоятельно проводящим в жизнь свою систему обработки продукта» (Т. 23. С. 226).

Писатель с тревогой наблюдает, как иностранный капитал прибирает к рукам при попустительстве царского правительства одну за другой ведущие отрасли национальной промышленности: машиностроительную, нефтяную, текстильную. Ему чужд казенный патриотизм. Он осуждает организаторов выставки за попытку представить как образец русской сметки, как национального гения кустаря-самоучку Коркина, который пытался вручную изготовить велосипед и пианино,

иронизирует над теми, кто лишь ради выставки вспомнил Ползунова и Яблочкова.

Труд талантливых и трудолюбивых русских людей, хорошо организованный и умело направленный, мог бы действительно дать великие результаты, но в царской России этого нет и быть не может.

Правдиво рисует Горький вырождение буржуазной интеллигенции, ее тлетворное влияние на все стороны общественной и культурной жизни. Все, к чему прикоснется буржуазия своими грязными руками, опошляется: кино, живопись, музыка, театр. На выставке особенно ярко проявилось стремление буржуазии превратить искусство в пикантное развлечение. Буржуазному интеллигенту, как и сибирскому купчику, оказались доступны лишь кафешантанские удовольствия («Развлечения»).

Острота очерков и корреспонденции Горького была такова, что городским газетам было запрещено печатать его статьи во время посещения Нижнего Новгорода царем, как тенденционные.

Следует отметить некоторую разницу подхода к теме выставки между очерками и корреспонденциями Горького в «Нижегородском листке» и в «Одесских новостях». Нижегородцы были более полно информированы о выставке и выставочном быте, поэтому их интересовали не описания торжества, а оценка и комментарии публициста. И наоборот, одесский читатель хотел узнать о всех достопримечательностях выставки, о том, как и чем живет Нижний Новгород. Горький учитывал это в своей корреспондентской работе, никогда, однако, не поступаясь ради занимательности серьезными заключениями. Он умел и на страницах «Одесских новостей» контрастом настроений, пейзажем, иносказанием, репликами собеседников подчеркнуть недостатки существующего общественного строя.

Статьи, очерки и корреспонденции Горького о Всероссийской выставке 1896 г. помогли русскому читателю уяснить показательный характер «этой универсальной лавочки» (Т. 23. С. 237). Они сыграли немалую роль и в творческом росте самого писателя. Выставка дала Горькому новый материал для резкой критики упадочной буржуазной культуры, искусства и литературы. В ряде статей и очерков писатель раскрыл реакционную сторону натурализма и декадентства — течений в искусстве, порожденных капитализмом.

По поводу оценки новых течений в русской живописи, особенно картин Врубеля и Галлена, Горький вступает в полемику с художником Карелиным, писавшим в газетах «Нижегородская почта» и «Волгарь», и с публицистом Дедловым из «Недели». Он критикует не только модную живопись импрессионистов, но и поэзию декадентов, символистов, чуждую людям труда: «...господа художники и поэты, пораженные декадансом, модной болезнью, смотрят на искусство как на область свободного и никакими законами не стесняемого выражения своих личных чувств и ощущений. "Искусство — свободно", — твердо помнят они и с уверенностью занимаются гайдамачеством в искусстве, выдвигая на место кристально чистого и звучного пушкинского стиха свои неритмичные стихи, без размера и содержания, с туманными образами и с дугими претензиями на оригинальность тем, и на место картин Репина, Перова, Прянишникова и других колоссов русской живописи — колоссальные полотна, техника которых вполне родственна угловатым и растрепанным стихам madame Гиппиус и иже с ней. Какой социальный смысл во всем этом, какое положительное значение может иметь эта пляска святого Витта в поэзии и живописи?» (Т. 23. С. 183). Сам писатель защищает ясность и простоту в искусстве, его тесную связь с жизнью. Задача литературы и живописи — облагородить дух человека, идейно воспитать его, показать правду жизни. Искусство должно учить человека думать, в нем не может быть места глупым и вредным «чуждачествам».

Горький высоко ставит реализм живописи Маковского, игры актеров Малого театра, программной музыки, утверждает неизмеримое превосходство художников эпохи Возрождения и русских мастеров XIX в. над живописью импрессионистов. Особенно ценит он подлинное искусство самого народа, в каких бы оно формах ни проявлялось. С восторгом отзывается писатель о безымянных русских камнерезах, придающих камню «легкие воздушные формы» и обладающих «тонким вкусом», «уверенной рукой» и «хорошо развитым чувством меры» (Т. 23. С. 154). Симпатии Горького отданы «бабушке Ирине», знаменитой сказительнице Ирине Андреевне Федосовой (очерк «Вопленица»).

К выступлениям Горького, затрагивающим вопросы искусства, примыкают его статьи «Еще поэт» и «Поль Верден и декаденты», опубликованные «Самарской газетой» в 1896 г.

В последней статье наиболее полно раскрываются представления Горького о корнях и социальном смысле декадентства как искусства, порожденного «загнивающей» буржуазией. Пессимизм и полное безучастие к действительности — вот характерные черты творчества французских и русских декадентов (Рембо, Маларме, Сологуба, Мережковского и др.). «...Декаденты и декадентство — явление вредное, антиобщественное, — явление, с которым необходимо бороться», — пишет Горький (Т. 23. С. 125). Вместе с тем Горький не отрицает талантливости П. Верлена, А. Рембо и других поэтов.

Не все в суждениях молодого журналиста бесспорно. Его мнение о картинах Врубеля носило субъективный характер, отношение к Сологубу было односторонним. Тем не менее в борьбе против попыток увести искусство от действительности он вновь выступает как продолжатель лучших традиций революционно-демократической критики.

От статьи к статье крепнет публицистическое мастерство Горького. Выходец из народа, много видевший «в людях» и во время странствований по Руси, писатель неустанно работает над собой, прислушиваясь к советам Короленко, Гарина-Михайловского. До конца жизни не прекращал он публицистической деятельности. Школа профессионального журналиста оказалась чрезвычайно полезной для будущего роста писателя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика / Сост. Вл. Орлов. М.; Л., 1951.
- Есин Б.И.* История русской журналистики, 1703—1917: Учебно-методический комплект. М., 2002.
- Есин Б.И.* Русская дореволюционная газета. М., 1971.
- Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX—XX вв. М., 2001.
- История русской журналистики XVIII—XIX веков / Под ред. А.В. Западова. 3-е изд. М., 1973.
- История русской журналистики XVIII—XIX вв. / Под ред. Л.П. Громовой. СПб., 2005.
- История русской журналистики: Хрестоматия. М., 1991.
- Ленин В.И.* Памяти Герцена // Полн. собр. соч. Т. 21.
- Лисовский Н.М.* Библиография русской периодической печати 1703—1900. Пг., 1915.
- Машкова М.В., Сокурова М.В.* Общие библиографии русских периодических изданий, 1703—1954. Л., 1956.
- Очерки по истории русской журналистики и критики. Л., 1950. Т. 1; Л., 1965. Т. II.
- Русская журналистика в документах (история надзора). М., 2003.
- Русская периодическая печать, 1702—1895: Справочник / Под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. М., 1958.
- Русский очерк / Сост. Б.О. Костелянец, П.А. Сидоров. М., 1956. Т. 1—3.
- Русский фельетон / Сост. А.В. Западов, Е.П. Прохоров. М., 1956.
- Сборник материалов к изучению истории русской журналистики. М., 1952—1956. Вып. 1—3.
- Смирнов-Сокольский Н.П.* Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. 2-е изд. М., 1965.
- Хрестоматия по истории русской журналистики XIX века / Под ред. А.В. Западова. 2-е изд. М., 1969.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА К I РАЗДЕЛУ

Развитие периодической печати в I половине XIX века

- Базанов В.Г.* Очерки декабристской литературы. М.; Л., 1953.
- Базилева З.П.* «Колокол» А.И. Герцена (1857—1867 гг.). М., 1949.
- Березина В.Г.* Русская журналистика первой четверти XIX века. Л., 1965.
- Березина В.Г.* Русская журналистика второй четверти XIX века (1826—1839). Л., 1965.
- Березина В.Г.* Русская журналистика второй четверти XIX века (1840-е годы). Л., 1969.
- Бушмин А.С.* Сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1959.
- Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7.

- Дементьев А.Г. Очерки по истории русской журналистики 1840—1850-х годов. М.; Л., 1951.
- Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» в 40—50-х годах. Л., 1934.
- Евгеньев-Максимов В.Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936.
- Евгеньев-Максимов В.Е., Тизенгаузен Г.Ф. Последние годы «Современника», 1863—1866. Л., 1939.
- Кузнецов Ф.Ф. Журнал «Русское слово». М., 1965.
- Кулецов В.И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., 1958.
- Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909.
- Лемке М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
- Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. Т. 21.
- Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
- Нечаева С.С. В.Г. Белинский. Жизнь и творчество, 1836—1841. М., 1961.
- Нечаева В.С. В.Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». М., 1954.
- Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время». 1861—1863. М., 1972.
- Нечаева В.С. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865. М., 1975.
- Орлов В.Н. Русские просветители 1790—1800-х годов. 2-е изд. М., 1953.
- Пирожкова Т.Ф. Славянофильская журналистика. М., 1997.
- «Полярная звезда», издаваемая А. Бестужевым и К. Рылевым / Ред. текста, вступит., статья и примеч. В.А. Архипова, В.Г. Базанова и Я.Л. Левкович. М., 1960.
- Плоткин Л.А. Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов. М., 1945.
- Покусаев Е.И. Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1963.
- Прохоров Е.П. Мастерство революционных демократов-публицистов. В.Г. Белинский. М., 1978.
- Путинцев В.Н. Огарев. Критико-библиографический очерк. М., 1959.
- Станько А.И. Пушкин — журналист и редактор. Ростов н/Д., 1973.
- Станько А.И. Русские газеты первой половины XIX в. Ростов н/Д., 1969.
- Степанов А.Н. Гоголь-публицист // Гоголь. Статьи и материалы. Л., 1954.
- Татаринова Л.Е. Мастерство революционных демократов-публицистов. А.Н. Герцен. И., 1980.
- Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 3.
- Ямпольский И.Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873). М., 1964.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА КО II РАЗДЕЛУ

Журналистика II половины XIX века

- Балабанович Е.В. В.Г. Короленко. М., 1947.
- Барабохин Д.А. Глеб Успенский и русская журналистика 1862—1892 гг. Л., 1983.
- Бушмин А.С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1959.
- Вережкин Б.П. Русская нелегальная печать 70-х и 80-х годов XIX века. М., 1960.
- Гиларовский В.А. Москва — газетная. Соч.: В 4 т. М., 1989. Т. 3.
- Емельянов Н.П. «Отечественные записки» Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина. 1868—1884. Л., 1986.
- Есин Б.И. Демократический журнал «Дело». М., 1959.
- Есин Б.И. Мастерство революционных демократов-публицистов. Н.В. Шелгунов. М., 1977.

- Есин Б.И. Чехов-журналист. М., 1977.
- Из истории русской журналистики конца XIX — начала XX в. М., 1982.
- Итенберг Б.С. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964.
- Каратаев Н.К. Народническая литература 60—90-х годов XIX века // Народническая экономическая литература. Избр. произведения. М., 1958.
- Кирпотин В.Я. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. М., 1955.
- Козьмин Б.П. «Русское богатство» (1880—1881) // Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961.
- Козьмин Б.П. Русская секция Первого Интернационала. М., 1957.
- Лаптева Т.А. Публицистическая деятельность Вл.С. Соловьева. М., 1992.
- Лапшина Г.С. Русская пореформенная печать 70—80-х годов XIX в. М., 1985.
- Ленин В.И. Карьера // Полн. собр. соч. Т. 22.
- Ленин В.И. Народники о Н.К. Михайловском // Полн. собр. соч. Т. 24.
- Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? // Полн. собр. соч. Т. 2.
- Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
- Пеунова М.М. Общественно-политические и философские взгляды Н.В. Шелгунова. М., 1959.
- Плеханов Г.В. Русский рабочий в революционном движении // Соч. Т. 3. М.; Пг., 1923.
- Полевой Ю.З. Из истории рабочей печати. Очерки литературно-издательской деятельности марксистских организаций в России 1883—1900 гг. М., 1962.
- Теплинский М.В. «Отечественные записки». 1868—1884. Южно-Сахалинск, 1966.
- Турков А.М. Салтыков-Щедрин. М., 1979.
- Штурманы будущей бури / Сост. И.И. Якушин. М., 1987.
- Энгельс Ф. Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А.Р. (Рихтер) 27
Абрамов Я.В. 248, 252
Авдеев М.В. 122, 123
Аксаков И.С. 76, 119, 120
Аксаков К.С. 66, 70, 74, 76, 88, 119
Аксельрод П.Б. 208, 219, 277, 278
Александр I 13, 14, 18, 20, 22, 26, 30
Александр II 110, 113, 114, 118, 147, 162, 182, 200, 217, 236
Александр III 164, 262, 279
Алексеев П.А. 210
Альберт 281
Альбертини Н.В. 121
Альбов М.Н. 253
Амфитеатров А.В. 281
Андреев Л.Н. 226, 227
Андросов В.П. 72
Анненский Н.Ф. 221, 224, 226, 233
Анненков П.В. 97, 122, 124, 236
Антонович М.А. 120, 126, 142, 146, 147, 149, 166
Анучин Д.Н. 258
Апухтин А.Н. 235, 241
Аракчеев А.А. 29
Арсеньев К.К. 235
Аскоценский В.И. 189
Атава 222
Ашешов Н.И. 282
- Бажин Н.Ф. 188, 196, 221
Бажина С.Н. 221
Баймаков Ф.П. 256
Бакунин М.М. 87, 204—209
Балабанович Е. 232
Бальзак О. 66
Баратынский Е.А. 32, 47, 57, 63, 70, 87
Барклай де Толли М.Б. 23
Барон Брамбеус (см. Сенковский)
Бартенева Е.Г. 201
Батишков К.И. 21
Бекетов А.Н. 236
Белинский В.Г. 7, 20, 35, 41, 49, 52, 55, 62, 65, 69—75, 78, 79, 81—83, 85—90, 94—105
- Бенедиктов В.Г. 39, 53, 70, 82, 85, 87, 152
Бенитцкий А.П. 16
Бенкендорф А.Х. 49
Берви-Флеровский В.В. 190, 195, 203, 221, 222
Беранже П.-Ж. 125, 153
Берков П.И. 6
Бердяев Н.А. 161, 204, 279, 280
Бестужев А.А. (Марлинский) 7, 26, 28, 31—37, 41, 42, 56, 62
Бестужев М.П. 109
Бестужев Н.А. 27, 29
Бисмарк 261
Благовещенский Н.А. 200
Благодеев Д. 250, 276, 277, 278
Благосветлов Г.Е. 137, 142, 143, 162, 165, 187—190, 193, 195, 197—199
Боборыкин П.Д. 196, 226, 253
Бобров С.С. 17
Богданов В.И. 152, 154, 155
Богучарский В. 207
Боливар 44
Борн И.М. 14, 15
Боткин В.П. 70, 77, 85, 87, 90, 91, 94, 101, 113
Бордгелли А.Н. 152
Брусилов Н.П. 16, 17
Буланов А.П. 219
Булгаков С.Н. 280
Булгарин Ф.В. 30, 32, 39, 42, 43, 46, 48—52, 54—60, 65, 68, 69, 78, 81, 89, 92, 93, 184
Булич С.К. 92
Бунин И.А. 227
Бурачек С.А. 80
Буренин В.П. 152, 255, 263
Буслаев Ф.И. 236
Быков П.А. 223, 224
- Валуев П.А. 141, 153, 200
Вейнберг П.И. 152, 155
Вельтман А.Ф. 82
Веневитинов Д.В. 57

- Венецианов А.Н. 24
Венгеров С.А. 240
Веревкин Н.Н. (Рахманный) 53
Вересаев В.В. 227, 280
Верлен П. 288
Веселовский А.Н. 235, 253
Видок Ф.-Ж. 59
Витте С.Ю. 284
Вовчек М. 149
Воейков А.Ф. 24, 30
Волынский А. (Флексер А.Л.) 253, 280
Воронов М.А. 119, 196, 257
Воронцов В.П. 170, 222, 224, 240, 243, 252, 258
Воропонов Ф.Ф. 235
Востоков А.Х. 15, 66
Врубель М.А. 287, 288
Вяземский П.А. 30—32, 42, 43, 46, 57, 58, 62, 63, 65, 68, 69
- Гайдебуров П.А. 149, 188, 190, 193, 203, 264
Галахов А.Д. 84, 87
Галлен 287
Гамбетта 181
Гарибальди Д. 137
Гарин-Михайловский Н.Г. 227, 282, 288
Гаршин В.М. 168, 221, 224, 241, 249, 253
Гегель 75, 86, 91
Гейне Г. 87
Генкель В.Е. 200, 203
Герасимов (рабочий) 277
Герцен А.И. 7, 10, 16, 40, 41, 74, 78, 81, 82, 87, 89, 91, 92, 94—96, 100, 101, 104, 106—117, 125, 128, 137, 141, 152, 154, 155, 164, 185, 200, 201, 204
Гете 85, 87, 96
Гиллровский В.А. 258, 266
Гиппиус З.Н. 226, 235, 287
Глинка С.Н. 21, 22, 32
Глинка Ф.Н. 27, 28, 31—33, 42, 57, 80
Гнедич Н.И. 21, 32
Гоголь Н.В. 51, 54, 55, 57, 62, 63, 70, 71, 73, 79, 81, 88, 89, 92, 97, 103, 125, 184
Головачев А.А. 240, 259
Голубев П.А. 226
Гольбах 17
Гольцев В.А. 239—244, 258
Гончаров И.А. 66, 96, 104, 122, 129, 139, 173, 185, 196
Горький А.М. 163, 227, 233, 235, 236, 258, 272, 280, 282—288
- Градовский Г.К. 259
Грановский Т.Н. 77, 94, 95
Гребенка Е.П. 87
Грей 19
Греч Н.И. 22, 24, 30—32, 39, 43, 48—52, 55—60, 63, 65, 68, 69, 78, 81, 184
Грибоедов А.С. 33, 35, 48, 69
Григорович Д.В. 87, 89, 93, 96, 122, 125, 241, 268
Григорьев А.А. 8, 82, 135, 137
Громека С.С. 121
Громова Л.П. 289
Губер Э.И. 85
Гусев С.С. 282
Гуревич Л.Я. 253
Гюго В. 44, 55, 68, 79, 115, 168, 197
- Давыдов В.Л. 25
Давыдов Д.В. 21, 38, 52, 57, 63
Даль В.И. 87, 93, 94
Даниельсон Н.Ф. 225
Дарвин Ч. 240
Дедлов 287
Дельвиг А.А. 32, 46, 51, 57, 58, 59
Демерт Н.А. 167, 169, 200, 201, 203
Де-Пуле М.Ф. 136
Державин Г.Р. 33, 69, 79, 87
Дживаньоли Р. 197
Диккенс Ч. 87, 96, 152
Дистерло Р.А. 248
Дмитриев И.И. 19
Добролюбов А.Н. 7, 78, 95, 111, 121, 125, 126, 129, 130—133, 139, 140, 144, 152, 174, 199, 201, 216, 253
Доде А. 168, 197
Докучаев В.В. 168
Дорошевич В.М. 271, 281
Достоевский М.М. 119, 143
Достоевский Ф.М. 7, 89, 93, 94, 97, 119, 120, 162, 188, 226, 261
Дружинин А.В. 96, 122, 124, 152
Дубельт Л.В. 39, 49
Дудышкин С.С. 121, 124
Дурова Н.А. 63
Дюринг Е. 243
- Евгеньев-Максимов В.Е. 98
Евреинова А.М. 251—253
Елеонский 226
Елисеев Г.З. 126, 142, 149, 152, 153, 166, 170, 171, 190
Елпатьевский С.Я. 224

- Жанлис 19
 Желябов А.И. 218, 219
 Жирков Г.В. 13
 Жуковский В.А. 19, 21, 30, 32—34, 36, 44, 52, 63, 65
 Жуковский Н.И. 207
 Жуковский Ю.А. 147, 150, 166, 171, 235, 239
 Жулев Г.Н. 152
- Заблоцкий-Десятовский А.П. 84
 Завалишин Д.И. 148
 Загоскин М.Н. 53, 66, 82
 Зайцев В.А. 143, 147, 200
 Зак Л.С. 224
 Запалов А.В. 6
 Заславский Е.О. 210
 Засодимский П.В. 196, 221
 Засулич В.И. 208, 219, 280
 Зибер Н.И. 171
 Златовратский Н.Н. 168, 222, 240, 241, 257
 Золя Э. 168, 197, 235
- Иванов** 235
 Иванюков И.И. 170, 174, 240, 242, 243
 Иевлев (Ивлев) Н.В. 152, 155
 Измайлов А.Е. 16, 30
 Исаев А.А. 174
- Кавелин К.Д. 77, 94, 113, 115, 154, 235, 259
 Кавур 137
 Кантемир А.А. 33, 69
 Каракозов Д.В. 147, 160, 200
 Карамзин Н.М. 7, 18—21, 33, 42, 46, 126
 Кареев Н.И. 239, 258
 Карелин А.А. 287
 Карнович Е.П. 126
 Каронин-Петропавловский Н.Е. 168, 253
 Катенин П.А. 31, 34, 57
 Катков М.Н. 7, 8, 85, 87, 116, 118—121, 135, 142, 143, 148, 154, 181, 189, 195, 236, 237, 259—261, 267
 Кауфман И.И. 239
 Каченовский М.Т. 21, 31, 43, 56, 58, 67
 Кетчер Н.Х. 94
 Кибальчич Н.И. 217
 Кизеветтер А.А. 244, 258
 Киреевский И.В. 67, 76, 82, 119
 Киреевский П.В. 76
- Клеменц Д.А. 214
 Клеточников Н.В. 213
 Ключевский В.О. 240
 Ковалевская С.В. 236
 Кок де Поль 54
 Коковский В. 218
 Колопанов Н.П. 240
 Кольцов А.В. 70, 74, 85, 87
 Кони А.Ф. 235
 Конради Е.И. 200, 201
 Корнилович А.О. 27, 32
 Короленко В.Г. 7, 8, 163, 221, 224, 226—233, 240, 244, 249, 252, 253, 257, 258, 269, 281, 284, 288
 Корсаков П.А. 80
 Корш В.Ф. 77, 148, 183, 255, 262
 Корш Е.Ф. 129
 Косович (цензор) 223, 224
 Костомаров Н.И. 169, 235, 240
 Костычев П.А. 168
 Котляревский Н.А. 235
 Кошелев А.И. 119, 128
 Краевский А.А. 7, 74, 75, 79, 81, 83—86, 92—95, 100, 105, 121, 135, 148, 165, 166, 255, 256
 Крамской И.Н. 235
 Красов В.П. 66, 74, 87
 Красовский В.И. 15, 40
 Кривенко С.Н. 168—170, 175, 190, 221, 224, 225
 Кронеберг А.И. 95
 Крылов И.А. 11, 24, 32, 33, 50, 56, 59, 69
 Кудрявцев П.Н. 70, 87
 Кукольник Н.В. 47, 53, 54, 69
 Кулябко-Корецкий Н.Г. 210
 Кунницын А.П. 23, 30
 Куприн А.И. 227
 Курочкин В.С. 116, 152—154, 200, 203
 Курочкин Н.С. 152, 154, 155, 200
 Кутузов Н. 30
 Кутузов М.И. 23, 24
 Кушелев-Безбородко Г.А. 136, 137, 143
 Кюхельбекер В.К. 27, 28, 30, 31, 34, 36, 48, 56
- Лавров В.М. 239, 244
 Лавров П.Л. (Миртов) 137, 188, 200—203, 205, 208—211, 239, 257
 Лажечников И.И. 66
 Ланин Н.П. 260
 Латышев 276—278
 Левитов А.И. 149, 196, 200, 257

- Лейкин Н.А. 152, 266, 268
 Ленин В.И. 7, 78, 102, 106, 116, 127, 144, 160—163, 169, 204, 224, 226, 243, 251, 260, 262, 263, 274, 276, 280
 Лемке М.К. 200
 Лео А. 197
 Леонтьев П.М. 181, 261
 Лермонтов М.Ю. 51, 54, 75, 79, 85, 87, 88, 92, 108, 109, 110
 Лесгафт П.Ф. 168
 Лесевич В.В. 174
 Либкнехт В. 214
 Ломан Н.Л. 152, 154
 Ломоносов М.В. 11, 69
 Лопатин Г.А. 210
 Лунин М.С. 25

 Майков В.Н. 94, 122, 136, 241
 Макаров П.И. 21
 Максимович М.А. 66
 Маларме 288
 Мальтус 96
 Мамин-Сибиряк Д.Н. 168, 196, 227, 235, 241, 253, 257
 Мамонтов С. 281
 Маркс К. 161, 171, 172, 194, 205—207, 209, 211, 214, 215, 219, 220, 224, 225, 239, 243, 280
 Мартынов И.И. 17
 Мачтет Г.А. 211
 Менделеев Д.И. 136, 252, 253
 Меньшиков М.О. 263
 Мережковский Д.С. 226, 253, 280, 288
 Мериме П. 96
 Мещерский В.П. 261, 262, 267, 281
 Мечников И.И. 168
 Мечников Л.И. 188, 236, 258
 Миклухо-Маклай Н.Н. 252
 Миллер О.Ф. 240
 Милютин В.А. 90, 96
 Минаев Д.Д. 137, 143, 152, 153, 155, 156, 188, 189, 197—200, 203
 Минин К. 48
 Минский Н.М. 235
 Миртов (см. Лавров П.Л.)
 Михайлов А.Д. 213
 Михайлов М.И. 115, 126, 136, 137, 142, 195, 201
 Михайловский Н.К. 7, 167—169, 171—175, 190, 200, 217, 224—226, 240, 243, 252, 253, 257
 Михайловская (Гарина) 224
 Мицкевич А. 42

 Мопассан Ги де 197
 Мордовцев Д.А. 235
 Морозов Н.А. 207, 208, 215, 217
 Морозов С. 260
 Морошкин Ф.Л. 66
 Мундт Н. 200
 Муравьев-Апостол И.М. 25
 Муравьев-Апостол С.И. 38, 109
 Муравьев Н.М. 28, 37
 Муравьев Н.Н. 43
 Мусоргский М.П. 235
 Мякотин В.А. 233

 Надеждин Н.И. 46, 47, 50, 66—71, 74, 85, 87
 Надсон С.Я. 168, 249, 253
 Наполеон 14, 20, 23, 24, 48
 Наумов Н.И. 221
 Небольсин Г.П. 97
 Некрасов Н.А. 7, 81, 93—96, 101, 102, 105, 122, 124—126, 130, 131, 134, 136, 142, 143, 147, 151, 165—169, 174, 197, 200, 201, 226, 266
 Немирович-Данченко Вас.И. 240
 Нетов В. 206
 Нечаев С.Г. 206
 Никитенко А.В. 95, 100, 105
 Никитин И.С. 122
 Николай I 25, 26, 39, 76, 109, 125
 Николай II 272, 279
 Новиков Н.И. 11, 45, 69
 Нотович О.К. 255, 258, 259

 Обнорский В.П. 275
 Оболенский Л.Е. 223, 224
 Обручев Н.Н. 117
 Огарев Н.П. 7, 10, 66, 87, 94, 111—117, 164, 204, 211
 Одоевский В.Ф. 36, 40, 62, 63, 84
 Ожешко Э. 241
 Окрейц В.А. 267
 Онгирский В.Н. 196, 235
 Орлов А.А. 59, 60
 Орлов М.Ф. 37
 Осипович-Наводворский А.О. 168
 Остолопов Н.Ф. 16, 17
 Островский А.Н. 82, 123, 125, 136, 144, 167, 168
 Очкин А. 149

 Павел I 12, 13
 Павлов М.Г. 66
 Павлов Н.Ф. 97
 Пальмин Л.И. 241, 266

- Панаев И.И. 85, 87, 89, 94, 95, 97, 102, 105, 122, 126, 135, 152, 236
 Панаева А.Я. 97
 Пастухов Н.И. 255, 267
 Пейкер М.Г. 273
 Перевошиков Д.М. 85, 96
 Перовская С. 218
 Пестель П.И. 32, 37, 109
 Петефи Ш. 197
 Петр I 11
 Петрашевский М.В. 148
 Петров С.Г. (Скиталец) 282
 Петрункевич И.И. 243
 Пешехонов А.В. 233
 Писарев Д.И. 7, 136—140, 143—147, 167, 173, 188, 198, 201, 216
 Писемский А.Ф. 82, 122, 139
 Плетнев П.А. 32, 65, 79, 95
 Плеханов Г.В. 163, 172, 208, 214—216, 219, 221, 222, 224, 225, 239, 240, 243, 258, 273, 274, 277, 278, 280
 Плещеев А.Н. 118, 168, 240, 241, 252, 253, 257
 Плюшар А. 151
 Пнин И.П. 14, 16, 17
 Победоносцев К.П. 175, 259
 Погодин М.П. 57, 66, 67, 69, 70, 72—74, 76, 80—82
 Подолинский С.А. 210
 Покровский В.И. 171
 Полевой Н.А. 7, 35, 40—48, 51, 56, 58, 59, 66, 84, 88
 Полежаев А.И. 66
 Полонский Л.А. 235
 Полонский Я.П. 136
 Полторацкий С.Д. 42, 43
 Помяловский Н.Г. 119, 143, 149, 201, 266
 Попов С.П. 224
 Попова О. 224
 Попугаев В.В. 14—16
 Португалоу В.О. 188
 Посников А.С. 257
 Постников В.Е. 243
 Приклонский С.А. 196
 Протопопов М.А. 173, 174, 199, 221, 226, 240
 Прутков К. 122, 131
 Пушкин А.С. 8, 21, 23, 31, 33—35, 39, 42, 44, 46, 47, 49, 50—52, 54, 55—65, 68—71, 74, 79, 81, 85, 87, 88, 108—110, 124
 Пыпин А.Н. 142, 235
 Радишев Н.А. 11, 14, 15, 17, 25
 Ралли Э. 207
 Реклю Э. 137, 143, 188, 190
 Рембо А. 288
 Ремизов М.Н. 239
 Решетников Ф.М. 125, 143, 167, 168, 196, 199, 200, 266
 Решимов Ф. (см. Станюкович К.М.)
 Робеспьер 19
 Родбертус К. 172
 Рожалин Н.М. 57
 Розанов В.В. 8, 263, 280
 Розенгейм М.П. 130, 136
 Романовы 28, 141
 Ростопчин Ф.В. 22
 Русанов Н.С. 188, 190, 221, 222, 224
 Рыбаков Д.М. 221
 Рылеев К.Ф. 7, 27, 29—37, 48, 49, 62, 108, 109
 Сабашникова А.В. 251
 Сазонов П.Г. 281
 Савич Ю. 221
 Салтыков-Щедрин М.Е. 7, 8, 89, 118, 120, 125, 130, 131, 142, 143, 146, 147, 151, 162, 165—186, 197, 198, 199, 226, 234, 235, 238, 256, 263, 267, 281
 Самсон 23
 Санд Ж. 55, 79, 87, 96
 Сатин Н.М. 96
 Сведенцов-Иванович И.И. 232
 Свинын П.П. 79, 83
 Семевский М.И. 224, 240
 Сенкевич Г. 241
 Сенковский О.И. 39, 42, 48, 51—55, 62, 63, 65, 72, 73, 78, 80, 81, 84, 88, 121, 151, 184
 Серафимович А.С. 163, 280
 Серно-Соловьевич Н.А. 126, 134
 Сеченов И.М. 168
 Скабичевский А.М. 169, 173, 174, 221
 Скалон В.Ю. 240
 Скарятин В.Д. 188
 Скворцов Н.С. 256
 Славутинский С.Т. 131
 Слепцов В.А. 143, 168, 196
 Слонимский Л.З. 239
 Смирдин А.Ф. 52
 Смирнов В.Н. 210
 Сниткин И.М. 28, 30
 Соболевский М.В. 257
 Соколов Н.В. 137, 147
 Соколовский П.А. 226
 Соловьев Вл.С. 8, 235, 258, 280

- Соловьев Н.И. 197, 198
Соловьев С.М. 77
Сологуб В.А. 85, 87
Сологуб Ф.К. 226, 288
Сомов О.М. 28, 30—32, 57, 59
Станкевич Н.В. 40, 70
Станюкович К.М. (Решимов) 188, 190, 196, 198, 199, 227, 257
Старчевский А.В. 148, 256
Стасов В.В. 54, 55, 92, 235, 256
Стасюлевич М.М. 234, 235, 237
Степанов Н.А. 152, 154, 156
Степанов Н.С. 74
Степняк-Кравчинский С.М. 208, 214—216
Столетов А.Г. 241
Столыпин П.А. 263
Страхов Н.Н. 8, 120, 195, 196, 237
Струве П.Б. 224, 244, 258, 279, 280
Суворин А.С. 183, 226, 255, 262, 263, 268, 279, 281
Сумароков П.П. 21
Сытин И.Д. 279
- Татаринова Л.Е. 6
Теребнев И.И. 24
Терпигоров С.Н. (Атава) 155, 169, 221
Тимирязев К.А. 232, 241, 258
Тимофеев А.В. 53, 54, 55
Тихомиров Л.А. 190, 217
Ткачев П.Н. 143, 188, 190, 195, 197—199, 203, 204, 209—212, 223
Толстой А.К. 235
Толстой Л.Н. 118, 122, 125, 162, 196, 199, 226, 249, 250, 258, 270, 281
Толстой Ф.М. 188
Трефолов Л.Н. 222, 266
Трубников К.В. 148, 255, 259
Трепов Ф.Ф. 208
Трусов А.Д. 206
Туган-Барановский М.И. 279, 280
Туманский В.И. 87
Тур Е. 122, 123, 146
Тургенев И.С. 89, 96, 97, 101, 104, 115, 118, 124, 125, 129, 132, 139, 154, 196, 235
Тургенев Н. 31
Тютчев Ф.М. 63, 66, 122
Тьер А. 260
- Уваров С.С. 23, 40, 43, 47, 65, 70, 80
Ульянова А.И. 252
Успенский Г.И. 7, 143, 167—169, 172, 196, 200, 203, 211, 215, 221, 227, 240, 241, 244, 245, 252, 257, 266
Успенский Н.В. 126, 134
Утин Е.И. 235
Утин Н.И. 205
Ушаков В.А. 53, 55
- Федоров Б.М. 79
Федоров-Омулевский И.В. 188, 196, 197
Федосеев Н.Е. 224, 250, 251
Федосова И.А. 287
Фейербах Л. 89
Фет А.А. 87, 136, 325
Филарет 135
Фильтинг Г. 96
Фиркс Ф.И. (Шедо-Ферротти) 116, 141
Фирсов Н.Н. 169
Фонвизин Д.И. 11, 33, 62, 69
- Халтурин С.Н. 163, 274—276
Хан М.А. 189
Харитонов В.Г. 276, 278
Хвольсон О.Д. 236
Хвостов Д.И. 30
Хмельницкий А.И. 137
Хомяков А.С. 67, 74, 76, 82, 87, 119
- Чаадаев П.Я. 73, 74
Червинский П.П. 264
Чернышевский Н.Г. 7, 68, 70, 74, 78, 95, 111, 115, 121—124, 126, 127, 136, 138—143, 154, 160, 174, 175, 185, 193, 199, 205, 210, 215, 226, 240, 253, 257, 264—272
Чехов А.П. 156, 163, 224, 226, 240, 241, 244, 253, 257, 280
Чичерин Б.Н. 77, 113, 128, 171, 258
- Шассен Ш.Л. 169, 170
Шашков С.С. 188
Шевченко Т.Г. 116, 201
Шевырев С.П. 57, 67, 69, 70, 72—74, 76, 80—82, 92
Шедо-Ферротти (см. Фиркс Ф.И.) 116
Шекспир В. 75, 87, 96
Шелгунов Н.В. 126, 134, 136, 137, 142, 143, 146, 173, 188—190, 192—199, 203, 239, 240, 244—251, 263, 264
Шеллер-Михайлов А.К. 187, 188, 194, 196, 197, 199, 200
Шеллинг Ф. 91
Шиллер Ф. 75, 85, 111, 200
Шишков А.С. 21
Шпильгаген Ф. 197
Шульгин Н.И. 165, 187, 188, 191

Шапов А.П. 137, 149, 167, 169, 188, 190
Щепкин М.С. 116
Щербина Н.Ф. 122
Щиглев В.Р. 152

Эльсниц А.Л. 207
Энгельгардт А.Н. 168, 169
Энгельс Ф. 90, 91, 161, 172, 209—212,
214, 224, 225
Эртель А.И. 221, 235, 241, 257
Эсхил 142

Южаков С.Н. 168, 169, 224—226, 240,
243, 252, 253
Юзов-Каблиц И.И. 264
Юркевич П.Д. 121
Юрьев С.А. 239

Языков Н.М. 46, 57, 82
Якоби П.И. 188
Якубович П.Ф. 168
Якушкин П.И. 142
Ясинский И.И. 226

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- Амур 148
Арлекин 151
Артиллерийский журнал 22
Атней 40, 129
- Библиотека для чтения 52—55, 63, 71, 78, 84, 91, 102
Биржевые ведомости 148
Биржевая газета 245
Будильник 156, 252
- Весельчак 151
Весть 189
Вестник Европы (Карамзина) 18—22, 31, 35, 43, 46, 56, 63, 66, 70
Вестник Европы (Стасюлевича) 233—239
Вестник «Народной воли» 172
Вечерняя газета 148
Волга 148
Волгарь 287
Волжский вестник 254
Воронежский листок 148
Воронежский телеграф 254
Воскресный досуг 149
Вперед! (газ.) 210, 211
Вперед! (журн.) 208—210
Время 119, 120, 143
Всемирный труд 189
Всемирная иллюстрация 269
- Голос 133, 148, 165, 255, 256
Гражданин 261, 262
Губернские ведомости 40, 148
Гудок 155
- Дело 164, 165, 174, 187—199, 221, 222, 264
Детское чтение 18
Дневник 61
Дон 254
Дух журналов 31
- Европеец 40
- Жизнь 163, 280
Журнал для всех 278
Журнал землевладельцев 121, 127
Журнал Министерства внутренних дел 40
Журнал Министерства народного просвещения 40
Журнал полезных изобретений 22
Журнал российской словесности 16
- Заря 254
Звездочка 36
Земля и воля 214—216, 274
Зерно 219, 220, 274
Зритель 265
- Иртыш, превращающийся в Ипокренту 21
Искра (с.-д.) 280
Искра (сатир.) 151—155, 165
Искусство и художественная промышленность 278
- Казанские известия 22
Киевлянин 254
Киевский курьер 148
Киевский листок 254
Киевский телеграф 254
Колокол 10, 106, 111—117, 164, 204
Курьер 279
- Листок для всех 147
Листок «Свободного слова» 280
Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 74
Литературная газета 46, 51, 61
- Маяк 72, 80, 91
Мнемозина 36, 56
Мир божий 278, 279

- Мир искусства 278
 Мирское слово 149
 Молва (Надеждина) 66, 69, 70
 Молва (славянофил) 119
 Москвитянин 79—83, 91, 96
 Московские ведомости 18, 21, 148, 150, 189, 229, 259, 260
 Московский вестник 42, 46, 56, 57
 Московский журнал 18
 Московский листок 255, 258
 Московский Меркурий 21
 Московский наблюдатель 63, 71—75, 80
 Московский телеграф 35, 40—47, 56, 66
- Набат** 212
 Народная воля 215—217, 218
 Народная летопись 150
 Народная расправа 207
 Народное дело 204—206
 Наука и жизнь 278
 Научное обозрение 278
 Начало (газ.) 213, 214
 Начало (журн.) 163, 280
 Невский зритель 26—30
 Неделя 165, 200—203, 215, 247—249, 264, 287
 Нижегородская почта 287
 Нижегородский листок 282, 284, 286
 Новое время 183, 247, 259, 262, 263
 Новое обозрение 254
 Новое слово 163, 280
 Новости 227, 258, 259
 Новости и биржевая газета 258
- Обзор** 254
 Образование 278
 Община 208
 Одесский вестник 254
 Одесский листок 254
 Одесские новости 282, 284, 286
 Осколки 266, 267
 Отечественные записки (Краевского) 79, 83—95, 102, 135, 138
 Отечественные записки (Некрасова) 165—176, 178, 187, 190, 199, 203, 222, 225, 234, 239, 241, 245, 251, 264, 279
 Отечественные записки (Свинына) 79, 83
 Очерки 149
- Парус** 147
 Периодическое издание 15
 Петербургская газета 265
 Политический листок 23
- Полтавщина 281
 Полярная звезда (Герцена) 10, 106, 109—111
 Полярная звезда (декабристов) 32—34, 41, 56
 Правда 232
 Правительственный вестник 8
 Право 279
 Прогресс 280
 Промышленный листок 147
- Работник 207, 218, 274
 Рабочая газета 218—220, 274
 Рабочая заря 220, 274, 275
 Рабочий 220, 276—278
 Развлечение 151, 156
 Революционная Россия 280
 Россия 279, 281
 Русская беседа 119
 Русская мысль 227, 233, 239—244, 264, 269
 Русские ведомости 227, 228, 230, 256—259
 Русские записки 233
 Русский вестник (С. Глинки) 21, 22, 24, 91
 Русский вестник (Каткова) 118, 123, 135, 139, 189, 234
 Русский дневник 147
 Русский инвалид 23, 74
 Русский курьер 260
 Русский рабочий 273
 Русское богатство 163, 221—226, 229, 232, 281
 Русское слово (газ.) 279
 Русское слово (журн.) 120, 136—147, 154, 165, 187, 188, 196, 200, 201, 221, 244
- Самарский вестник 163
 Самарская газета 254, 282—284, 287
 Санкт-Петербургские ведомости 21, 148, 183, 251, 255, 256
 Свет и тени 265
 Свисток 130, 131, 151
 Свиток муз 15
 Северная почта 21
 Северная пчела 35, 43, 48—51, 58, 63, 71, 91, 93, 148
 Северный вестник (Мартынова) 17, 18
 Северный вестник (Сабашниковой) 227, 251—253, 259
 Семья 278
 Сибирский вестник 148
 Современник (Пушкина) 61—65, 79

Современник (Некрасова) 94—106, 112, 115, 120, 121—135, 142, 143, 146, 147, 160, 165, 167, 168, 174, 175, 187, 200, 201, 244, 266, 279

Соревнователь просвещения и благо-творения 27, 28, 30

Стрекоза 265

Сын Отечества (Греча) 22, 24, 30, 31, 48, 56, 58, 71, 80, 91

Сын Отечества (Старчевского) 148, 256

Таганрогский вестник 254

Телескоп 40, 46, 59, 62, 65—73, 86, 88

Телеграф 259

Тифлисский вестник 254

Финский вестник 79, 81

Харьков 254

Черниговский листок 148

Черный передел 219

Чтение в Беседе любителей русского слова 21, 22

Шахматный листок 136

Экономический журнал 22

Эпоха 120

Южный край 254

Юридический вестник 172

* * *

Journal du Nord 14

Revu Encyclopedique 47

Russland unter Alexander dem Ersten 14

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
----------------	---

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века

1. Журналистика начала XIX века	11
Журналистика Отечественной войны 1812 года	22
2. Журналистика декабристов	25
Альманах «Полярная звезда»	32
3. Журналистика во второй половине 20-х — в 30-х годах	39
«Московский телеграф»	40
Издания «триумвирата» (Греч, Булгарин, Сенковский)	48
Журналистская деятельность А.С. Пушкина	56
«Современник»	61
«Телескоп». «Московский наблюдатель». Начало журналистской деятельности В.Г. Белинского	65
4. Журналистика 40-х годов	76
Отечественные записки». Публицистика В.Г. Белинского	83
«Современник» в 1847—1848 гг. Завещание В.Г. Белинского	94
5. Журнально-издательская деятельность А.И. Герцена и Н.П. Огарева. «Полярная звезда», «Колокол»	106
6. Журналистика второй половины 50-х и начала 60-х годов	118
«Русский вестник», «Время», «Эпоха» и др.	118
«Современник» в годы революционного подъема. Публицистика Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова	121
Журнал «Русское слово». Публицистика Д.И. Писарева	136
Газеты 60-х годов	147
Сатирическая печать 60-х годов	150

ЖУРНАЛИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX века

7. Пореформенная журналистика. Демократические издания	159
«Отечественные записки»	165
Журнально-публицистическая деятельность М.Е. Салтыкова-Щедрина ...	175
Журнал «Дело»	187
Газета «Неделя»	200
8. Нелегальная революционная журналистика 70-х годов	204
9. Либеральные журналы	221
«Русское богатство». Публицистика В.Г. Короленко	221
«Вестник Европы»	233

«Русская мысль». Публицистика Н.В. Шелгунова	239
«Северный вестник»	251
10. Газеты 70—80-х годов	254
Журнально-публицистическая деятельность А.П. Чехова	264
Возникновение первых рабочих газет в России	272
11. Журналистика 90-х годов	278
12. Провинциальная печать. Начало публицистической деятельности М. Горь-	
кого	282
Источники и литература	289
Указатель имен	292
Указатель периодических изданий	299

Учебное издание

Есин Борис Иванович

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ XIX ВЕКА

Учебник

3-е издание, исправленное

Художники *В.А. Чернецов, Н.С. Шувалова*

Художественный редактор *Ю.М. Добрянская*

Технический редактор *З.С. Кондрашова*

Корректор *В.А. Ветров*

Компьютерная верстка *Ю.В. Одинцовой*

Художественное оформление серии выполнено

Издательством Московского университета

и издательством «Проспект»

по заказу Московского университета

Подписано в печать 19.02.2008. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 17,8. Тираж 3000 экз.
Заказ № 346. Изд. № 8489.

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета
125009, Москва ул. Б. Никитская, 5/7
Тел. 629-50-91. Факс: 203-66-71
939-33-23 (отдел реализации)
E-mail: kd_mgu@rambler.ru

В Издательстве МГУ
работает служба «КНИГА — ПОЧТОЙ».
Тел. 629-75-41

ООО «Печатные Традиции»
105120, г. Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 11, стр. 2.
Тел./факс 580-37-84
E-mail: ooo-pt@mail.ru

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1».
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.